

МИРЫ ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА



МИРЫ
СТРАХА

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН



WORLDS OF HARLAN ELLISON

Volume one

THE BEGINNING

THE WORLDS OF FEAR

THE WORLDS OF LOVE

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА

Том первый

НАЧАЛО

МИРЫ СТРАХА

МИРЫ ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»
Редактор издания В. Баканов*

*В оформлении издания использована работа
фотографа Chris Cufaro*

**Миры Харлана Эллисона. Т. 1 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1997. — 382 с.**

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя, автора и его агента.

Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена ни электронными, ни механическими, ни иными средствами, включая фотокопирование, видеозапись, помещение в сети Интернет или иной системе хранения и распределения информации, как существующей, так и еще не разработанной, иначе как с письменного разрешения автора или его агента, за исключением коротких отрывков, которые могут быть помещены обозревателем в обзоре или критической статье для печати в журнале или газете либо передачи по радио, телевидению либо в признанном электронном журнале.

За информацией обращаться к агенту автора: Richard Curtis Associates, Inc., 171 East 74th Street, New York, NY 10021, USA.

Все лица, места и организации, упомянутые в данном издании, кроме тех, чье существование является общезвестным, вымышлены, и любое их сходство с реально существующими либо существовавшими лицами, местами и организациями совершенно случайно.

Introductions to selected works by Harlan Ellison
Copyright © 1997 by The Kilimanjaro Corporation

Stories and essays in this volume are variously copyright
© 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1964, 1966,
1969, 1971, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977 by Harlan Ellison
Renewed copyright © 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1992,
1994, 1997 by Harlan Ellison and
Copyright © 1981 by The Kilimanjaro Corporation

Cover Art
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/Uptight Co., Ltd./
Artspace Co.

© Издательство «Полярис», составление, оформление,
название серии, 1997

ISBN 5-88132-291-6

С ДОБРЫМ УТРОМ, РОССИЯ! Я НЕ КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ

*Предисловие к единственному одобренному
автором русскому изданию избранных
произведений Харлана Эллисона*

Моя бабушка с материнской стороны родилась где-то в России, но, если мне и говорили, где именно, я позабыл это давным-давно. Не думаю, что хотел вспомнить, где родилась бабушка Сара, больше двух раз в жизни... но сейчас, видимо, третий, и причина тому очевидна. Это *первая* моя книга, публикуемая в России — собственно, в Латвии, но для российского читателя — и я очень хотел бы произвести хорошее впечатление.

В прошлом году некое российское издательство «Азбука» выпустило книгу моих рассказов под названием «Все звуки страха» (препаршивый перевод оригинального названия). Они не заплатили мне; они не осведомились, согласен ли я; они не удосужились спросить, нравится ли мне выбор рассказов

или личность переводчика; и свое безобразное поведение они требуют извинить, прячась за старой российской практикой воровать произведения иностранных авторов, подобно корсарам, отнимая у писателей и без того грошевые гонорары за переиздания и заявляя, что они имеют *право* публиковать все, изданное на языке оригинала до 1973 года. Может быть, в России это и законно, но весь цивилизованный мир считает, что это аморально, неэтично и достойно презрения. И больше того — переводы моих рассказов (как говорили мне российские друзья) воняют хуже протухшей селедки. Поэтому я согласился на предложение «Поляриса», а чтобы убедить вас не покупать азбуковского бастарда, который не имеет ко мне полностью абсолютно никакого отношения, я написал вступления ко многим рассказам в этом замечательном полярисовском издании, общим объемом 40 000 слов. Если же вы уже выбросили на ветер свои рубли, леи, копейки, латы, литы, тенге, манаты, карбованцы или кроны, я советую вам взять ту книгу, привязать к ней кирпич, или булыжник, или бетонный блок из плотины старой ГЭС... и запустить ею в окно конторы этих жалких уродов из «Азбуки».

Я хочу произвести на своих новых российских читателей *очень* хорошее впечатление.

Поэтому я и написал это предисловие — специально для вас — и новые вступления и эссе к рассказам — для вашего вящего удовольствия. А еще — чтобы «Азбука» заработала хоть немного той дурной кармы, которую заслужила, обворовав меня. Это была

плохая идея. Я обиделся. С некоторыми моими обидчиками я расплачиваюсь с 1958 года.

И, честно говоря, я никогда не любил бабушку Сару. Она всегда заставляла меня есть шейки, головки и лапки отварной курицы. Я ненавижу шейки, головки и лапки. Так что к черту бабушку; я, наверное, так и не узнаю, где она родилась.

Но к вашей стране я испытываю симпатию, несмотря на то что наши народы большую часть века облавливали друг друга, как бешеные псы. Может быть, с этим покончено — оно и к лучшему; начнем вести себя как взрослые, разумные люди.

Кроме того, я не могу не испытывать к вам симпатии, и вот почему: когда я был совсем мальчишкой и только-только научился читать, одной из первых книг, которую я запомнил отчетливо, был «Михаил Строгов» Жюль Верна — о царской России. И когда злодеи готовятся выжечь Михаилу глаза раскаленной саблей, то последнее, что он видит, — его мать-старушка, и, заметив, что она рыдает, Михаил плачет сам, и слезы спасают его глаза от жара, так что он остается зрячим... вот с той минуты я и полюбил благородный российский дух.

Так что вы понимаете, как бы мне ни хотелось пройтись раскаленной саблей по глазам азбуковских крыс, я двинулся в противоположном направлении и зашел достаточно далеко, чтобы написать немало дополнительного материала, дабы произвести хорошее первое впечатление.

Первые впечатления обманчивы и опасны — иногда смертельно. Впервые увидев Саддама Хуссейна, Джорджа Буша или Иосифа

Стилана, вы будете совершенно очарованы их классически дружелюбными лицами. Они *выглядят* как милейшие люди в мире. С такими парнями неплохо пообщаться, или выехать на пикник, или даже женить на них свою сестренку. У них пышные усы, ясные взгляды, правильные черты лица, они курят ароматный табак, элегантно одеваются, говорят спокойно и мудро, открыто улыбаются... весь набор отличительных признаков героя и хорошего парня в телевизионном варианте. Вот парень в черной шляпе, подкручивающий вислый ус, парень с прыщом на носу и глазками-бусинками... вот злодей, вот мерзавец. А симпатичный сладкоголосый блондин в белой шляпе... это, конечно, герой. Если так судить, даже если бы Дракула, чудовище доктора Франкенштейна, Хищник и гунн Аттила-Бич Божий были милейшими людьми, выкармливающими младенцев-сирот... они *выглядят* коварными, мерзкими и злобными, и отрешиться от первого впечатления мы не способны. Мы убежали бы с воплями, даже приди кто-то из них сообщить нам, что мы выиграли сорок миллионов в лотерее.

Первые впечатления, верные или нет, подсказывают нам, в кого влюбляться.

Первые впечатления, истинные или ложные, дают нам работу или вышвыривают на улицу, едва мы заходим в кабинет.

Первые впечатления, искаженные и безмерно субъективные, делают жизнь проще — или сложнее.

Очень важно сразу произвести хорошее впечатление. Поэтому-то большинство людей при первом знакомстве «делают хоро-

шую мину». Эта форма вранья, кажется, получила всеобщее распространение.

Мой редактор, благородный (и мудрый) Алексей Захаренков, который убедил благородное (и мудрое) издательство «Полярис» издать это довольно представительное собрание моих работ, чтобы познакомить с ними российского читателя, попросил меня — после бурного спора о моих гонорарах — написать это очаровательное предисловие специально для тех читателей, которые знакомятся со мной впервые. Я согласился, хотя считаю это занятие смертельно опасным и, может быть, даже обманчивым.

Естественно, как все нечестивцы, смутьяны и чудаки, я предпочитаю, чтобы за меня говорили мои рассказы. Но когда ты впервые приходишь к кому-то в гости (в данном случае в Россию), на тебя все поглядывают холодно и презрительно, проверяя, вытрешь ли ты башмаки, прежде чем ступить на ковер. Проверяют, питаешься ли ты как человек, а не как зверь лесной, и не ешь ли картофельное пюре руками. От тебя ждут расистских реплик, непристойных жестов и предательского моветона. Так что Алексей хотел, чтобы я вел себя прилично, сстроил хорошую мину и очаровал всех милых, добрых читателей, которые нетерпеливо вцепятся в этот сборник мытыми руками.

Но на мне лежит проклятие: я с огромным трудом могу вести себя пристойно и цивилизованно. Я отношусь к тем парням, которых (говорю это безо всякой гордости) в гости больше одного раза не приглашают. Если в мою пользу и можно сказать что-то, то лишь одно:

Писатели выдумывают мир заново по собственным чертежам. Каждый раз, когда литератор садится за стол и создает очередной опус, он превращается в профессионального лжеца. То, что мы рассказываем вам — не правда и не реальность, а лишь *видимость* реальности (если она описана особенно удачно), это не истина, это лишь правдоподобие, *иллюзия* истины. И это хорошо. Вы достаточно умны, чтобы понимать разницу между литературой: рассказом, притчей, мифом, шуткой и каплей выдумки... и реальным миром. Так что в моих писаниях мне позволено быть профессиональным лжецом, при условии, что я отображаю Реальный мир по возможности правдоподобно. Но в Реальном мире (и это говорит в мою пользу) я несу крест неспособности к вранью. То есть у меня не меньше ошибочных и ложных предубеждений, чем у любого из вас; я уверен, что память — которую поэт Олин Миллер назвал «сладкоречивейшим и самым убедительным» из лжецов — часто подводит меня; что мои собственные человеческие слабости и потребности заставляют говорить полуправду, которая ничем не лучше лжи; но в общем и целом я всегда говорю правду.

Не то чтобы я *не умел* лгать. В этом я дока! Стоя на кафедре, я убеждал тысячи человек в том, что я мудрец — а для этого, уверяю, нужно быть лжецом-профессионалом. И, как я сказал, мои рассказы — это структуризованные фантазии, которые технически можно назвать враньем. Должно быть, у меня получается неплохо, иначе вы не держали бы в руках здоровую пачку этих придумок на русском языке.

Но в быту, в обыденной жизни, я всегда говорю правду. Это стоит всех неприятностей. Как сказал Нобелевский лауреат Исаак Башевис Зингер, «Когда я был мальчишкой, меня называли вруном; теперь я вырос, и меня зовут писателем». А неприятностей много, потому что люди *говорят* тебе, что хотят слышать правду, а когда правда им не по вкусу, они страшно обижаются и выкальвают тебе глаза горящими зубочистками.

Не думаю, чтобы благородный Алексей и его издательство хотели, чтобы я оставил по себе такое впечатление.

Но я не умею врать. Я смутьян. Я ем картофельное пюре вилкой только потому, что не люблю картофельное пюре, а на вилку много не наберешь — я не гнушаюсь есть руками. Достоевский не только не пригласил бы меня на обед — он снял бы колпак двоечника* с князя Мышкина и напялил на меня. Если вы поняли, о чем я...

Так что я попытался в этом предисловии произвести на вас самое лучшее впечатление и показать, что я вовсе не такой злодей, пусть и не любил свою бабушку (в конце концов, головки! лапки!). Конечно, я бы с радостью уронил на офис «Азбуки» дохлого бронтозавра, но черт возьми, а *вы* бы не взъелись, если бы банда заезжих жуликов украла то, над чем вы так долго и упорно трудились, лишь ради того, чтобы заработать на этом пару рублей и жиреть, пока вы и ваши дети голодают? (Ну хорошо, у меня нет детей, но вы поняли, что я чувствую?)

* В американских школах неуспевающим ученикам в наказание одевают на голову бумажный колпак. (*Примеч. пер.*)

И я надеюсь, что вы счтете мои искренние слова не только извинением, но и «здравствуйте-рад-с-вами-познакомиться».

Так что давайте перейдем к делу. Не думаю, что стоит убеждать почтенного и доброжелательного российского (или латвийского, или туркменского, или литовского) читателя, будто я не таков, каким кажусь. Рассказы, которые я пишу, — особенные (хотя их называют научно-фантастическими, это *неправда*... просто никто еще не придумал другого названия... хотя я всегда предлагаю звать их просто «рассказами Харлана Эллисона»), и говорят они моим и только моим голосом. И сущим надувательством была бы попытка сделать «хорошую мину», чтобы представить меня милым, славным и общеприемлемым, как всемирно известный автор чудесных детских книг Корней Чуковский. Если российскому читателю понравится то, что я пишу, он (или она) захочет еще, и мой благородный (и мудрый) издатель, «Полярис», издаст другие мои книги (у меня их издано семь десятков по всему миру, кроме России, где меня публиковали только пираты, вроде спрутов из «Азбуки» — да страдают они мозолями во веки веков), и Алексею повысят зарплату и сделают вице-президентом компаний, «Полярис» разбогатеет, меня пригласят в Ригу или Москву произнести речь, вы все познакомитесь с моей очаровательной женой Сьюзен, и сможете посмотреть, как я беру напрокат базуку и вышибаю мозги из... да, вы поняли. *Бум!* «Азбуки».

Но главное — мы все будем счастливы, потому что никто никому не врет. А это, как мне кажется, хороший способ наладить для-

тельные добрые отношения между мной и вами.

И для этого, чтобы все вы знали, кто я, во что верю, за что готов умереть, кого презираю, как страдаю, над чем смеюсь и что вообще представляет из себя эта старая туша — вот книга рассказов, которые я писал на протяжении долгих лет.

Как говорят у нас в Америке, Господи... надеюсь, вам понравится.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Harlan Ellison".

Харлан Эллисон

Апрель 1997 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Харлан Эллисон БИОГРАФИЯ

«Вашингтон Пост» назвала его «одним из наиболее выдающихся среди ныне живущих американских мастеров рассказа»; «Лос-Анджелес Таймс» говорит: «Давно пора наградить Харлана Эллисона заслуженным титулом «Льюис Кэрролл XX века».

За сорок лет, что длится его карьера, он получил больше наград за 69 написанных или отредактированных им книг, а также более 1700 рассказов, эссе, журнальных и газетных статей, две дюжины телевизионных и дюжину киносценариев, чем любой из ныне живущих фантастов. Он удостоился восьми с половиной «Хьюго», трех «Небьюл», пяти премий имени Брэма Стокера, присуждаемых Американской Ассоциацией «Хоррор» (включая присужденную в 1996 году премию за вклад в развитие жанра), двух премий имени Э. А. По от Союза авторов детективов Америки, двух наград имени Джорджа Мелье за фантастический фильм и Серебряного Пера Журналистики от Международного

ПЕН-клуба (эту сверхпрестижную премию он получил за серию статей в защиту Первой поправки к Конституции под названием «Сдавленным голосом» в «Л. А. Уикли»). Написав всего лишь 29 еженедельных статей, Эллисон при голосовании далеко обошел кандидатов из «Л. А. Таймс», «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». В 1995-м ему была вручена первая из почетных премий «Живая Легенда», присуждаемых советом критиков на Международной Конвенции Ужасов. Он единственный автор в Голливуде, четырежды удостоенный премии Союза писателей Америки за лучший сценарий года — последний раз за «Паладина Утерянного Часа» в 1987-м.

Он привлек внимание к искусству литературы таким недюжинным достижением, как написание рассказов, сидя в витрине книжного магазина (он проделывал это в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Бостоне, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Новом Орлеане и других городах); созданные таким образом рассказы бывали затем удостоены литературных наград. Чтобы набрать материал для первого своего романа о трудных подростках, он под чужим именем вступил в молодежную банду в одном из самых опасных районов Бруклина — Ред-Хуке. Он писал о маршах в защиту гражданских прав, мятежах, антивоенных демонстрациях и других проявлениях гражданского недовольства.

Две книги его эссе о телевидении, «Стеклянная титька» и «Еще одна стеклянная титька», разошлись многомиллионными тиражами и входят ныне в обязательную программу обучения специалистов по телевидению в более чем 200 американских университетах.

Эллисон путешествовал с такими рок-группами, как «Роллинг Стоунз», а его книга «Поцелуй паука» музыкальным критиком Гремом Маркусом была названа «...лучшим романом о рок-культуре за последние четверть века».

В 1980 году Эллисон возбудил и выиграл знаменитое дело о plagiatе, отсудив у ABC-TV и «Парамаунт» 337 000 долларов за присвоенный ими широко известный телесериал «Полицейский будущего».

Среди его наиболее известных работ, переведенных на 26 языков и продаваемых миллионами экземпляров, рассказы «Птица Смерти», «Странное вино», «На пути к забвению», «У меня нет рта, а я хочу кричать», «Паутина города», «Любовь — это ошибка в слове "секс"», «Страна чудес Эллисона», «Записки из чистилища», «Вся ложь моей жизни», «Разбейденъ», «Выслеживая кошмар». Престижной награды Милфорда за достижения в редакторской работе Эллисон был удостоен после блистательных антологий «Опасные видения» и «Медея: мир Харлана».

Последние его книги включают в себя: «Основы Эллисона» — более тысячи страниц невероятной ретроспективы тридцати пяти лет его карьеры; «Злые леденцы», получившие Мировую премию фэнтези как лучший сборник 1989 года и упомянутый в «Ежегоднике Американской Энциклопедии» как одна из выдающихся книг года; «Харлан Эллисон наблюдает», собрание рецензий на кинофильмы, написанных им за 20 лет; «Книга рогов Харлана Эллисона», «Фильмы Харлана Эллисона», «Острозубые сны», «Мефистофель

в ониксе», «Поля рассудка» (совместно с польским художником Яцеком Еркой), «Я, робот: иллюстрированный сценарий» (на основе цикла рассказов А. Азимова), сценарий «Город на краю вечности» и сборник «Оскольжение».

В мае 1996-го увидела свет в издательстве «Уайт Вулф» книга «Лезвием: абсолютный Эллисон» — первый том двадцатитомного собрания рассказов, повестей, эссе, сценариев и статей, составленный из двух частей: «Сдавленным голосом» и «Через край». Тексты собрания полностью переработаны, заново отредактированы и расширены. А в ноябре свет увидел второй том «Лезвием», куда вошли роман «Поцелуй паука» и сборник «Выслеживая кошмар». Третий том планируется к выпуску в мае 1997 года.

Эллисон работал творческим консультантом для возрожденной серии «Сумеречная зона» на CBS-TV до ноября 1985-го, когда он уволился в знак протesta против цензуры руководства, отменившего съемки серии о расизме по сценарию и под режиссурой Эллисона; это увольнение вызвало серьезное внимание прессы. Сейчас Эллисон уже третий сезон является творческим консультантом сверхпопулярной телесерии «Вавилон-5», начатой в январе 1994-го. Недавно он также адаптировал для телевидения свой рассказ «Лицо Элен Бурно».

Как член Гильдии киноактеров Эллисон озвучивал роли в таких телесериях, как «Пираты Темных вод», «Матушка Гусыня», «Фантом 2040» и «Вавилон-5» (в эпизоде «Церемонии света и тьмы» Эллисон озвучивал компьютер В-5).

Кроме того, голос Х. Эллисона можно слышать в роли безумного бога-компьютера АМ в недавно выпущенной на CD-ROM компьютерной игре «У меня нет рта, а я хочу кричать». Хотя у самого мистера Эллисона компьютера нет, он сумел потрясти мир электронных развлечений, создав и воплотив в жизнь этический игровой сценарий, описанный одним обозревателем как «Игра, требующая как ума, так и мудрости... она уникальна в мире компьютерных игр».

В 1990 году Международный ПЕН-клуб признал заслуги Харлана Эллисона в борьбе против цензуры и за свободу искусства.

Писатель живет со своей женой Сьюзен в «Затерянном ацтекском храме Марса» в Лос-Анджелесе.

Написанный в 1992 году рассказ Х. Эллисона «Человек, вытащивший на берег Христофора Колумба» был избран из более чем 6000 рассказов для включения в ежегодный сборник «Лучшие американские рассказы года» в 1993-м.

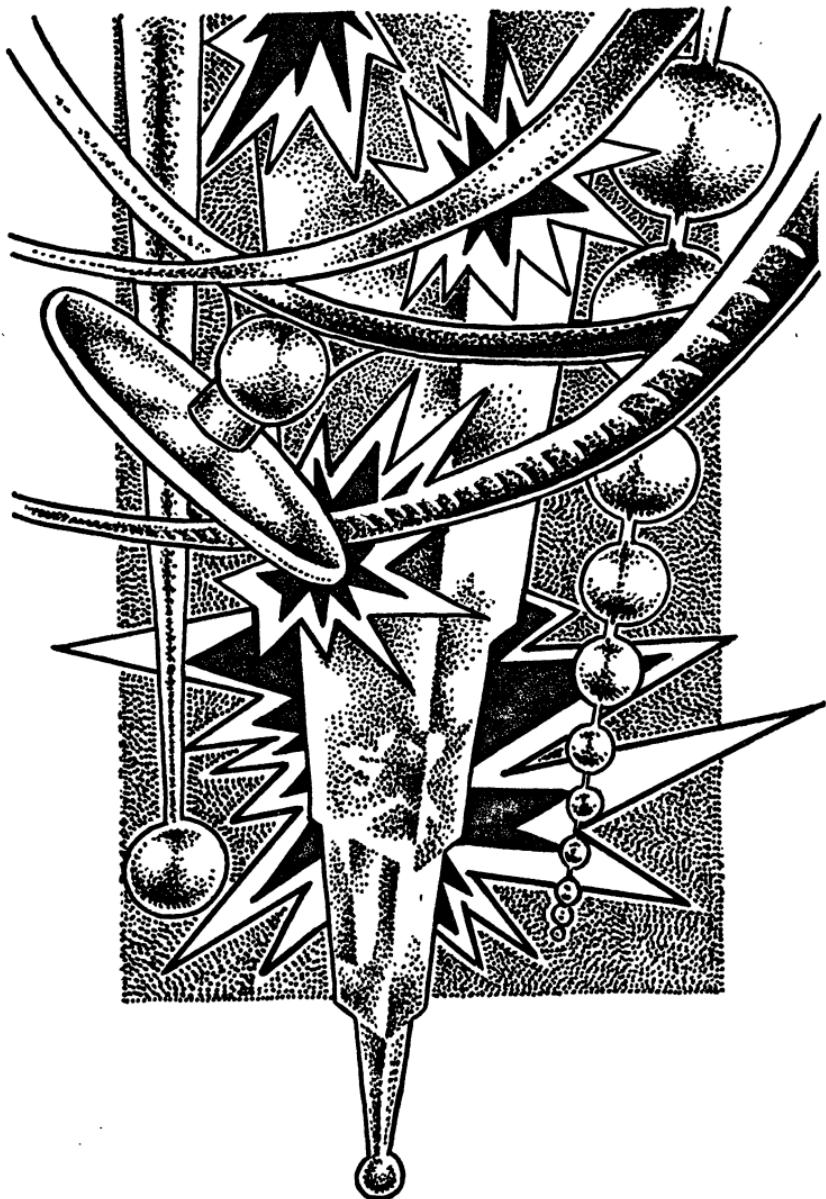
И после трех лет подготовки, в январе 1995-го увидел свет в издательстве «Дарк Хорс» собственный ежемесячный комикс писателя — «Коридор снов Харлана Эллисона». За первый год издания этот иллюстрированный журнал собрал такое количество хвалебных рецензий, что в августе 1996 года был переведен на книжный формат как «Ежеквартальный Коридор снов Харлана Эллисона».

«Болтая с Анубисом» — короткий рассказ, написанный специально для 4-го номера «Коридора снов» — был удостоен вначале награды «Детрилм» за лучший рассказ 1995 года,

а затем, в июне — присуждаемой Американской Ассоциацией «Хоррор» премии имени Брэма Стокера за лучший рассказ ужасов. Вместе с этой премией Харлану Эллисону была вручена и награда за выдающийся вклад в развитие жанра.

Как сказал Том Снайдер в телешоу NBC: «Это выдающийся талант... встреча с ним — незабываемое впечатление».

HATAO



СВЕТЛЯЧОК

Я написал этот рассказ в апреле 1955 года на кухонном столе в квартирке Лестера и Эвелин дель Рееев в городе Ред Бэнк, штат Нью-Джерси. Из множества рассказов, которые я написал начиная с десятилетнего возраста, он оказался первым действительно проданным. За каждое из его трех тысяч слов я получил чуть меньше полутора центов: сорок долларов. То был мой первый профессионально проданный рассказ, а был мне тогда двадцать один год.

В 1954 году в университете штата Огайо английский язык и литературу преподавал некий профессор Шедд. Он сказал мне, что у меня нет таланта, что я не умею писать, что я должен позабыть даже о попытке зарабатывать на жизнь писательским трудом, и что даже если я ухитрюсь, чисто за счет упрямства и настойчивости, кое-как зарабатывать писательством, то все равно никогда не напишу что-либо значимое, никогда не стану известным и обязательно утону в пыли забвения, заслуженно позабытый любителями и знатоками правильно сконструированных литературных текстов.

Я посоветовал ему оттрахать самого себя.

Меня вышвырнули из университета штата Огайо в январе 1955 года, и я вернулся домой в Кливленд собраться с мыслями и обдумать доступные мне варианты. Я ухлопал три месяца на подготовку и издание последнего, как оказалось, номера моего

НФ-фэнзина «Измерения», а затем сложил в чёмоданчик свои нехитрые пожитки и рванул в Нью-Йорк.

В пятидесятые годы Нью-Йорк был Меккой для писателей. Там ощущалась жизненная сила, эдакая неуклюжая диковатость, манившая писателей-новичков. Из Огайо туда перебрался Джеймс Тарбер, а за ним и Руфф Маккенни, Милтон Кэнифф, Эрл Уилсон и Герберт Голд. Потрясное это было мес-течко: истинный апофеоз Америки, мифическое гнездо, в котором появится на свет блестательный Эллисон, брызгающий талантом, удостоенный всех мыслимых наград и званий, обаятельный и красноречивый, готовый поднять из пыли знамя современной литературы, брошенное туда Фолкнером, Стейнбеком, Натаниэлем Внестом и Фордом Мэдоксом Фордом в погоне за следующим поколением и на пути к могиле.

Я приехал в Нью-Йорк, и мне негде было жить.

Лестер и Эвенин приютили меня на некоторое время. И на их кухне я написал «Светлячка». Мне потребовалось научное обоснование для столь невозможного сюжета. Лестер предложил использовать анаэробные бактерии — микроорганизмы, способные жить даже в отсутствие свободного кислорода. То был один из первых случаев, когда я превратился в нечто хотя бы отдаленно напоминающее «научно-фантастического» писателя. Я-то был фантастом, но пока этого не знал.

Рассказ я написал за два дня, а затем отправился в город и попытался его продать. Джон Кэмпбелл из «Astounding» (ныне «Analog») отверг его. Хорас Голд из «Galaxy» отверг его. Джеймс Куинн из «If» отверг его. Энтони Бучер из «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» отверг его. Полдюжины других редакторов менее известных НФ-журналов, процветавших в то время, тоже его отвергли. И я этот рассказ отложил.

Я перебрался жить на 23-ю улицу к Альгису Бадрису, успешному НФ-автору. Он недавно женился, и я превратился в тромб в кровеносном потоке

его семейной жизни. Тогда я переехал из центра и снял за десять долларов в неделю комнату в доме номер 611 на Западной 114-й улице напротив Колумбийского университета, в том самом старом здании, где жил Роберт Сильверберг. Он регулярно продавал свои рассказы, и я ему завидовал так, что словами не описать.

Я стал слоняться по Бруклину и связался с подростковой бандой. На некоторое время я как бы раздвоился и становился то Филом Белдоне по кличке Хмырь, то вновь Харланом Эллисоном. Десять недель спустя кто-то сказал мне, что журнальчик под названием «Lowdown» («Дно»), печатавший всяческого рода исповеди, может заинтересоваться рассказом о моей жизни в банде «Красный крюк». Я зашел поговорить к редактору «Дна», и он сказал: «Валяй, пиши». Я написал опус под названием «Я связался с подростковой бандой!», и журнал его купил. Двадцать пять долларов. Меня даже сфотографировали для публикации, и я решил, что это моя первая профессиональная продажа. Но ошибся.

Журнал вышел в августе 1955 года с заголовком на обложке: «Сегодня — молодая шпана! Завтра — что?» Ни одного моего слова в статье не осталось. Даже мою фотографию испоганили, потому что художественный редактор подрисовал мне на левой щеке шрам. Получалось, что я так и остался неопубликованным автором.

Ларри Шоу был в то время редактором нового журнала «Infinity», существовавшего под крыльышком издательства «Royal Publications». В этом НФ-журнале имелась рубрика «Фанфары», где перепечатывались статьи из фэнзинов, и Ларри обратился ко мне, потому что захотел перепечатать из моего фэнзина «Измерения» статью Дина Греннела. И спросил, не хочу ли я предложить ему свой рассказ. Я откопал рукопись «Светлячка» и послал ему.

Две недели спустя он позвонил (на уличной стена возле моей комнаты в доме на 114-й улице висел

телефон-автомат) и спросил, не желаю ли я с ним пообедать.

Я был жутко голоден.

Ларри повел меня в китайский ресторан и там, когда нам принесли яйца «фу-янь», сказал, что покупает «Светлячка». Сорок долларов. Он протянул мне чек. Я едва не шлепнулся в обморок.

Рассказ был опубликован в февральском номере «*Infinity*» в 1956 году, и этот номер поступил в продажу 27 декабря 1955 года — но к тому времени два или три моих рассказа уже вышли в детективных и НФ-журналах. И все же он стал моей первой профессиональной продажей. А 1955 год стал первым годом моей карьеры профессионального писателя — той самой профессии, для которой я, по словам доктора Шедда, совершенно непригоден. С этого года я никогда не занимался профессионально любой другой деятельностью.

Прошло сорок два года, за которые я написал шестьдесят девять книг, более тысячи семисот рассказов, колонок и журнальных статей, и попал в справочник «Кто есть кто в Америке».

Мне нравится думать о том, какой большой путь я прошел от «Светлячка», который ныне покойный замечательнейший критик Джеймс Блиш назвал «худшим из когда-либо опубликованных рассказов в жанре научной фантастики». Я не стыжусь «Светлячка» несмотря на его жуткий синтаксис и стиль старшекурсника. Разве можно стыдиться своего первенца?

И каждый свой рассказ я посыпал доктору Шедду в университет штата Огайо, хотя он не написал мне и строчки в ответ. Человек не имеет права посылать другого подальше, если не способен подтвердить свою правоту.

Снова увидев этот рассказ набранным для переиздания, я вспомнил декабрьский вечер 1955 года... теплые запахи китайского ресторана... застенчивую улыбку дорогого Ларри Шоу... его зажатую в зубах трубку с головой бульдога... и его протянутую ко мне руку с чеком на сорок долларов, изме-

*нившим всю мою жизнь с того дня до сегодняшнего.
У каждого из нас есть ангел-хранитель. Моего звали Ларри.*

Солнце померкло за изувеченным горизонтом; горы покореженных обломков, бесстыдно высившиеся у холмов, заслонили последние его лучи, а Селигман продолжал светиться.

Ровный, немигающий свет окутывал тело мертвенно-зеленоватой аурой, стекал с кончиков волос, проступал сквозь кожу, в кромешном ночном мраке освещал путь. Селигман твердо шагал сквозь тьму.

Сгущать краски было не в его характере, и все же в голове вертелась, а временами слетала с губ одна фраза: «Я — урод».

Этот зеленоватый свет был с ним уже два года. По крайней мере, он к нему привык. Во многих отношениях даже удобно. Попробуй-ка отыщи съестное без фонаря! Для Селигмана этой трудности не существовало.

Свет помогал ему в поисках — витрины разрушенных бомбеками лавочек и разгромленных магазинов с готовностью выставляли содержимое напоказ.

Даже найти корабль помог ему свет.

Пройдя весь континент в поисках выживших, вернувшись ни с чем, Селигман брел по предместью Ньюарка. Когда стихли последние бомбеки, ночи, казалось, стали длиннее. Будто некий бог, в ужасе и отчаянии взирая на Землю, решил скрыть ее от глаз.

От Ньюарка не осталось камня на камне, на горизонте грудой развалин высился Нью-Йорк.

Струящийся свет упал на рифленое бетонное покрытие. Космодром. Дальше, дальше — а вдруг уцелел вертолет или автомобиль, вдруг в баке осталось горючее, вдруг машина на ходу. Однако чуда не случилось, и Селигман уже отправился искать ведущую в Нью-Йорк автостраду, когда что-то вдали отразило его свет. Лишь мгновенный отблеск — но он заметил. Потом разглядел конусообразный корпус — темный силуэт возвышался на фоне еще более темного неба. Космический корабль.

Любопытство погнало Селигмана вперед. Каким образом корабль избежал катастрофы? Не удастся ли ему собрать из его деталей вертолет или какую-нибудь машину?

Даже вид выщербленной и покореженной взрывами земли не остыдил его энтузиазм. Он глаз не мог оторвать от корабля. Невольно закралась мысль: оказывается, он еще способен восторгаться.

Так, ясно: одна из последних моделей — крейсер класса «Смит» с оборудованной прозрачным куполом рубкой на коническом носу и мелкими уродливыми впадинами, за которыми скрывались выдвижные пушки Бергсила.

Кое-где на корпусе заметны следы ремонта — судя по зияющим прямоугольникам со снятой обшивкой, он шел, видно, полным ходом, когда начался штурм. Но — чудеса! — корабль был в исправности. Рабочие отсеки не повреждены, значит, баки с топливом для реактора целы. Корпус еще не потускнел, поблескивал, как фольга, поверхность не растрескалась, не обгорела. На первый взгляд корабль в отличном состоянии. Редкостная удача.

Охваченный чуть ли не благоговением, Селигман несколько раз обошел корабль кругом. Надо же — всего лишь механическая конструкция, а выдержала все, что в пылу сражений обрушили на нее два обезумевших народа, и вот по-прежнему гордо высится, устремленная к звездам, для покорения которых была создана.

За два года воспоминание о том, как он впервые увидел корабль, ничуть не потускнело. Беспечно пробираясь по развалинам, Селигман вспомнил, как заметил отблеск света, отраженный бериллиевой обшивкой крейсера.

Вдалеке, за безжизненными руинами, бывшими некогда пригородом Ньюарка, в отливающем сталью лунном свете виднелся корабль. За два года усердного чтения и безуспешной возни с тем немногим, что осталось от былых космических кораблей, он уразумел всю чудовищную невероятность происшедшего. Прочие корабли были абсолютно невосстановимы. Обломки разнесло на полмилю вокруг, они пробивали пластиковые

стены.. Только этот, единственный, горделиво возвышался над останками поверженных собратьев.

После находки прошли месяцы, и лишь тогда его осенило.

Почему он не додумался сразу? Вот не додумался. Когда пришла эта мысль?

Селигман замедлил торопливые шаги и попытался припомнить, как это было. Ну да, тогда он как раз вошел в компьютерный зал корабля. Впервые увидев корабль, он попробовал добыть какие-нибудь детали для вертолета, но у такой громадины и составные части были соответствующие, для небольшой машины ничего не подходило. И он бросил корабль. Что в нем проку?

Следующие недели, помнится, были особенно тягостными. Угнетала не просто пустота и бессмысленность единоличного владения миром: то, что мучило его эти недели, было за гранью сознания.

Потом вдруг обнаружилось, что его необъяснимо тянет к кораблю. По самодельной лесенке он поднялся в аппаратную и огляделся, как несколько недель назад. Ничего. Все тот же слой пыли, огромный прямоугольный иллюминатор исчерчен полосами дождя и грязи, на подлокотнике кресла пилота все так же, точно крошечная палатка, перевернут какой-то справочник.

И тут он заметил дверь в компьютерный зал. В прошлый раз проглядел: не терпелось добраться до машинного отделения. Дверь была приоткрыта, а от толчка бесшумно отворилась. Над перфоратором лежал человек, полуразложившийся палец все еще тянулся к кнопке табулятора. От чего он умер? Шок? Асфиксия? Нет, не может быть, выглядит совершенно нормально, лицо не посинело, не искажено.

Селигман осторожно наклонился — посмотреть, что выдала машина. Подтверждение маршрута.

БОРТ 7725, РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ОТПРАВЛЕНИЯ 0500 7/22 ЗЕМЛЯ, РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ 0930 11/5 ПРОКСИМА II.

К несчастью для оператора, время отправления безнадежно просрочено.

Прежде чем выйти из комнаты, Селигман заглянул в глаза мертвеца. Взгляд его казался совершенно безмятежным. От этого стало как-то не по себе. Почему он не волновался? Почему его не заботило, долетит ли корабль до Проксимы II? Достигнув ее впервые, люди восприняли это как чудо, как величайшее достижение человеческого разума. Неужели настолько пресытились, что такое событие стало рядовым?

Так он им напомнит, что это — событие.

В тот день он ушел с корабля, но ему суждено было вернуться. Селигман возвращался много, много раз. Вот и сейчас, испуская сияние, он пробирался по залитой лунным светом мертвей земле к летному полю, где ждал корабль. Теперь он знал, почему тогда, два года назад, вернулся. Это было ясно и, в каком-то смысле, неизбежно.

Если бы только он не стал таким... таким... Трудно подобрать слово.

Если бы только он так не изменился.

Хотя, пожалуй, не совсем так. Не осталось больше никого, некого было назвать «нормальным», не с кем сравнивать. Не осталось не только людей — вообще никаких форм жизни. Лишь пронизывающий ветер рыскал среди ржавеющих обломков прошлого, тревожа мертвое безмолвие.

— Урод! — проговорил Селигман.

И тут же мозг захлестнули, почти одновременно, две волны: и мстительность, и какая-то покорность, круто замешанные на жалости к себе, на безнадежности и ненависти.

— Это они виноваты! — вскричал он, дойдя до груды покореженных обломков кирпичной кладки.

Дорога была знакома — сколько по ней хожено! В голове вертелось другое.

В поисках пристанища, стремясь покинуть дом предков, люди достигли звезд. Те, для кого космос был желанней одной-единственной планеты, покинули ее, сгинули в неведомых мирах, переступив Предел, из-за которого не возвращаются. Путь Туда — это годы и годы. Возвращение немыслимо, само Время вынесло

вердикт: «Идите, если так нужно, но назад не оглядывайтесь».

И они ушли, оставив Землю безумцам. Покинули клубящуюся паром Венеру, оставили позади песчаные бури Марса, льды Плутона, выжженный солнцем Меркурий. На планетах Солнечной системы больше не было людей. Кроме Земли, конечно.

А они были слишком заняты бросанием друг в друга всякой гадости, чтобы думать о звездах.

Те, кто не умел по-другому, остались воевать. Это из них получаются аттилы, чингисханы, гитлеры. Это они нажимают кнопки и запускают ракеты, чтобы те гонялись друг за другом по небесам, сбивали друг друга на лету, взрывали, выжигали, покрывали воронками, перемалывали, корежили землю. Еще оставались маленькие люди, которым не хватило сил сопротивляться, как не хватило сил взглянуть в ночное небо.

Они и погубили Землю.

А теперь не осталось никого. Ни одного из людей. Только Селигман. И он светился.

— Это они виноваты! — снова крикнул он, и звук растаял в ночи.

Воспоминания несли его сквозь годы, назад, к последним дням того, чему суждено было стать Последней Войной, потому что после уже не осталось с кем сражаться. Снова он очутился в стерильно-белом кабинете, увидел исследовательское оборудование, стрелки приборов, что-то бормочущих ученых. Здесь работали над ним и его группой.

Они должны были стать последним средством. Неуязвимые люди: новая порода солдат, способных выжить в горниле бомбек, пройти сквозь радиоактивное чистилище, идти в атаку там, где обычные люди давно бы погибли.

Селигман шел по развалинам, фантастический отблеск ложился на исковерканный металл и пластик. На мгновение он остановился, глядя на разрушенную взрывом ограду; на одном проржавевшем гвозде болталась табличка:

КОСМОДРОМ НЬЮАРКА.
ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ.

Босыми ногами он ступал по металлическим осколкам, их зазубренные края скребли ступни, но не ранили кожу. Еще одно напоминание о стерильно-белых кабинетах и о жидкости странного цвета, которую ему вводили.

Двадцать три молодых добровольца, по всем статьям отвечающих требованиям военной поры... Их доставили в обособленно стоящий бункер в Солт-Лейк-Сити. Кубическое здание, без окон, с единственным входом, охраняемое день и ночь. По крайней мере, здесь они были в безопасности. Что за эксперименты шли за этими железобетонными стенами, не ведала ни одна живая душа — и даже те, над чьими телами эти эксперименты проводились.

Из-за тех экспериментов Селигман и оказался сейчас здесь, один. Из-за тех щурящих близорукие глаза человечков с иностранным акцентом, из-за надрезов на коже ягодиц и плеч, из-за бактериологов, эндокринологов, дерматологов, гематологов — из-за всех них он был здесь и сейчас, когда больше никого в живых уже не было.

Селигман потер лоб у корней волос. Почему он выжил? Неужели эта непостижимая метаморфоза, что произошла с его телом, позволила ему выстоять под бомбами? Сработало ли тут сочетание результатов экспериментов, что проводили на нем — и только на нем, ибо ни один из остальных двадцати двух не выжил, — и радиации? Да ладно, хватит, в который уж раз. Будь он ученым, специалистом по хворям человеческим, может, он и отважился бы задаться этим вопросом, но он был рядовым пехотинцем — где уж ему понять.

Теперь только одно имело значение — то, что, очнувшись, придавленный обломками здания в Солт-Лейк-Сити, он был жив, он видел. Да, видел, хоть слезы пеленой застилали свет — его собственный вымороочный зеленоватый свет.

Жизнь. Но в такие моменты, когда мерцающим пятном он двигался среди развеянных в прах останков земной цивилизации, трудно было сказать, не хуже ли она мучительной смерти.

Рассудок его не повредился, шок от сознания того, что он один, окончательно и бесповоротно один на всем

свете — ни голоса, ни лица, ни прикосновения, — пересилил шок, вызванный его превращением.

Он был жив. И на свой грубоватый манер находил в этом даже что-то анекдотичное. Шутка ли — Последний Человек На Земле! Нет, какие уж тут шутки.

Какие шутки — когда спустя месяцы после катастрофы на планету опускался пепел последнего пожара. Эти месяцы прошли в трудах: он обследовал окрестности, собирая то немногое, что осталось из пищи, пытался уберечься от радиации — хотя, как могла бы ему повредить радиация, он не представлял — и болезней, мчался на другой конец континента в поисках еще хоть одного человека, который разделил бы его муки.

Но, конечно, никого не нашел. Он был отрезан — как сухая рука от тела своей расы.

Ужасало не только одиночество, не только эта немеркнущая аура, из-за которой в мозгу неотступно стучало: «Урод!»; произошли с ним и другие, не менее пугающие изменения.

Это случилось в Филадельфии. Он сосредоточенно рылся в витрине разгромленного магазинчика. Тут и обнаружился еще один симптом перемен.

Зазубренный край стекла пропорол Селигману рубашку до самого тела — но он не пострадал. Разрез моментально побелел и тут же сгладился.

Селигман начал экспериментировать — сначала с опаской, потом — отбросив всякую осторожность, и выяснил, что либо радиация, либо воздействие препаратов, либо и то и другое в самом деле изменили его. К легким ранениям он стал невосприимчив: ему не наносили вреда слабые ожоги, тело его, будто из закаленной стали, невозможно было порезать, он не натирал мозолей; в некотором смысле он был теперь неуязвим.

Неуязвимый человек возник слишком поздно. Слишком поздно для близоруких коновалов, что корпели без устали над его телом. Наверно, даже и выживи они сейчас — вряд ли разобрались бы, в чем же дело. Скорее всего — просто случайное стеченье обстоятельств.

Но ему-то от этого не легче. Одиночество — могучий стимул. Снедает сильнее ненависти; взыскивает больше, чем материнская любовь; влечет дальше, чем

честолюбие. Одиночеству под силу привести человека к звездам.

Просто ли тоска бушевала в его светящейся груди, а может, захотелось свершений или всколыхнулись последние остатки того подсознательного чувства долга перед человечеством, что живет в каждой душе; или просто хотелось поговорить? Не углубляясь в самоанализ, Селигман решил так: «Хуже все равно уже не будет. Так почему бы и нет?»

Да и какая разница. Что бы им ни двигало, теперь, закончив поиски, он знал: надо найти людей, где бы среди звезд они ни обитали, надо им рассказать. Для своих внеземных собратьев он станет вестником смерти. Может, не так уж много слез они прольют, и все же он должен им рассказать.

Он пойдет за ними, он скажет им: «Ваших отцов нет в живых. Ваш дом разрушен. Они хотели взять верх в самой опасной из игр — и проиграли. Теперь Земля мертвa».

Он мрачно улыбнулся, подумав: «По крайней мере фонарь тащить с собой не придется; меня сразу увидят, по свету. Посвети нам, светлячок...»

Селигман прокладывал себе путь среди истерзанных взрывами развалин, корявых обломков металла — а когда-то это было величественное здание, сверкавшее стеклом, пластиком и сталью. Он знал, что совсем один, и все же обернулся и посмотрел через плечо — почудился чей-то взгляд. Такое уже случалось с ним не раз, и он знал, что это. Это Смерть распростерла над землей свои крыла, отбрасывая зловещую тень, сея вечное безмолвие. Лишь одинокий человек — единственный источник света — брел к кораблю, стоявшему на страже, точно ледяная колонна, среди выжженной взрывом земли.

Он вспомнил два года работы, затраченной на восстановление этого бериллиевого гиганта, и пальцы у него заломило. Сколько пришлось рыться в кучах хлама, отыскивая детали, оставшиеся от других кораблей, сколько он реквизировал с разбитых бомбами складов, без устали подгоняя самого себя, даже когда изнемогшее тело взвывало о милосердии. И вот корабль готов.

Селигман не был ни ученым, ни механиком. Но решительность, руководства по ракетным двигателям и чудо, благодаря которому сохранился единственный полуразобранный корабль с исправной ходовой частью, обеспечили ему средства для того, чтобы покинуть эту обитель смерти.

По внешней лесенке он поднялся к открытому проверочному люку. Это оказалось нетрудно даже без фонаря. Пальцы забегали, ощупывая сложную систему проводов, ведущих к узлам двигателя, проверяя и пере-роверяя, в меру его познаний, исправность и надежность механизмов — насколько можно было говорить о надежности того, что собрано его неопытными руками.

Теперь, когда все было готово и оставалось провести только эту стандартную проверку да запастись провизией на дорогу, выяснилось, что предстоящий путь пугает его даже больше, чем перспектива остаться в одиночестве до самой смерти — а когда она придет, при теперешней-то его жизнеспособности, он и понятия не имел.

Как примут *там* трансформированного человека? Не отшатнутся ли в инстинктивном страхе с недоверием и отвращением?

Или я выдумываю отговорки?

Вопрос всплыл в мозгу внезапно, сбив уверенный ритм проверки. Неужто он намеренно оттягивает день старта все дальше и дальше? И все эти проверки, другие проблемы — не более чем уловки? Мысли смешались, заболела голова.

Селигман с отвращением одернул себя. Проверки необходимы, в любом из справочников, разбросанных по полу машинного отделения, черным по белому написано.

Руки дрожали, но та же сила, что вела его все два года, заставила довести проверку до конца. Работу на корабле он закончил, лишь когда над ошметьями бывшего Нью-Йорка забрезжил рассвет.

Не останавливаясь — не время подгоняло его, подгоняли раздирающие сердце сомнения, — он спустился и принял грузить ящики с провизией. Они были

аккуратно выстроены у лифта, который приводился в движение вручную. Лифт починил тоже он. Эбонитовые контейнеры с концентратами и баллоны с жидкостями, добываясь с таким трудом, выглядели внушительно и даже как-то озадачивали.

«Главное — пища, — сказал он себе. — Если я доберусь туда, откуда вернуться будет уже невозможно, и тут кончится еда, шансы мои — нулевые. Придется подождать, пока удастся запастися побольше продуктов». Он прикинул — получалось, что понадобятся месяцы, а то и еще год, чтобы по разоренным магазинам, какие есть хоть на мало-мальски доступном расстоянии, собрать достаточно припасов.

Найти пропитание в городе, из которого он ящик за ящиком вывозил съестное на тележке к кораблю, становилось все труднее. Как-то он отметил, что вчера не ел.

Вчера?

Селигман был настолько занят последними приготовлениями, что о еде и забыл. Что ж, такое и раньше случалось, даже до катастрофы. С усилием перебирал он в памяти день за днем, пытаясь вспомнить, когда ел последний раз. И тогда все стало ясно. Правда обрушилась как снег на голову и начисто отмела все изобретенные им предлоги для задержек. Он не ел три недели.

Конечно, Селигман это знал. Но знание это было похоронено так глубоко, что даже толком и не пугало. Он отмахивался от правды — ведь когда отпадет эта последняя, якобы непреодолимая, проблема, ничто, кроме собственной его несостоятельности, отлету препятствовать не будет.

Вот она, истина во всей красе. Эксперименты и радиация сделали его не просто устойчивым к мелким неприятностям. Он больше не нуждался в пище! Эта мысль поразила, а еще потрясло то, что он не распознал этого раньше.

Ему приходилось слышать об анаэробных бактериях и о дрожжевых грибках, способных получать энергию из других источников, без нормального окисления пищи. Условия, в которых жизнь обычных организмов невозможна, для них вполне приемлемы. Не исключена даже возможность прямого поглощения энергии. По

крайней мере, он не ощущал ни малейшего признака голода, даже после трех недель изнурительной работы натощак.

Возможно, надо взять с собой какое-то количество белков для восстановления тканей. Но что до груды ящиков со съестным, нагроможденных вокруг корабля, то в них не было надобности.

Теперь, поставленный перед фактом, что причина всех задержек — в страхе перед самим полетом и что больше ничто не мешает ему отправиться хоть сейчас, Селигман вновь почувствовал в себе былые силы. Теперь он был полон решимости поднять корабль в воздух и двинуться в путь.

Уже смеркалось, когда Селигман закончил наконец последние приготовления. На этот раз поводов для задержки он не искал. На то, чтобы подобрать и упаковать необходимые ему белки, потребовалось время. Но теперь он готов. На Земле его больше ничто не держит.

Прощальный взгляд вокруг. Особой сентиментальностью Селигман не отличался, но надо же быть готовым к тому, что кто-нибудь где-нибудь спросит: «А как она выглядела — под конец?»

Зря он все-таки это сделал. До сих пор Селигман ни разу по-настоящему не смотрел на свой стерильный мир — за все два года, пока готовился его оставить. Жизнь в мусорной куче входит в привычку, довольно скоро перестаешь замечать окружающее.

Он поднялся на корабль, тщательно задраил люк. Кресло готово, к упругому глубокому сиденью и спинке приложены ремни. Сел, опустил укрепленный на шарнирах экран пониже, к лицу. Затянул на груди верхний ремень, защелкнул тройной замок.

И вот, озаренный немеркнущим сверхъестественным ореолом, Селигман в полуосвещенной кабине корабля, которому он даже не удосужился придумать имя, тянутся к вмонтированной в ручку кресла кнопке зажигания.

Так вот какую картину унесет он с собой на небеса. Горькая эпитафия загубленному роду человеческому. Никаких предупредительных сигналов; кому теперь это нужно? Призракам? Земля мертвa. Ни былинки,

никакое, пусть самое крошечное, живое существо не закопошится в норке, пусто в затянутом пыльным саваном небе и даже, хоть он и не проверял, в глубине Каймановой впадины. Только безмолвие. Кладбищенское безмолвие.

Он нажал кнопку.

Корабль завибрировал, начал подниматься. Где величественность былых стартов? Ход неровный, двигатель чихал, отрывисто кашлял. Кабину сотрясала дрожь, дрожали и кресло, и пол, вибрация передавалась телу. Селигман понял: что-то неладно.

Сполохи пламени не такие яркие и ровные, как бывало, и все же корабль шел вверх, набирал скорость. Вот он поднялся выше в запыленное небо, и корпус засветился.

Перегрузка вдавила Селигмана в кресло, но слабее, чем он ожидал. Просто не вполне удобно, вовсе не мучительно. Ну да, конечно, ведь от предшественников он немного отличается.

Корабль продолжал проридаться сквозь земную атмосферу. Корпус стал оранжевым, потом вишневым, потом соломенно-желтым — охлаждающие установки сражались с яростно ревущим пламенем.

Снова и снова сверлила мысль — подъем не заладился. Что-то его ждет!..

Когда справа напряглась и выгнулась переборка, он уже знал, в чем дело. Этот корабль не был детищем искушенных в своем деле специалистов; при его постройке, при заваривании швов неоткуда было взять новейшее оборудование. Его создал один-единственный человек, полный решимости, но вооруженный лишь почерпнутыми из книг познаниями. И вот теперь дают о себе знать его невольные просчеты.

Корабль вышел из атмосферы, и Селигман с ужасом увидел, как трескаются и разлетаются вдребезги листья обшивки. С шумом унесся из кабины воздух; он попытался вскрикнуть, но звуков уже не было. Почувствовал, как пустота высасывает воздух из легких.

И потерял сознание.

Корабль миновал Луну, а Селигман все сидел, стянутый ремнями, обратив лицо к зияющим прорехам

среди разодранного металла, туда, где раньше была стена кабины.

Внезапно двигатель заглох. И, будто по сигналу, веки Селигмана шевельнулись, задрожали. Он открыл глаза.

Уставился на стену. Воскресающий мозг осваивал последнюю истину. Не осталось в нем больше ничего человеческого, ни малейшего следа. Чтобы жить, ему больше не нужен воздух.

Шея его сдавлена, живот намертво перетянут ремнем, кровь по всем законам давно должна была закипеть и сгустками забить горло. Утрачено последнее сходство с теми, кого он искал. Если до сих пор он был урод, то кто он теперь? Чудовище?

Вся эта сумятица разрешилась сама собой, когда корабль ринулся вперед, а он увидел без прикрас, кем он стал, и понял, как ему быть.

Теперь он не просто вестник. Он — светящийся символ заката земного человечества, символ зла, человечеством содеянного. Люди *оттуда* никогда не оценят его, не примут его, не сложат о нем величавых легенд. Но и отвергнуть его они не смогут. Он — вестник из могилы.

Они увидят его в кабине без воздуха, еще до того, как корабль его сядет. Они никогда не смогут жить рядом с ним, но выслушать его им придется, и поверить — тоже.

Селигман сидел в кресле пилота. В кабине ни пятнышка света, лишь жутковатое сияние — часть его существа. Он один, один навеки. Губы тронула мрачная улыбка.

Да, вот что двигало им все это время. Два года потратил он на то, чтобы вырваться — сбежать от смерти, от одиночества разрушенной Земли. Невозможно. Одного Селигмана достаточно.

Один? До сих пор он не знал, что это такое. Он еще убедится, что он один — один среди людей.

Во веки веков.

СПАСБЛОК

Карл Юнг сказал однажды: «На этой планете следует бояться только человека». Точнее не скажешь. Достаточно лишь посмотреть вокруг сквозь трещины в каменной стене современности, чтобы понять — мы создали для себя сумасшедший дом иррациональности и отчаяния. Безумия нашего мира вскрываются ежедневно, подобно фурункулам на пораженном болезнью теле цивилизации. Что это — надежда на пробуждение совести, или, что более вероятно, преломленная боль отрицания наших душ?

Отчуждение.

Ключевое слово, которым столь легко манипулируют как социологи, так и неумелые писатели. Объяснение расовой вражды, беспринципного насилия, безумия толпы, издевательства над нашей планетой. Человек ощущает себя отрезанным ломтем. Отвергнутым. Одиноким. Он отчужден.

Если позволите еще одну цитату, то слова Оскара Уайльда — классического исследователя отчуждения — дадут нам его описание: «Отвергать собственный опыт — значит останавливать собственное развитие. Отрицать собственный опыт значит вкладывать ложь в уста собственной жизни. Это есть не что иное, как отрицание души».

Одинокий против мира, современный человек обнаруживает, что боги покинули его, брат отрастил клыки, машина громыхает все ближе к его пяткам, страх — единственный любовник, стремя-

ищийся в его объятия, и он, не находя ответов, мечется, натыкаясь лишь на мрак.

Творческий интеллект борется с жалкой реальностью, давя с неослабевающей интенсивностью на содрогающуюся мембрану отчуждения, отделяющую его от свободы души. Художник пытается найти выход при помощи магии слов, движений и цвета. И все же окружающая его неумолимая инерция отчужденного общества находит в себе силы катиться дальше, крушить и давить. Похоже, свободен лишь разум безумца.

Пусть даже так, но художник настойчив. Он говорит о человеке, одинокий в ночи, одинокий против звезд, одинокий против будущего — где еще меньше звезд и большие темноты, чем даже сейчас. Он говорит о мирах за пределами нашего мира, о днях за пределами наших дней, о местах невозможных и трудно вообразимых, надеясь, что ветер подхватит его предупреждения и кто-нибудь их услышит.

Это рассказ, в котором тема отчуждения доминирует. Это ни в коем случае не рассказ о безнадежности, потому что на примере проклятых и потерянных мы отыскиваем надежду внутри себя. Отчужденные — возможно. Но все же не одинокие.

Правая рука роботу не видна. Терренс потихоньку подтянул ее к себе. От невыносимой боли в трех сломанных ребрах на миг широко раскрылись глаза. Тут он опомнился и снова смыжал веки. За роботом можно наблюдать и сквозь узкие щелочки.

Одно движение глаз — и я покойник.

Приглушенный неразборчивый рокот механизмов спас блока вернул его к действительности. Снова он не мог отвести взгляда от стены рядом с рабочей нишей робота — там висела аптечка.

Банально. Близок локоть, да не укусишь. Что здесь она, что на базе в Энтерсе — проку все равно никакого. Он чуть не хохотнул. Тихо! Позади — три дня кошмара, но если ржать в голос, только приблизишь

конец. Вот уж этого хотелось меньше всего. Но долго ли еще он продержится?

Терренс согнул пальцы правой руки — больше никакого движения позволить себе не мог. Лежал и молча проклинал инженера, который выпустил с конвейера этого робота. Политика, с ведома которого спасблоки оснащают таким никудышным оборудованием — им лишь бы огrestи комиссионные с правительственного контракта. Ремонтника — даже не потрудился как следует проверить механизм. Всех их; он проклинал их всех.

И они того заслуживали.

Он умирал.

Смерть начала подкрадываться к нему задолго до того, как он вошел в спасблок. Терренс начал умирать, как только ввязался в эту войну.

Он закрыл глаза, отключился от звуков. Журчание текущей по трубам охлаждающей жидкости, стрекот радиопередатчиков, без устали принимающих сообщения со всей Галактики, жужжение вращающейся над куполом антенны — все звуки постепенно угасли. Вокруг царилась тишина. За последние три дня к этому средству — уходу от реальности — он прибегал не раз. Либо так, либо замереть под неусыпным взглядом робота, и тогда в конце концов шевельнешься. А движение — это смерть. Так просто.

Он гнал прочь звуки спасблока. Слушал шепот внутри себя:

— Господи! Их, должно быть, миллионы! — зазвучал в наушниках голос Резника, командира эскадрильи.

— И как же они устроены? — вступил другой голос. Терренс взглянул на экран радара. Мерцающими точками отмечены кибенские корабли.

— Поди разбери, — отвечал Резник, — на вид точь-в-точь поганки — не поймешь, что за корабли. Только помните: вот эта часть, зонтиковидная, вся утыкана пушками, так что радиус поражения у них — дьявольский. Ладно, рты не разевайте, удачи вам, — и задайте им жару!

Точно стайка голубей против кибенской армады.

Из космической бездны донесся шум битвы. Игра воображения. Сюда, в эту могилу, звуки не проникают. И все же он ясно различил свист — бластер его космолета-разведчика испускает луч за лучом, пытаясь достать головной корабль кибенов.

Его космолет снайпер-класса был почти на острье смертоносной фаланги землян, клином врезавшейся в гущу вражеских кораблей, рассекая их беспорядочный строй. Вот тогда-то это и случилось.

Он ринулся в самое пекло — и тут под его выстрелом вспыхнул малиновым огнем левый бок мощного кибенского дредноута.

В следующее мгновение Терренс уже далеко оторвался от своей эскадрильи — она замедлила ход, чтобы не попасть под огонь кибена и получить возможность маневра. А он шел все тем же курсом, на той же скорости — лоб в лоб с кибеном, прямо под прицел торчащих веером пушек.

Первым выстрелом противника снесло орудийную вышку и радиоаппаратуру, пятнами выжгло хромированную обшивку кормовых отсеков. От второго удалось увернуться.

Радиосвязь прервана. Надо попробовать вернуться в Энтерс, на базу — если получится. А если нет — найти какой-нибудь планетоид, совершивший аварийную посадку, а подразделение запеленует его по радиомаяку спасблока.

Так он и сделал. Нашел на карте астероид под номером 1-3332-AM&S3-804.39#. Цифры эти не значили бы ровным счетом ничего, кроме трехмерных координат, не будь в конце маленького «#» — указателя, что где-то на астероиде есть спасблок.

Вот невезуха — выбыть из боя, оказаться в спасблоке. Но еще хуже, если топливо вытечет раньше, чем он доберется до места. Болтайся тогда в космосе, пока не наткнешься на искусственный спутник какой-нибудь малой звезды.

Корабль сел почти неощутимо — лишь пару раз подбросило, потом миль десять тащило по поверхности, разваливался на ходу хвостовой отсек... Но в конце

концов Терренс оказался всего в паре миль от притаившегося в скалах спасблока.

Две мили по пустынной, лишенной воздуха поверхности планетоида. Преодолев их высокими прыжками, он добрался до герметичного купола среди скал. Поскорее бы включить маяк, чтобы эскадрилья засекла его на обратном пути.

Протиснулся в декомпрессионную камеру; не снимая громоздкой перчатки, повернул выключатель и, услышав, как со свистом врывается в камерау воздух, наконец снял шлем.

Потом снянул перчатки, открыл внутреннюю дверь и вошел в спасблок.

«Благослови тебя Господь, спасблок», — подумал Терренс, отбрасывая прочь перчатки и шлем. Огляделся. Вот радиопередатчик — принимает сообщения, сортирует, передает дальше. Вот на стене аптечка, вот холодильник — наверняка всего хватает, если только успели пополнить запасы после предыдущего постояльца. Вот робот многоцелевого назначения, замер неподвижно в своей рабочей нише. У настенного хронометра разбито стекло. Да нет, вдребезги разнесен, если присмотреться внимательнее.

Благослови Господь тех, кто выдумал эти спасательные станции, кому пришло в голову разместить их тут и там — на такой вот непредвиденный случай.

Он сделал шаг.

В этот самый момент робот-слуга, что поддерживал здесь порядок в промежутках между постояльцами и выгружал с кораблей припасы, с лязгом покатился к Терренсу и, взмахнув стальной рукой, одним сокрушительным ударом швырнул его через всю комнату.

Резкий удар о стальную переборку, и все тело — спину, бок, руки, ноги — пронзила боль. Робот сломал ему три ребра. Мгновение Терренс лежал, не в силах двинуться. Оглушенный ударом, пару секунд он даже вздохнуть не мог — это его и спасло. Боль ненадолго обездвижила его — и за этот короткий промежуток времени робот, приглушенno лязгая шестерenkами, успел отступить в свою нишу.

Терренс попытался сесть — робот как-то странно загудел и двинулся с места. Терренс тут же замер. Робот вернулся в нишу.

Еще пара попыток развеяли все сомнения. Нет, он не ошибся: положение — хуже некуда.

В механизме робота что-то засбоило. То ли стерлась, то ли исказилась часть программы, управляющая его поведением, и теперь он готов крошить, сносить с лица земли все, что движется.

Разбитые часы на стене. Теперь ясно, что с ними случилось. Конечно! Двигались цифры на табло — и робот разнес хронометр напрочь. Сделал движение Терренс, и робот кинулся на него.

И кинется снова, если он снова шевельнется.

Если не считать еле заметного движения ресниц, Терренс не шевелился три дня.

Он попробовал было подползти к двери в декомпрессионную камеру, замирая, как только робот двигался с места, и давая ему вернуться в нишу, а потом снова двигаясь — чуть-чуть ближе. Но идея провалилась с первой же попытки. Слишком болели сломанные ребра. Невыносимая боль. И Терренс застыл в страшно неудобной позе, весь перекрученный, и в этой позе останется, пока не кончится кошмар — каков бы ни был исход.

Внезапно он снова собрался с мыслями. Прокрутил в памяти три прошедших дня. Вновь остро ощутил реальность происходящего.

До панели радиопередатчика — двенадцать футов. Двенадцать футов — и вот он, маяк, который привел бы к нему спасателей. Привел бы, пока он не умер от ран, от голода, пока обезумевший робот не забил его насмерть. Но преодолеть их — все равно что преодолеть двенадцать световых лет.

Что случилось с роботом? Времени на размышления — навалом. Робот реагирует на движение, но думать можно сколько угодно. Польза, правда, от этого невелика, но думать можно.

Компании, поставляющие оборудование для спас блоков, работают по правительенным контрактам. На каком-то этапе кто-то пустил в дело некачественную

сталь или упростил процесс производства какой-нибудь микросхемы — чтобы дешевле обходилось. На каком-то этапе кто-то не проверил как следует этого робота. На каком-то этапе кто-то совершил убийство.

Терренс снова приоткрыл глаза — чуть-чуть приоткрыл, самую малость. Еще немного — и робот заметит движение век. И конец.

Строго говоря, это даже не робот. Всего лишь дистанционно управляемый, собранный из стальных деталей работяга, неоценимый помощник: постель уберет, листы металла сложит, присмотрит за растущими в чашках Петри культурами, разгрузит космический корабль, коврики пропылесосит. Корпус отдаленно напоминает человеческое тело, только головы не хватает; по существу, это лишь механический призрак.

Настоящий же мозг — сложнейший лабиринт экранов, проводов и микросхем — за стеной. Разместить такие тонкие приборы в предназначенном для тяжелой работы устройстве было бы слишком опасно. Робот может упасть в шахту лифта во время разгрузки, или метеорит в него угодит, или потерпевший аварию космический корабль. Корпус-призрак оснащен сенсорами — это «глаза» и «уши» робота. Они передают информацию расположенному за стеной мозгу.

И вот в мозгу в какой-то из микросхем что-то там разладилось, сработалась какая-то извилина. И теперь робот сошел с ума. Не так, как сходит с ума человек. Машины приходят в негодность по-разному. Вариантов уйма. Но этот механизм спятил ровно настолько, сколько требуется, чтобы убить Терренса.

«Пусть даже я смог бы его чем-нибудь ударить — эту штуку так не остановишь. Или, скажем, бросить что-то, успеть, пока он сюда не добрался — только толку-то от этого? Мозг останется цел, значит, и механический призрак не выйдет из строя. Безнадежно».

Массивные ручищи робота притягивали взгляд. Будто воочию виделось: вот сжимаются механические пальцы, вот между ними проступает кровь — его кровь. Понятно, воображение разыгралось. И все же видение не отступало. Терренс сжал пальцы невидимой роботу руки.

За три дня он ослаб от голода, то и дело накатывала дурнота. Голова кружилась, саднило глаза. Весь в нечистотах — но это уже не мучило. В боку пульсировала боль; каждый вздох, точно взрыв, опалял легкие.

Слава Богу, он не успел снять скафандр! Хоть дышать можно — иначе робот давно бы кинулся, уловив движение грудной клетки. Да, выход только один — смерть. Он почти лишился рассудка.

Не раз за последний день — насколько возможно различить ночь и день без часов, без солнца — снаружи слышался рев приземляющихся кораблей. Потом до него дошло, что в эту обитель смерти звуки не проникают. Потом дошло, что этот гул — из радиопередатчиков, что он просачивается сюда, в спасблок, прямо из подпространства. Потом Терренс сообразил, что это невозможно. Потом пришел в себя и решил, что все произшедшее — лишь галлюцинации.

А потом проснулся окончательно и понял, что это — наяву. Он в западне, выхода нет. Не выкарабкаться. Смерть неминуема.

Никогда Терренс не был трусом. Но и героем тоже. Он — из тех, кто сражается, из тех, кого ведут в бой. Из тех, кого можно оторвать от дома, от семьи, швырнуть в пучину, имя которой — Космос, послать защищать то, что кто-то велел защищать. Но случаются в жизни моменты, когда люди, подобные Терренсу, начинают мыслить.

«Почему здесь? Почему так? Что я такого сделал, чтобы закончить свои дни на Богом забытом обломке камня, в загаженном скафандре? Не пасть с честью, как сказано в тех бумажках, там, дома, а сдохнуть от голода, от изнеможения, один на один со спятившим роботом? Почему я? Почему я? Почему я один?»

Ответа быть не могло. Терренс и не ждал ответа.

Никаких надежд — не в чем обмануться.

Проснувшись, он рефлекторно взглянул на часы. Увидев разбитый вдребезги циферблат, содрогнулся спросонья и безотчетно широко раскрыл глаза. Робот загудел, из корпуса вылетела искра. Терренс замер с раскрытыми глазами. Гудение смолкло. В глазах началась резь. Долго так таращиться он не сможет.

Глаза резало вовсю. Теперь они заслезились. Точно иголок натыкали! Слезы потекли по щекам.

Он быстро зажмурился. В ушах зашумело. Робот не издал ни звука.

Может, сломался? Потерял подвижность? Что, если рискнуть, поэкспериментировать?

Чуть соскользнув, он попробовал улечься поудобнее. Робот тут же двинулся вперед. Похолодев, Терренс мгновенно замер. Сбитый с толку робот остановился в каких-то десяти дюймах от вытянутой в сторону ноги человека, что-то прогудел — звук шел и из корпуса, и откуда-то из-за стены.

Стоп! Внимание!

Будь робот в исправности, его корпус почти не издавал бы звуков, не говоря уж о мозге — тот вообще работал бы бесшумно. Но он неисправен — потому-то и «думает» вслух.

Робот откатился назад, не отводя «глаз» от Терренса. Шаровидные выступы сенсоров на корпусе придавали коренастому, приземистому телу робота жутковатое сходство с каким-то мифическим чудовищем.

Жужжение стало громче, время от времени корпус искрил, и тогда ровный гул перемежался с резким «пффф». А вдруг короткое замыкание? Только пожара тут не хватало, тем более что гасить его некому — робот-слуга никуда не годится.

Где, за какой стеной находится мозг? Терренс вслушивался изо всех сил.

Так, вроде бы здесь. Или нет? За переборкой — либо у холодильника, либо за радиопередатчиком. Две эти точки отстояли друг от друга всего на несколько футов, но не исключено, что эта разница куда как важна.

Стальная переборка искажает звуки, да и корпус робота беспрерывно дребезжит — тут не сосредоточишься, поди догадайся, где же мозг — там или тут?

Глубокий вдох.

Чуть-чуть, на долю дюйма, сместились зазубренные концы сломанных ребер.

Терренс застонал.

Высокий вымученный звук тут же смолк, но долго еще отдавался в мозгу, бился, клокотал, точно гимн страданию. В уголке рта чуть дрогнул высунутый кончик языка. Робот покатился вперед. Терренс убрал язык, сомкнул губы, на самой высокой ноте оборвал беззвучный крик боли.

Робот вернулся в рабочую нишу.

О Господи! Эта боль! Что за боль, Господи Боже!

Тело покрылось испариной. Под скафандром, под джемпером, под рубашкой защекотали бисеринки пота. Невыносимый зуд сделал боль в сломанных ребрах еще мучительнее.

Он чесалась в скафандре — неуловимо, не меняя позы, незаметно для палача. Зуд не утихал. Чем больше пытался Терренс его ослабить, тем сильнее разъедал он кожу. Под мышками, в сгибах локтей, в обтянутых тесными — невыносимо тесными! — брюками бедрах. До сумасшествия, до одури. Нет, он не выдержит, начнет чесаться!

И он почти начал. Но замер, так и не двинувшись. Легче все равно не станет — он просто не успеет почувствовать облегчения, умрет раньше. «Вот умора! Боже всемогущий! Как смешили меня всякие недоумки, страдающие чесоткой, что вечно тряслись перед медкомиссией, вечно чесались и довольно похрюкивали. Господи, как я теперь им завидую! Что только не лезет в голову! Даже самому дико».

Зуд не прекращался. Терренс чуть поерзал. Стало еще хуже. Снова глубоко вздохнул.

Осколки ребер опять впились в легкие.

На этот раз, слава Богу, от боли он потерял сознание.

— Ну, Терренс, как вам кибены на первый взгляд?

Наморщив лоб, Эрни Терренс потер пальцем скулу. Потом взглянул на командира и пожал плечами:

— Просто фантастика.

— Почему фантастика? — спросил командир Фоли.

— В точности как мы. Если не считать, конечно, желтой кожи и пальцев-щупальцев. В остальном — человеческие существа.

Отключив видеошлем, командир достал из серебряного портсигара сигарету, предложил лейтенанту. Закурил. Зажмурив один глаз, пристально разглядывая кольца дыма, проговорил:

— И даже хуже. Посмотрели бы вы на их внутренности: будто их вытряхнули, перемешали как попало с органами других видов и кое-как запихали обратно — лишь бы втиснуть. Ближайшие лет двадцать нам предстоит ломать головы, разгадывая *raison d'être** их метаболизма.

Терренс хмыкнул, вертя между пальцами незажженную сигарету.

— Это по меньшей мере.

— Точно, — согласился командир. — А ближайшую тысячу лет будем разгадывать, как они мыслят, почему нападают на нас, как с ними поладить, что ими движет.

«Да, пожалуй, если только они позволят нам столько протянуть», — подумал Терренс.

— Почему мы воюем с кибенами? — спросил он. — Я имею в виду, в чем истинная причина?

— Потому что кибены стремятся уничтожить любого, в ком распознают человеческое существо.

— А что они против нас имеют?

— Какая разница? Может, им не нравится, что кожа у нас не желтая, может, не устраивает, что наши пальцы не такие гибкие и гладкие; может, им кажутся слишком шумными наши города. Множество разных «может быть». Но какая разница? О выживании задумываешься только тогда, когда надо выжить.

Терренс кивнул. Он понял. Понимал и кибен. Потому-то, усмехнувшись, он и включил бластер. Потому и шарахнул прямой наводкой, потому и вспыхнул вражеский корабль.

Он вильнул, чтобы не попасть под ответный огонь. Резкое изменение курса — и кресло заскользило, сохранив пилоту угол зрения. Закружила голова. На мгновение Терренс закрыл глаза.

А когда открыл, оказалось, что он уже у самой бездны, балансирует на краю, силясь удержаться, стиснув по-

* Суть (фр.).

белевшие губы. Отчаянным усилием протолкнул в легкие воздух. Длинные, гладкие пальцы — его пальцы — по-стальному ползгивая, тянулись туда, к переборке, где висела аптечка.

Робот неумолимо приближался. Заскрежетали, исторгая металлическую пыль, детали корпуса, невесть откуда повеяло ветерком — он подхватывал и уносил микроскопические частицы металла.

Ближе, ближе, вот огромные свинцовые ступни уже почти у его лица, и отползти больше некуда, и тут...

Вспышка! Ослепительное сияние — сколько звезд перевидал Терренс на своем веку, ярче света видеть не приходилось. Робот все еще шагал, оступаясь и спотыкаясь, но грудь его обратилась в огненный шар — мерцающий, палиящий, обжигающий.

И вот он зашипел, загудел и взорвался — миллионы стремительно летящих осколков расчертили лучами света готовую поглотить человека бездну. Только бы не сорваться! Терренс бешено замахал руками, и в последний момент — вот-вот упадет...

...проснулся!

Спасло подсознание. Даже в аду кошмара он оставался начеку. Не заметился, не застонал. Лежал молча, без движения.

Это он знал точно — ведь он жив.

Лишь прия в себя, судорожно вздрогнул — и монстр тут же двинулся из ниши. Тут Терренс окончательно проснулся, молча замер, привалившись к стене. Робот покатился обратно.

Выдох. Еще мгновение, чуть затрепещут ноздри, — и конец трехдневной — трехдневной? или дольше? сколько он спал? — конец этой пытке.

Есть хочется. Господи, как хочется есть!

Бок болел все сильнее, не переставая пульсировал, теперь даже легкий вздох причинял неизъяснимые муки. Все тело скособочено, неловко притиснуто к холодной стальной стене, заклепки буравят кожу. Скорей бы умереть!

Нет, умирать не хотелось. Захоти только — чего уж проще!

Вот бы отключить мозг робота. Невозможно. Вот бы из Фобоса с Деймосом брелок соорудить. Вот бы королеву красоты трахнуть. Вот бы из собственных кишок лассо сплести.

Мозг ведь надо не просто повредить — полностью разрушить, успеть, пока этот урод не добрался до Терренса и не нанес удар.

Междуним и мозгом — стальная перегородка, одна неудачная попытка — и шансов нет.

Интересно, куда он ударит сначала? Да что там, такой-то ручищей раз махнуть — и второй попытки уже не будет. Он так изранен — вздохнуть посильнее, и конец.

Может, удалось бы через шлюз прорваться в де-компрессионную камеру...

Бесполезно. Во-первых, робот настигнет его раньше, чем он на ноги поднимется. Во-вторых, предположим, случится чудо, он прорвется. Робот разнесет шлюзовой люк, выпустит из камеры воздух. В-третьих, предположим, чудо случится дважды, он успеет — и что это даст? Шлем и перчатки останутся в спасблоке, на планетоиде некуда деваться. Корабль разрушен, сигнала с него не дашь.

Все одно к одному.

Чем дольше Терренс думал, тем яснее становилось: больше ему ничего не светит.

Не светит...

Светит...

Свёт...

Свет?..

«О Господи, возможно ли? Неужто я нашел ответ?»

Простота решения изумила. Больше трех дней понадобилось, чтобы додуматься. Просто, как все великие. Он едва удержался, чтобы не вскочить от радости.

«Я не мыслитель, не гений, почему же меня осенило? Блистательно, ошеломляюще! Смог бы человек поглупее так же просто найти выход? А кто поумнее — смог бы?»

Вспомнился сон. Свет во сне. Не он нашел решение — нет, тут сработало подсознание. Спасение было, было все это время — руку протяни; только слиш-

ком близко — не разглядеть. Его собственный разум искал способ подсказать ему. И, к счастью, нашел.

В конце концов, какая разница, как он догадался? Бог — если только у него есть Бог — услышал. Терренс был вовсе не религиозен, но это чудо, пожалуй, заставит его уверовать. Дело еще не сделано, но выход есть — реальный выход.

И он начал спасать свою жизнь.

Медленно, мучительно медленно подтянул правую руку, ту, что не видна роботу, к ремню. Здесь, на ремне — набор принадлежностей, которые могут понадобиться космонавту в корабле в любую минуту. Гаечный ключ. Пачка таблеток, прогоняющих сон. Компас. Счетчик Гейгера. Фонарик.

Вот это чудо. Сияющее чудо.

Терренс прикоснулся к нему почти с благоговением, потом, задохнувшись от волнения, отстегнул — оставаясь для «глаз» робота по-прежнему неподвижным.

Держа фонарик в дюйме от тела, направил его вверх, спрятав за полусогнутой ногой.

Взгляни робот в его сторону — увидит лишь эту неподвижную ногу, заслоняющую осторожные движения. Для мучителя он — застывший, неодушевленный предмет.

«Так где же мозг? Если за радиопередатчиком — я покойник. Если рядом с холодильником — я спасен».

На случай полагаться нельзя. Эх, была не была!

Он поднял ногу.

Робот двинулся в наступление. Послышался отчетливый гул. Терренс опустил ногу.

За обшивкой над холодильником!

Робот остановился почти рядом с человеком. Все решали секунды. Погудел, поискрил и повернулся к нише.

Теперь он знал!

Он нажал кнопку. Луч вонзился в обшивку над холодильником. Он нажимал снова и снова, пятнышко света вспыхивало и гасло, вспыхивало и гасло на обшитой металлом стене спасблока.

Робот заискрился и выкатился из ниши. Взглянул на Терренса. Мгновенный поворот — и вот со скрежетом он приближается к холодильнику.

Сокрушительный громовой удар стального кулака обрушился на стену, где мигал и мигал светящийся кружок.

Еще удар, и еще. Снова и снова, пока не подалась, не растрескалась, не разверзлась стальная перегородка, и вот уже размолоты в пыль все эти катушки и платы, микросхемы и блоки памяти. И вот уже робот застыл с поднятой для удара рукой. Мертвый. Неподвижный. И мозг, и корпус.

И даже тогда Терренс не перестал нажимать кнопку фонарика. С остервенением нажимал снова, снова и снова.

Потом дошло: все позади.

Робот мертв. Он жив. Он спасется. Спасется — теперь нет сомнений. Теперь он мог плакать.

Сквозь мутную рябь проступили очертания выросшей до невероятных размеров аптечки. Лукаво подмигивали радиопередатчики.

«Благослови тебя Господь, спасблок», — теряя сознание, успел подумать Терренс.

ТОЛЬКО СТОЯЧИЕ МЕСТА

Барт Честер шел по Бродвею, когда невесть откуда материализовалось нечто фантастическое.

Это произошло, когда он терпеливо уговаривал свою спутницу:

— Клянусь Господом, Элоиза, если мы зайдем ко мне, то только на разочек, один-единственный, честно, а потом сразу же в театр.

Барт Честер сознавал, что в тот вечер поход в театр мог и не состояться, главным образом потому, что в тот вечер не было денег, но Элоиза об этом не знала. Она была славная девушка, и Барт не хотел разворачивать ее роскошью.

Он прикидывал, сколько потребуется, чтобы отвлечь мысли Элоизы от театра и настроить ее на более приземленный лад, когда раздался вой. Будто тысячи генераторов взывали на пределе своей мощности, звук перевалился через каменные стены Таймс-сквер, подавил шум Бродвея, заставил людей поднять глаза и закрутить головами.

Барт Честер оказался одним из первых, кому довелось увидеть, как оно пришло в мир. Воздух порозовел и завибрировал, словно разогретый невидимой молнией. Затем воздух потек как вода. Было ли это обманом зрения или нет, но воздух потек как вода.

Лукавый блеск погас в глазах Барта Честера, и «разочка» с Элоизой так и не получилось. Он отвернулся от чарующей прелести девушки, неведомым образом почувствовав, что в том, что сейчас случится,

найдется место и ему. Должно быть, подобное чувствовали и другие — движение на тротуарах остановилось, люди таращились в вечернюю темноту.

Пришествие свершилось быстро. Из дрожащего воздуха, как призрак из тумана, начала вырисовываться форма. Длинная, цилиндрическая, ослепительная, с прутами. Прямо над Таймс-сквер.

Барт отскочил на три шага, стараясь получше разглядеть сияющие неоновым блеском причудливые очертания. Вокруг него толкались люди, и вскоре образовалась небольшая толпа, словно Барт послужил катализатором неведомой химической реакции.

Штуковина (за годы, проведенные в шоу-бизнесе, Барт Честер научился мгновенно давать точные определения) висела на невидимых тросах, словно чего-то ожидая. Возвышалась на добрых десять футов над самым высоким зданием Бродвея, а длина ее превышала девятьсот футов. Она зависла над островком безопасности, разделяющим Бродвей и Седьмую авеню. Гладкий цилиндрообразный корпус переливался миллионами огоньков. Прямо на глазах в цельном с виду корпусе образовалось круглое отверстие, из которого возникла плоская тарелка. В ней было множество дырок, и из них, спустя мгновение, показались тысячи трубочек. Они принялись энергично всасывать воздух.

На детскую доверчивость наложились газетные статьи последних лет, и Честер вдруг понял, что не ошибся в первоначальном предположении: они действительно берут атмосферные пробы! Пытаются определить, можно ли здесь жить!

Едва он успел осмыслить увиденное, как его потрясла следующая мысль: значит, это — космический корабль! Корабль... с другой планеты! Другой планеты?..

Прошло уже много месяцев с тех пор, как разорился цирк братьев Эмери, в котором Барту удавалось хоть что-то заработать. Прошло много месяцев с тех пор, как Барт последний раз заплатил за квартиру, и почти столько же с того времени, как он ел три раза в течение двадцати четырех часов. Барт отчаянно ждал перемен. Любых перемен!

Кровь бешено застучала в висках, с радостью при рожденного постановщика он подумал: «Господи, вот это будет аттракцион! Контракты. Воздушные шары с рекламой: «Сувениры из космоса!» Воздушная кукуруза, крекеры, бинокли, флаги! Еда! Хотдоги, яблочные пироги! Какая находка! Какая восхитительная находка! Надо только успеть первым», — добавил он, мысленно щелкнув пальцами.

Не замечая отчаянно жестикулирующего полицейского, не слыша воплей и гомона потрясенной толпы, наблюдающей за работой металлических трубок, Барт кинулся назад, локтями расталкивая зевак.

Донесся голос Элоизы, пытавшейся докричаться до него в общем шуме.

— Прости, крошка, — крикнул он через плечо, всасывая локоть в живот толстой тетки, — я слишком долго голодал, чтобы упустить такое славное дельце!.. Простите, мэм. Извини, брат. Разрешите! Мне надо пройти... Оп! Спасибо, приятель!

Он оказался у дверей аптеки. Задержавшись на мгновение, поправил галстук и пробормотал себе под нос:

— Ну давай давай давай! Теперь дожимай, Бари Честер! Тебя ждет миллион баксов! Да, сэр!

Порывшись в кармане в поисках мелочи, он заскочил в телефонную будку и позвонил миссис Чарльз Честер в Вилмингтон, штат Делавэр. Оплачивать разговор должна была она. Пошли гудки, потом мать подняла трубку:

— Алло?

Едва он успел произнести: «Привет, мам!», как вклинился оператор:

— Вы согласны платить за разговор, миссис Честер?

Она согласилась, и Барт радостно закричал:

— Алло, алло, как ты, мам?

— Барт, это ты? Вот здорово! Куда ты пропал? За столько времени лишь несколько открыток!

— Да, да, я знаю, мам, — перебил он ее, — ты не представляешь, как я закрутился в этом Нью-Йорке! Послушай, мам, мне нужны деньги.

— А... сколько, Барт? Я могу тебе дать...

— Нужно пару сотен, мам. Тут такое... у меня голова кругом идет! Мам, клянусь тебе бо... — он поймал себя на слове, — больше такого шанса не будет. Мне никогда так не были нужны бабки, мам! Я все тебе верну через несколько месяцев, слышишь, мам? Пожалуйста! Пожалуйста, ма! Я никогда ничего не просил зря!

Следующие две минуты миссис Чарльз Честер утомительно живописала, как пойдет в банк, где снимет последние оставшиеся на счету две сотни. Барт рассыпался в благодарностях, оператор еще пару раз вклинился с гнусными напоминаниями о том, что миссис Честер должна оплатить разговор.

Повесив трубку, Барт тут же набрал другой номер.

— Алло, Эрби? Это Барт. Слушай, я вышел на дело, по самым скромным... да послушай же, ради Бога, такого еще не было, это величайшая...

Через пять минут, плюс четыреста долларов:

— Сэнди, это ты, малышка? Кто я? А ты как думаешь? Барт! Барт Чес... эй, не вешай трубку! Это твой шанс поднять лимон, честный, законный лимон! Теперь слушай, что надо сделать. Я у тебя занимаю...

Через пятнадцать минут, сделав шесть звонков и обеспечив себе четыре тысячи пятьсот двадцать долларов, Барт Честер выскочил из аптеки — как раз тогда, когда тарелка со щупальцами втянулась в корабль и обшивка сомкнулась.

Элоиза, конечно, ушла. Но Барт этого даже не заметил.

Толпа уже заполнила улицу, хотя никто не рисковал стоять непосредственно под неведомой конструкцией; автомобильное движение полностью прекратилось. Водители забрались на капоты, чтобы лучше видеть происходящее.

Невесть как к кораблю подобрались пять пожарных грузовиков. Пожарные в резиновых плащах покусывали губы и нерешительно покачивали головами.

«Надо пробиться, пока дело не застолбили другие!»

Пока Барт проталкивался через толпу, вокруг корабля начал формироваться полицейский кордон. На

пути Честера оказался здоровенный, как бык, полисмен в очках, рядом с ним в оцеплении стоял тощий испуганный парень в форме.

— Эй, приятель, туда нельзя. Мы выводим людей из зоны, — проворчал толстый через плечо.

— Извините, офицер, мне очень надо пройти.

Толстяк отрицательно покачал головой, и Честер взорвался:

— Послушайте, я — Барт Честер. Помните, «Звездная кавалькада», 1954 год, цирк братьев Эмери? Это моя постановка. Мне срочно надо пройти!

Его слова не произвели впечатления.

— Послушайте, вы должны... Эй, инспектор! Инспектор! — Барт отчаянно замахал руками, и невысокий человек в сером пальто остановился возле патрульной машины. — Видите, я друг инспектора Кессельмана. Инспектор, — произнес он умоляюще, — мне надо пройти. Это действительно важно. Это может означать невиданный успех.

Кессельман начал отрицательно качать головой, потом прищурился, задумчиво посмотрел на Честера, вспомнил бесплатные билеты на бои и неохотно кивнул:

— Ладно, проходи, только никуда не лезь.

Честер нырнул под руками полицейских и зашагал за маленьким инспектором под тень огромной сигары.

— Как бизнес, Честер? — поинтересовался инспектор.

Голова Барта стала легкой, отделилась от плеч и поплыла. Проблемный вопрос.

— Паршиво, — ответил он.

— Заходи как-нибудь пообедать, — проворчал инспектор, хотя по тону чувствовалось, что от этого предложения следует воздержаться.

— Спасибо, — сказал Барт, осторожно ступая по краю гигантской тени. — Это что, космический корабль? — добавил он почти детским тоном.

Кессельман строго посмотрел на него:

— С чего ты взял?

— Начитался комиксов, — Честер пожал плечами и криво улыбнулся.

— Совсем спятил, — Кессельман покачал головой и отвернулся.

Через два часа, когда последний пожарный спустился с лестницы, пожал плечами и объявил, что ацетиленовые горелки даже не разогревают металл обшивки, Кессельман снова посмотрел на Честера и раздраженно повторил:

— Совсем спятил.

Спустя час, когда выяснилось, что пулеметные пули не оставляют на поверхности даже царапин, он уже не выглядел столь уверенным, хотя упорно отказывался пригласить предложенных Честером ученых.

— Черт побери, Честер, этим делом занимаюсь я, а не ты, так что лучше помалкивай, иначе я прикажу вышвырнуть тебя за кордон. — Он выразительно кивнул в сторону толпы, собравшейся перед сцепившимися руками полицейскими. Барт повиновался, уверенный, что рано или поздно получится так, как он хочет.

«Рано или поздно» настало через час и пятьдесят минут, когда Кессельман беспомощно развел руками и сказал:

— Ладно, давай своих экспертов, только быстро, эта штуковина может опуститься в любую минуту. А если, — добавил он, глядя на торжествующего Честера, — если там чудовища, они нас сожрут.

Это был космический корабль. Во всяком случае, штуковина прилетела из другого мира.

Прибывшие эксперты посовещались с умным видом, самый отчаянный поднялся по лестнице и попытался исследовать обшивку одному ему известным способом, после чего специалисты пришли к заключению.

— Мы считаем, — заявил ученый с украшенной тремя волосками лысиной, — что это средство передвижения — для журналистов я достаточно понятно выражаясь? — прибыло к нам из внеземных просторов. Является ли оно космическим кораблем или, что более

соответствует обстоятельствам его появления, проникающим через пространство механизмом, пока не ясно.

Эксперты согласно закивали.

— Но, — заключил ученый, изобразив жестом умывание рук, — перед нами определенно предмет внеземного происхождения. Внеземного. — Он по слогам произнес последнее слово, и журналисты с воем кинулись к телефонам.

Честер схватил Кессельмана за руку.

— Послушайте, инспектор, кто, скажем так, имеет юрисдикцию на эту штуку? Я хочу сказать, кто обладает правом устраивать развлекательные программы и все такое?

Кессельман посмотрел на него как на сумасшедшего. Честер хотел добавить что-то еще, но слова его потонули в реве толпы. Он быстро поднял голову.

Обшивка космического корабля раскрывалась.

Толпа хлынула в боковые уложки, на лицах людей были написаны ужас и любопытство. В который раз ньюйоркцы разрывались между врожденной жаждой зрелиц и страхом перед неизвестным.

Не сводя глаз с корабля, Честер и кривоногий инспектор попятались короткими, опасливыми шажками. «Только не чудовища, только не чудовища, — заклинал Честер. — Иначе волшебную скатерть-самобранку затопчет армия!»

Корабль застыл. Его первоначальная позиция не изменилась ни на дюйм. Вместе с тем выдвинулась платформа. Она была настолько тонкой и прозрачной, что казалась почти невидимой. Опираясь на продольные ребра, выступившие из корпуса, платформа скользила над Таймс-сквер на высоте шестисот футов.

— Взять под прицел! — заревел Кессельман. — Снайперов на крыши! — Он указал на два небоскреба, между которыми завис корабль.

Честер зачарованно смотрел на остановившуюся платформу. Затем прозвучал сигнал. Он раздался в мозгу, громкий и в то же время беззвучный. Барт потряс головой и склонил ее набок, прислушиваясь;

полицейские и начавшие постепенно возвращаться прохожие делали то же самое.

— Это что? — пробормотал он.

Звук нарастал. Зародившись между ступней, он поднимался вверх, пронизывая все тело, до последнего волоска на голове. Звук подчинял и ошеломлял; взгляд Честера затуманился, в следующую секунду замелькали тени, и все потонуло в ослепительной вспышке. Потом зрение прояснилось, но Барт уже знал, что главное — впереди. Он понял, что звук исходил с корабля. Взглянув на платформу, он успел увидеть рождение полос.

Позже Барт так и не смог описать эти полосы, только одно не вызывало сомнений: картина была изумительная. Они висели в воздухе, переливаясь цветами, о существовании которых Честер и не подозревал. Казалось, полярное сияние играло во всех плоскостях, царил карнавал красок, где нашлось место всем оттенкам, существующим в промежутке между людскими красным и синим. Цветовая гамма была чужой и чарующей. Барт не мог оторвать глаз от дрожащих, зыбких линий.

Затем все изменилось. Линии потекли, как пролитые краски, образуя причудливые фигуры над платформой. Цвета погасли, осталось лишь темное пятно обшивки.

— Что все это значит? — едва выговорил Кессельман.

Прежде чем Барт успел ответить, появились пришельцы.

Какое-то время существа молча стояли. Внешне они все были разные, но Барт знал, что внутри они очень похожи, как если бы специально загrimировались. Он уже знал, и как кого зовут. Слева, в меховой фиолетовой шкуре, стоял Вессилио. Рядом, с глазами на стебельках, — Давальер. У остальных тоже были имена, и Честер знал их все. Несмотря на чужеродный вид, они не вызывали отвращения. Он знал, что, когда надо, Вессилио может быть суровым и несгибаемым. Он знал, что Давальер в глубине души очень мягкий и часто плачет в одиночестве. Он знал и многое другое. Он лично знал каждого из них.

Между тем пришельцы походили на самых настоящих чудовищ. Все выше сорока футов. Руки — когда они у них были — смотрелись довольно пропорционально. То же можно было сказать и о головах, ногах и туловищах; только обладали ими далеко не все. Одно существо напоминало улитку, другое — мерцающий шар, третье без конца меняло очертания, временами задерживаясь в неопределенной переходной форме.

Существа зашевелились. Тела их раскачивались. Казалось, они исполняют неведомый танец. Честер завороженно смотрел на причудливые перемещения пришельцев. Они были великолепны! Их движения, их настрой — все вызывало очарование. Более того, они рассказывали историю. Чрезвычайно интересную историю.

Очертания менялись, цвета смешивались. Пришельцы исполняли полные глубокого смысла движения. Они были настолько непривычными, настолько чужими, разными и вместе с тем неотразимыми, что Честер боялся отвести взгляд и пропустить хоть крупицу из того, что ему пытались передать.

Потом снова прозвучал беззвучный сигнал, цвета погасли, пришельцы исчезли, платформа ушла внутрь, и космический корабль превратился в неподвижную безликую громаду.

Честер только сейчас заметил, что дышит глубоко и часто. От них буквально... перехватывало дыхание!

Он взглянул на огромные часы на здании «Таймс». Три часа пронеслись как одна секунда. Рядом зачарованно прошептал инспектор:

— Боже милосердный, какое чудо! — Даже сейчас он ничего не понял.

Но Честер уже знал, зачем прилетел на Землю корабль с пришельцами. Он произнес негромко, почти торжественно:

— Это было Представление. Они — актеры!

Пришельцы действительно были великолепны. Нью-Йорку стало известно об этом чуть раньше, чем новость потрясла остальной мир. Толпы туристов хлынули в отели и магазины. Город кишел тысячами приезжих со

всех концов света, пожелавшими воочию наблюдать чудо Представления.

А оно было неизменно тем же самым. Каждый вечер, ровно в восемь часов, пришельцы выходили из корабля на платформу, служившую им сценой, и заканчивали в одиннадцать. В течение трех часов они перемещались и замирали, наполняя аудиторию священным ужасом, любовью и тревогой, как не удавалось это сделать никому ранее.

Театры Таймс-сквер вынуждены были прекратить спектакли. Закрылись многие кинотеатры, остальные работали только по утрам. Представление продолжалось.

Оно было сверхъестественным. Ни одного слова, ни одного понятного жеста — и тем не менее каждый, завороженно следящий за происходящим, находил в Представлении свой смысл и значение.

Происходило невероятное. Публика шла на одно и то же. Каждый раз Представление повторялось, но никто не уставал, и люди приходили по многу раз. Это было жутко, это было прекрасно. Представление вошло в сердце Нью-Йорка.

Спустя три недели от корабля пришельцев отзвали войска для подавления тюремного бунта в Миннесоте. Спустя пять недель Барт Честер заключил необходимые контракты, вложив в них все свои скучные средства, и стал молиться, чтобы дело не прогорело, как это вышло с цирком братьев Эмери. Он по-прежнему обходился без еды, жалуясь тем, кто соглашался его слушать:

— Это настоящий грабеж, но я вышел на дело, которое...

Спустя семь недель Барт Честер начал делать свой первый миллион.

Разумеется, никто не платил за просмотр Представления. С чего бы, если все видно с улицы? Между тем следовало учитывать особенности человеческой природы. Всегда найдутся люди, которые предпочтут топтанию на тротуаре золоченую ложу или балкон на небоскребе (застрахованные не менее как Ллойдом).

Всегда есть люди, считающие, что без воздушной кукурузы и шоколада искусство не искусство. Всегда найдутся люди, которым представление без программы кажется заурядным. Обо всем этом взял на себя заботу Барт Честер, чей животик уже начал выпячиваться под дорогим серым костюмом.

«Барт Честер представляет» — стояло на программах, а внизу просто — Представление. Пошли слухи, что Барт Честер — человек, чьи постановки нельзя пропускать, новый Сол Харок*.

В течение первых восьми месяцев он вернул деньги, вложенные в строительство смотровых площадок. Все приносило прибыль. Средства на производство сладостей и сувениров, взятые им под пятьдесят процентов, принесли фантастический доход.

Представление стало бесспорным хитом, побивающим все рекорды.

«Вэраити» писал о «невиданном успехе Плюшевого Ревю». «Таймс» не менее красноречиво замечал, что «...Юбилейное Представление на Таймс-сквер было столь же оригинальным и захватывающим, как и премьера. Даже откровенная коммерческая возня вокруг спектакля не смогла испортить впечатления от...»

Барт Честер подсчитывал чеки и улыбался; впервые в жизни он начал набирать вес.

Две тысячи двести восемьдесят девятое Представление было столь же блестящим и успешным, как первое, сотое или тысячное. Барт Честер откинулся в плюшевом кресле, не замечая стоящей рядом ослепительной девушки. Завтра она уйдет делать карьеру во второразрядном бродвейском шоу, но Представление никуда не денется, а значит, в карманы его будут течь деньги.

Вокруг, как бусины пота на груди гигантского животного, лепились к небоскребам «балконы Честера». Недорогие места располагались между Сорок пятой и

* Сол Харок (1888—1974) — выдающийся американский импресарио российского происхождения, менеджер таких знаменитостей, как Анна Павлова, Айседора Дункан, Федор Шаляпин.

Сорок шестой улицами, ближе к Таймс-сквер цены росли.

Большая часть сознания Барта замирала в священном ужасе и восторге от движений актеров; небольшой участок, как обычно, предавался размышлениям: «Рано или поздно эти ребята сдадутся, и тогда я построю балконы и на здании “Таймс”!.. Более шести лет, какой успех! Покруче, чем “Саус Пасифик”! Черт, если бы можно было брать деньги за просмотр!..»

Честер мысленно нахмурился, подумав об огромной толпе, внимающей Представлению бесплатно. Количество зрителей по сравнению с первыми днями не убывало. Люди не уставали от пьесы. Они снова и снова погружались в ее очарование, не замечая, как летит время. Представление неизменно околдовывало и услаждало.

«Они сказочные актеры. Вот только...»

Мысль оборвалась. Смутная мысль. Барт вдруг почувствовал странное раздражение. Никаких причин сомневаться в своей правоте у него не было.

Он сосредоточился на пьесе. Это было не сложно, ибо актеры обращались непосредственно к сознанию, причем к самым чистым и глубоким его пластам.

Неожиданно в ходе пьесы произошло изменение. Исполнив очередной причудливый менуэт, актеры вышли к краю платформы.

— В программе этого нет! — не веря своим глазам рявкнул Честер. Очарование пропало. Стоящая рядом прелестная девушка тронула его за рукав:

— Ты о чем, Барт?

Он раздраженно оттолкнул ее руку.

— Я сотни раз видел это шоу. Сейчас они должны собраться вокруг этой горбатой птицы, или что это там, и гладить ее. Чего они уставились?

Он был прав. Актеры взирали на зрителей, которые, почувствовав неладное, нервно зааплодировали. Пришельцы изучали аудиторию при помощи стебельков, ресничек, глаз. Они таращились на заполнивших балконы и улицы людей, словно увидели их впервые. Что-то было неладно. Честер первым почувствовал тревогу, поскольку находился здесь с самого начала. По-

том заволновались и остальные. Публика принялась расходиться.

Неожиданно высоким и нервным голосом Честер произнес:

— Что происходит? Что они творят?

Когда платформа медленно опустилась и один из актеров шагнул на землю, Честер начал догадываться. Затем его охватил животный ужас перед грядущей резней. Он зачарованно смотрел, как горбатое чудовище ростом в сорок футов — птица или еще кто — ковыляло через Таймс-сквер.

Шоу было великолепным, актеры оценили интерес и отзывчивость публики. Более шести лет они работали за аплодисменты. Вне всякого сомнения, это были настоящие артисты.

До сего дня они голодали ради искусства.

СОЛДАТ

Карло скрючился на дне своей укрепочки и, готовясь к уже близкому броску, еще плотнее закутался в плащ. Даже тройная подбивка плаща не защищала его от пронизывающего холода, царившего на поле боя, и, несмотря на то что один из слоев подбивки состоял из освинцованных материалов, Карло все равно ощущал легкую щекотку радиоактивности, уже принявшейся разъедать ткани его тела. По коже непрерывно бежала ледяная дрожь. Главный удар наносился южнее, и Карло оставалось лишь терпеливо ждать, прислушиваясь, не прозвучит ли телепатическая команда его старшего офицера.

Карло ощупал пальцами бортик укрепочки и заметил, что недостаточно укрепил его с помощью уплотнителя материи. Тогда он вытащил из сумки этот крошечный приборчик, производящий сжатие молекулярных промежутков, и внимательно осмотрел. Калибратор оказался сдвинутым на одно деление — теперь понятно, почему жидккая грязь укрепочки не затвердела так, как того требовала обстановка.

Ночной воздух вдруг вспороло оглушительное шипение восьмидесятильного боевого луча, и солдат сунул уплотнитель на место. Паутинный узор лучей скользнул по небу, нашаривая предположительное местонахождение оперативного центра, бросая по пути кроваво-красные отблески на гранитные черты лица Карло.

Soldier

© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод, 1997

Оперативный центр проследил направление много-жильного луча до его источника и ответил ослепляющими вспышками собственных батарей. Залп, затем второй, третий... Восьмидесятижильный луч снова вспыхнул, но уже гораздо слабее, чем раньше, а потом угас окончательно. Через мгновение эхо взрыва встряхнуло землю там, где находился Карло, с такой силой, что ливнем посыпались комки недостаточно уплотненной грязи и мелкие камни. Еще мгновение, и последовал град шрапнели.

Карло вжался в землю, беззвучно моля сохранить этот жалкий комочек жизни, затерявшейся во все-поглощающем разливе смерти. Он прекрасно знал, что его шансы на возвращение назад бесконечно малы... Да возвращались ли хоть трое из каждой тысячи? Так что иллюзии у Карло в этом вопросе начисто отсутствовали. Он был простым пехотинцем и понимал, что его жизнь в ходе седьмой мировой войны обречена на уничтожение.

И как будто взрыв установки восьмидесятижильного луча явился сигналом, во всю мочь заговорили орудия подразделения самого Карло. Яркие вспышки вспарывали черноту неба над головой, образуя сложнейшие хитросплетения нитей, возникавших и пропадавших, ежесекундно изменявшихся, проходивших всю гамму цветов солнечного спектра и образующих полосы таких оттенков, которые Карло затруднился бы даже определить словами. Карло сжался в несчастный комочек на дне заполненной вязкой жижей укрепочки. Ему оставалось только одно — ждать.

Карло был хорошим солдатом. Он отлично знал свои обязанности. Пока эти металлические и энергетические чудища злобно грызлись между собой, бедному одинокому пехотинцу делать было решительно нечего — он мог разве что умереть. Карло выжидал, зная, что его время еще придет... к сожалению, придет даже слишком быстро. Независимо от того, какими свирепыми, смертоносными и какими механизированными до полного автоматизма стали современные войны, конечный исход их все равно решался пехтурой. А как же

иначе? Ведь между собой продолжали драться все равно те же люди.

Мозг Карло вяло трепыхался где-то на грани полной отключки и обостренного бодрствования. Подобное состояние хорошо известно всем бойцам в тех случаях, когда ночь вокруг них до предела насыщена тяжелым громыханием мощных орудий.

Даже звезды — и те, казалось, куда-то попрятались.

Внезапно вырубились многожильные лучи, в мгновение ока погасли их цветные узоры, и на землю снова пала глухая тишина. Теперь Карло будто подменили — он был готов действовать. Наконец-то настал долгожданный момент. Сейчас мозг Карло был целиком настроен на поиск одного-единственного звука. Мозгу предстояло сформировать команду, в строгом соответствии с которой Карло будет действовать в дальнейшем. Эта команда формируется, конечно, отнюдь не под влиянием собственного волевого усилия солдата. Стратеги и психологии немало потрудились над этим делом: сигнал к ее появлению был запечатлен в мозгу каждого бойца. Он был как бы наложен на мозг, отпечатан на нем, погружен в его глубины. Команда постоянно присутствовала там, и стоило командиру полка послать свой телепатический приказ, как превращенный в марionетку Карло должен был выскоить из укрепочки и броситься в заранее определенном направлении.

Но когда приказ прозвучал, Карло к тому времени уже предвосхитил его, будто он за секунду до того, как возникло мозговое напряжение и слово «Вперед!» взорвалось в его мозгу, услышал сигнал и принял к сведению, что момент действия настал.

На какую-то секунду раньше, чем следовало, он вскочил на ноги и выпрыгнул из укрепочки, прижимая к груди свой брандельмайер, ощущая на животе, спине и бедрах привычную тяжесть патронташей и сумки. Именно из-за этого незначительного опережения команды и произошло то, что случилось в дальнейшем. Никакие другие случайные совпадения не смогли бы привести к подобному результату, но эти — могли и привели.

Когда первые залпы хорошо пристрелянных батарей противника встретились с комбинацией лучей столь же тщательно пристрелянного оружия солдат подразделения Карло, то они столкнулись в точке, где вообще-то ничего не должно было находиться. Однако так как Карло выпрыгнул из укрепочки чуть раньше, чем следовало, то в фокусе столкнувшихся лучей случайно оказался именно он.

Три сотни хорошо различимых лучей образовали пространственную решетчатую структуру, состоящую из сверкающих радуг и выбрасывающую на пятьсот футов вверх потоки отрицательных частиц. Последовало короткое замыкание... и солдат исчез из пространства и времени поля битвы.

Инфаркт у Натана Швахтера произошел прямо на платформе подземки. Солдат материализовался непосредственно перед его глазами — он возник ниоткуда, грязный, свирепый, со странным оружием, прижатым к груди... возник в тот момент, когда старик собирался опустить пенни в автомат со сладостями.

На Карло был все тот же длинный плащ — дематериализация и последующее восстановление не оставили на нем никаких следов. Потрясенный, солдат уставился на худощавую физиономию неизвестно откуда появившегося перед ним человека и весь затрясся, когда эта физиономия издала пронзительный крик.

С растущим изумлением и ужасом Карло наблюдал, как худое лицо исказилось судорогой. Старик рухнул на замусоренную платформу, схватился за грудь, попытался набрать в легкие побольше воздуха. Его ноги судорожно согнулись и разогнулись, а рот дико и широко открылся. Так он и умер — с открытым ртом и глазами, уставившимися в потолок.

Карло равнодушно оглядел тело — неужели эта смерть имеет хоть какое-то значение, когда ежедневно во время войны убивают около десяти тысяч человек... и смерть их куда более страшна. Какое ему дело...

Внезапный, заполнивший, казалось, всю Вселенную вопль приближающегося к платформе поезда поглотил все внимание солдата. Темный туннель, в который

внезапно преобразовался его переполненный войной мир, мгновенно затопило ржавым воплем невидимого монстра, несущегося к нему из глубокой тьмы.

Боец, прочно засевший в Карло, непроизвольно заставил его спину изогнуться, а ноги — принять боевую стойку. Опираясь на пятки, он мгновенно направил ствол оружия в направлении нараставшего грохота.

Из толпы, сгрудившейся на платформе, раздался крик, на какое-то время заглушивший даже гром приближающегося поезда.

— Это он! Это он! Это он застрелил старика!.. Он сумасшедший!

Лица повернулись в сторону Карло. Низенький человек в грязной фуфайке, лысая голова которого поблескивала в свете потолочных ламп, дрожащим пальцем тыкал в сторону Карло.

Было похоже, что в толпе образовались два течения. Люди как бы отхлынули назад и в то же время надвинулись на Карло. И тут поезд, на высокой скорости вырвавшись из-за поворота, заполнил даже самые потаенные уголки сознания солдата своим диким воем. Рот Карло раскрылся в безумном вопле, и, скорее под влиянием рефлекса, нежели осознанного намерения, брандельмейер внезапно ожила в его руках. Тройное волокно холодного голубого луча с шипением вырвалось из похожего на колокольчик надульника, пересекло туннель и ударило в головной вагон поезда.

Передняя стенка мгновенно расплавилась, мотор вышел из строя, и поезд остановился как вкопанный. Металл тек с той же легкостью, с какой низкосортная пластмасса течет в топке мусоросжигателя. Там, где он спекся в рыхлые комья, металл ярко и жирно светился, больше всего похожий на оксидированное серебро.

Карло от всей души пожалел, что открыл огонь сразу же, как ощутил в ладонях вибрацию брандельмейера. Ведь он находился вовсе не там, где должен был находиться. Вопрос — где же он находится, приобрел первостепенную важность. К тому же Карло знал, что ему угрожает опасность. Каждое его движение должно было быть взвешено самым тщательным образом, а

похоже, что старт с самого начала сделан совершенно неверно. Но этот *рев...*

Он давно притерпелся к воплям на полях сражений, однако громовое эхо поезда, многократно умноженное в замкнутом пространстве, явилось для него источником неописуемого ужаса.

Пока Карло тупо взирал на дело своих рук, толпа за его спиной бросилась к нему как один человек.

Тroe здоровенных мужчин, по виду принадлежащих к администрации, в угольно-черных мундирах, с кейсами, которые они побросали, кинувшись на Карло, до одурения похожие на плохие копии одного и того же образца, крепко схватили его за локти, за талию и за щечу.

Солдат, проорав что-то непонятное, отшвырнул наглецов прочь. Один из них, пролетев через всю платформу, скользя на собственной заднице, закончил путь, с силой врезавшись физиономией в покрытую кафельными плитками стену. Другой, закрутившись волчком и беспомощно размахивая руками, влетел в гущу толпы. Третий попытался было повиснуть на шее Карло, но солдат оторвал его от земли, поднял извивающееся тело над головой, заставив тем самым разжать руки, и с силой шваркнул о колонну. Служащий, ударившись об острый край, соскользнул на землю и лежал теперь совершенно неподвижно со страшно выгнутой спиной.

Толпа, испуганно крича, вновь отступила. Несколько женщин, стоявших в первых рядах, увидели кровь, текущую по лицу одного из служащих, и незаметно для всех рухнули в обморок на грязную платформу. Толпа продолжала вопить. Крики как две капли воды были похожи на визг теперь уже мертвого поездного состава. И все же, будучи в конечном счете единственным существом, толпа продолжала оттеснять солдата к краю платформы. На какое-то время Карло совсем позабыл, что он по-прежнему держит в руках брандельмейер. Теперь он взял его на изготовку, и то существо, которым стала толпа, колыхаясь, отступило назад.

Кошмар! Для Карло все происходящее выглядело как какой-то странный и бесформенный кошмар. Все вокруг совсем не напоминало ту войну, где

ты уничтожаешь каждого, кого увидишь. Здесь ситуация была совсем иной, и в ней он чувствовал себя потерянным. Что же с ним случилось?

Карло попятился к стене; кожу на спине пощипывали струйки пота, обильно выданные страхом. Да, он был готов погибнуть в бою, но ведь то, что произошло с ним, не имеет ничего общего с этим естественным и столь ожидаемым событием.

Он оказался здесь, а не там — где бы ни было это здесь и куда бы ни девалось это там. Эти люди безоружны и, по-видимому, штатские. Впрочем, их все равно нужно уничтожить... И все же — что произошло? И куда девалось поле боя?

Его отступление к стене вскоре остановилось — пришлось осторожно, боком огибать колонну... Карло знал, что сзади тоже стоят люди, точно такие же, как эти бледные особи, что толпятся перед ним, и в нем зрело понимание, что отсюда ему уже не выбраться.

В мыслях царила такая неразбериха и так близок был этот простой солдат к истерическому припадку, что его мозг решительно отказывался признать хотя бы даже возможность внезапного переноса из войны в эту новую и во многих отношениях более страшную действительность. Все мысли Карло, как и подобает настоящему солдату, сосредоточились на одном: *надо поскорее уносить отсюда ноги!*

Он скользнул вдоль стены; толпа расступилась перед ним, уступая дорогу, и тут же сомкнулась за его спиной. Карло круто развернулся, заставив толпу отхлынуть, направляя на нее черный зев колокольчатого надульника брандельмейера. И снова (сам не зная почему) воздержался от стрельбы по людям.

А ведь он чувствовал, что это враги, хоть и безоружные. Впрочем, последнее обстоятельство раньше его никогда не останавливало. Например, в той деревушке в Тетраомской области, где-то за Волгой... Там тоже были безоружные, но, поскольку те штатские запрудили всю площадь, он, ни минуты не мешкая, сжег их всех без остатка. Так почему же он колеблется сейчас?

Так или иначе, его брандельмейер молчал. Карло заметил нарастание беспокойства в задних рядах, явно превышавшего уровень нервозности, присущий данной толпе. Какое-то движение. Там явно что-то происходило. Он вжался спиной в стену, и в ту же минуту сквозь толпу прорвался человек в синем мундире с бронзовыми пуговицами.

Этому человеку достаточно было бросить один взгляд в немигающее черное око брандельмейера, чтобы, обернувшись к толпе, жестами приказать ей расходиться. Потом он стал орать во всю мощь своих легких, так что на висках у него набухли веревки вен.

— Расходитесь к такой-то матери! Не видите — перед вами псих! Кого-нибудь обязательно пришьет. Мотайте отсюда, не задерживайтесь!

В дальнейших уговорах толпа не нуждалась. Она развалилась прямо по центру и потекла в сторону лестниц.

Карло обернулся, ища другой выход, но обе ближайшие лестницы теперь были забиты дерущимися пассажирами, безжалостно топчущими друг друга, чтобы поскорее унести ноги. Деться некуда.

Коп возился со своей кобурой. Карло краешком глаза уловил лишь намек на это движение. Инстинктивно он понял, что оно означало: сейчас появится готовое к действию оружие. Он мгновенно повернулся в ту сторону, одновременно опуская свой брандельмейер. Коп отпрыгнул за колонну, как раз когда солдат нажал на спуск.

Трехжильный ярко-голубой энергетический луч вырвался из колокольчатого надульника. Луч прошел над толпой, аккуратно расплавив пятифутовый сегмент стены, служившей опорой для одной из лестниц. Ступени затрещали, и визг металла, мучительно пытающегося приспособиться к исчезновению опоры и к людской перегрузке, разнесся по всему туннелю. Коп с испугом взглянул на потолок, увидел, как гнутся и оседают балки, и дважды выстрелил из-под прикрытия колонны. Гулкое эхо выстрелов пошло колотиться в замкнутом пространстве туннеля.

Вторая пуля попала в левую руку солдата чуть выше кисти. Брандельмайер, теперь уже бесполезный, выскользнул из здоровой руки, как только первые капли крови окропили одежду Карло. Он с изумлением глянул на свою раздробленную руку. Можно сказать, его удивление было безмерным.

Что за оружие пустил в ход синемундирник? Не лучевое, это точно. Ничего подобного Карло еще никогда видеть не приходилось. В любом случае это не луч — тот зажарил бы Карло прямо на месте. Какая-то сила, которая выбрасывает нечто... нечто такое, что разорвало ему ткани тела. Карло тупо смотрел, как кровь струится из его руки.

Коп, теперь уже несколько поостыvший к идеи честного боя с этим парнем в странной одежке и с ни на что не похожей винтовкой, осторожно выглянув из-за своего укрытия и, прокравшись по краю платформы, попробовал подобраться к Карло поближе, чтобы всадить в него еще одну пулю, если тот вздумает сопротивляться дальше. Но солдат стоял, по-прежнему расставив широко ноги, с удивлением рассматривая свою руку. Он явно не понимал, ни где находится, ни что с ним произошло. Он был оглушен пронзительными свистками проносящихся мимо поездов и совершенно обескуражен варварской тактикой своего синемундирного противника.

Коп продвигался не спеша, боясь, что солдат придет в себя и бросится бежать. Но раненый стоял, будто уже успел пустить корни. Коп напряг мышцы и одним прыжком преодолел разделявшее их пространство.

Он свирепо обрушил ствол своего пистолета на шею Карло, попав как раз чуточку ниже уха. Солдат медленно развернулся к нему лицом, продолжая стоять как прикованный, и в течение нескольких секунд, казалось, с глубоким изумлением рассматривал своего обидчика.

Затем глаза солдата остекленели, и он бревном рухнул на платформу. И когда серый густой туман уже почти полностью окутал его мозг, откуда-то из глубин сознания выплыла последняя, удивительно не соот-

ветствующая ситуации мысль: «Он ударил меня... Физический контакт? Не верю, этого не может быть! Куда меня занесло?!»

Слабый свет еле-еле просачивался неизвестно откуда. Тени ползли и раскачивались, неохотно превращаясь в объемные предметы.

— Эй, Мак! Огонька не дашь?

Тени закрывали обзор Карло, но он понимал, что лежит на спине, глядя прямо вверх. Солдат повернул лицо, и тут же перед ним сфокусировалась стена, причем почти у самого носа. Тогда он повернул голову в другую сторону. Снова возникла стена, но уже в футах трех от него — сплошное собрание серых бесформенных пятен. Внезапно он ощутил сильную боль в затылке. Попробовал пошевелиться, пытаясь покрутить головой, но боль не исчезла. Тут он обнаружил еще, что лежит на какой-то твердой металлической штуковине, и попробовал сесть. Боль переместилась выше, вызвав тошноту и на считанные секунды вновь затуманив зрение.

Когда все пришло в норму, Карло попытался медленно сесть. Перекинул ноги через острый край какого-то мелкого металлического корыта. Корытом оказалась безматрасная койка с дном, продавленным сотнями мужских тел, лежавших на ней до него. Он находился в камере.

— Эй! Я спросил, не разживусь ли у тебя огоньком?

Карло отвернулся от голой задней стены камеры иглянул сквозь прутья решетки. К металлу прижалась чья-то рожа с носом, ни дать ни взять похожим на луковицу. Человек был невысок и одет в грязные тряпки, вонь от которых ударила по ноздрям Карло с чудовищной силой. Глаза незнакомца налились кровью, а нос был испещрен сетью голубых и красных сосудов. Застарелая форма алкоголизма — такая болезнь, казалось, сочилась из каждой поры этого чучела; аспе gosacea* превратила его нос в жуткий нарост, покрытый рытвинами и буграми.

* Кожная болезнь, выражающаяся в появлении крупных красных угрей и бородавок и воспалении кровеносных сосудов. (Здесь и далее примеч. пер.)

Карло понимал, что его засадили в тюрьгу, а по внешнему виду и даже по запаху своего нового приятеля тут же установил, что тюрьма не военная. Алкаш продолжал пялиться на него с немым удивлением.

— Спичка, Чарли? Спичек у тебя не найдется?

Бродяга выдвинул вперед свои распухшие влажные губы, дав возможность появиться изо рта на свет божий небольшому обсосанному со всех сторон окурку.

Карло тупо уставился на бродягу — он ни слова не мог понять из того, что тот сказал. Хотя алкаш разговаривал вроде бы медленно и довольно отчетливо, но смысл как-то не улавливался. Однако Карло знал, как следует отвечать.

— Куарло Клобрегнни, рьявой, шестиятодиннулдвадцатьвесь, — механически отчеканил солдат без запинки, сливая слова в нечто подобное злобному ворчанию.

— Чего besишься, дружище? Я, что ль, тебя сюда запузырил? — урезонивал его любитель спичек. — Мне надо всего-то огоньку вот для этого огрызка. — Он поднял вверх два дюйма обмусоленного окурка. — А как прикажешь понимать, что тебя как фрайера держат в клетке, непускают шляться в натуре по этой долбаной каталажке? — Он ткнул большим пальцем через плечо, и Карло впервые обнаружил, что в тюрьме есть и другие люди.

— А, да пошел ты на хрен, — пробормотал алкаш. Он еще раз выругался себе под нос и отвернулся. Затем, пройдясь меж рядов пустых камер, уселся рядом с четырьмя другими узниками, чем-то схожими по выражению лиц; они лениво кейфовали вокруг грубо сколоченной комбинации стола и скамеек. Этот гибрид, несколько напоминавший всем известную пикниковую меблировку, был наглухо привинчен к полу.

— Псих долбаный, — объявил алкаш остальным, кивнув лысиной в сторону солдата в длинном плаще и металлическом, тесно облегающем панцире. Затем взял со стола измятые ошметки древнего журнала и принял листать их с видом человека, знающего наизусть каждую строчку текста и каждую женскую фотографию.

Карло оглядел камеру. В маленьком помещении стояли раковина с краном, который приводился в действие нажимом пальца и снабжал узника холодной водой, а также стульчик без сиденья и бумаги, цельнометаллический, рассчитанный на человека среднего роста и накрепко привинченный к стене. Слабенькая, забранная в решетку лампочка тускло светилась на потолке. Три стены сделаны из прочного металла; такие же пол и потолок, склеенные по швам воедино. Четвертую стену заменяла дверь из толстых металлических прутьев.

Уплотнитель мог бы разрушить эту сталь, подумал Карло, инстинктивно потянувшись к сумке. Он впервые случайно вспомнил о ней, но стоило ему дотронуться до сумки, как тут же стало понятно, что ее внушительный вес значительно уменьшился. Исчезли патронташи. И брандельмайер, разумеется. Равно как и сапоги. Хотели, видимо, стащить и плащ, но он являлся неотъемлемой частью обтягивающего как кожа костюма, сотканного из металлических нитей, и у неизвестных посягателей ничего не вышло.

Потеря сумки была самым тяжелым ударом. Все, что пока произошло с Карло, случилось так быстро, так внезапно и в таком калейдоскопическом беспорядке, что солдат впал в ступор и им овладело ощущение безнадежности и бессмыслицы всего происходящего. Он снова сел на койку, острый металлический край которой тут же болезненно врезался в ягодицы. Голова все еще раскалывалась по причине объединенного воздействия удара, нанесенного полицейским, и голого металла койки, на которой Карло пришлось валяться. Дрожащими пальцами он провел по затылку, привычно ощущив жалкую поросль коротких каштановых волос, коротко остриженных по военной моде.

И тут же заметил, что его левая рука забинтована, причем явно не новичком в этом деле. Рана практически не ощущалась. Бинт на руке с предельной ясностью восстановил в памяти Карло все, что с ним произошло, и мысль о войне вытеснила из головы все остальное... Телепатическая команда... прыжок из окопа... оружие на изготовку... затем оглушительное шипение —

и Вселенная вдруг взорвалась на миллиарды крошечных Новых, полыхающих бесконечным разнообразием цветов радуги. А потом внезапно — почти так же внезапно, как он выскочил на поле битвы седьмой мировой войны, чтобы принять участие в наступлении на гнусные орды русско-китайцев, — он вдруг очутился *не там*.

Он очутился *здесь*, в туннеле, и жуткое чудище, ревя, мчалось на него из тьмы, а человек в синем мундире стрелял в него, после чего оглушил ударом по голове. Фактически этот человек *дотронулся* до него! Без противорадиационных рукавиц! Как мог он знать, что Карло не является радиационной миной замедленного действия? Ведь этому идиоту могла угрожать мгновенная гибель!

Так где же он теперь? Невольным участником какой войны он стал? И куда подевались русско-китайцы, а вместе с ними и его собственные однополчане — воины Трех Континентов? Сплошные вопросы, и ничто не предвещало, что он получит хоть какое-то объяснение случившегося.

И тогда ему в голову пришла еще более важная мысль. Раз он захвачен в плен, то его неизбежно подвергнут допросу. А в этом деле на победу рассчитывать не приходится. Карло попытался нащупать тот фальшивый зуб, что торчал где-то в самой глубине рта. Язык по очереди коснулся каждого зуба, пока не достиг правого нижнего зuba мудрости. Дупло зuba оказалось пустым.

Капсула с ядом исчезла! «Наверняка выпала, когда синемундирник трахнул меня по голове».

Карло понял, что теперь полностью в их власти; а вот кто *они* такие — это вопрос, который следовало обдумать со всех сторон. Потеряв капсулу, он ничем не мог помешать извлечению имевшейся у него информации. Это было просто ужасно. Согласно той психологической обработке, которой его подвергли, — хуже некуда. Враг мог воспользоваться щупами или диоксиликопалином, или гипнозом, или применить любой другой из сотни подобных методов, каждый из которых откроет и численность его рты, и расположение бата-

рей, и дальность действия орудий, и личность и спектр мозговых излучений каждого офицера...

Он стал Очень Ценным Пленным. Ему просто *необходимо* удержаться и не расколоться.

«А, собственно, почему?»

Эта мысль выскочила откуда-то издалека и тут же пропала. Но она оставила после себя острое чувство: «я ненавижу войну, ненавижу все войны вообще и особенно эту!» Затем и это ощущение исчезло, и Карло опять остался наедине с ситуацией, где нужно было напрягаться изо всех сил и думать о том, что же такое с ним случилось...

Какое секретное оружие использовано для его плениния... и могут ли эти тупые дикари, применяющие *метательное* оружие, могут ли они и в самом деле извлечь из его мозга хранящуюся там информацию?

«Клянусь, что они не получат от меня ничего, кроме моего имени, звания и личного номера», — божился Карло в приступе отчаяния.

Он бормотал эти слова вслух, как заклинание. «М'е имя Куарло Клобрегни, ръвой, шестпятодиннулдвадцатьвьеть»...

Когда его голос донесся до стола, вокруг которого сидели пьяницы, они недоуменно глянули в его сторону. Человек с красным угреватым носом растер грязными ладонями мощные жировые складки подбородка и выразил свой философский взгляд на сущность этого странного типа, сидевшего в зарешеченной клетке, словами:

— Псих недодолбанный!

Карло мог бы сидеть в тюрьме вечно, почитаемый всеми за психа в натуре или за пехотинца, у которого поехала крыша. Но дежурный сержант, поставивший его на учет после того, как солдату была оказана медицинская помощь, заинтересовался оружием, имевшим столь странную форму.

Укладывая вещи в камеру хранения, он испытал брандельмайер, не имея ни малейшего представления, какая кнопка или шишечка приводят оружие в действие, и уж совсем не предполагая, каково будет это

самое действие. В результате одна из стен бронированной комнаты оказалась расплавленной. Трехдюймовый стальной лист сначала расплавился до голубого свечения, а потом застыл в ноздреватый комок.

Сержант позвонил капитану, капитан — в ФБР, ФБР связалось с Управлением Национальной Безопасности, а в Управлении Национальной Безопасности сказали: «Быть того не может!» — и начали собственную проверку.

Когда брандельмайер был всесторонне испытан — конечно, с учетом того, что означало в данном случае слово «всесторонне», ибо ружье не имело ни швов, ни видимых источников энергии и отличалось потрясающей дальностью, — они наконец поверили увиденному. Было приказано изъять солдата из его камеры и вместе с сумкой и филологом по фамилии Соумс доставить в штаб-квартиру УНБ в Вашингтоне. Брандельмайер был переадресован туда же с помощью курьера на реактивном самолете, а солдата перебросили на вертолете, усыпив его сильным наркотиком.

Что касается филолога по фамилии Соумс, чья грива отличалась длиной и немытостью, а лицо напоминало страдающего хроническим недоеданием художника, и чей темперамент мог сравниться лишь с темпераментом святого, то его доставили в Вашингтон специальным чартерным рейсом чуть ли не прямо из Колумбийского университета. Сумку Карло перевезли на запломбированном пикапчике до аэропорта, а там под мощной охраной погрузили в почтовый самолет. Все вышеуказанные объекты прибыли с десятиминутными интервалами и были прямиком доставлены на один из подземных этажей здания УНБ.

Когда к Карло вернулось сознание, он снова пребывал в камере, только совершенно не похожей на первую. Никаких решеток, но стены вполне способны предотвратить побег, хотя и обиты чем-то мягким. Карло несколько раз прошелся по камере, надеясь обнаружить в стенах хоть щелочку, однако нашел только то, что могло быть дверью. Его пальцам так и не удалось проникнуть под обивку, так что попытка открыть дверь к успеху не привела.

Он сел прямо на пол с таким же мягким покрытием и, находясь в полном изумлении, принял чесать свою колючую макушку. Неужели ему не узнать о том, что же с ним произошло? И когда удастся избавиться от странного ощущения, что за ним все время наблюдают?

Сверху, сквозь панель из стекла с односторонней видимостью, замаскированной под вентиляционную решетку, за солдатом действительно велось наблюдение.

Лайл Симс и его секретарша вместе с филологом Соумсом стояли на коленях вокруг вделанного в пол окошка. Если филолога можно было принять за вечно голодного бездомного, то Лайл Симс выделялся изяществом, образованностью и деловитостью. Он был специальным советником в не имевшем официального названия дочернем отделении Управления Национальной Безопасности и уже пять лет занимался всеми странными и нетрадиционными проблемами, слишком экзотичными для обычных методов расследования. Эти годы закалили его, воспитав удивительное качество: он очень быстро улавливал аутентичность проблемы, но еще быстрее определял ее фальшь.

Стоило Симсу бросить лишь один взгляд на солдата, как его обостренные инстинкты моментально сообщили, что сидящий в камере нижнего этажа человек — личность явно не ординарная. Причем на его неординарность невозможно было наклеить рутинную этикетку — «алкоголик», «иностраник», «психопат»... И все же он явно чем-то отличался, явно был настолько *другим*, что Симс долго не мог прийти в себя.

— Шесть футов три дюйма, — сказал он девушке; стоявшей на коленях рядом с ним. Она сделала пометку в блокноте, и Лайл продолжил диктовку подмеченных им характерных черт солдата, сидевшего в камере ниже этажом. — Шатен, волосы острижены коротко, так что кожа на голове просвечивает. Глаза карие... нет, скорее черные. Шрамы: один начинается под левым глазом и тянется до середины левой щеки, другой на переносице, еще три параллельных шрама на правой стороне подбородка. Последний из тех, что мне видны, начинается за левым ухом и скрывается в

волосах. Одет в нечто тесно облегающее, похожее на закрытый комбинезон... ох нет, как там называются пижамы для малышей?.. те, у которых разрез на попке, через который продеваются ножки?..

Девушка тихонько подсказала:

— Вы говорите о «ползунках»?

Лайл кивнул, при этом без всяких на то оснований смущился и тут же продолжил:

— М-м... да, именно так. Что-то похожее. Этот костюм охватывает ступни ног и, по-видимому, составляет одно целое с плащом, закрывая все тело до шеи. Ткань костюма, как мне кажется, металлическая. И вот еще что... Может, это и ничего не значит, но, с другой стороны... — Он пожевал губами, а затем постарался как можно тщательнее сформулировать свои наблюдения: — Его голова имеет какую-то странную форму. Лоб занимает гораздо больше половины лица, он как-то выдвинут вперед, будто получил здоровенную плюху и распух. Ну вот, пожалуй, и все.

Симс сел на корточки, порылся в боковом кармане и выудил оттуда маленькую курительную трубку, которую тут же, не раскуривая, сунул в рот и задумчиво посасывал в течение нескольких секунд. Потом встал, все еще не сводя глаз с прорезанного в полу окошка. Что-то пробормотал себе под нос, а когда Соумс спросил, что он говорит, Специальный советник ответил:

— Думаю, мы поймали за хвост медведя, которого будет нелегко удержать.

Соумс утвердительно хмыкнул и махнул в сторону окошка:

— Вам еще не удалось понять что-либо из того, что он говорит?

Симс покачал головой:

— Не удалось. Вот потому-то вы и находитесь тут. Кажется, он все время повторяет одно и то же, снова и снова, но слова совершенно непонятны.

— Не терпится мне приняться за него, — сказал Соумс с мягкой улыбкой.

Одной из главных черт характера филолога было то, что процесс преодоления трудностей доставлял ему удовлетворение сам по себе, тогда как решенная задача

порождала лишь нервозность и настойчивое желание найти новую, еще более трудную проблему.

Симс, соглашаясь, кивнул, но его глаза, казалось, затянула плотная пленка, а рот сжался в тонкую линию.

— Вы поосторожнее с ним, Соумс. У меня предчувствие, что мы столкнулись с чем-то совершенно новым, таким, до понимания чего еще не дорошли.

Соумс опять улыбнулся, на этот раз снисходительно:

— Ну-ну, мистер Симс. В конце-то концов обычный чужак... все, что нам надо сделать, — это определить, из какой он страны.

— Вы еще не слышали, как он говорит?

Соумс покачал головой.

— Тогда не торопитесь записывать его просто в иностранцы. Термин «чужак» может быть куда более емким, чем вы думаете, и не обязательно в том плане, как вам это представляется.

На лице у Соумса выразилось смущение. Он слегка пожал плечами, как будто не мог постичь значения слов Лайла Симса... и в общем, не так чтобы очень ими интересовался. Филолог снисходительно похлопал Симса по спине, что вызвало появление недовольной гримасы на лице советника, и тот еще крепче сжал зубами мундштук трубы.

Вниз они спустились вместе. Секретарша покинула их, чтобы перепечатать свои заметки, и Симс провел филолога в обитую войлоком комнату, еще раз предупредив его, что с заключенным следует быть очень осторожным.

— Не забывайте, — внушал Симс, — мы не знаем, откуда он, и достаточно одного резкого движения, чтобы вызвать жесткую реакцию. Наверху сидит охранник, а за дверью буду я еще с одним человеком, но все равно вам никогда не следует расслабляться.

Соумс удивился:

— Вы говорите так, будто он дикарь, а между тем обладание таким костюмом свидетельствует о высоком уровне развития. Вы, видно, еще что-то подозреваете, не так ли?

Симс развел руками:

— То, о чём я сейчас думаю, слишком невероятно, чтобы об этом стоило рассказывать. Просто будьте осторожны... А главное, постарайтесь понять, что он говорит и откуда к нам заявился.

Симс еще раньше решил, что пока лучше хранить тайну брандельмейера поближе к сердцу. Но он был почти уверен, что это оружие не произведено промышленностью какой-либо иностранной державы. Испытания, проведенные на опытном полигоне, заставили его разинуть рот и прикусить язык.

Он открыл дверь, и Соумс, чувствуя себя не слишком уверенно, вошел в камеру.

Симс краем глаза успел заметить выражение, скользнувшее по лицу чужака, когда к нему вошел посетитель. Оно было еще более тревожным, чем у Соумса.

Похоже было, что ждать придется долго.

Соумс был белее мела. Его лицо осунулось, самоувенности, которой он щеголял с момента прибытия в Вашингтон, явно поубавилось. Филолог сел напротив Симса и дрогнувшим голосом попросил у него сигарету. Советник покопался в ящике письменного стола, отыскал там смятую пачку и небрежно подтолкнул ее к Соумсу. Филолог вытряс сигарету, сунул в рот, а затем, как будто за прошедшие секунды начисто забыл о желании курить, вынул ее и в продолжение всего дальнейшего разговора просто вертел в пальцах.

У него был тон человека до смерти чем-то пораженного:

— Да знаете ли вы, кого мы держим в этой камере?

Симс промолчал, уверенный, что ничто из того, что последует дальше, все равно его не удивит. Он и так ожидал информации совершенно фантастической.

— ...Этот парень... знаете вы, откуда он... Этот солдат... клянусь Богом, Симс, он... он явился из... из... только не думайте, будто я спятил... ему просто удалось убедить меня... Он явился из будущего!

Симс плотно сжал губы. Несмотря на то что он был в какой-то степени подготовлен, удар оказался слишком силен. Симс знал: это правда. Это должно быть

правдой, ибо только так можно было объяснить все имевшиеся у них факты.

— Что еще вы желаете мне сказать? — спросил он у филолога.

— В общем, сначала я попытался решить проблему установления взаимопонимания, задавая ему простейшие вопросы: ткнул себя в грудь и сказал «Соумс», а потом ткнул в него и вопросительно посмотрел ему в глаза, однако в ответ получил все ту же непонятную идиотскую фразу. На протяжении нескольких часов я пытался соотнести его произношение и фразеологию с диалектами и говорами каждого известного мне языка, но это ни к чему толковому не привело — уж очень невнятно он произносил слова. А потом внезапно я прозрел. Я попросил его написать свою бредятину на бумажке... разумеется, я ничего не понял, но запись дала мне нужный ключ... затем заставил многократно повторить ту же фразу. Вы можете себе представить, на каком языке он говорит?

Симс покачал головой. Лингвист произнес почти шепотом:

— Он говорит по-английски. Все очень просто. Это английский. Но английский исковерканный, где слова сливаются воедино и произносятся столь невнятно, что фразы превращаются в непонятный набор звуков. Вероятно, такова тенденция будущего развития языка. Нечто вроде экстраполяции уличного жаргона, доведенного до абсурда. Во всяком случае своего я добился — выудил-таки у него.

Симс наклонился вперед, безжалостно стиснув зубами мундштук погасшей трубки.

— Что?

Соумс прочел то, что еще раньше записал на бумагке:

— Меня зовут Карло Клобрегнни. Рядовой. Номер 6510229.

Симс удивленно пробормотал:

— Боже мой... имя, звание и...

Соумс закончил за него:

— ...и личный номер. Да, именно это он и талдычил мне в течение трех часов. Затем я задал ему несколько

совершенно безобидных вопросов, ну, откуда он и каковы его впечатления об увиденном здесь. — Филолог сделал рукой неопределенный жест. — К тому времени я уже понимал, с кем имею дело, хотя и не знал, откуда он появился. Но когда он начал рассказывать мне о войне — о войне, в которой он участвовал в ту самую секунду, когда вдруг очутился у нас, — я тут же понял, что он или из какого-то другого мира — что уж чесчур отдавало фантастикой — либо... либо... Господи... все это слишком невероятно!

Симс понимающе кивнул:

— Из какого же времени, вы думаете, он появился?

Соумс пожал плечами:

— Понятия не имею. Он говорит, что год, в котором он живет — по-видимому, бедняга еще не понял, что об этом где сейчас нельзя говорить в настоящем времени, — К=79. Не имеет понятия, когда исчезла современная система отсчета. Насколько известно нашему солдату, литера «К» появилась очень давно, хотя ему приходилось слышать о событиях, случившихся во времена, которые они датируют символом «QV». Все это бессмыслица, но я готов биться об заклад, что у них с нашей эпохи прошло больше тысяч лет, нежели мы способны себе представить.

Симс нервно запустил в волосы всю пятерню. Проблема оказалась в действительности даже сложнее, чем он воображал.

— Послушайте, профессор Соумс, я хочу, чтобы вы остались с ним и обучили его современному английскому. Надеюсь, вам удастся извлечь из него дополнительную информацию и внушить, что мы отнюдь не собираемся причинять ему неприятности. Хотя, видит Бог, — добавил Специальный советник с дрожью в голосе, — он может причинить куда больше неудобств нам, чем мы ему. Какими же знаниями он должен обладать!

Соумс, соглашаясь, кивнул:

— Ваши планы не нарушатся, если я сосну пару часиков? Я ведь пробыл с ним почти полсуток кряду и уверен, что он нуждается в отдыхе не меньше моего.

Симс тоже кивнул, и филолог прямиком отправился в выделенную для него спальню. Но когда советник минут через двадцать глянул сквозь окошко в полу, то увидел, что солдат все еще бодрствует и ведет себя крайне нервно. Казалось, сон ему совершенно не нужен.

Симс очень волновался, и шифрованная телеграмма, которую он получил от президента в ответ на свою, отнюдь не содействовала успокоению. На руках оказалась проблема, которая имела тенденцию все больше и больше осложняться. Вполне возможно, что она была даже смертельно опасной.

Советник отправился в другую спальню, дабы последовать примеру Соумса. Похоже, в дальнейшем им будет не до сна.

Проблема: человек из будущего. Простой человек, без особых талантов, без большого запаса знаний. Эквивалент современного «человека с улицы». Человек, обладающий фантастически малым прибором, который превращает песок в скалу, более твердую, чем сталь, но который не имеет ни малейшего представления о том, как этот прибор работает, или о том, как подступиться к его изучению. Человек, чье знание истории туманно и отрывочно, как и у каждого обывателя. Солдат. И никаких других способностей, кроме тех, что необходимы для боя. Что делать с таким человеком?

Решение: черт его знает.

Лайл Симс резко отодвинул кофейную чашку. Если ему хоть когда-нибудь снова попадется на глаза чашка этого осточертевшего напитка, его просто стошнит. Три бессонных дня и столько же бессонных ночей, следовавших друг за другом без перерыва; он продержался только на декседрине и обжигающе-горячем черном кофе, что содействовало появлению гораздо большей, чем обычно, нервозности. Симс рычал на подчиненных и на секретарш, а также начисто изгрыз пять трубочных мундштуков. Он ощущал себя на редкость тупым, и к тому же у него болел живот. А решение все равно не приходило.

Ведь нельзя же сказать: «Ладно, у нас тут сидит человек из будущего. Ну и что? Давайте отпустим его на все четыре стороны, пусть зарабатывает себе пропитание как сумеет, раз уж мы не можем вернуть этого типа в его время».

Такое невозможно по целому ряду причин. Во-первых: а что, если он не сумеет адаптироваться? Тогда возникнет вечная угроза неизвестной потенциальной опасности. Во-вторых: что, если какая-нибудь враждебная сила (а одному Богу известно, сколько тут обретается неизвестных сил, готовых зацепить такое секретное оружие, как Карло) завладеет им и каким-то образом разнюхает теорию, на основе которой созданы и ружье, и уплотнитель, и моноатомное противогравитационное приспособление, хранящееся в сумке? Что тогда? И в-третьих: этот парень привык к войне, знает только войну и неизбежно будет искать войну. Или даже организует ее.

Были еще десятки других причин, которые только начинали проявляться. Нет, с чужаком надо что-то делать. Посадить его в тюрьму?

А за что? Ведь этот человек никому не принес вреда. То, что на платформе погиб другой человек, произошло вовсе не по его вине. Он испугался поезда. На него набросились служащие, один из которых сломал себе шею, но остался в живых. Нет, солдат был всего лишь «пугливым чужаком в миражах, которых он не сотворил», как с ужасающей четкостью сформулировал Хусман.

Убить? По тем же причинам несправедливо и жестоко... Не говоря уже о том, что... неэкономично. Найти ему нишу в обществе? И что он в ней будет делать?

Симс шевелил извилинами, ворошил мысли так и сяк, пытаясь отыскать новые точки зрения. Проблема не решалась. А всего-то жалкий пехотинец, который в жизни не имеет другого призыва, как быть солдатом! (Но кто может поручиться, что с его знанием приемов будущей тактики и будущего оружия он не превратится в нового Гитлера или, на худой конец, в Чингисхана?) Нет, оставив его среди солдатни, можно только обострить проблему. Не было бы ни минуты покоя,

если б Карло оказался в положении, где он в состоянии что-то организовать.

А если отвести ему роль тактика? Вот тут вроде начинает что-то вытанцовываться...

Симс согнулся над столом, нажал клавишу интеркома и приказал секретарше:

— Дайте-ка мне генерала Мейнуоринга, генерала Полка и министра обороны.

А ведь, пожалуй, может что-то получиться. Если удастся заставить Карло разрабатывать планы операций, то теперь, когда он знает, где находится и что люди, которые держат его, не являются врагами и даже имеют союзные отношения с русско-китайцами (а какое обширное поле для разного рода спекуляций открывало это словосочетание!), план мог бы и сработать.

Впрочем, Симс почему-то очень сомневался в этом.

Мейнуоринг остался, чтобы завершить свой доклад, тогда как Полк и министр обороны уже удалились туда, куда призывали их повседневные обязанности. Генерал был крупным мужчиной с весьма мягким лицом и еще более мягким брюхом; кроме того, он щеголял залихватскими седыми усами. Мейнуоринг грустно покачал головой с видом, будто у него прямо из-под носа увяли Розеттский камень* в тот самый момент, когда генерал готовился приступить к важнейшему эксперименту.

— Прошу прощения, Симс, этот парень для нас не подходит. Великолепное понимание военной тактики, но лишь в том случае, если в операции участвует то, что он именует «восьмидесятижильными лучами» и телепатическим контактом.

Известно ли вам, что тамошние войны ведутся в той же мере психокинетическими методами, как и физическими? Он никогда не слыхивал о танках и мортирах, но истории, которые он рассказывает насчет выжигания мозгов или «спор смерти», могут заставить вас блевать без передыху. Их методы ведения войны не слишком аппетитны, знаете ли. Слава Богу, меня там не

* Знаменитая археологическая находка, базальтовая плита с текстом на греческом и древнеегипетском языках.

будет, чтобы любоваться подобными штучками-дрючками. Я думал, что наши войны — дело грязное и не слишком приятное. Но они оставили нас далеко за бортом по части жестокости и массовых убийств. И вот такая странная история... этот парень — Карло... он ведь *ненавидит* все это! На какой-то момент, когда он расписывал нам все эти дела, мне захотелось послать к чертям свою карьеру, отправиться на площадь и начать лупить в барабан во главе демонстрантов, требующих разоружения!

Согласно заключению генерала, Карло был полностью забракован как тактик. Его натренировали лишь на один способ ведения войны, и целой жизни не хватит, чтобы адаптировать его и сделать хоть частично пригодным для другой тактики.

Впрочем, это уже не имело ни малейшего значения, поскольку Симс был убежден, что генерал, сам того не зная, открыл ему, как можно решить проблему солдата.

Конечно, Симсу придется объяснить все это службе безопасности и президенту. И потребуется огромная работа со стороны средств массовой информации: надо убедить людей, что существование Карло — непреложный факт и что он действительно прибыл к нам из будущего. Но если дело выгорит, то Карло Клобрегнни — солдат с ног до головы и только солдат — может оказаться самым великим человеком, которого когда-либо рождало Время.

И Симс тут же принялся за дело, смущенно улыбаясь собственной глупости, — вот уж не думал он, что станет заправским идеалистом.

Десять солдат вжимались в ледяную грязь. Их уплотнители материи зашкалило так, что песок и вода в укрепичке смогли превратиться всего лишь в ледяную кашицу. Холод просачивался сквозь одежду, а зашканленные уплотнители излучали жесткую радиацию. Один из солдат вдруг взмыл, когда радиация столь глубоко въелась в его кишки; он ощутил, как они растворяются и превращаются в жидкость. Солдат вскочил, ртом шла кровь и слизь... Но в ту же секунду его хлестнул по лицу трехжильный луч. Лицо испарилось, и почти

обезглавленное тело рухнуло обратно в окоп, прямо на одного из однополчан убитого.

Тот небрежно оттолкнул труп в сторону, ибо был погружен в воспоминания о своих четверых детях, навеки для него потерянных во время русско-китайского рейда на Герматополис, когда их всех погнали на работы в болота. В мозгу солдата возник отчетливый образ трех девочек и маленького мальчика с длинными-длинными ресницами; дети волокли через зловонные болота привязанные к шеям минеральные мешки, собирая для врага куски органической горной породы, которая могла использоваться в качестве топлива. Солдат тихонько всхлипнул. Этот звук и телепатема плачущего были уловлены русско-китайским психокинетиком, укрывавшимся где-то за линией передовой, и не успел солдат поставить мозговой блок, как телепат уже овладел им.

Пехотинец поднялся в окопе во весь рост, странно хватаясь за голову согнутыми руками. Он начал дико рвать ногтями лицо, громко и пронзительно крича, пока вражеский телепат выжигал ему мозг. Через несколько секунд глаза солдата были пусты, словно створки раковины, и он рухнул в окоп рядом со своим товарищем, тело которого начало уже разлагаться.

Над головами прорвал тридцатишестижильный луч, и восемь оставшихся в живых солдат увидели боевое колесо, катящееся с оглушительным грохотом. Раскаленная шрапнель накрыла поле боя; тонкий, хрупкий, острый как нож осколок пронесся над бортиком окопа и погрузился в голову одного из солдат. Осколок вошел наискось, пробив мочку правого уха, а его другой конец вышел наружу, разорвав солдату язык и наполовину высунувшись изо рта. Сбоку же осколок смотрелся, как будто пехотинец носил в ухе какую-то странную серьгу. Солдат умирал в судорогах, на что ушло немало времени. Наконец судороги и хлюпающие звуки, издаваемые умирающим, стали настолько невыносимы, что один из его друзей воспользовался прикладом своего бранделя-мейера, нанеся удар прямо в переносицу. Раздробленные кости проникли глубоко в мозг, прикончив несчастного почти мгновенно.

А затем пришел сигнал атаки. В каждом мозгу прозвучал пронзительный вопль, гнавший солдат вперед, и они выскочили из укрепочки — все семеро, — повторяя про себя одну и ту же каждодневную молитву и зная, что она им ничем не поможет. Они бежали по болотной жиже, а над головами слышалось жужжание бомб-пиявок, нацеленных на лучевые батареи врага.

Непроглядная тьма вокруг озарялась многоцветными заревами взрывов, сначала вспыхивающими точками, а потом распускающимися во всех направлениях на манер фейерверка, чтобы затем погаснуть и погрузить местность в еще более густую темь.

Один из бойцов «поймал» луч прямо в живот; его отшвырнуло в сторону футов на десять, где он приземлился кучей мокрого тряпья. Живот солдата был распорот, а внутренности светились и влажно пульсировали под влиянием заряда, несомого жилой. Чья-то голова высунулась из окопа непосредственно впереди, и трое из оставшихся в живых шести солдат выстрелили в нее одновременно. Однако враг оказался солдатом-ловушкой, которая срабатывала автоматически, наводясь по излучению ненависти противника и одновременно передавая эту информацию телепату. Поэтому, хотя тело солдата-ловушки и распалось на клочья под их совместным огнем, каждый из стрелявших вдруг воспламенился. Языки огня вырывались из их ртов, из каждой поры тел и из тех мгновенно обуглившихся впадин, где только что были глаза. Пиротелепат сработал что надо.

Трое оставшихся полностью отключились психически, понимая, что их мысли могут быть засечены противником. Положение простой пехтуры было просто кошмарным в сравнении с положением телепатов, притаившихся за передовой. Никакого другого исхода, кроме смертельного, для них не предвиделось.

Песья мина проползла по земле, ткнувшись в ноги одного из солдат и, взорвавшись, оторвала их напрочь. Солдат повалился, хватаясь руками за измочаленные обрубки, ощущая, как его кровь смешивается с жидкой грязью, пока наконец не потерял сознание. Умер он быстро.

Один из двух оставшихся прыжком преодолел проволочное заграждение и взорвал дзот с тридцатишестижильной лучевой установкой и гарнизоном из двенадцати бойцов. Правда, у него самого тут же срезало верхушку головы. Пальцы солдата еще успели слегка прикоснуться к свернувшемуся липкому веществу, бывшему его мозгом всего лишь за секунду до того, как он рухнул на землю. Лопнувший пополам череп странно светился в ночи, но у этого зрелища зрителей уже не оказалось.

Последний солдат увернулся от шипящего луча, прорвавшего тьму ночи, и упал на локти. Он быстро перекатился на бок, ощущил острый край воронки, вырытой бомбой-пиявкой, и бросился в нее очертя голову.

Луч проследил этот маневр, и ему не хватило лишь одного-единственного дюйма, чтобы сжечь солдата. Тот затаился в воронке, чувствуя, как ледяной холод поля боя пронизывает его насквозь, заставляя плотнее закутываться в плащ.

Этим солдатом был Карло. Он закончил рассказ и сел прямо на пол эстрады. Аудитория ошеломленно молчала.

Симс натянул пальто и порылся в кармане, отыскивая свою давно остывшую трубку. Зола высypалась, и пальцы Симса погрузились в пепел, перемешанный с крошками табака, собравшимися на дне кармана. Аудитория расходилась очень медленно, почти все хранили молчание, но каждый тревожно гляделся в лица соседей. Казалось, все внезапно осознали, что с ними случилось нечто важное, и теперь лихорадочно искали решения, как быть дальше.

Симс как раз проходил мимо одного из таких решений. Вот они — петиции, прикрепленные к большому стенду — дубликату бесчисленных стендов, развешанных по всему городу. В глаза Симса, когда он проходил вестибюль, невольно лезли крупные черные буквы:

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ ПОД ЭТОЙ ПЕТИЦИЕЙ!
НЕОБХОДИМО ПРЕДОТВРАТИТЬ ТО,
О ЧЕМ ВЫ СЛЫШАЛИ СЕГОДНЯ.

Люди толпились возле стенда, но Симс знал: все это лишь символический жест. Утром Закон был принят.

НИКАКИХ ВОЙН! НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ!

Разведка донесла, что долгоиграющие диски, кабельное телевидение и радиофицированные фургоны отлично завершили свою работу. Аналогичные законы готовились и принимались по всему миру.

Похоже, что Карло чуть ли не в одиночку добился успеха.

Симс остановился, чтобы раскурить трубку, и увидел рядом с наружной дверью большой плакат с черным крупным текстом:

СЛУШАЙТЕ КАРЛО — СОЛДАТА ИЗ БУДУЩЕГО!
ВСТРЕТЬТЕСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ ИЗ ЗАВТРАШНЕГО
ДНЯ И ВЫСЛУШАЙТЕ, ЧТО ОН РАССКАЗЫВАЕТ
О ПОРАЗИТЕЛЬНОМ МИРЕ БУДУЩЕГО.

БЕСПЛАТНО!
НИКАКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ!
ТОРОПИТЕСЬ!!!

Реклама оказалась в высшей степени результативной. Это была образцово проведенная кампания. Карло сыграл куда более важную роль, чем мог бы сыграть, будь он мировым стратегом. Простой пехотинец, ненавидящий войну, показал всем ее мерзкую морду и безграницную жестокость, и еще — невероятно отчетливое чувство опустошенности и бессилия, порожденное знанием, что Будущее станет вот таким, каким его описывает Карло. Именно оно заставляло вас жаждать, чтоб Время остановилось, заставляло орать во весь голос: «*Het! Будущее не станет таким! Мы запретим войну!*»

Конечно, пришлось пройти немалый путь в нужном направлении. Правительства все же оказались на их стороне; тех, кто цеплялся за прошлое, и тех, кому было выгодно разжигание ненависти, сметали с дороги чуть ли не каждый божий день.

Да, Карло неплохо справился со своим делом! И все же одна мысль продолжала мучить Специального совет-

ника Лайла Симса. Солдат появился здесь из будущего и теперь находится среди них. Это общеизвестно и неоспоримо. Но тревога грызла мозг Симса, заставляя его возносить к небу молитвы, которые он вряд ли мог бы произнести прежде. Она толкала его на продолжение борьбы за то, чтобы Карло услыхал *каждый* человек на этой планете.

Изменимо ли будущее? Или же оно неизменно? Не неизбежно ли появление мира Карло? Не впустую ли вся проделанная работа? Нет, не может быть того! Мы просто не позволим произойти такому!

Симс снова вернулся в вестибюль и встал в очередь тех, кто подписывал петицию; делал это он уже в пятнадцатый раз.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Научная фантастика есть по сути своей фантастический жанр литературы. Давайте не будем это отрицать. И неважно, насколько сильно мы станем поддерживать концепцию о том, что она «столь же реальна, как завтрашний день», и что «писателям-фантастам нужно торопиться, чтобы опережать прогресс», все же, если мы удалим из нее элемент необузданного полета фантазии, то вскоре потеряя к ней интерес, потому что именно эта яростная невероятность и делает научную фантастику тем, что она есть, а не, к примеру, приключенческим вестерном с шестизарядными револьверами.

В этом рассказе есть один существенный «прокол», объясненный лишь частично. Вы его заметите. Я хотел, чтобы вы его заметили. Он помещен в рассказ намеренно, иначе никакого рассказа не получилось бы. Это необходимое зло. Если желаете, назовите это литературной лицензией, или же попросту признайте, что если мы хотим насладиться рассказом, то должны вытерпеть одно-единственное несоответствие. Будьте на моей стороне, когда действие начнет разворачиваться. Это рассказ о человеке, чья жизнь прошла напрасно, но именно на нее опирается будущее Вселенной, пока он бесконечно ведет поиски в полном мраке.

Темнота окутывала маленький квонсет*. Она струилась из космических глубин и закручивалась вокруг

Night Vigil

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

* Сборный дом.

жилища Феррено. Тихий шепот непрерывно вращающихся автоматических сканеров действовал успокаивающее на нервы старика — в подсознании сидела уверенность, что они, сканеры, всегда начеку.

Он нагнулся и снял с ковра соринку. Это была единственная чужеродная частица на ворсе, что свидетельствовало о хронической чистоплотности и почти фанатичной аккуратности старика.

Коробки книжных кассет выстроились на полках — корешок к корешку; постель была заправлена по-военному туго — так, что от нее отскочила бы монета не менее трех раз; на стенах, вытираемых дочиста дважды в день, — ни следа от прикосновений пальцев. Ни на чем в однокомнатном домике нельзя было обнаружить ни пятнышка, ни пылинки.

Отправив щелчком в мусоросжигательную печь одиличную соринку, Феррено восстановил непорочную чистоту своего жилища.

Это было следствием двадцати четырех лет бдения, ожидания и одиночества. Одиночества на краю Вечности, ожидания чего-то такого, что, возможно, никогда не придет. Бесчувственные, безгласные машины, которые он обслуживал, могли сказать, что «нечто появилось», добавив, однако: «мы не знаем, что именно».

Феррено вернулся к своему пневмокреслу, тяжело опустился в него и прищурился; глубоко посаженные серые глаза старика, казалось, что-то искали в дальнем закругленном углу потолка. Но там не было ничего такого, чего бы еще он не знал. Не знал слишком хорошо.

Он находился на этом астероиде, на этой точке, затерянной во тьме, в течение двадцати четырех лет. И в течение двадцати четырех лет ничего не происходило. Не было ни тепла, ни женщин, ни чувств за почти двадцать из тех двадцати четырех лет — только краткий порыв эмоций.

Феррено был молодым человеком, когда его высадили на Камень. Ему указали вдаль и сказали:

— За самой дальней точкой, которую ты можешь видеть, — островная вселенная. В этой островной вселенной есть враг, Феррено. Однажды ему надоест свой дом и он явится за вами.

И они ушли прежде, чем он успел спросить.

Спросить: кто эти враги? Откуда они должны явиться и почему он здесь, один, должен остановить их? Что ему делать, если они придут? Что это за огромные молчащие машины нелепо громоздятся за домиком? Вернется ли он когда-нибудь домой?

Все, что ему было известно, — мудреная процедура настройки на гиперпространственную связь. Требующий ловкости пальцев способ пересылки через Галактику закодированных сообщений. Их ждал мозг Марка LXXXII — ждал только этих отчаянных импульсов.

И все: процесс набора и тот факт, что он в дозоре. В дозоре за тем-не-знаю-чем!

Поначалу Феррено думал, что сойдет с ума. От однообразия. Однообразие разрослось до размеров паники. Тяжкое бремя — наблюдать, наблюдать, наблюдать. Сон, питание саморазрастающейся протеиновой массой из бака, чтение, снова сон, перечитывание книжных кассет, пока их футляры не стали трескаться и затрепываться. Затем он их переплетал — и перечитывал. Ужас знания наизусть любого места в книге.

Он мог читать наизусть из «Красного и черного» Стендэля, из «Смерти после полудня» Хемингуэя, из «Моби Дика» Мелвилла до тех пор, пока каждое слово не теряло смысла, не звучало странно и неправдоподобно в его ушах.

Ему было вздумалось жить в грязи и швырять чем ни попадя в закругленные стены и потолки. Вещи делались с тем расчетом, чтобы сгибаться и отскакивать — но не ломаться. Стены амортизировали удар брошенного бокала или остертвенного кулака. Потом пришла предельная аккуратность, потом умеренность и наконец опять-таки аккуратность, сухая нервическая кропотливость старика, который в любой момент желает знать, где что лежит.

Никаких женщин. Долгое время это было нескончаемой мукой. Нарастающая боль в паху и животе властно будила по ночам, заставляя обливаться потом, сводя болью рот и тело. Феррено преодолел это не

сразу, даже порывался себя кастрировать. Разумеется, ничего не помогло, беда миновала только вместе с молодостью.

Он принимался разговаривать сам с собой. Отвечал на собственные вопросы. Не безумие — лишь страх, что дар речи может быть утрачен.

Безумие вздымалось не раз на протяжении ранних лет. Слепая грызущая тяга выйти вон! Выйти вон в безвоздушные просторы Камня. Наконец умереть, покончить с этим никчемным существованием.

Но квонсет соорудили без дверей. Те, кто его сюда доставил, вышли через щель, которую за ними на мертво затянуло пласталью, и выхода там не было.

Безумие приходило часто.

Однако выбор пал на него далеко не случайно. Он цеплялся за свое здравомыслие, знал, что в нем его единственное спасение. Сознавал, что было бы гораздо ужаснее закончить свои дни в этом квонсете беспомощным маньяком, нежели сохранить здравый ум.

Феррено не переступил критическую черту и вскоре стал все больше удовлетворяться своим миром в скорлупе. Он ждал, поскольку делать ему было больше нечего; и в ожидании умиротворенность сменилась бешеным нетерпением. Он стал считать это тюрьмой, потом гробом, потом — окончательной чернотой Последней Дыры. Он просыпался в безжалостной ночи, задыхаясь от горловых спазм, руки яростно когтили губчатую резину кушетки.

Время ушло. Миновала грань, за которой он уже не мог сказать, как оно ушло. Жизнь стала сухой, как пыль, и временами Феррено сомневался, действительно ли он все еще живет. Не будь у него автоматического календаря, он вряд ли знал бы, что прошли годы.

И всегда, всегда, всегда огромное тусклое сонное око сигнала тревоги. Пристально глядящее ему в спину, скрытое в потолке.

Оно соединялось со сканерами — теми, что громоздились за квонсетом. Сканеры, в свою очередь, взаимодействовали с плотной сетью межпространственных лучей, смыкающихся в самой дальней точке

горизонта, какую только Феррено мог себе представить.

В свою очередь, узлы сети были связаны со сторожевыми установками — их металлические и пластиковые умы тоже выжидали, наблюдали за беспощадными враждебными чужаками, которые могут однажды явиться.

Враг уже приходил, о нем знали: были обнаружены следы причиненных им разрушений. Остатки великих и могучих цивилизаций, превратившихся в микроскопическую пыль после вторжения страшного захватчика.

Те, кто забросил сюда Феррено, не отваживались странствовать по Вселенной, пока где-то существуют Другие. Где-то... выживают. Установили межпространственную сеть, соединенную со сторожевыми установками. Вся система замыкалась на сканерах, к которым был подключен большой тусклый «глаз» в потолке квонсета.

Затем Феррено поставили здесь часовым.

Поначалу он нес службу ревностно. Ожидая, был уверен: то, что должно явиться, произведет громоподобный шум, нарушит вечное молчание его мыльного пузыря. Он ждал кровавых отблесков, фантастических теней, пляшущих по комнате и мебели. Он даже провел пять месяцев в размышлениях: какую форму примут эти тени, когда час пробьет.

Затем Феррено вступил в период неврастении. Беспричинно вскакивал и таращился на «глаз». Галлюцинации: звон в ушах, мерцание. Бессонница: может свернуться, а он и не услышит.

С течением времени Феррено все больше отстраивался от «глаза», надолго забывая о его существовании. Покуда окончательно не понял: она была безотлучно с ним, эта муторная штука, о которой то и дело забываешь, такая же его часть, как собственные уши, собственные глаза. Он выявил это в глубинах памяти — но это было там всегда.

Всегда там, всегда начеку, всегда готовое вырваться.

Феррено никогда не забывал, почему он здесь. Он никогда не забывал, по какой причине его забрали. И день, когда за ним пришли.

Вечер был бледен и полон звуков. Флаеры стрекотали в воздухе над городом, на траве играли в крикет, шум голографа доносился из гостиной дома.

Крепко обнимая свою девушку, он сидел на веранде, на скрипучей качалке, которая чмокала стенку каждый раз, когда они чересчур откидывались назад. Он как раз отхлебнул лимонада — запомнился его освежающе-кислый вкус, — когда трое мужчин шагнули из сумерек на веранду.

— Вы Чарльз Джексон Феррено, девятнадцати лет, шатен, карие глаза, рост — пять футов десять дюймов, вес — 158 фунтов, шрам на правом запястье?

— Да-да... а что? — пробормотал он.

Вторжение этих незнакомцев, да еще в самые интимные мгновения, повергло Феррено в замешательство.

Затем они схватили его.

— Что вы делаете? Отпустите его! — вскричала Мария.

Перед ней мелькнуло светящееся удостоверение, и она испуганно умолкла, подавленная их властью. Затем они поволокли его, воющего, во флаер, черный и безмолвный, и вихрем понеслись в пустыню Невада, к пласталевому зданию, где размещалась штаб-квартира Центральной Космической Службы.

Методом гипноза его обучили обслуживанию межпространственной связи. Навыки, которые он сам не обрел бы и за двести лет — перебор миллиона вариантов подключения, — внедрили в него механически.

Затем его подготовили к полету.

— Зачем вы так со мной поступаете? Зачем вы меня забрали? — кричал он, в отчаянии пытаясь разодрать шнурковку герметического костюма.

Ему объяснили. Марк LXXXII. Сквозь платиновое нутро просеяли сорок семь тысяч перфокарт, и лучшим среди всех был признан Феррено. Выбор пал на него. Безусловно точная машина сообщила, что он наименее подвержен сумасшествию, унынию, срывам. Он был лучшим, и служба нуждалась в нем.

Потом — корабль.

Нос чудища был нацелен прямо в безоблачное небо, самое голубое и ясное, какое Феррено когда-либо видел. Затем — грохот, рев и перегрузка, когда корабль ринулся в космос. И почти неощущимая тряска, когда судно заскользило через гиперпространство. Странствие сквозь млечную розоватость не-пространства. Затем опять тряска и — там! Направо-налево-не-доходя-упрещься — вот он, голый маленький астероид с пупышком квонсета.

Когда ему поведали о враге, он бросился на них, но его втолкнули обратно в пузырь, заблокировали герметический шлюз и вернулись на корабль. После этого они покинули Камень. Рванули вверх и, описав дугу, скрылись из виду в космическом пространстве.

Руками, покрытыми кровоподтеками, он колотил по упругой пластали гермошлюза и смотровым окошкам.

Он никогда не забывал, зачем он здесь.

Он пытался вообразить врагов. Были они отвратительными, похожими на слизняков тварями с некой темной звезды, от которых кольцами распространялись вязкие ядовитые флюиды, проникая в земную атмосферу; были они паукообразными вампирами со щупальцами; возможно, были они тихими, благовоспитанными существами, сводящими на нет все человеческие порывы и амбиции; были они...

Феррено продолжал в том же духе, пока это совершиенно не перестало занимать его. Потом он забыл о времени. Но помнил, что он здесь для того, чтобы наблюдать. Наблюдать и ждать. Часовой у врат Вечности, ожидающийся неведомого врага, который может налететь ниоткуда, чтобы погубить Землю. А может, этот враг бесследно исчез тысячелетия назад — оставив его здесь в бессмысленном дозоре, обреченного на пустую жизнь.

В нем проснулась ненависть. Ненависть к людям, похоронившим его заживо. Ненависть к людям, доставившим его сюда на корабле. Он ненавидел людей, которым пришла в голову идея о часовом. Он ненавидел компьютер по имени Марк, который выдал:

— Возьмите Чарльза Джексона Феррено, и только его!

Он ненавидел их всех. Но больше всего он ненавидел враждебных чужаков. Жестокого врага, вселившего страх в сердца людей.

Феррено ненавидел их всех жгучей ненавистью, доходившей до безумия. Затем наваждение прошло. Даже это прошло.

И вот теперь он старик. Годы избороздили кожу рук, лица и шеи. Глаза глубоко запали, окруженные складками плоти, брови стали белыми, как звезды. Отросшие спутанные волосы были обкорнаны ультрабезопасным бритвенным прибором, который невозможно было бы использовать для самоубийства. Борода нечесана и кое-как подровнена. Сутулая фигура, со временем идеально приспособившаяся к пневмокреслу.

Мысли перескакивали с одного на другое. Феррено думал. Впервые за последние восемь лет — с тех пор как прекратились галлюцинации — действительно думал. Он сидел сгорбившись в пневмокресле, которое давным-давно приняло форму, соответствующую его позе. Немые мотивы какой-то хорошо знакомой записи музыкальной пьесы нестройно звучали над головой. Было ли то кошмарное повторение Вивальди или кошмарное повторение Монтеверди? Загнанный кошмарным повторением туда, где так долго жила эта музыка, он пошарил в закоулках памяти.

Его мысли изменили направление прежде, чем он нашел ответ. Это не имело значения. Ничего не имело значения, кроме дозора.

Капли пота выступили над верхней губой, жидкые волосы прилипли к вискам, обозначив дуги залысин.

Что, если они никогда не придут?

Что, если они уже прошли и из-за какой-нибудь неполадки в приборах он проморгал их? Даже необъяснимое упорство вращающихся работяг-сканеров не внушало достаточной уверенности. Впервые за много лет Феррено вновь прислушивался к сканерам — исправны ли они? Нет ли каких-нибудь... неполадок?

Они звучали с перебоями! Боже мой, все эти годы и сейчас они не работали! Феррено не мог починить их, не мог выбраться наружу, он был обречен лежать здесь,

пока не умрет — жизнь потеряла цель! О Боже! Все эти годы прошли зря, и юность прошла, и прекратилось всякое движение, и поломались эти проклятые штуковины, и враги проскользнули незамеченными, и с Землей все кончено, и мне скверно здесь, и все было напрасно, и Маря, и все...

Феррено! Боже милостивый, человече! Остановись!

Резким усилием воли он взял себя в руки. Машины были совершенны. Они работали на основной субстанции гиперпространства. Они не могли выйти из строя, однажды запущенные согласно программе.

Но ощущение бесполезности осталось.

Он уронил голову на трясущиеся руки. Почувствовал, как слезы брызнули из глаз. Что способен сделать один тщедушный человек здесь, вдалеке ото всех и всего? Ему открыли достаточно, чтобы один человек стал более чем опасен. Да пусть они без устали убивают друг друга. Без разбора — мужчины и женщины. Лишь один человек сумеет сохранить самообладание, забавляясь путаницей предостережений по гиперпространственному коммуникатору.

Он вспомнил, что ему говорили о смене дозорного.

Ее не будет. Изолированный, человек начинал борьбу с самим собой. Если они заберут его и заменят другим, возрастет вероятность просчета — и провал. Избрав наилучшего кандидата при помощи непогрешимого компьютера, они положили все яйца в одну корзину — но свели риск до нуля.

Он снова вспомнил, что ему говорили о замене его роботом.

Невозможно. Кибернетический мозг, оборудованный для выполнения столь сложной задачи, как распознавание угрожающих факторов, а также передачи их на гиперпространственные коммуникаторы — включая всевозможные разветвления, которые могут возникнуть за пятьдесят лет, — был бы фантастически огромен. В длину миль эдак пятисот, в ширину — трехсот. С лентами, дублирующими системами, преобразователями и перфокартами, которые, если их выложить в

одну линию, покрыли бы половину расстояния от Камня до Земли.

Феррено знал, что он необходим, и это, наряду с другими соображениями, двадцать четыре года удерживало его от того, чтобы, исхитрившись, не свести с собой счеты.

Самоубийство все еще казалось ему слишком жалким, слишком никому не нужным исходом. Наверняка пузырь-квонсет передаст информацию, если он умрет или окажется в беспомощном состоянии. Тогда последует еще попытка.

Он был необходим, если...

Если враг приближался. Если враг уже не обошел его. Если враг не погиб давным-давно. Если, если, если!

Феррено почувствовал, как вновь пробуждается безумие, подобно некоему безобразному монстру рассудка.

Он оттеснил его беспристрастным доводом.

В глубине души Феррено знал, что он не что иное, как символ. Знак отчаяния. Знак выживания для людей Земли. Они хотели жить. Но разве они не принесли его в жертву ради своего выживания?

Он не мог ответить себе на этот вопрос.

Может, это было неизбежно. А может — нет. В любом случае так уж вышло, он был человеком.

Здесь — в этом скрещении галактик, в этом пункте особой важности, на этом рифе среди баталии, которая должна разыграться.

А что, если его бросили? Что, если сюда никогда не придут? Что, если врага вообще не существует? Всего лишь предположение, принятое за истину. Тайное давление на душу и жизнь человеческого существа!

Боже! Какая ужасная мысль! Что, если...

Тихий звонок и мощный красный свет из «глаза» в потолке включились одновременно.

Раскрыв рот, Феррено оцепенел. Он не мог смотреть вверх, на сам «глаз». Он уставился на кровавую дымку, застилавшую стены и пол квонсета. Это была минута, которой он ждал двадцать четыре года!

Та самая минута? Никаких резких звуков, никаких красных сигнальных мигалок. Только ровный сильный свет и тихий звонок.

И все же он знал, что так для него было гораздо лучше. Это предотвратило смерть от сердечного приступа.

Затем он попытался пошевелиться. Попытался нащупать сорок три клавиши гиперпространственного коммуникатора на подлокотниках пневмокресла. Попытался передать сообщение тем способом, который запечателся в подкорке, тем способом, который он никогда не смог бы воспроизвести сознательно.

Он словно примерз к сиденью.

Тело сковал паралич. Руки не слушались отчаянных приказов мозга. Клавиши, лежавшие на подлокотниках кресла, хранили молчание, предупреждение оставалось неотправленным. Он был абсолютно ни на что не способен. Что, если это ложная тревога? Что, если машины вышли из строя после двадцати четырех лет безостановочной работы? Двадцати четырех лет — а сколько людей побывало здесь до него? Что, если это была просто еще одна галлюцинация? Что, если он напоследок сошел с ума?

Он упускал момент. Парализованный страхом рассудок сковал движения. Он не имел права сплоховать — и наконец, завывая по-волчьи, послал сообщение.

Потом он увидел нечто и понял, что тревога была не ложная.

Вдали, в чернейшей черноте космического пространства над Камнем, он различил расширяющуюся световую точку, пронзающую деготь пустоты. И понял. Спокойствие наполнило его.

Теперь он знал: все было не напрасно. Наступила кульминация долгих лет ожидания. Лишний, невыносимого одиночества, мучительной скуки. Стоило вынести все это.

Он обмяк и закрыл глаза, предоставив свободу действий гипнотически усвоенному навыку. Его пальцы запорхали над клавиатурой.

Дело сделано. Успокоившись, он позволил своим мыслям отдохнуть на тихой ряби сознания. Через смот-

ровое окошко он видел все больше и больше световых точек — это была армада, безостановочно надвигавшаяся на Землю.

Он был удовлетворен. Пусть смерть близка, и его служба скоро окончится. Все годы были искуплены. Искуплены, хотя ничего хорошего ему пережить на Земле не пришлось. Однако искуплено было все. Битву за жизнь поведут другие люди.

Его ночной дозор завершился.
Враг наконец пришел.

БЕГСТВО К ЗВЕЗДАМ

1

Его застукали рядом с останками толстяка-лавочника. Мародер сидел на корточках, спиной к разбитой витрине, и шарил по бесчисленным карманам покойного торговца.

Он не слыхал, как они подошли. Оглушительный вой кибенских кораблей, поливающих огнем улицы города, смешивался в ушах с воем умирающих.

Они подкрались к нему сзади — трое мужчин с угрюмыми лицами и решительными взорами. Грохот взорванной где-то в городе энергостанции заглушил скрип их башмаков, ступавших по усыпанному щебенкой и пылью бетону. Мужчины остановились, и светловолосый кивнул двум другим. Те набросились на мародера и заломили ему руки за спину, вырвав у него изумленный пронзительный вопль.

Банкноты и монеты посыпались из рук, разлетелись по усеянному обломками камней полу.

Бенно Таллант, мучительно выгнув шею, обернулся к нападавшим:

— Отпустите меня! Он был уже мертвый! Я хотел только взять немного денег, чтобы купить еды. Христом Богом клянусь! Отпустите!

От боли в заломленных руках на глаза навернулись слезы.

Один из державших — коренастый шепелявый крепыш неопределенного возраста — злобно прошипел:

— Ты, мародер паршивый, как видно, не заметил, что грабишь в гастрономе? Здесь навалом всякой еды, бери — не хочу!

И заломил руку еще выше.

Таллант прикусил губу. Что толку спорить? Он не может признаться, что деньги нужны для наркотиков. Его просто убьют, и дело с концом. Идет война, город осажден кибенами, с мародерами разговор короткий. Может, так оно и лучше. Смерть положит конец гложущей его неутолимой жажде, и он станет свободным. Пусть даже мертвым, но свободным.

Свободным от дурманной пыли; свободным для нормальной жизни. Да, вот чего он хочет — стать свободным... Никогда больше он не притронется к дурманному порошку, если останется жив.

К тому же поставщик наверняка уже погиб.

При мысли о смерти, как всегда, у Талланта затряслись поджилки и онемели мышцы ног. Он безвольно обмяк всем телом.

Второй из державших, здоровенный свинорылый тип, с отвращением проворчал:

— Бога ради, на кой он нам сдался? Неужто для такого дела нельзя найти кого получше? Вы только посмотрите, как его развезло — это ж кисель, а не человек!

Светловолосый покачал головой. Он явно был у них главным. Чудом оставшийся чистым высокий лоб белел над черным от сажи и грязи лицом. Блондин провел по лбу рукой и замазал белое пятно.

— Нет, Шел. По-моему, он нам подходит.

Главарь повернулся к Талланту, наклонился и внимательно осмотрел дрожащего мародера. Потом приподнял его правое веко.

— Наркоман. Вот и ладненько. — Блондин выпрямился и добавил: — Мы целый день вас искали, приятель.

— Я никого из вас в жизни не видел! Что вам от меня нужно? Пустите меня, пустите!

Слишком уж долго они канителятся, хотели бы убить — давно бы убили. Что-то тут не так.

Он закричал, забывшись в истерике. Пот заливал ему лицо, словно где-то под волосами забил источник.

Высокий блондин обернулся через плечо и торопливо сказал:

— Пошли отсюда! Ташите его, ребята. Пускай доктор Баддер над ним поработает. — Он жестом велел им

поднять трясущегося наркомана и добавил, хлопнув Талланта по тощему животу: — Тут работы на добрых пять часов!

— Только дадут ли желтые сволочи нам эти пять часов? — проворчал шепелявый Шеп.

Свинорылый кивнул, и, будто подтверждая их опасения, сгущающиеся сумерки разорвал истощный женский крик. Они замерли; Таллант почувствовал, что вот-вот сойдет с ума — прямо сейчас, в их руках, от этого крика, от этих людей, оттого, что нет порошка и весь мир разваливается вокруг на части. Ему отчаянно хотелось лечь и подрожать.

Он попытался осесть всем телом еще раз, но свинорылый дернул его и поставил на ноги.

Они прошли через гастроном, вздымая густые клубы цементной пыли и ступая по кусочкам металлопластика, трещавшего под башмаками. Возле разбитой витрины остановились, вглядываясь в потемки.

— Придется нам попотеть четыре мили, — сказал шепелявый. Высокий светловолосый главарь молча кивнул.

Взрыв топливного резервуара перекрыл непрерывную пальбу и победные клики кибенской атаки... вместе с предсмертными криками людей.

На мгновение воцарилась мертвая тишина — затишье перед боем, предвещающее новый ужасный удар. И не успели они перевести дух, как над головами с надрывным свистом пронесся снаряд и пропорол фасад жилого здания напротив. Металл и бетон брызнули во все стороны и застучали по развороченному тротуару градом осколков.

Группа мужчиностояла минуту в напряжении, а потом, подхватив свою добычу, бесшумно и быстро скользнула в вечернюю мглу.

И только толстяк-лавочник остался лежать среди развалин гастронома — мертвый, равнодушный и безмятежный.

2

Бенно Таллант очнулся во время операции. В горле пересохло и горело, кружилась голова. Он увидел свой разрезанный живот; скользкие внутренности — мокрые,

пульсирующие в собственной крови — предстали перед ним во всей своей наготе.

Плешивый старикашка, заросший колкой седой щетиной, осторожно совал в разъятую плоть металлическую коробочку с кнопками и калибровочными шкалами. В глаза Бенно уставился дебильный слепящий глаз операционной лампы, и он тут же вырубился снова.

Когда он очухался во второй раз, то обнаружил, что лежит, обнаженный до чресел, на операционном столе в холодной-прехолодной комнате. Голова была чуть приподнята. В глаза ему бросился рваный алый рубец, бежавший от нижнего ребра до самого паха подобно красной реке, пересекающей пустыню. В середине рубца блестел металлический кончик проволоки с нашлепкой вроде булавочной головки. Таллант внезапно вспомнил все.

Они оборвали его вопль, засунув в рот смятое полотенце.

Высокий блондин из разрушенного гастронома шагнул в поле зрения Талланта. Грязь с лица он смыл и переоделся в мышного цвета военный мундир с тремя капитанскими нашивками на лацканах. Главарь пристально вглядывался в лежащего, наблюдая за гаммой эмоций, искаравших лицо мародера.

— Моя фамилия Паркхерст, приятель. После гибели президента и его команды я возглавляю Сопротивление.

Он подождал, пока Таллант успокоится. Но конвульсии не прекращались: глаза лезли вон из орбит, кожа на лице покраснела, жилы на шее вздулись.

— Вы нужны нам, мистер, однако времени осталось в обрез... Если хотите жить, успокойтесь.

Лицо наркомана расслабилось.

Изо рта у него вынули кляп, и собственный язык показался ему в первый миг густым обжигающим месивом. Таллант снова вспомнил свой разверстый окровавленный живот.

— Что это было? Что вы со мной сделали? Зачем?!

Он заплакал. Слезы катились из уголков глаз, зигзагами стекали по щекам к уголкам рта и падали с подбородка.

— Я тоже хотел бы это знать, — раздался голос слева от него.

Таллант с трудом повернул голову. Боль острыми иголками вонзилась в основание шеи. Он увидел старикушку с колючей щетиной. Это был врач — врач, который засовывал металлическую коробочку в желудок Талланта, когда тот очнулся в первый раз. Доктор Баддер, надо полагать.

— Скажите мне, Паркхерст, зачем нам этот сопливый слюнтяй? — продолжал доктор. — Вы нашли бы не меньше двадцати добровольцев, стоило вам только захотеть. Да, мы потеряли бы хорошего парня, но по крайней мере знали бы, что человек сделает дело на совесть.

Не успев договорить, он захлебнулся тяжелым кашлем и вцепился в край операционного стола.

— Все курево проклятое... — просипел он, пока высокий блондин усаживал его в кресло.

Паркхерст покачал головой и ткнул пальцем в сторону Талланта.

— Лучше всех сделает дело тот, кто боится. Кто ударится в бега. Бегство займет время, а время — это все, что нам надо, чтобы живыми добраться до Земли или другой колонии. Вы так не думаете, док? Вы сомневаетесь в том, что он задаст стрекача?

Баддер потер колючие заросли на подбородке. Щетина поскрипывала у него под пальцами в наступившей тиши.

— М-м-м... Наверное, вы правы... Вы всегда правы. И все же...

— Ладно, док, — нетерпеливо, хотя и дружелюбно прервал его Паркхерст. — Когда вы поставите парня на ноги?

Доктор, кряхтя и отдуваясь, поднялся с кресла. С науткой прокашлялся и сказал:

— Я обработал его эпидермизатором... Рана затягивается отлично. Нужно обработать еще разок, но... Э-э... Видите ли, Паркхерст, все это курево, да и нервы у меня не в порядке... В общем, я хотел спросить: у вас не найдется... э-э... чуть-чуть? Самую малость, только взбодриться.

Глаза старика загорелись надеждой, и Таллант сразу узнал этот блеск. Старик тоже был наркоманом. Или алкашом. Точно сказать трудно, но дока Баддера пожирала та же ненасытная страсть, что и его самого.

Паркхерст решительно покачал головой:

— Ничего не выйдет, док. Вы должны быть в форме на случай, если что-нибудь...

— К черту, Паркхерст! Я не заключенный — я врач и имею право...

Паркхерст оторвал взгляд от Талланта, на которого смотрел все время, разговаривая с врачом.

— Послушайте, док. Времена нынче для всех тяжелые. Всем нам нелегко, да только вот жена моя сгорела заживо на улице три дня назад, когда напали кибены, а мои дети сгорели в школе. Я понимаю, как вам тяжко, док, но если вы, не приведи Господь, не прекратите клянчить у меня виски, я убью вас, док. Я вас просто убью.

Блондин говорил тихо, вышагивая в такт по комнате ради вящей убедительности, однако в голосе его звено отчаяние. Видно было, что на сердце у него нестерпимая боль, а на плечах — неподъемное бремя. Ублажать врача он явно не собирался.

— Так когда мы сможем выпустить его отсюда, док?

Доктор Баддер окинул комнату безнадежным взглядом, облизнул губы. Потом торопливо и нервно произнес:

— Я... Я снова обработаю его эпидермизатором. Это займет часа четыре. Работа сделана чисто, тяжести в желудке быть не должно. Он ничего не почувствует.

Бенно жадно прислушивался. Он до сих пор не понимал, что с ним такое сотворили, зачем эта операция, но непреодолимый ужас, объявший его поначалу, слегка утих во время перепалки между Баддером и Паркхерстом. Он провел дрожащей рукой по рубцу. Его чуть не стошило от страха; щека и предплечье задергались нервным тиком.

Доктор Баддер подкатил к операционному столу продолжавший аппарат со щупальцами и выдвинул вверх раздвижной кронштейн. На конце его была прямоугольная коробочка из никелевой стали с небольшим

отверстием. Баддер включил аппарат, и из отверстия на рану полился свет.

Рубец моментально посветел и сморщился. Бенно не чувствовал той штуки, что зашили ему в желудок. Он просто знал, что она там.

У него вдруг начались жуткие колики. Он закричал от боли.

Паркхерст побледнел.

— Что с ним? — спросил главарь так быстро, что фраза слилась в одно слово.

Доктор Баддер отпихнулся в сторону кронштейн эпидермизатора и склонился над Таллантом, который лежал, тяжело дыша, с искаженным судорогой лицом.

— В чем дело?

— Болит... там... — Бенно показал на живот. — Адская боль... Сделайте же что-нибудь!

Толстенький маленький врач со вздохом отступил на шаг и небрежным движением вернул кронштейн на место.

— Все в порядке. Колики вызваны самовнушением. Побочных явлений по идею быть не должно. Впрочем, — добавил он, злопамятно глянув на Паркхерста, — я не такой уж хороший врач, не такой трезвый и именитый, какого Сопротивление выбрало бы, будь у него возможность, поэтому гарантировать ничего не могу.

— Заткнитесь, док, — с досадой отмахнулся от него Паркхерст.

Баддер натянул простыню Талланту на грудь, и ма-родер застонал от боли.

— Кончай скулить, слизняк несчастный! — рявкнул Баддер. — Аппарат заживляет рану через простыню, тебе не о чем беспокоиться... пока. Женщины и дети там, — врач махнул рукой в сторону задраенного окна, — страдают куда больше твоего.

Он повернулся к двери. Паркхерст пошел следом, задумчиво хмуря лоб.

Взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Мы принесем вам поесть. Попозже. — И, отвернувшись, добавил, не глядя на Талланта: — Не пытайтесь бежать. Не говоря уже об охране у двери — а это единственный выход отсюда, разве что вы попро-

буете удрать к ним через окно, — так вот, не говоря уже об охране, вы можете истечь кровью раньше, чем мы вас отыщем, если откроется рана.

Он выключил свет, вышел и закрыл за собой дверь. Таллант услышал приглушенные голоса, доносившиеся словно сквозь толстый слой ваты, и понял, что охранники за дверью уже наготове.

Тьма не мешала мыслям Талланта. Он вспомнил о дурманном порошке, и боль скрутила его опять; он вспомнил о прошлом и начал судорожно хватать воздух ртом; он вспомнил, как очнулся во время операции, и еле сдержал рвущийся из горла крик. Нет, тьма не мешала мыслям Талланта.

Яркие и жгучие, они терзали его все следующие шесть часов невыносимой адской пыткой.

3

За ним пришел шепелявый Шеп. Он тоже умылся, но вокруг носа, под ногтями и в складках мешков под глазами осталась въевшаяся грязь. С другими людьми, которых Таллант видел сегодня, шепелявого роднила беспредельная усталость.

Шеп задвинул кронштейн эпидермизатора в полый стержень и откатил аппарат к стене. Таллант внимательно следил за ним, и, когда Шеп сдернул простыню, чтобы обследовать тонкий белый шрам, оставшийся от раны, Бенно приподнялся на локтях:

— Ну как там, снаружи?

Спросил дружелюбно, почти заискивающе, как спрашивают дети, стараясь подольститься к рассерженным взрослым.

Шеп поднял на него серые глаза, ничего не ответил и вышел из комнаты. Через пару минут он вернулся с кучкой одежды. Швырнул ее на операционный стол и помог мародеру сесть.

— Одевайтесь!

Таллант сел, и желудок тут же свело в приступе наркотической ломки. Он уронил голову, открыл рот, рыгнул пару раз, но рвать было нечем. Выпрямился, провел дрожащей рукой по темным волосам.

— П-послушайте, — начал Бенно, доверительно обращаясь к человеку из Сопротивления, — н-не могли бы вы мне п-подсказать, где достать н-немного дурманного п-порошка? Я з-заплачу, у меня есть...

Шеп размахнулся и влепил ему пощечину, оставив на лице горячий красный след.

— Нет, мистер, это вы меня послушайте! До вас, похоже, не доходит, так я вам объясню: боевая армада кибенов пересекает сейчас космическое пространство, направляясь прямиком к планете Дильда. Нас атаковал всего лишь авангард, разведывательный отряд — и он почти уничтожил планету. Там, снаружи, погибло около двух миллионов человек, приятель. Ты знаешь, что такое два миллиона? Это почти все наше население. А ты сидишь тут и клянчишь у меня понюшку! Да будь моя воля, я прикончил бы тебя на месте... Так что натягивай на себя одежду и заткни пасть, иначе, Господь свидетель, я за себя не ручаюсь!

Шепелявый отвернулся, и Таллант уставился ему в спину. Страха он не испытывал — только желание лечь и заплакать. За что ему такие муки? Он на все был готов, лишь бы достать щепотку порошка. Ему было плохо... совсем плохо... А ведь он так старался держаться от них ото всех подальше. Хотел только раздобыть немногих денег и найти поставщика... Какого черта они к нему привязались? Что они сделали с ним?

— Оdevайся! — гаркнул Шеп. Жилы на шее у него вздулись, лицо перекосилось от злости.

Таллант поспешил натянуть комбинезон с капюшоном, обулся и застегнул на поясе ремень.

— Пошел! — Шеп столкнул его со стола.

Таллант покачнулся, чуть было не упал и с ужасом вцепился в Шепа, пытаясь одолеть нахлынувшую слабость.

Шеп стряхнул его руки и скомандовал:

— Пошел, грязный подонок! Пошел!

Таллант зашагал по коридору. Очевидно, они находились в подземелье. Он брел следом за Шепом, понимая, что бежать ему некуда; шепелявый, казалось, не обращал на него внимания — знал, что мародер никуда не денется.

Сквозь стены — и сквозь толщу земли — доносились отзвуки бомбёжки, сотрясавшей планету. Бенно довольно смутно представлял себе, что там творится.

Война между Землей и Кибой была долгой и разрушительной и шла уже шестнадцать лет, но кибенский флот впервые прорвался так далеко в человеческие владения.

Судя по всему, нападение было внезапным и планета Дильда подверглась удару первой. Бенно видел разрушения и гибель наверху и понимал, что люди, собравшиеся в подземелье и пытающиеся защитить планету, — это последний очаг Сопротивления.

Но что им нужно от него?

Шеп свернул направо, распахнул дверь и посторонился. Таллант вошел в помещение, служившее, по-видимому, чем-то вроде радиорубки. Стены были сплошь покрыты батареями циферблотов и переключателей, экранами и переговорными устройствами. Паркхерст, небрежно зажав в руке микрофон, разговаривал с радиостом.

Когда Таллант вошел, блондин обернулся и кивнул сам себе, словно бы в подтверждение своим мыслям: мол, раз мародер на месте, все теперь пойдет по плану.

— Вы, наверное, хотите знать, что происходит. — Он замялся. — Думаю, мы должны вам объяснить.

Радист очертил в воздухе круг указательным пальцем, очевидно, предупреждая, что скоро начнется передача или же что батареи нагреваются.

Паркхерст поджал на мгновение губы, а потом сказал почти извиняющимся тоном:

— Мы не питаем к вам ненависти, приятель.

Таллант отметил про себя, что они до сих пор не удосужились узнать его имя.

— Нам нужно сделать одно дело, — продолжал Паркхерст, наблюдая вполглаза за Таллантом и вполглаза — за оператором. — И ставка тут больше, чем ваша жизнь или моя; ставка больше, чем вся планета Дильда. Гораздо больше. Для этого дела нам нужен человек определенного склада. Вы подходите просто идеально, вы даже не представляете насколько. Мы не выбирали вас

преднамеренно, это вышло случайно. Если бы не вы, подвернулся бы кто-то другой, похожий на вас.

Паркхерст пожал плечами, как бы желая сказать, что тут уж ничего не попишешь.

Талланта начало трясти. Он стоял, дрожа всем телом, и отчаянно жаждал нюхнуть порошка, хотя бы разок. Его не интересовала патриотическая болтовня, которую вешал ему на уши Паркхерст; он хотел только одного: чтобы его оставили в покое и отпустили наверх, пусть даже кибены жгут там планету, лишь бы вырваться отсюда. Может, ему повезет и он наткнется на запасы порошка... потому что от этих людей он его не получит. Если уж доку Баддеру не удалось выпросить стаканчик, то ему и подавно надеяться не на что.

Да, в этом все дело. Теперь он понял. Это заговор с целью разлучить его с возлюбленным порошком. А порошок он получит — только надо подождать, надо затаиться и перехитрить безумных заговорщиков, чтобы они ослабили надзор. И тогда он улизнет. Никаких кибенов в городе нет, это все подлый заговор против него и его любимого порошка. Глаза у Бенно сузились.

И тут мысль о металлической коробочке в желудке вернула его к действительности. Таллант содрогнулся. Он не мог побороть ужаса при воспоминании о том, как эту штуковину засовывали ему в живот.

Бледное лицо мародера было покрыто потеками пота и грязи, хотя его умывали не раз за шесть часов, пока заживала рана. Тощий, весь какой-то землисто-серый, он был из той породы людей, что напоминают волков или крыс. Темные волосы и маленькие, глубоко посаженные глазки. Лицо, сужающееся конусом, как у грызуна.

— Что... что вы собираетесь делать со мной? — Он легонько, с опаской коснулся желудка. — Что вы со мной сделали?

Одно из многочисленных переговорных устройств пронзительно заверещало. Радист судорожно замахал рукой Паркхерсту и в конце концов похлопал его по плечу. Паркхерст обернулся, и радист кивнул: давай, мол, начинай. Паркхерст грозно взглянул на Талланта,

обрывая его стенания, и жестом велел Шепу встать рядом с трясущимся мародером.

А затем заговорил в микрофон — чуть более громко и разборчиво, чем обычно, как будто он общался с кем-то через большое расстояние и хотел, чтобы каждое слово было понятным и точным.

— Говорит штаб Сопротивления планеты Дильда. Мы находимся под юрисдикцией Земли и обращаемся к кибенскому флоту. Вы слышите нас? Передача транслируется на многих частотах, так что мы не сомневаемся, что вы ее поймаете. Даем вам десять минут на подготовку к переводу текста и связь с вашим командованием.

Это жизненно важно для вас, кибены. А потому, как только вы переведете то, что я сейчас сказал, советую вам незамедлительно сделать все необходимые приготовления и доложить своим офицерам.

Он махнул рукой, и радиост прервал связь.

Паркхерст вновь обернулся к Талланту:

— Они переведут. Должны перевести... Им были известны самые удобные подходы к планете, а значит, они наверняка общались с земными торговцами или же с нашими кораблями, слишком далеко углубившимися в туманность Угольного мешка. Они сумеют расшифровать текст.

Таллант провел тощей бледной рукой по шее.

— Что вы собираетесь со мной делать? Что вы затеваете? — Он чувствовал, что близок к истерике, но не мог остановить потока слов. Ему было страшно. — Так нечестно! Вы должны мне сказать!..

Голос его поднялся до визга. Шеп придинулся к нему вплотную, схватил за руку повыше локтя. Таллант проглотил рвущиеся из горла слова, уже готовые хлынуть новым потоком.

Паркхерст заговорил неторопливо и тихо, стараясь успокоить Талланта:

— Нас атаковал авангард гигантского кибенского флота, мистер. В этом не может быть никаких сомнений. Если у них такой разведывательный отряд, значит, им удалось собрать невероятно мощные силы. Совершенно очевидно, что они попрут напролом, сметая своей

массой всю земную оборону, и, возможно, атакуют саму Землю.

Это главное наступление кибенов за все годы войны, а мы не можем даже связаться с Землей. Наши межпланетные передатчики вышли из строя, когда кибены сожгли заполярные станции. Мы не в состоянии предупредить материнскую планету. Она останется беззащитной, если падут и другие внешние колонии — а они непременно падут, стоит только кибенскому флоту удирать в полную силу.

Мы обязаны предупредить Землю. А чтобы сделать это — и заодно, если повезет, спасти несколько тысяч человек, уцелевших на планете Дильда, — нам нужно выиграть время. Поэтому требовался такой человек, как вы.

Паркхерст умолк, и все молча стали ждать.

В рубке раздавалось только бесстрастное потрескивание и жужжание аппаратов да тяжелое, со всхлипами, дыхание Бенно Талланта.

Наконец большой стенной хронометр отсчитал десять минут, и радиост снова махнул Паркхерсту.

Блондин взял в руки микрофон и начал говорить — спокойно, убедительно, понимая, что обращается уже не к своим подчиненным, а к властям предержащим там, наверху, над планетой; он говорил так, будто каждое слово было ключевым для разгадки важнейшей тайны:

— У нас на планете бомба. Солнечная бомба. Уверен, что вам не надо объяснять, что это значит. Нагреется весь воздух, вплоть до верхних слоев стратосферы. Этого недостаточно, чтобы превратить планету в новую звезду, но более чем достаточно, чтобы погубить все живое, раскалить каждый кусочек металла до испарения и выжечь землю так, что здесь ничего уже не сможет расти. Планета погибнет, а вместе с ней погибнем и все мы, и все вы тоже.

Большинство из ваших пятидесяти кораблей приземлились. Те немногие, что остались на орбите, не избегнут воздействия бомбы, даже если стартуют в открытый космос прямо сейчас. И если они это сделают — а мы следим за вами с помощью радара, — то мы взорвем бомбу немедленно, без малейших коле-

баний. В противном случае мы можем предложить вам альтернативный вариант.

Паркхерст мельком взглянул на радиста, не спускавшего глаз с ряда радарных экранов, в центре которых светилось по одной точке. Радист помотал головой, и Таллант понял, что они ждут, как будет воспринято их заявление. Если хоть одна точка на экране сдвинется с места, значит, кибены не поверили им или решили, что люди из Сопротивления блефуют.

Но кибены не осмелились испытать судьбу. Точки застыли в центре экранов, будто приклеенные.

Глаза у Талланта внезапно округлились. До него дошло наконец, о чем говорил сейчас Паркхерст. Он понял, что имел в виду блондин. Он понял, где спрятана бомба. Бенно раскрыл было рот, но ладонь Шепа зажала его, не давая крику вырваться из горла и достичь через передатчик кибенов.

У Бенно началась неукротимая рвота. Шеп, тихо выругавшись, отшатнулся и стащил с пульта лист бумаги, пытаясь вытереть блевотину. Таллант корчился в судорогах, его рвало уже всухую, и Шеп еле успел подхватить его, не дав упасть на пол.

Шепелявый усадил Талланта на скамейку возле пульта, продолжая вытирать свой загаженный мундир. Таллант чувствовал, что он на волоске от безумия.

Всю жизнь он привык жить своим умом и крутиться, чтобы выжить. Стоило кому-нибудь протянуть Бенно палец, как он отхватывал всю руку. Но на сей раз спасительного пальца не было. Таллант растерянно осознал, что не может воспользоваться слабостью или вежливостью этих людей, как не раз делал прежде. Эти люди были грубы и безжалостны, и они зашили солнечную бомбу — *солнечную*, Боже милосердный! — ему в желудок.

Как-то раз он видел стереофильм, запечатлевший взрыв солнечной бомбы.

Его вырвало еще раз, и он таки свалился на пол. Будто сквозь туман донесся голос Паркхерста:

— Повторяем: не пытайтесь удратить. Если хоть один из ваших кораблей стартует, мы немедленно взорвем бомбу. У вас есть только одна альтернатива тотальному

уничтожению планеты. Планеты, которая крайне необходима вашему флоту для дозаправки и пополнения припасов. Только одна альтернатива.

Паркхерст сделал паузу и обвел взглядом рубку, внезапно показавшуюся очень тесной. Его, похоже, слегка смущала явная театральность ситуации. Облизнув губы, Паркхерст тихо продолжил:

— Дайте нам уйти. Дайте землянам этой планеты улететь, и мы обещаем не взрывать бомбу. Выйдя за пределы атмосферы, мы переключим взрывное устройство на автоматический режим, и тогда ищите бомбу сами. Если ее наличие вызывает у вас сомнения, включите счетчики, и ваши собственные приборы зарегистрируют повышенный выброс нейтрино. Тогда вы сразу убедитесь, что это не блеф.

Добавлю только, что бомбу можноdezактивировать. Вы найдете ее и обезвредите, но не раньше, чем мы улетим. Вам придется принять это условие. Иначе... Иначе никаких условий не будет. Только смерть.

Если вы не согласитесь, мы взорвем бомбу. Если вы выполните наши требования, мы тотчас покинем планету, а бомбу поставим на автоматику, и она взорвется в заданный срок. Часовой механизм в ней надежный, ей не страшны никакие нейтриноглушители.

Таков наш ультиматум. Мы будем ждать ответа не более часа. По истечении этого срока мы взорвем бомбу, даже если погибнем все до единого!

Вы можете ответить на той же частоте, на которой приняли наше сообщение.

Паркхерст махнул радиосту, и тот щелкнул выключателем. Передача была окончена.

Блондин повернулся к Талланту, дрожмя дрожавшему в луже собственной блевотины. Взгляд у Паркхерста был усталый и печальный. Он собирался что-то сказать, и ясно было, что скажет он что-то чудовищно жестокое.

«Не дай ему это сказать, не дай ему это сказать, не дай ему это сказать», — твердил Талланту внутренний голос в глубине помраченного сознания. Он крепко зажмурил глаза, прижал к ним липкие кулаки, надеясь, что тьма защитит его от слов Паркхерста.

Но блондин заговорил.

— Я, конечно, — сказал он спокойно, — мог и привратить. Не исключено, что бомбу вообще невозможно обезвредить. Даже если они ее найдут.

4

Таллант впал в такое буйство, что им пришлось запереть его в операционной, предварительно убрав все бьющиеся предметы. Шеп хотел привязать наркомана к столу, но Паркхерст и свинорылый — бывший пекарь по фамилии Баннеман, ставший снайпером, — воспротивились.

Они оставили Бенно Талланта в комнате, и час потянулся, как резиновый. В конце концов Шеп открыл дверь и обнаружил мародера лежащим на полу — ноги подогнуты к самой груди и обхвачены руками, расширенные темные глаза смотрят невидящим взором на вялые, расслабленные пальцы.

Шепелявый налил в соседней комнате из крана полный кувшин воды и выплеснул ее в лицо Талланту. Мародер, вздрогнув и застонав, вышел из транса. Поднял глаза, и воспоминания вновь нахлынули на него. Вместе с жаждой дурманного порошка.

— Т-только разочек... разочек нюхнуть, больше ничего... Пожалуйста!

Шеп разглядывал хнычущего наркомана с омерзением и злой безнадежностью.

— И это спаситель Земли!

Он сплюнул на пол.

Таллант расклелся совершенно. Пересохший рот наполнялся иллюзорной слюной и пересыхал снова. Голова разламывалась, все мышцы свело. Больше всего на свете ему нужна была пыль, он просто не мог без нее. Они обязаны ему помочь. Он всхлипнул и пополз к башмакам Шепа.

Шепелявый отступил назад.

— Вставай! С минуты на минуту должен прийти ответ!

Таллант с огромным трудом приподнялся, ухватившись за операционный стол. Ножки стола были привинчены к полу, но пока Таллант бушевал и рвался к

вожделенному порошку, он умудрился погнуть две из них.

Шеп снова повел его, дрожащего и пускающего слюни, к радиорубке. Паркхерст, увидав, до какой степени распада дошел наркоман, что-то тихо сказал доктору Баддеру. Заросший щетиной старикашка кивнул и скользнул мимо Талланта в дверь. Бенно смотрел по сторонам пустым взглядом, пока доктор не вернулся.

Старик принес белоснежный пакетик, и Таллант сразу понял, что в нем. Дурманный порошок.

— Даймне, даймне, даймне, пожалуйста, вы должны мне ее дать, дайте, дайте мне...

Он протянул трясущиеся руки, нервно подрагивающие пальцы коснулись пакетика. Доктор Баддер, глядя, как другой алчущий получает желаемое, в то время как сам он по-прежнему вынужден томиться без своей отравы, отдернул пакетик, желая подразнить Талланта.

Наркоман бросился к старику и чуть не упал на него, хрипло дыша и брызгая слюной.

— Даймне, даймне, даймне, даймне... — Шепот его был лихорадочным, умоляющим.

Доктор визгливо засмеялся, наслаждаясь игрой. Паркхерст резко оборвал его:

— Оставьте парня в покое, док! Я сказал: дайте ему дозу!

Врач швырнул пакетик на пол, и Таллант, хлопнувшись на четвереньки, мигом схватил его и разорвал зубами упаковку. Не вставая с колен, он дополз до пульта, оторвал от блокнота листок, высыпал белый порошок из пакетика в сгиб листа. Потом отвернулся к стене и, съежившись так, чтобы никто не видел, что он делает, вдохнул порошок по очереди каждой ноздрей.

Зелье, скользнув по носовым каналам, тотчас утолило жажду, и к Бенно вернулись силы. В затылке больше не давило, руки перестали трястись. Повернувшись назад, он уже не был развалиной.

Он был только трусом.

— Сколько еще? — спросил Баннеман из противоположного угла рубки, старательно отводя глаза от Талланта.

— Теперь в любую минуту, — отозвался радиост из-под шлемофона.

И, будто слова его были сигналом, затрещал радиопродуктор, и тишину взорвал голос машины-переводчика.

Это был холодный, металлический голос — результат перевода с кибенского на английский:

— Мы согласны. Как показывают наши приборы, бомба у вас есть, поэтому мы даем вам семь часов на сборы и погрузку.

Вот и все. Коротко и ясно.

Но сердце у Талланта упало. Если детекторы инопланетян зарегистрировали увеличение нейтринного выброса, значит, прощай, последняя надежда. Бомба у Сопротивления действительно есть, и ему известно, где она.

Он сам — ходячая бомба. Ходячая смерть!

— Пора собираться, — сказал Паркхерст и повернулся к двери.

— А как же со мной? — взвизгнул Таллант и схватил Паркхерста за рукав. — Теперь, когда они позвонили нам убраться, я вам больше не нужен, верно? Вы можете вынуть из меня эту... эту штуковину?

Паркхерст поднял на него усталые глаза. В глубине их таилась неизбывная грусть.

— Позаботься о нем, Шеп. Он нужен нам еще семь часов.

И ушел.

Ушли и все остальные, кроме Шепа с Таллантом. Наркоман заорал:

— Что будет со мной? Скажи мне! Что?!

И Шеп ему все объяснил.

— Ты будешь последним человеком на планете Дильда. У кибенов есть приборы, способные методом сужения района поиска определить источник выбросов нейтрино. Если бы бомба была неподвижна, они бы мигом ее засекли. Но человек будет двигаться с места на место. К тому же они ни почем не догадаются, что бомба спрятана в человеке. Они решат, что все мы улетели. Но ты останешься здесь, вместе с бомбой. Ты будешь нашей страховкой.

Паркхерст, пока не улетит, будет управлять взрывным устройством, так что бомба не взорвется. А когда он отчалит, то переключит бомбу на автоматический режим, и она взорвется в заданный срок.

Если хоть один кибенский корабль попробует броситься за нами в погоню, бомба взорвется. Если они не полетят за нами, но не найдут ее вовремя, она взорвется тоже.

Шеп объяснял так безучастно, так хладнокровно приговаривал Талланта к смерти, что тот почувствовал, как внутри взыграла сила дурманного порошка, почувствовал ярость и возмущение тем, что его одурачили и превратили в ходячую бомбу.

— А что, если я им сдамся и позволю вырезать бомбу так же, как вы ее вшили? — в приливе храбрости резко спросил Таллант.

— Ты не сделаешь этого, — уверенно возразил Шеп.

— Почему?

— Да потому, что они не будут с тобой цацкаться так, как мы. Первый же отряд кибенской пехоты, который высledит бомбу, распнет тебя на земле и выпотрошит все твои внутренности.

Лицо Бенно исказилось от ужаса, и Шеп это заметил.

— Видишь ли, чем дольше ты будешь удирать, тем дольше они будут искать тебя. А чем дольше они будут искать тебя, тем больше шансов у нас будет предупредить Землю. Поэтому нам пришлось выбрать самого что ни на есть жалкого труса, который привык делать ноги... Для которого бегство — это способ выживания.

Ты побежишь так, что только пятки засверкают. Потому-то Паркхерст тебя и выбрал. Ты будешь бежать и бежать, не останавливаясь, приятель.

Таллант вскочил и заорал:

— Меня зовут Таллант! Бенно Таллант. У меня есть имя, понятно? Я Таллант, Бенно, Бенно, Бенно Таллант!

Шеп гаденько ухмыльнулся и плюхнулся на скамейку возле пульта.

— Плевать я хотел на твое имя, приятель! Почему, как ты думаешь, мы не спросили, как тебя зовут?

Безымянного, тебя легче будет забыть. Им непросто было на такое решиться — Паркхерсту и прочим. Их мучит совесть из-за тебя, приятель. А вот меня не мучит. Паршивый наркоман вроде тебя изнасиловал мою жену перед тем... перед тем как... — Он умолк и поднял глаза к потолку. Там, в городе, сидели и ждали кибены. — Так что, по-моему, мы квиты. Я ничего не имею против, если одним наркоманом в мире станет меньше. Ничего.

Таллант бросился к двери, но винтовка, которую Шеп держал наготове, с глухим стуком обрушилась ему на спину. Мародер свалился на пол, корчась от боли и истошно вопя.

— А теперь мы подождем часиков семь, — сказал Шеп спокойно. — И тогда ты станешь воистину бесценным, приятель. Воистину бесценным. Вся жизнь кибенского флота будет у тебя в животе!

Он от души расхохотался, и Бенно Таллант подумал, что сейчас свихнется от этого смеха. Ему хотелось просто лечь, и все. И умереть.

Но это ему предстояло чуть позже.

На взлетном поле наконец стало тихо. Семь часов не смолкал шум погрузки уцелевших жителей планеты, а потом корабли взмыли в густых клубах дыма ввысь, оставляя в небе хвосты реактивных выбросов. К старту готовился последний корабль. Бенно Таллант наблюдал за Паркхерстом, который поднял на руки маленькую девочку. Кроха со светленькими косичками прижимала к себе пластмассовую игрушку. Паркхерст держал девочку чуть дольше, чем было необходимо, не сводя с нее глаз, и на лице его была неприкрытая скорбь по собственным детям, погившим в огне. Но Бенно не испытывал к нему сочувствия.

Его бросили здесь на верную смерть, жестокую и бесчеловечную.

Паркхерст подсадил девчушку в отверстие люка, где ее приняли чьи-то руки, и начал подниматься по трапу сам. Потом, опустив ладонь на перила, остановился. Обернулся, посмотрел на Талланта. Тот стоял, уронив

по бокам дрожащие руки, точно пес, умоляющий, чтобы его взяли с собой.

Невооруженным глазом было видно, что Паркхерсту нелегко. Он не был убийцей; он просто выбрал единственно возможный вариант решения проблемы — нужно предупредить Землю. Но Таллант не сочувствовал ему. Боже милостивый! Его приговорили к превращению в солнечную...

— Послушайте, мистер, что я скажу. Мы не такие дураки, как считают кибены. Они думают, будто мы просто отчалим и оставим им бомбу. Набьемся в свои утлыес суденышки и полетим, а они быстренько обезвредят бомбу и догонят нас в космосе, упакованных и готовых к поджариванию.

Но они ошибаются, Таллант. Мы позаботились о том, чтобы нашу бомбу не нашли. Их детекторы могли бы ее засечь, но только не в движущемся носителе. Нам пришлось найти человека вроде вас, Таллант. Труса и беглеца.

Вы — наша единственная гарантия, единственный шанс добраться до аванпостов и предупредить Землю. Я... я не могу сказать вам ничего такого, что переменило бы ваше мнение о нас к лучшему. Знали бы вы, как долго я ломал себе голову, прежде чем решился на этот шаг! Не смотрите на меня так... Скажите хоть что-нибудь!

Таллант молча смотрел перед собой; страх растекался по всем его жилам, ядовитыми парами сочился из пор, подкашивал ноги.

— Странное дело: хоть я и знаю, что вы погибнете, что я сам обрек вас на смерть, я смотрю на вас с гордостью. Можете вы понять это, мистер? Несмотря на то что я использовал вас, превратив в одушевленный бомбовоз, я исполнен гордости, ибо знаю: вы долго, очень долго не дадитесь им в руки, и я смогу спасти горстку уцелевших людей, спасти Землю. Можете вы это понять?

Таллант не выдержал и схватил Паркхерста за руки:

— Пожалуйста, прошу вас, ради Бога, возьмите меня с собой! Не бросайте меня здесь! Я умру... Я... умру!

Паркхерст, нахмурившись, отдернул руку.

Таллант отлетел назад.

— Но за что? За что вы меня ненавидите? Почему вы хотите моей смерти? — Из горла его рвались рыдания.

Лицо вождя Сопротивления помрачнело.

— Нет, вы не правы! Пожалуйста, не думайте так! Я даже не был с вами знаком, когда мы решили выбрать человека вроде вас, мистер. Я ненавижу людей вашего типа, это верно, но у меня нет оснований ненавидеть вас!

Вы герой, мистер. Когда — вернее, если — мы выпутаемся из этой передряги, мы воздвигнем вам памятник. Вам он, конечно, ничем не поможет, но мы его воздвигнем.

Все последние семь часов я приучал себя относиться к вам с презрением. Вынужденная мера, иначе я не смог бы оставить вас здесь. Я сам бы остался вместо вас, но толку от этого было бы мало. У меня нет желания спасаться бегством. Я устал. Моя жена, мои дети — все они погибли. Я хочу умереть... Я просто хочу умереть. А вы... вы хотите жить, и вы будете удирать от них изо всех сил и дадите нам выиграть время!

Я приучал себя думать о вас как о выродке, как об отбросах рода человеческого. И вы помогли мне в этом! — добавил он с негодованием. — Вы только посмотрите на себя!

Таллант понял, что хотел сказать Паркхерст. Он, Бенно Таллант, и правда подонок и трус, и он действительно ударится в бега. Он видел, словно со стороны, свое тщедушное тело, трясущееся, как в лихорадке, и обливающееся потом, видел почти осязаемое облако страха, окутавшее его фигуру, видел свои расширенные, белые от ужаса глаза, ищащие выхода. Таллант знал, что он трус. Ну и что? Он не хотел умирать!

— Таким образом, — подвел итог Паркхерст, — я ненавижу вас потому, что я должен вас ненавидеть, мистер. И поскольку я ненавижу вас, вернее, ненавижу себя, а не вас, я сделал свой выбор. А поскольку вы — это вы, вы будете бегать и прятаться от кибенов, пока

мы не доберемся до радиостанции и не предупредим Землю о нападении.

Паркхерст снова начал взбираться по трапу, и Таллант снова вцепился в его руку.

Наркоман умолял о пощаде все последние семь часов, и даже в эту минуту он не мог придумать ничего иного, кроме мольбы. Плодом всей его прежней жизни, который он пожинал теперь, была полнейшая бесчредитность.

— Скажите хотя бы... Скажите хотя бы, есть ли какой-нибудь способ обезвредить бомбу? Можно это сделать? Вы говорили им, что можно!

Ребячески-жадное выражение его лица заставило Паркхерста гадливо поморщиться.

— Мужества у вас ни на грош, верно?

— Ответьте мне! Ответьте! — орал Таллант. В иллюминаторах белыми пятнами замаячили лица.

— Не могу. Если я скажу, что бомбу обезвредить можно, вы помчитесь прямиком к кибенам. А если вы будете считать, что она взорвется при первом же прикосновении, вы спрячетесь от них подальше.

Люк начал закрываться. Паркхерст придержал его на миг и проговорил, смягчившись:

— Я знаю, как вас зовут. Прощайте, Бенно Таллант. Хотел бы я сказать: «Храни вас Бог».

Люк закрылся. Таллант услышал, как его задраили изнутри и как загудели реакторы. Он рванул, не разбиная дороги, подальше от взлетной площадки, надеясь укрыться в бункерах, находившихся неподалеку. В бункерах, под которыми располагалась штаб-квартира Сопротивления.

Он стоял у окна, покрытого защитным фильтром, и смотрел, как тоненький след корабля пропадает в темном небе.

Один. Последний человек на планете Дильда.

Он вспомнил, что говорил ему Паркхерст: «Я не питаю к вам ненависти. Просто дело прежде всего. Оно должно быть сделано, и вы его сделаете. Но я не питаю к вам ненависти».

И вот он остался один на планете, осаждаемой кибенами, которых ни разу в глаза не видел, а в животе у него бомба глобальной разрушительной силы.

5

Когда корабль пропал из виду, когда последний белесый след растворился на звездном ночном небосклоне, Таллант вышел в дверной проем бункера, глядя на пустое поле. Они покинули его; все мольбы, все призывы к гуманности, все усилия оказались тщетны. Он стоял, одинокий и потерянный, возле пустого поля, и в сердце его была пустота.

Прохладный ветерок с океана подернул поле рябью, коснулся Талланта и освежил его. Он вновь ощутил знакомую жажду.

Но на сей раз он мог утолить ее дурманным порошком. Ну и ладно! Он погрузится в наркотический транс и будет лежать под открытым небом, пока бомба не взорвется и не убьет его.

Бенно нашел люк и спустился в штаб-квартиру Со-противления. Полчаса лихорадочных поисков, раскиданные по полу лекарства, вскрытые ящики, взломанные шкафы — и в руках у него очутился лечебный запас наркотиков доктора Баддера. Концентрированный нермогероинит — дурманный порошок, поработивший его в двадцать три года с первой же дозы. Много лет прошло с тех пор...

Таллант вынюхал пакетик и почувствовал, как тело наливается силой, здоровьем и яростью. Кибены? А ну подать их сюда! Он сделает армаду одной левой!.. И пусть только эти паршивые сукины дети земляне попробуют вернуться! Планета Дильда отныне принадлежит ему, он тут король и властелин вселенной!

Сунув белые пакетики в карман комбинезона, Таллант поднялся по лесенке наверх и захлопнул люк.

И тут впервые увидел кибенов.

Они кишмя кишили на взлетном поле — их было там несколько сотен. Нормальных человеческих размеров, ростом больше пяти футов, но меньше шести. Они были похожи на людей, только с золотистой кожей

и гибкими щупальцами вместо пальцев, по шести штук на каждой руке.

Их схожесть с людьми неожиданно ужаснула Таллант. Будь они кошмарными чудовищами — дело другое; тогда он мог бы презирать и ненавидеть их. Но кибены были даже красивее людей.

Он никогда не видел чужаков раньше, зато он слышал вопли, эхом отдававшиеся в городских каньонах. Он слышал, как у девушки сдирали кожу со спины, и по-своему жалел ее. Он вспомнил, как желал ей смерти от потери крови. С такими ранами она могла промучиться всего часа три-четыре — быстрее и безболезненнее смерти у кибенов не найти.

Они очень походили на людей. Только золотистых.

Таллант внезапно осознал, что попал в западню. Здесь, в бункере, он оказался без защиты, без оружия и без выхода. Они найдут его и убьют, не успев даже понять, что бомба у него внутри. Они не станут спрашивать, есть у него в желудке бомба или нет... слишком уж невероятно такое предположение.

Именно поэтому Паркхерст зашил ему бомбу в живот. Никому и в голову не придет искать ее там.

Кибены разыскивают солнечную бомбу, а такое оружие, по логике вещей, должно быть спрятано где-нибудь в укромном местечке. В океане, под тоннами грязи, в пещере... Но не в человеке. Человек — последнее место, где они станут искать.

Никто не способен на такую жестокость — засунуть бомбу в живого человека!

Потому-то Паркхерст и сделал это.

Таллант обвел бункер безумным взглядом. Дверь была только одна. А на поле видимо-невидимо кибенов, злых от того, что их перехитрили, и готовых выпустить кишку из первого же попавшегося землянина.

Он наблюдал сквозь защищенное фильтром окно, как они шныряют по полю.

И, наблюдая, заметил кое-что еще. Все они были в непробиваемых бронекостюмах, а в руках сжимали трехструйные бластики. Это оружие предназначалось для убийства, а не для захвата пленных. Он в ловушке!

Таллант вновь почуял, как в нем закипает ярость отчаяния — та же, что овладела им, когда он узнал о зашитой в живот бомбе. Мало того, что его превратили в бомбовоз, так он еще должен бежать без передышки! Да, кибены безжалостны. Они уже наверняка начали выслеживать бомбу детекторами с кораблей, кружа над планетой по сужающейся спирали и все ближе подбираясь к цели. Как только они обнаружат, что бомба движется, кибены сразу сообразят, что у нее живой носитель. И неумолимо зажмут его в кольцо. Он в ловушке!

Но если он попадет в руки этих пехотинцев, кишащих на поле, ему даже бежать не придется. Они сожгут его и посмеются над обугленным скелетом. Если у них хватит времени посмеяться. Стоит ему умереть, как бомба тут же взорвется: этого Паркхерст от него не утаил.

Нужно выбираться отсюда.

Паркхерст был прав. Бегство — единственный выход. Если ему удастся протянуть достаточно долго, он, возможно, сам придумает, как обезвредить бомбу. Необходимо продержаться по крайней мере до тех пор, пока он не доберется до верховного кибенского командования. Это единственный шанс. Если все время бегать и прятаться, бомба рано или поздно взорвется. Нужно добраться до кибенских военачальников, и пусть они извлекут из него бомбу целой и невредимой. Он переиграет Паркхерста и кучку уцелевших подонков: не даст себя поймать, пока не попадет в руки кибенских шишек. А им предложит свои услуги, поможет догнать землян и расправиться с ними.

В конце концов, разве он чем-то обязан Земле? Ничем. Абсолютно ничем. Они хотели убить его, и они за это заплатят. Он не умрет! Он будет жить со своим возлюбленным дурманным порошком во веки веков.

Если он сумеет уцелеть, то как-нибудь выберется потом из кибенского плена. Не бывает безвыходных положений! Да, не бывает.

Но один из кибенских солдат уже пересек взрыхленное поле, подбежал к двери бункера — и вот он

стоит внутри, а трехструйный бластик его ревет, поливая стены огнем.

Таллант стоял за дверью возле окна. Он захлопнул дверь, чтобы другие кибены на поле не видели, что происходит, и ощутил прилив неведомой силы — силы, о которой даже не подозревал.

Он прыгнул на кибена со спины и оседлал его. Солдат упал, бластик вылетел у него из рук, а Бенно Таллант, вскочив, пнул неприятеля в лицо. Раз, два, три, четыре — и солдат готов, а вместо головы у него сплошное месиво.

Таллант сразу сообразил, что делать дальше.

Он оттащил солдата за ноги к люку, поднял крышку и сунул труп в дыру. Тело загремело по ступенькам и приземлилось с глухим стуком.

Таллант схватил бластик и сам нырнул в люк, пока не подоспели другие кибены. Захлопнул крышку люка — она была почти незаметна, ее обнаружат разве только при тщательном обыске. А обыск они вряд ли станут делать, поскольку считают, что все земляне покинули планету. Их задача — разведка боем, они не будут обшаривать все углы.

Приходилось надеяться на это.

Бенно съежился прямо под крышкой люка, сжимая в руках бластик, готовый вышибить мозги любому, кто поднимет крышку.

Над головой раздались крики, дверь бункера распахнулась, с треском ударившись о стену. Донесся рев бластиков, изрыгающих огонь, затем послышались голоса, свистящие что-то на кибенском языке. Затопали башмаки: солдаты обшаривали бункер. Чья-то ногаступила прямо на крышку люка, в щель посыпались пылинки и комочки земли, и Бенно решил, что это конец.

Но окрик снаружи заставил солдат с недовольным ворчанием покинуть бункер.

Таллант приподнял крышку люка. Увидав, что помещение пусто, поднял ее выше и поглядел в окно. Кибены начали уходить с поля.

Бенно решил подождать, пока они уйдут все до единого. Надо было выбраться отсюда до рассвета.

Он сидел, ждал и вынюхал тем временем еще пакетик пыли. Он снова был Богом!

Бенно добрался аж до Синих болот, прежде чем наткнулся на кибенский патруль.

Он шел расширяющимися кругами, инстинктивно выбирая лучший для бегства маршрут так, чтобы кибенские корабли с детекторами на борту не смогли его засечь. Со временем они, конечно, увидят, что цель не стоит на месте, и догадаются, куда земляне спрятали бомбу.

Но он не останавливался.

Ночь была совершенно безоблачна и безлунна. Голые черные вершины Дальних гор вздымались за трясиной, поросшей кривыми деревцами и ползучими стеблями. Ночной воздух был бодрящ и свеж, пока Бенно не свернулся в болота. Смрад вечного гниения тут же ударили ему в нос. Желудок болезненно сжался, и Таллант подумал: что будет с бомбой, если его вырвет? Потом он вспомнил, как блевал в радиорубке, и понял, что таким образом взорвать бомбу невозможно.

Он ступил в зыбкую и топкую иссиня-черную жижу и тотчас почувствовал, как она уходит из-под ног. Подняв для равновесия бластик над головой, Бенно медленно зашагал вперед. Шаги его сопровождали чмоканье и чавканье трясины.

Болота кишили животной жизнью. Зверье, как хищное, так и безобидное, громогласно заявляло о своем присутствии. Чем дальше углублялся Бенно во тьму, тем громче становилась разноголосица, словно насекомые предупреждали местных обитателей по телеграфу о приближении чужака. Впереди слева какая-то массивная зверюга издала утробный рык.

От страха у Бенно опять свело желудок, и он обнаружил, что бубнит себе под нос: «Почему я?» — и это монотонное бормотание как-то помогает ему идти вперед. Чуть фосфоресцирующая иссиня-черная грязь липла к ногам, покрывая ботинки мерцающими искорками, и каждый шаг оставлял в трясине округлую ямку, которую быстро затягивало.

Когда он перелезал через преградивший дорогу гнилой пень, сунув бластик в развалину между сучьев деревца, что росло сбоку, зверюга вылезла из зарослей и вострубила, предупреждая о своем появлении.

Таллант застыл на месте — одна нога в воздухе, другая в трухлявом пне, руки держат весь вес. Широко раскрыв глаза, он уставился на серую тушу животного.

Туша была почти треугольной. Гладкое туловище плавно сужалось к дебильной крохотной головке — вершине треугольника. Спина пологим склоном сбегала до самой земли. Под тушей торчало восемь лап, как будто подставку для обуви засунули под книжный шкаф. Пара махоньких красных глазок сияла в тумане Синих болот над тупым рылом с клыкастой слюнявой пастью.

Зверюга на миг умолкла. Потом из ее глотки вырвался глухой хрип, и дебильная головка чуть приподнялась на несуществующей шее. Тварь понюхала ветер, понюхала туман, выслеживая Бенно Талланта. Нерешительно сделала шаг вперед, будто сомневаясь в правильности выбранного направления. Таллант не отрывал от нее глаз, не в силах двинуться с места, пригвожденный паникой к гнилому пню, точно это была единственная опора во Вселенной.

Зверюга вострубила еще раз и грузно потопала вперед. Ее пронзительный вопль расколол ночную мглу, и огненный луч, возникнув ниоткуда, вонзился в серую шкуру. Тварь встала на задние лапы, отчаянно цепляясь за воздух передними. Еще одна вспышка — и крошечная головка занялась огнем.

На миг всю тушу окутали пламя и дым, а потом она взорвалась. Кровь брызнула сквозь листву и стебли, окропив Талланта тошнотворным теплым дождем. Клочья плоти градом посыпались вниз, и он почувствовал, как по щеке сползает скользкий комочек.

Желудок судорожно сжался, но внезапная мысль подавила тошноту. Он не один на болотах!

Поскольку он — последний человек на планете Дильда, ответ напрашивался сам собой. Кибены!

И тут сквозь невнятные болотные шумы донеслись их голоса. Кибены направлялись из зарослей на про-

галину, где лежала разодранная туша, дрожавшая даже после смерти.

Талланту передалась ее дрожь. Он ощутил невыразимое единство с лежащей под открытым небом тварью. В ней было больше человеческого, нежели в нем самом. Она погибла страшной смертью, но не отступила, не пустилась наутек. Конечно, у животного нет разума, и все же было нечто... в гибели зверя, что заставило Талланта почувствовать себя переменившимся и возмужавшим. Он не мог объяснить, что это было, но после гибели животного Бенно понял, что никогда не сдастся кибенам. Он все еще трясясь от страха: характер, формировавшийся в течение жизни, не может измениться в момент; но произошла перемена. Если ему суждено умереть, он умрет стоя, а не удирая во все лопатки.

Кибены появились из-за кустов. Они вынырнули слева, так близко, что он мог бы до них дотронуться, и пошли по прогалинке, явно не замечая Талланта. Но у них были детекторы, способные засечь выбросы нейтрино, так что через пару минут они возьмут след. Нужно что-то предпринять — и немедленно!

Пятеро кибенов приблизились к мертвому зверю, слишком поглощенные созерцанием туши, чтобы смотреть на показания детекторов. Таллант протянул руку к развилине дерева.

Он поскользнулся на пне, и пальцы ударили в металлическую поверхность оружия. Бластик слетел с развилины, с плеском погрузившись в болото.

Один из кибенов обернулся, увидел Талланта и прошипел что-то по-змеиному своим спутникам, вскинув ствол бластика. Голубая вспышка пронзила тьму. Таллант замешкался всего на миг. И это чуть не стоило ему жизни. Луч скользнул по спине, едва задев ее, однако располосовал комбинезон и подпалил кожу.

Таллант вскрикнул от боли и нырнул головой вниз в болотное окно, пытаясь унять адское пламя, жгущее спину, а заодно найти свой бластик, увязший в трясине. Он глубоко погрузился в грязь, ощущая, как она смыкается над головой. Жижка забила горло. Бенно

судорожно замолотил руками и вдруг понял, что у него есть еще шанс.

Он попытался нашупать дно, нашел его разъезжая ющимися ногами и потащился по трясине, давясь зловонной гущей на каждом шагу. Дно начало подниматься. Он мгновенно высунул голову.

Кибены по-прежнему были впереди, но смотрели немного в другую сторону, полагая, что он остался на месте или утонул.

Бенно сразу понял, что должен убить их всех, не дав им связаться с командованием, иначе игре придет конец. Как только кибенские военачальники узнают, что на планете есть человек, они догадаются, где спрятана бомба. Тогда у него не останется ни единого шанса выжить.

Рослый кибен с золотыми волосами, торчащими невероятно длинным «ежиком», повернулся к нему с бластиком в руках. И тут адреналин хлынул в вены Талланта, он вспомнил зверюгу и впервые в жизни — понимая, что действие дурманного порошка уже кончилось, но не обращая на это внимания, — агрессивно рванулся вперед.

Высоко вскидывая ноги, он бежал по краю окна, разбрызгивая синюю грязь во все стороны. Внезапность нападения ошеломила кибена, и тот не успел пустить оружие в ход. Секунда — и Таллант сбил своим весом кибена с ног. Ботинок с хрустом опустился вниз, ломая инопланетянину шею. Потом палец нашупал кнопку, и голубой огонь вырвался широкой дугой, поливая четверых оставшихся патрульных. Крики их были недолги, тела разметало по округе на пятьдесят футов.

Таллант взглянул на ошметья, бывшие минуту назад людьми, и прислонился к дереву. «Господи, Господи, Господи», — билось в его опустошенном мозгу. К горлу снова подступила тошнота. Он вспомнил на миг о дурманном порошке — о пакетиках в застегнутом кармане комбинезона, — но не почувствовал знакомой жажды.

Огонь и без того горел в его крови. В трусе проснулся инстинкт убийцы.

Корабли землян были уже далеко, а кибены до сих пор боялись, что бомба взорвется, если они пустятся в

погоню. Таллант не сомневался, что они не предприняли попыток покинуть планету Дильда, и для такой уверенности у него было веское основание: бомба в его животе еще не взорвалась.

Но время шло.

6

Той ночью Таллант убил своего двадцатого и тридцатого кибена.

Вторую пятерку он прикончил, выбравшись из Синих болот. Спрятался в засаде за большой тупорылой скалой и оставил от них мокрое место.

Отдельные разведчики находили свою погибель от ножа и приклада бластика, когда Таллант пробирался несжатыми колосящимися полями к Саммерсету, пригороду Иксвилля.

Группа из пяти разведчиков неспешно брела по полю, и только их плечи да головы виднелись над высокими блестящими стеблями с налитым зерном. Таллант шел пригнувшись и совершенно случайно заметил впереди ствол бластика. Ему не составило труда подстежречь их и прикончить поодиночке. Череп первого раскололся, как пластиковая коробка, едва Бенно ударил прикладом. Когда кибен свалился, чуть не подмяв под собой убийцу, в жилах у Талланта взыграла кровь; неведомое ранее наслаждение партизанской войны захлестнуло его. У первого убитого он позаимствовал длинный кривой нож с инкрустированной рукояткой.

Нож прекрасно поработал над остальными четырьмя. Кровь у кибенов оказалась желтая. Бенно это не удивило.

Когда на горизонте забрезжил рассвет, Таллант уже не сомневался в том, что кибены знают о его существовании. Что означает его присутствие здесь, кто он такой, что он делает на планете Дильда — вряд ли инопланетяне могли вразумительно ответить на эти вопросы, однако тридцать солдат уже расстались с жизнью под лучом бластика или под взмахом кривого ножа. Рано или поздно трупы найдут; об отсутствии солдат доложат начальству — они не явятся на поверку.

Тогда кибенское командование поймет, что они не оди-
ноки на планете.

Всю ночь Таллант слышал, как кружат в небесах роботы-ищечки, пытаясь засечь нейтринный выброс бомбы, и два или три из них пролетали прямо у него над головой. Но они просто кружили в радиусе двух миль, указывая цель наземным войскам. Солдаты же не успевали взять Бенно в кольцо — он убегал, а они продолжали беспомощно топтаться на месте, ожидая новых указаний.

Похоже, им пора уже было понять, что бомба находится в движущемся носителе. Что это за носитель — подскажут тридцать убитых солдат. И они неизбежно придут к выводу: на планете остался живой человек.

Роботы-ищечки все кружили и жужжали над головой. Таллант озадаченно подумал: почему они могут летать, а корабли не могут? И тут же нашел вполне логичный ответ. Роботы — это роботы, они летают чисто механически. А межпланетные корабли летают с помощью двигателей, искривляющих пространство. Очевидно, искривление и запустит взрывной механизм.

Выходит, засечь его будет нетрудно, однако кибены не смогут тронуться с места, чтобы догнать и уничтожить землян.

Таллант сжал кулаки. Грязное лицо исказилось от нового прилива ненависти к людям, оставившим его здесь подыхать. Паркхерст, и Шеп, и доктор Баддер, и иже с ними. Они приговорили его к смерти...

А он их одурачил. Он все еще жив!

Но разве не этого они хотели? Разве их выбор не оказался удачным? Разве он не бежит, пытаясь выжить и тем самым позволяя им удратить, чтобы предупредить Землю? Какое ему дело до Земли? Что хорошего он от нее видел?

И тогда Таллант поклялся с глухой решимостью, более глубокой, чем отчаяние или гнев, что не просто выживет. Он отомстит им. Как — он пока не знал, но отомстит обязательно. Когда утренний свет коснулся его сквозь пролом в фасаде здания, где Бенно лежал на полу, он дал себе клятву, что не подохнет на чьем-то чужом поле боя.

Он встал и посмотрел через дыру в металлопластике. Внизу простиралась в правую сторону столица планеты Дильда. В центре города, возвышаясь над всеми зданиями, торчал флагманский корабль кибенского флота.

Ночью, украдкой, с новообретенной ловкостью болотного зверя Бенно просочился сквозь оцепление и оказался в тылу врага. Он был внутри кольца. Теперь нужно использовать преимущества этого положения.

Прежде чем кибенский солдат-мародер вошел в здание, Таллант принял решение. Он должен добраться до флагманского корабля и проникнуть внутрь. Там он найдет кибена-хирурга. Возможно, такой план сулит ему гибель, но именно «возможно»; во всех остальных случаях возможность превращалась в неизбежность.

Бенно встал, намереваясь выйти и проскользнуть аллеями Иксвилля к кораблю. В ту же секунду мускулистый кибен с двойным подбородком, поднявшийся по полуразрушенной лестнице, остановился как вкопанный в дверном проеме с выражением величайшего изумления на лице. Землянин... здесь, на завоеванной территории?!

Кибен вытащил бластик из кобуры, прицелился и выстрелил Талланту прямо в живот.

Луч голубого света поймал Талланта, хоть тот и отскочил в сторону. Жгучая, нестерпимая больрезанула по телу. Поскольку он успел отскочить, вспышка задела правое предплечье. Мгновение он корчился в конвульсиях, а потом...

Понял, что не чувствует своей правой руки.

Таллант бросился на врага, хотя в глазах затуманилось от боли, и, не дав кибену выстрелить вторично, ухватился за бластик левой рукой. Тщедушный раненый наркоман ощущал в себе странную силу, смутно осознавая, что это сила ненависти — ненависти ко всем другим людям, ко всем другим существам, которая заменила собою трусость.

Он яростно рванул бластик к себе. Солдата, потerryавшего равновесие, занесло вперед. Когда ошеломленный кибен, спотыкаясь и выпустив оружие из рук, промчался мимо, Таллант выбросил ногу вверх и наподдал ему в

спину. Желтый инопланетянин зашатался, отчаянно раскинув в стороны руки, споткнулся о камень на полу и вылетел вниз головой через пролом в стене. Таллант доковылял до пролома и увидел, как кибен с воплем летит к тротуару.

«А-а-а-а-а-а-аххх!» Крик пронесся по городским каньонам, а потом тридцатью этажами ниже раздался глухой, но вполне различимый стук.

Долгий пронзительный вопль был не просто предсмертным воплем. Он был сигналом. Район представлял собой громадный резонатор — каждый фут этого душераздирающего падения воспроизводился стенами и камнями города. Кибены скоро будут здесь. Их товарищ не смог бы лучше направить солдат к цели, даже спланируй он все заранее.

И тут до Талланта дошло еще кое-что.

У него осталась только одна рука.

Глаза неудержимо, против его воли, косились вниз; боль утихла; бластик моментально прижег обрубок. Никакая инфекция ему не грозила, и мучения тоже, но рука была аккуратно ампутирована по самый бицепс. Бенно медленно водил глазами по культе и давился тошнотой.

На что ему теперь надеяться — с одной-то рукой? Как он сможет выжить?

Раздались громкие голоса кибенов, прочесывающих здание. Они пришли, чтобы выяснить, откуда упал их товарищ. Таллант побежал — на ватных ногах, ощущая, как испаряется давешняя отвага, но все-таки побежал.

Он бежал машинально, по привычке спасаться бегством... Зная, что его единственный шанс — это кибенский флагман, возвышающийся в центре Иксвилля. Единственный шанс — и последний. К такому выводу Бенно пришел после тщательного анализа возможных путей спасения. Выбранный им путь означал почти верную смерть, но все другие были лишены даже намека на «почти».

Ноги вынесли его из комнаты к черной лестнице и помчали вниз, по бесконечным пролетам. Где-то по пути — а может, еще в комнате, он не помнил, —

Бенно подобрал бластик. Потом, спускаясь по бесчисленным ступеням, в какой-то момент обнаружил, что бластика нет. Но позже, увидев на стенке над дверью большую надпись «14», он заметил, что бластик снова у него в руке. Когда номера уменьшились, когда «10» истаяло в «5», а затем в «3», Бенно понял, что пробежал тридцать этажей... в полном шоке.

Спустившись на первый этаж, Таллант увидел, что у фасада здания толпятся кибены, показывая друг другу на тело товарища. Таллант отвернулся; он думал, что уже привык к виду смерти, но кибены помирали как-то уж очень противно.

Зажав бластик локтем единственной руки, он съежился, прислонившись к стене. Между ним и флагманским кораблем лежали три почти непроходимые мили разрушенного города с кучами обломков. (И даже если он доберется туда, еще неизвестно, найдет ли он там то, что ищет!) Не говоря о целой армии кибенской космической пехоты и ордах роботов-ищеек, которые наверняка уже установили, что бомбу переносит с места на место человек.

Бенно поставил бластик к стене и осторожно пощупал кулью. Боли не было, кровотечения тоже, обрубок прижгло аккуратненько и чисто, словно его зашпаклевали тонким слоем воска. А в общем Таллант чувствовал себя прекрасно, хотя ночью на болотах вывихнул правую ногу и теперь прихрамывал, сам того не замечая.

У него по-прежнему оставался шанс.

И тут из динамиков робота-ищейки, кружившего над зданием, полился голос. Слова прокатились по улицам громовым раскатом — по-английски.

— Землянин! Мы знаем, что ты здесь. Сдавайся, пока жив! Даже если бомба у тебя в руках, мы найдем тебя и убьем... Найдем тебя и убьем... Найдем тебя и убьем...

Робот полетел над городом, повторяя сообщение снова и снова, пока Таллант не почувствовал, что каждое слово выжжено у него в мозгу. «Найдем тебя и убьем, найдем тебя и убьем».

Дыхание перехватило. Бенно привалился к стене, ощущая ладонями ее каменную прохладу. Он закрыл глаза и погрузился во тьму. Тропа трусости — извилистая тропа. Это он уже понял. И хотя она пересекается порой с дорогой отваги, ее неизменно уводит в сторону.

Талланту было страшно. Он полез в карман за дурманным порошком.

Времени оставалось все меньше, Бенно чуял это нутром. Он не имел понятия, скоро ли взорвется бомба, но во всем теле ощущалось какое-то еле заметное покалывание, которое он истолковал как ощущение опасности. Бомба могла взорваться в любую секунду — и тогда конец всему.

Таллант до боли сжал единственный кулак; крысinoе лицо исказилось слепой яростью, и чем крепче он зажмуривал глаза, тем глубже залегали вокруг них складки. Он жмурился до тех пор, пока не зазвенело в ушах. Тогда он поклялся себе, что выпутается из этой передряги. Как-нибудь — он не мог себе представить как, — но отомстит паршивым землянам за то, что с ним сделали. Проникнет на борт флагманского корабля — и тогда!.. Он твердо был намерен выиграть.

Не так, как выигрывает трус, смазывая пятки... как он делал годами... но так, как выигрывают победители — так, как он собирался выиграть!

Бенно подхватил бластик и тронулся в путь.

Кибенам теперь известно, что бомба у него в руках. Не в желудке — этого они узнать не могли, — но все-таки у него. Поскольку цель перемещалась и ускользала от них всю ночь, она явно не была где-то закреплена или зарыта. Она была спрятана в самом надежном месте — в движущемся носителе. Кибены пойдут по следу, и круг неминуемо сожмется. Тем не менее у него есть кое-какие преимущества.

И самое главное из них — убитые на полях и в болотах патрульные. Кибены сосредоточат поиски в том районе. Им и в голову не придет, что Бенно пробрался ночью в город по канализационной системе. Какое-то время он будет в безопасности.

Только Таллант подумал об этом, бочком продвигаясь к лестнице, ведущей в подвал разрушенного здания, как кибенский офицер, блестающий песочно-белым мундиром с золотым шитьем, вошел в парадную дверь прямо напротив.

Офицер не был вооружен, но молниеносно выхватил кинжал и стал размахивать им перед носом Талланта. И снова решимость и сила, взявшиеся невесть откуда, вскипели в беглеце. Офицер был слишком близко, чтобы пустить в ход длинный бластик, но у Бенно сохранился ночной трофеи — кривой, точно серп, нож. Аккуратно уронив бластик в кучу пепла и шлака, Таллант увернулся от кибенского лезвия, просвистевшего над ухом, и, не дав противнику замахнуться снова, прыгнул на него.

Прыгнув, он выбросил руку вперед, и растопыренные тонкие пальцы впились офицеру в глаза. Кибен испустил истощный вопль. Глазные яблоки превратились в водянистое месиво, а когти Талланта все глубже вонзались в плоть. Офицер беспомощно молотил в воздухе руками, потом раскрыл было рот, чтобы завопить еще раз, но Бенно Таллант выхватил из-за пояса кривой нож и одним махом перерезал ему горло.

Кибен свалился в золотистую лужу крови. Таллант схватил бластик, метнулся через вестибюль к подвальной двери, захлопнул ее за собой и нырнул во тьму подземелья.

Над головой послышались крики кибенских солдат, нашедших своего офицера, но Таллант не стал ждать, пока его обнаружат. Внимательно следя за направлением, он ползал по полу подвала, пока не нашупал канализационный люк. Прошлой ночью он вылез через этот люк из смрадного лабиринта клоаки, чтобы глотнуть свежего воздуха и передохнуть.

Он забрался тогда на верхний этаж здания, надеясь разглядеть расположение противника, и заснул, сам того не желая. Теперь надо снова спуститься в клоаку, и она выведет его к единственному шансу выжить, какой он сумел придумать.

Таллант пробежал внезапно налившимися силой пальцами по краю тяжелой крышки и потянул ее на себя.

Лицо его исказилось во тьме. Он должен поднять крышку одной рукой... Другого выхода ему не оставили.

Еще мгновение — и крышка со вздохом откинулась. Сунув бластик за пояс, Таллант перевалился через край. Встал на ступеньку, прижимаясь к стене над струящимся внизу потоком, и ухватился за крышку. Люк со вздохом закрылся. Таллант прыгнул вниз.

Нож, выскользнув из-за пояса, упал в воду и тут же исчез. Таллант стукнулся о стенку колодца и приземлился на одну ногу. Боль поднялась от ступни и охватила всю левую половину тела.

Бенно встал, цепляясь за скользкие стены туннеля, и, напрягая все силы, расставил ноги как можно шире, чтобы удержаться против течения сточных вод.

Он продвигался вдоль стены, пока не добрался до бокового туннеля, ведущего в нужную сторону. Свернув за угол, увидел, что люк в конце туннеля открыт, а грязный поток освещен лучом прожектора. Кибены поняли, где его искать.

— Сссис ссс клисс-иссс! — донесся посвист кибенской речи, гулко прокатившийся по пустому туннелю. Враги спускались в клоаку.

Нужно было спешить. Кольцо сжалось. Но им его не поймать, хотя у них есть фонари, а у него нет. Кибенам придется обшарить все тунNELи; он же пойдет, не отклоняясь, в одном направлении.

В направлении гигантского флагманского корабля.

7

Короткий марш-бросок от люка, расположенного у служебного входа бывшего универмага, — и Таллант спрятался в тени чудовищного плавника космического судна. Возле трапа стояла стражи; она стояла возле всех трапов. Таллант обошел корабль кругом.

Он нашел грузовой трап. Часовой стоял, прислонившись к блестящей обшивке звездолета. Таллант шагнул к нему, подумав мельком, что раньше нипочем не решился бы на такое.

Странное воинственное возбуждение вновь овладело им, подсказав путь, который еще вчера показался бы ему немыслимым. Воспользоваться бластиком он не

мог — чересчур много шума; кривой нож он потерял; он стоял слишком далеко от часового, чтобы кинуть в него ботинком в надежде, что тот потеряет сознание. Поэтому Бенно кашлянул и пошел вперед, прямо к часовому.

Пошел небрежно, вразвалочку, словно имел полное право тут находиться. Услыхав покашливание, часовской поднял глаза и изумленно уставился на приближающегося Талланта. Бенно приветственно махнул рукой и начал что-то насвистывать.

Часовой смотрел на него не больше секунды.

Секунды оказалось достаточно.

Бенно обхватил рукой шею часового, не дав ему поднять тревогу. Потом подсек сзади ногой. Ствол бластика расквасил золотое лицо инопланетянина — и путь был свободен.

Таллант, сгорбившись, начал взбираться по трапу. Поздние утренние лучи пронизывали спину. Сунув тяжелый бластик под мышку, Таллант поддерживал его рукой за ствол. Быстро вскарабкавшись по трапу, он опустил палец к спусковому устройству. Внутри корабля было прохладно, сырое и темно.

Киба — прохладная, влажная и сумрачная планета.

Промозгшая мгла навалилась на Талланта, и он безучастно подумал: а стоит ли оно того? Стоит ли жизнь вечного бегства, если можно просто лечь — и все?

Он увидел шахту грузового лифта и шагнул внутрь. Включил тягу, нажав на кнопку в стене полой трубы. Воздушный поток сразу же повлек его вверх.

Таллант притормаживал на каждом уровне судна, упираясь башмаками в стенку трубы и высматривая того, ради кого пробрался на борт. Но корабль был пуст. По-видимому, на нем оставили самый минимум экипажа. Все прочие разбрелись по планете в поисках бомбы.

А бомба — вот она. Разгуливает по флагманскому кораблю.

Талланта прошиб пот; если он ошибся в расчетах, если на борту нет того, кто ему нужен, тогда пиши пропало. Тогда надеяться больше... Вот он!

Кибен шел по коридору прямо в поле зрения Талланта, выглянувшего из шахты лифта. На нем был длинный белый халат, а на шее болтался — Таллант был уверен в этом! — иноземный эквивалент электростетоскопа.

Кибенский врач.

Таллант вылетел из трубы и приземлился на металлокерамику пола, широко раскинув ноги. Бластик был у него под мышкой, палец — на спусковой кнопке.

Кибенский врач остановился как вкопанный, взрившись на землянина, который возник ниоткуда. Глаза доктора шарили вверх-вниз по телу Талланта, надолго задержавшись на обрубке правой руки.

Таллант шагнул к нему, и кибен осторожно попятился.

— По-английски! — рявкнул Таллант. — Говоришь по-английски?

Врач молча смотрел на него, а землянин все крепче прижимал палец к спусковой кнопке, пока его костяшки не побелели от напряжения, с каким он сдерживался, чтобы не выстрелить.

Кибен кивнул.

— Здесь где-то должна быть операционная, — продолжал Бенно командным тоном. — Веди меня туда. Живо!

Доктор не отрывал от землянина глаз. Таллант пошел на кибена. Тот вдруг понял — Бенно видел, как глаза инопланетянина вспыхнули озарением, — что землянин нуждается в нем и не станет стрелять ни при каких обстоятельствах. Таллант прочел эту мысль на гладком лице кибена, и дикое отчаяние охватило его.

Он припер инопланетянина к стенке и схватил бластик за приклад. А потом размахнулся изо всех сил.

Ствол бластика с треском опустился на плечо кибена, истогнув у него глухой стон. Таллант ударил врача еще раз, в живот; третий удар оставил на лице глубокую рану до самого виска. Не будь кибен почти совсем лысым, его волосы залило бы кровью.

Инопланетянин начал оседать вдоль стены. Таллант пнул его под двухсуставчатое колено, и доктор выпрямился.

— Я не убью тебя, док... Только не устраивай соревнований на выносливость. Я всю ночь бегал от ваших пехотинцев, и сейчас я немного не в духе. Так что лучше иди вперед и посмотрим, что у вас там за операционная.

Золотистый инопланетянин замешкался на долю секунды, и Таллант еще раз резко пнул его в колено. Доктор завопил. Визгливо и громко. Бенно понял, что вопль разнесется по всему кораблю, и подтолкнул врача стволом бластика.

— Ты слышишь меня, приятель? — зарычал он. — Ты пойдешь прямым ходом в операционную и чуточку надо мной поработаешь. Один шаг в сторону — уласи тебя Бог! — всего один шаг, и я разнесу твою желтую черепушку! Пошел!

Он с силой упер бластик в спину кибена, и тот потрусили по коридору.

Кибенский сержант напал на Талланта, когда они прошли мимо стеллажа, где хранились на полках ножные кандалы, ошейники и наручники, заготовленные кибенами для пленных. Услыхав вопль врача, сержант вышел из кают-компании и затаился в нише за стеллажом. Но атака была чересчур поспешной: когда сержант бросился на Талланта, выкручивая бластик из его руки, чтобы обезопасить врача, Бенно вывернулся и разбил стекло стеллажа.

Реакция его была молниеносной. Не узнатрять трясущегося Бенно Талланта, умолявшего Паркхерста о спасении!.. Сейчас это был одержимый жаждой мести дьявол. Ладонь его сомкнулась вокруг длинной тяжелой цепи ножных кандалов. Цепь вырвалась из защимов и со свистом описала в воздухе дугу.

Удар пришелся кибену по черепу. Сержант задохнулся, бессвязно что-то просвистел и свалился прямо на врача, который пытался дотянуться до бластика. Оба они упали на пол.

Цепь впечаталась в голову кибена.

Таллант шагнул вперед и наступил на руку хирурга, пресекая его попытки схватить оружие, однако стараясь не повредить ему кисть. Заметив на поясе кибенского сержанта раскрытую кобуру, Бенно вытащил

из нее маленький серебристый револьвер с тонким стволов и взял врача на мушку.

— Так-то лучше. Пошли!

Медик с трудом поднялся на ноги, испуская жалобные стоны. До него дошло, что землянин опаснее целой армии. Таллант находился за гранью отчаяния, терять ему было нечего, и кибенский врач догадался почему. Из-за бомбы. Командующий говорил об этом человеке прошлой ночью, когда они выяснили, что на планете Дильда остался живой землянин.

Врачу здорово досталось, и он знал, что землянин на этом не остановится: убить не убьет, но замучает до полусмерти.

Кибенский хирург не был героем.

— И дружка своего захвати, — добавил Таллант.

Врач взял сержанта за ноги и потащил за собой по коридору. Кровавый след тускло золотился на плитках из металлокерамики. Таллант сунул бластик в нишу. Кибены не скоро появятся в этом коридоре, они все еще ищут его в городе.

Операционная была неотвратима.

Таллант отказался даже от местной анестезии. Он сидел на операционном столе, нацелив серебристый ствол револьвера в голову доктора. Кибен посмотрел на барабан, увидел маленькие капсулы в гнездышках, представил, как они превращаются в смертоносные выбросы энергии, и осторожно включил электроскальпель.

Лицо Талланта покрывалось испариной с каждым разрезом, хотя он почти не чувствовал, как электронный луч терзает плоть. Но когда края бывшего шрама разошлись и взгляду вновь открылись внутренности, мокрые и пульсирующие, Бенно вспомнил первую операцию.

С тех пор многое изменилось — он сам изменился с тех пор, как доктор Баддер вшил ему бомбу в желудок. Сейчас он приближается к концу пути... и к началу нового.

Через двадцать минут все было кончено.

Расчет Талланта оказался верным.

Осторожная операция не могла взорвать бомбу. Паркхерст упоминал о том, что взрывной механизм неизменно будет активирован искривляющим пространство полем двигателя и что бомба может взорваться сама по себе через какой-то промежуток времени. Но когда речь зашла о кибенах, которые могут вынуть бомбу, Паркхерст только пригрозил, что они вы蓬勃ратят ему все внутренности. Не исключено, что таким образом лидер Сопротивления подсознательно намекнул Талланту на единственную возможность уцелеть; а может, он проговорился случайно. Как бы там ни было, операция успешно завершилась, и бомбу изъяли из желудка.

Таллант внимательно следил за тем, как кибен обрабатывает рану инопланетным аналогом эпидермизатора, и не отрывал глаз от шрама в течение получаса, пока рана не затянулась.

Потом, пристально взглянув на доктора, Таллант спокойно сказал:

— Зашей бомбу в кулью.

Врач широко раскрыл темные глаза и заморгал. Таллант повторил приказание еще раз. Хирург попятился, догадавшись, что у землянина на уме. Была ли его догадка верна или нет — для Талланта это ничего не меняло.

Потребовалось десять минут избиения револьвером, чтобы Бенно понял: медик уперся окончательно. Он, хоть убей, не зашьет солнечную бомбу тотальной разрушительной силы в обрубок правой руки Талланта. По крайней мере, по собственной воле.

Идея забрезжила сначала смутно, но вскоре обрела законченную, ясную и практически осуществимую форму. Таллант залез в карман комбинезона, вытащил один из двух оставшихся пакетиков дурманного порошка. Склонившись над полуживым кибеном, он силой заставил врача вдохнуть порошок. Тот вынюхал целый пакетик — полную, разрушительную для личности дозу. Таллант сел и принялся ждать, вспоминая свою первую встречу с зельем.

Память оживила прошлое, и он припомнил, что первая же неосторожная понюшка превратила его в

заядлого наркомана; такова была сила дурманного порошка. Когда медик очнется, он станет совершенно ручным. Он сделает все что угодно ради последнего пакетика, лежащего у Талланта в кармане.

Землянин знал, что никогда уже не будет Богом, — разве что разыщет где-нибудь еще запасы порошка, — но игра стоила свеч, если удастся совершить задуманное. Более чем стоила.

Он ждал, увереный, что их никто не потревожит. Кибены ищут землянина в городе, а нейтринные выбросы вокруг корабля сбивают со следа роботов-ищеек; какое-то время он здесь в безопасности. Врач скоро очухается и сделает все, что Таллант захочет.

А хотел он только одного. Чтобы солнечную бомбу зашили ему в кулью, где он сможет взорвать ее в любую минуту.

Операция прошла безболезненно. Та же сила, что разорвала руку Талланта на атомы, лишила нервные окончания чувствительности. Бомбу слегка утопили в плоть, так что кулья заканчивалась коробочкой с простым проволочным контактом, который сдетонирует в трех случаях.

Если Таллант сознательно взорвет бомбу.

Если кто-то попытается извлечь бомбу против его воли.

Если он умрет и сердце его остановится.

Кибенский доктор сделал свое дело на совесть. И теперь, съежившись и дрожа от наркотической жажды, со стонами умолял Талланта отдать ему последний пакетик.

— Конечно, я дам тебе порошок. — Таллант зажал прозрачный целлофановый пакетик меж двух пальцев, чтобы кибену были видны одновременно и наркотик, и револьвер. — Но не сейчас. Сначала ты отведешь меня на капитанский мостик к своему командующему.

Глаза кибена, похожие на золотистые щелочки, расширились в попытке переварить услышанное. Раньше врачу казалось, что он понимает, чего добивается землянин: избавиться от бомбы и покинуть планету Дильда. Но теперь...

Он совсем запутался и был ни жив ни мертв от страха. Что за странная жажда терзает его, превращая каждый нерв в горячую проволоку? Что такое сотворил с ним землянин? Доктор не мог понять; он только знал, непонятно откуда, что маленький белый пакетик утолит его жажду.

Он не помнил, как вел землянина на капитанский мостик, но, когда пришел в себя, они уже стояли перед командующим, а тот смотрел на них во все глаза, требуя объяснений.

Доктор увидел, как Таллант поднял револьвер и выстрелил. Выстрел снес командующему полголовы. Туловище развернулось, стукнулось об иллюминатор, упало на пол и прокатилось несколько дюймов до мусоропровода. Таллант прошел мимо хирурга и спокойно подтолкнул убитого ногой. Тело зависло на долю секунды — и камнем ухнуло в колодец.

Сделать осталось совсем немного.

Таллант подошел к доктору, пристально разглядывая его. Типичный кибен... Чуть пониже большинства, с выпирающим животиком и плешивой головой, которая через пару лет совсем облысеет. Золотистая, как и у всех кибенов, кожа, слегка поблекшая от возраста. Мужественное лицо. Мужественное — если не считать неудержимого тика, дергающего щеку и верхнюю губу, а также голодных складок у рта и возле глаз. Милейший доктор стал наркоманом, и это более чем устраивало Талланта.

Он испытывал странное удовольствие от того, как быстро ему удалось сломить кибена. Вчерашние приключения казались ему захватывающими — теперь, когда остались позади.

Приближаясь к доктору и не спуская с него глаз, Таллант задумался о себе самом. То плохое, что было в нем, — а он первый готов был признать, что оно в нем таилось, как гнойник, глубже любых благоприобретенных порочных привычек, — не изменилось ни капельки. Оно не сделалось лучше, не смягчило его мыслей во время тяжких испытаний, оно лишь ожесточило его душу. И закалилось само.

Годами, пока Таллант крал и побирался, юлил и лгал, сила зла в нем была незрелой. Теперь она возмужала. Теперь у него появились и цель, и средства. Он не был больше трусом, потому что глядел в лицо всем смертям, какие бывают на свете, и выжил. Он перехитрил землян и обыграл кибенов. Он взял верх над пехотинцами в полях и все рассчитавшими умниками в бункере. Он пережил бомбу, нападение кибенов, ночь кошмаров — и повернул события по-своему. Он прошел через болота, через поля, через город и вышел к финишу.

К рубке флагманского корабля.

Не тот Бенно Таллант, которого земляне застукали возле трупа лавочника. Совсем другой человек. Человек, чья жизнь сделала единственный возможный поворот... Потому что другой поворот — смерть — не устраивал Талланта.

Бенно подтолкнул доктора к пульту управления. Потом развернул дрожащего наркомана к себе лицом. Глядя в золотистые щелочки глаз, Бенно с радостью осознал, что не питает ненависти к пришельцам, которые искали его и хотели вспороть ему живот; он восхищался ими, ибо они силой брали то, что хотели.

Нет, он не питал ненависти к *ним*.

— Как тебя зовут, друг любезный? — весело спросил Таллант.

Трясущиеся щупальца врача протянулись вперед, вымаливая последний пакетик. Таллант оттолкнул ладонь кибена; он не питал ненависти к пришельцам, но и для жалости в нем места не осталось. Остатки человечности и сострадания были выжжены вспышкой бластика в разрушенном здании, сожраны жестокостью сородичей-землян. Он стал беспощаден, и это доставляло ему удовольствие.

— Имя!

— Норгис, — дрожащими губами промямлил доктор.

— Ну что ж, доктор Норгис, мы с тобой станем закадычными друзьями, верно? Нас ждут великие дела!

Таллант знал, что в лице трясущегося от холода и жажды врача обрел отныне верного раба. Он хлопнул кибена по плечу.

— Разыщи-ка мне в этой мешанине какое-нибудь средство связи, док.

Кибен показал на аппарат и по команде щелкнул тумблером, соединяя Талланта с пехотинцами на полях, с кораблями, разбросанными по планете Дильда, и с экипажем, оставшимся на флагманском судне.

Таллант поднял палочку микрофона, молча глядя на нее. О чём только он не передумал: взорвать флот, приказать ему вернуться домой...

Но это было вчера, когда он был Бенно Таллант Дрожащий. А сегодня...

Сегодня он другой Бенно Таллант.

Он заговорил уверенно и четко:

— Я последний человек на планете Дильда, мои кибенские друзья! Тот самый человек, который, как в конце концов поняло ваше начальство, носит при себе солнечную бомбу.

А теперь внимание! Бомба по-прежнему при мне. Но уже под моим контролем. Я могу взорвать ее в любую минуту и поубивать всех нас... даже в космосе. Потому что сила этой бомбы безмерна. Если вы сомневаетесь в моих словах, через пару минут я дам слово врачу флагманского корабля доктору Норгису и он подтвердит все, что я сказал.

Но вам нечего бояться, потому что я собираюсь предложить вам дельце более заманчивое, чем просто разведка боем для вашего флота. Я предлагаю вам шанс стать независимыми завоевателями. Вы не были дома уже несколько лет, вы устали от сражений — и я предлагаю вам шанс вернуться домой не голозадыми героями, а победителями с богатой добычей и покоренными планетами.

Разве для вас имеет значение, кто командует флотом? Если вы сумеете завоевать галактики?.. Думаю, нет!

Он сделал паузу, уверенный, что они с ним согласятся. Они должны были согласиться. Верность родной планете и присяге не помешает ему превратить истосковавшихся по дому космических пехотинцев в армию невиданной доселе завоевательной мощи.

— Наша первая цель... — Таллант помедлил, понимая, что сейчас окончательно и бесповоротно решит свою судьбу, — ...Земля!

Он передал микрофон врачу, приказав подтвердить его слова, и послушал немного, дабы убедиться, что свистящие монотонные звуки в переводе на английский звучат как надо. Потом подошел к иллюминатору, глядя, как сумерки вновь спускаются над Иксвиллем, над созревшими полями Саммерсета, над Синими болотами и Дальными горами.

Он смотрел и смотрел на планету Дильда... и дал себе клятву, что месть его будет долгой и обстоятельной.

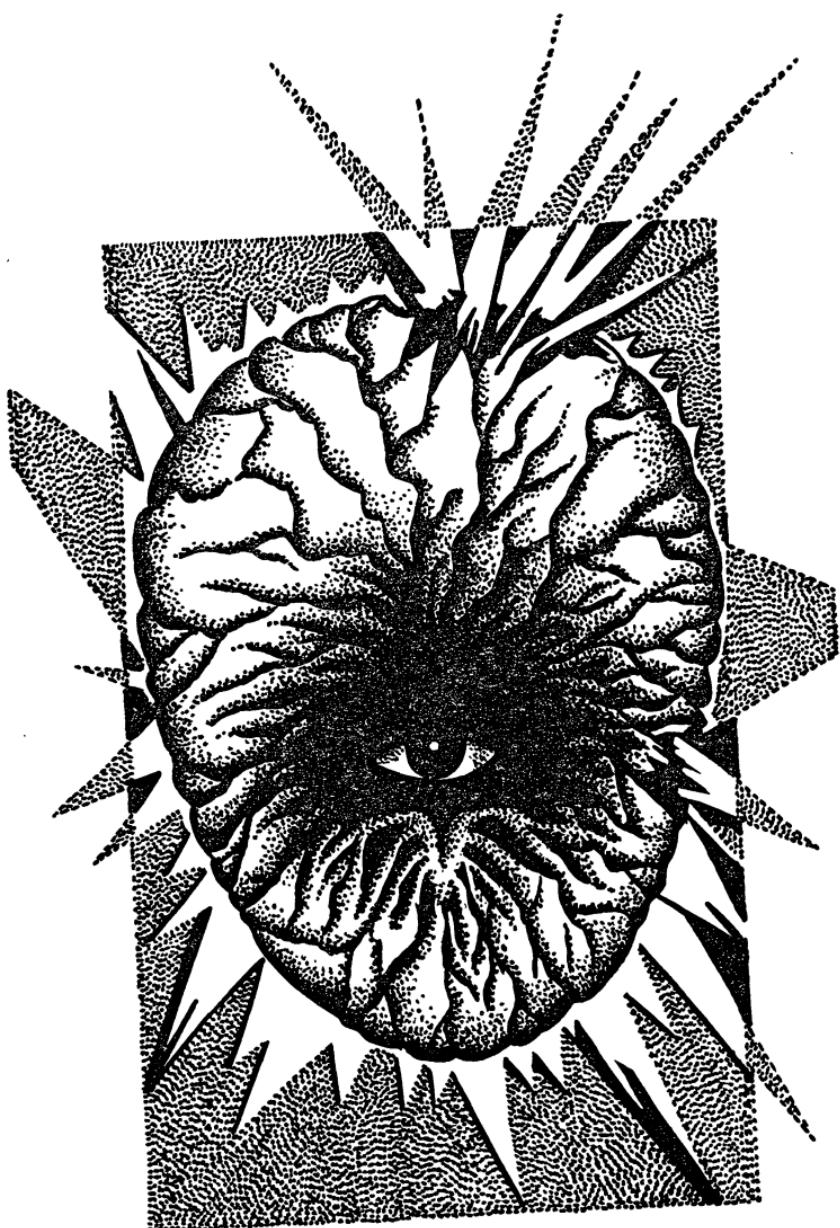
В памяти всплыли вдруг слова Паркхерста, на удивление подходящие и к этому мгновению, и к месту, и к новой жизни Талланта: «Я не питаю к вам ненависти. Просто дело прежде всего. Оно должно быть сделано, и вы его сделаете. Но я не питаю к вам ненависти».

Таллант взвесил каждое слово — и под каждым готов был подписаться.

Ненависти он ни к кому больше не испытывал. Он был выше этого. Он — Бенно Таллант, и дурманный порошок ему больше не нужен. Он исцелился.

Бенно отвернулся от иллюминатора и окинул взглядом рубку корабля, который стал его судьбой. Он чувствовал себя свободным от планеты Дильда, свободным от порошка. Ему не нужна больше ни та ни другой.

Отныне он сам себе Бог.



МИРЫ СТРАХА

ПЫЛЬНЫЕ ГЛАЗА

Их брак был неизбежен. Она — с бородавкой на правой щеке, он — слепой к свету. И терпеть-то их не было причин на Топазе; в городе, посвященном красоте, несовершенство невыносимо. Но они жили, избегаемые всеми, и сошлись. Так и должно было случиться. Красота к красоте, уродство к уродству. Пария к парии.

Так поженились они и жили, и вскоре она зачала.
Начинался кошмар.

На пять тысяч футов вздыпался в жемчужное небо город Света на планете Топаз. Башни его сияли огнем, заключенным в камне. Пастельные тона — розовые и голубые и нежно-зеленые — сплетались в один чарующий водоворот. Трех размеров были башни. Потрясающие великаны возносились на пять тысяч футов — с точностью до дюйма, — башни средние стояли как дорожные столбы высотой тринадцать сотен футов, а между ними — башни-крошки стофутового роста, хрупкие и дерзкие, как подростки.

Блестя и сверкая, взмывая и падая и снова взмывая, перекидывались с башни на башню дорожки и мостики, инженерные чудеса. С уровня на уровень скользили прозрачные пандусы и разделители, придавая городу облик сказочного царства, отрешенного от мирского уродства, купающегося в собственной красоте.

И люди.

Eyes of Dust

© Издательство «Полярис», перевод, 1997

Мужчины, женщины, дети — ноты в великой симфонии совершенства. Простота и роскошь сливались в городе так полно, что не оставалось места ни грубости, ни вульгарности. Лица не были пусты, или жестоки, или вялы. Красота таилась в глазах, и в ясности черт, и в ритме шагов.

Никакого уродства не было на Топазе. В городе Света — ничего, кроме лишь блестательного парада совершенства и изящества. Ни расового маразма, ни нирваны, ни скуки. Культура сложная, полная жизни и богатая идеями, но она посвятила себя красоте жизни и отражению той красоты во всем материальном мире.

Слепой и жена его, женщина с бородавкой, обитали на маленьком участке за городом, где крестьяне возделывали свои симметричные поля орудиями, приятными глазу и удобными в труде.

Они жили в междуярусном доме со всеми современными роботоудобствами. Свет загорался и гас по мановению руки, по нажатию кнопки стены излучали тепло, пищу готовили великолепные в своей изощренности робоповара, чистильщики выныривали из стенных ниш за каждой соринкой; и было там хорошо.

В подвале, где гнездились сервомеханизмы, где располагался нервный центр дома, слепой и женщина с бородавкой соорудили еще одну комнату, лишенную света. В той комнате мягкие стены глушили звук, защищая ее обитателя от внешних воздействий. В ту комнату не проникал свет, и постель была как палитра пуха.

Там жил Человек.

Человек, ибо другого имени он не имел. В отличие от слепого, коего звали Брумал, или женщины с бородавкой — Ордак. Те обладали именами, ибо иной раз приходилось им путешествовать по Топазу, иметь дело с другими людьми. Человек же не выходил никуда. Он никогда не видел света и не бродил по земле; комната была его домом, и родители его сделали все, чтобы он никогда не вышел оттуда.

В машинном погребе межуровня за городом Света сидел в бесстрастном молчании Человек, руки сложены на чреслах, ноги подвернуты, отдыхая.

Пыльные глаза обращены на движущиеся нецвета.

Ибо Человека не вынесли бы на Топазе. В мире красоты безбрежной безобразие знакомо, но презираемо. Брумал и Ордак были уродами — бородавка, слепота, — но они долго жили в обществе, и у них хватало ума держаться подальше от людей. Потомок их — дело иное.

Ибо кто потерпит глаза из пыли?

Брумал отпер дверь и вошел.

— Отец... — пробормотал Человек, и речь его была сладка, как родниковая вода, а тон его нежен, как крылья бабочки.

— Да. Как ты сегодня? Было ли тебе видение?

Кивнул Человек и обратил к слепому серые глазницы.

— Оно пришло раньше, отец. Глубочайшая тьма, продержнутая ярко-алым, напомнила мне о жерле вулкана, отец.

Слепой сел и медленно покачал головой:

— Но ты ведь никогда не видал вулкана, сын мой.

Человек отошел от стены, огромные его ладони болтались ниже колен.

— Знаю.

— Тогда как...

— Так же, как я видел чаек, что ныряют над зеленым плевком земли. Так же, как видел глубокую реку оранжевой грязи, что бурля текла к болоту. Все это одно, отец. Я вижу.

А слепец в изумлении продолжал кивать и покачивать головой. То были ответы на вопросы, которых он не задавал.

— Где мать? Уж несколько раз она не приходила навестить меня.

Слепой вздохнул:

— Она должна работать, сынок, если мы хотим и дальше наполнять свои пищечаны. Она трудится в рассыпочном центре.

— Ах, — и Человек вызвал видение сенсоцентра, откуда чарующие запахи и звуки и ощущения изливались в воздух Топаза на радость его обитателям. —

Ей должно нравиться там. Так близко к аромату орхидей.

— Она говорит, что это хорошая работа.

Человек кивнул. Его огромная голова чуть склонилась вперед, и пыльные глаза утонули в колодцах тени.

— Тебе что-то нужно?

Человек соскользнул по стене в прохладную тьму и ответил ласково, ибо понимал, что отец его лишен зрения; даже такого, каким наделен он сам.

— Нет, отец, мне ничего не нужно. У меня есть мои пироги с мясом и пиво. У меня есть мои тени и цвета. И запах уходящего времени. Ничего мне больше не надо.

— Как странен ты, сын мой, — таинственно произнес слепой, ибо это вовсе не было тайной.

Человек хохотнул мягко и мускусно в нежном венце.

— Воистину странен, отец.

Слепец медленно поднялся на ноги, и кости его скрипнули чуть слышно.

— До скорой встречи, сынок, — произнес он на конец.

— Иди мягко, отец мой, — сказал Человек, как принято было прощаться в Топазе.

— Оставайся нежно, — согласно традиции ответил слепой.

Он вышел и закрыл дверь и установил на замке новую комбинацию. Осторожность не бывает излишней, особенно в таком деле. Двадцать лет доказывали это. Двадцать лет, в течение которых его сын оставался в живых, чтобы блуждать в своем мире странного, слепого зрения.

Слепой вскарабкался по пандусу на жилой ярус и уселся, скрестив ноги, на своей лежанке. Он стал наигрывать тихонько на спиральной флейте. И играл без перерыва, пока привратник не вспыхнул розовым светом и не издал дрожащий предупредительный сигнал, когда в чаще проявилась Ордак.

— О-оох! — Она вышла из чаши и устало опустилась в гнездо пеночек. — Ну и день! Как же надоели

мне орхидеи, кто бы знал. Добрый вечер, дорогой. Как он сегодня?

Слепой отложил свою флейту и распростер руки. Обнял женщину, прижимая ее темные волосы к своей шее, такие гладкие, нежные. И буркнул в ответ. Она поняла.

— Что же будет, Брумал?

Он мягко отстранил ее и задумчиво вздохнул:

— Ордак, как я могу сказать, что все будет хорошо, когда с каждым днем становится все хуже? Ты знаешь, он не может выйти, и мы должны жить здесь... Его не потерпят снаружи, даже по дороге в космопорт. Мы в ловушке здесь, моя дорогая.

Она встала, оправив свободную тунику и юбку. Аккуратно уложенные волосы прикрывали бородавку на правой щеке. Конечно, о ее уродстве знали, но, невидимое, оно переносилось легче.

Ордак все стояла, размышляя о том, что принесет будущее, и слепой муж сидел у ее ног, когда будущее рухнуло с небес. Оно просто было — не дурное, не хорошее, а какое выдалось. Жизнь прошлась тяжелой поступью сама по себе.

Покуда Ордак стояла в молчаливом раздумье, нарушился энергопередающий луч межконтинентального вертокрыла, чуть смеялся, никем не замечено, силовой фокус — и могучий аппарат рухнул с высоты две с половиной тысячи футов, мгновенно уничтожив надземную часть дома. Он втоптал здание в землю, оставив в сохранности лишь машинный погреб. Оставил для спасателей и анализаторов, что пришли потом, дабы оценить нанесенный ущерб и спасти тех, кто остался в живых.

Над землей выживших не было. Последние двое несовершенных на Топазе отправились в общительное спокойствие, туда, где ни красота, ни уродство не имеют значения. Туда, где все мягко-серое и нежно-теплое от близости друг друга.

Так следует думать об этом.

Но под землей...

Вот тогда кошмар начался по-настоящему. То, что двадцать лет таилось в засаде, с рыком бросилось на глотку красоты Топаза.

Он медитировал. И медитирующими его нашли.

При помощи трамбовочных лучей, что сплавляли обрывки металла и куски пластика в прочные стены приятных пастельных тонов, они пробрались через обломки. А достигнув тайной комнаты — дверь ее никак не ублажала глаз, — остановились в растерянности, размышая, что же предпринять.

Их было трое. Чрезвычайно красивые мужчины. Первый — блондин с широко посаженными глазами и внешностью чиновника, в тунике золотисто-медной. Он вел себя невозмутимо, как человек, уверенный в своих способностях и красоте. Чрезвычайных. Второй был на несколько дюймов ниже первого — а тот имел футов шесть роста, — темные, курчавые волосы скатывались на лоб с изяществом пантеры, кидающейся на ягненка. Руки его, благодаря мастерству пластихирурга, казались короче положенного, но то было рассчитанное несовершенство, оборачивающееся совершенством — в сочетании рук с длинным торсом и короткими ногами. Превосходно исполненная работа — пропорциями второй мужчина походил на Адониса.

Третий мог служить классическим древнегреческим образцом мужества и одаренности. Его глубоко посаженные серые глаза сияли властью и сочувствием. Походка его была шагом легионера, а речь — мерным говором мудреца. Он никогда не облысеет и улыбка его не померкнет.

— В жизни не видел ничего подобного, — сказал курчавый анализатор по имени Роул.

— Это ведь не стандартный машинный погреб? — спросил старший по имени Прате.

Третий из них, Хольд, с мудрой иронией покачал головой:

— Нет, и, должен признать, это весьма безобразно. Некрашено. Грубо.

Он чуть вздрогнул по-женски. Но это было в характере Хольда, и никто из его товарищей не заметил, как это некрасиво

— Давайте откроем, — предложил Прате, взявшись за трамбовщик.

Остальные двое не ответили, а значит, согласились, и Прате включил луч. Хлынула широкая дуга сладостной яблочной зелени. За несколько секунд дверь оплавилась по краям и распалась на две совершенно симметричные половины. И пришедшие глянули во вздыбленную тьму.

Он медитировал. И медитирующими его нашли.

Поначалу, в первых каплях сочащегося из-за их спин света, они не поняли, что перед ними человеческое существо. Он был серой грудой, сваленной в углу, голова опущена, руки покоятся на чреслах.

Затем, по мере того как прояснялись детали, каждый из троих по очереди задерживал дыхание. Прате первым вошел в комнату, и голос его был *почти* не приятной смесью удивления и омерзения.

За ним следовал Роул, и, разглядев Человека, он издал вопль ужаса — вначале окружлый, затем грушевидный, длинный и, наконец, разбившийся: «Как гнусно!» И выражение его лица было некрасиво. Чрезвычайно.

Хольд направил фонарь в угол и тут же отвел луч, осветивший в своих безумных блужданиях всю комнату: голые стены, тарелочку с остатками каши, циновку на полу. Затем луч вернулся, но теперь озеро света заливало пол и краешек ягодиц Человека, чтобы в тени оставалось лицо, о, это лицо!..

Огромная голова, копна нечесаных почти седых волос, сбившихся в колтуны на висках. Тяжелая челюсть, и рот, точно косая рваная прорезь в блеклой плоти. Большие, прижатые к голове уши.

И глаза...

Пыльные глаза...

Две глубочайшие впадины, где клубилась пыль. Серость разлагающегося трупа. Серость штормовых туч. Серость несчастья и смерти. Глаза, глядевшие столь глубоко и ничего не видевшие. Уродливые глаза.

Гармоничные мужчины подняли свои упаковщики, а Человек шевельнулся и встал, и наступила сумятица.

Вначале был свет, а потом несвет. Вначале было тепло, а потом нетепло. И...

Вначале была любовь, столь глубокая, что в сердцевине ее крутился водоворотик, вертелся и извивался и крутился, как женщина в теплой ванне. Наслаждение бытием, приятность скольжения в благодушие, в отсутствие боли. Глубина мысли, мысли о чудесном и обыденном. О том, как широка она, и где она, и где же окраины ее. И все такое.

Потом была нелюбовь. Но на место любви пришло не отсутствие ее, не пустота, какую оставили по себе свет и тепло. На место ее пришло нечто иное.

На место ее пришла
не пришла
не могла не прийти
пришла
Ненависть!

Много позже, когда солнца сели и луны вышли скорбеть зловеще и молчаливо над Топазом, миром красоты, — тогда явились другие. Они нашли три тела, такие уродливые в смерти, такие жалкие, раздавленные, растрепанные.

Они забрали его. Они вывели его, говоря: «И все это, и это все...» И много было проклятий и оскорблений. И ненависть была, и сознание, что он — выродок. Пария. Ужасно! Он был уродством посреди красоты. «Что же нам делать с ним? Как нам убить его?»

И вышел вперед поэт, чьи строфы были совершенны, а образы — блистательны. Худ он был и манерен, и довелось ему придумать правильный путь. Как создать красоту из уродства, добро из зла.

Установили они добрый столб. Ровный и стройный, вознесся он к четырем лунам. И привязали Человека к столбу, и обложили хворостом. И подожгли.

И смотрели, как он горит.
И вновь было плохо.

Ибо Человек имел пыльные глаза, а пыльные глаза видели то, чего не увидеть, и душа его была нежной и больной душою мечтателя.

Хватало у него наглости плакать и кричать, покуда горел он, и стенать: «Не убивайте меня. Не убивайте! Так многоя я не увидел, так многоя не узнал». Он просил и умолял и взвывал о знаниях и видениях, на которые ему уже не взглянуть.

Но они все равно сожгли его.

И это было хорошо. Огонь. Красота его. Всеобщая красота. Если бы только у Человека хватило ума не кричать.

А когда остывала зола, ее расплавили, и там, где были столб и Человек, остался лишь совершенной формы пруд блистающего серебра.

Он был красив, как и все остальное.

И никто уже не мог оспорить: не осталось на Топазе ничего, кроме красоты. Красоты и покоя.

Но ночное небо звенело тающими глухими воплями, которым не умолкнуть вовек. И когда плывущие облака закрывали две луны, те, кто слаб и не боится признать это, понимали: пыльные глаза пребывают вовеки.

БОЛЬ ОДИНОЧЕСТВА

Это, на мой взгляд, один из лучших когда-либо написанных мною рассказов. И определенно один из наиболее важных лично для меня. Это нечто вроде фантазии, но особого рода. Это ужас сознания — в нескольких смыслах. Во-первых, потому что он описывает долины ночных теней, существующие в наших мыслях. А во-вторых, потому что эти мысли были моими. Этот рассказ родился в период эмоционального напряжения, охватившего меня после крушения второго брака. Я официально оформил развод и одиноко жил в Лос-Анджелесе, почти неспособный работать, и пытался сбежать от собственного бессилия при помощи бессмысленной уловки — затаскивал в постель всех подвернувшихся женщин подряд. Потом у меня началась серия снов; они продолжались несколько месяцев, пока я, охваченный безумным ужасом, не помчался к машинке и не написал этот рассказ. Когда я его завершил, сны исчезли и больше не возвращались. Я многое могу сказать в пользу подобной самотерапии. Она может даже оказаться настолько действенной, что поможет человеку, подошедшему к Краю, вновь выпрямиться и избавиться, например, от Боли Одиночества.

Усвоенная с годами привычка по-прежнему побуждала его спать лишь на одной половине широкой двуспальной кровати. Ему требовалось место, чтобы при-

Lonelyache
© Н. Кормихин, перевод, 1997

вольно раскинуть члены, однако спал он исключительно на своей половине. Вторую занимали воспоминания — о ней, такой теплой и близкой, о том, как они лежали тело к телу, парой вопросительных знаков. Измученный этими воспоминаниями, он всячески избегал сна и ложился лишь тогда, когда уже не мог дальше бодрствовать. Чаще всего не спал до самого утра, занимался всякой ерундой, смотрел комедии, убирал квартиру — методично, с хирургической аккуратностью, словом, делал все, чтобы отвлечься от раздиравших душу эмоций, что бесцельно бушевали в ночи. А в конце концов, утомленный до изнеможения, отчаянно нуждающийся в отдыхе, валился на ненавистную кровать.

Чтобы заснуть только на своей половине.

И увидеть сон, исполненный жестокости и страха.

Этот сон повторялся снова и снова; точнее, все до единого сны походили друг на друга, отличаясь лишь второстепенными подробностями. Ночь за ночью Пол словно перелистывал страницы какого-нибудь романа ужасов, сборника рассказов на одну зловещую тему.

Сегодня приснился номер четырнадцать. Чисто выбритое мужское лицо, широкая дружелюбная улыбка. Подстриженные ежиком светлые волосы и песочного оттенка брови придают лицу первокурсника искреннее доброжелательное выражение. Пол знал, что в иных обстоятельствах наверняка подружился бы с этим парнем. (Всех героев своих снов он называл именно «парнями» — не ребятами, не типами и даже — что было бы гораздо точнее — не убийцами.) Если бы они встретились не в кошмарном сне, если бы у светловолосого были другие намерения, то скорее всего они похлопали бы друг друга по плечу, осведомились бы, как дела, и все такое. К сожалению, сон оставался сном, и симпатичный парень был номером четырнадцатым. Последним в длинной череде тех, кого отправляли прикончить Пола.

Предыстория состояла в том, что Пол когда-то был членом то ли шайки, то ли банды. Об этом ему исправно напоминали: обрывки сна, путаница образов, нечеткие очертания, искаженная логика. И теперь бывшие подельники вознамерились его убить. Напади все

вместе, они наверняка добились бы своего. Однако — и это оправдывалось лишь причудливой логикой сна — являлись они исключительно поодиночке, а в результате Пол расправлялся с ними, причем наиболее жестоким и кровожадным из всех возможных способов. Тринадцать раз убивал убийц — вполне приличных на вид парней, которых при иных обстоятельствах был бы рад заполучить в друзья; тринадцать раз избегал смерти.

Двою или трою (а однажды четверо) за ночь; так продолжалось в течение нескольких недель (малое число погибших объяснялось только тем, что Пол зачастую либо вообще не ложился спать, либо сознательно выматывал себя настолько, что падал на кровать и засыпал мертвым сном).

Самым же неприятным во сне была схватка, вернее, то, каким образом Пол расправлялся с противниками. Лицо умирающего всякий раз выражало боль, ужас и адскую муку, причем Пол вынужден был наблюдать мучения врага во всех подробностях.

Один из убийц был вооружен тонким, остро заточенным стилетом. Пол вырвал кинжал и стал наносить удар за ударом, сначала куда придется, потом в складки кожи между пальцами и познал в конце концов, словно на собственной шкуре, что значит погибнуть от ножа, быть зарезанным. В нем пробудилось чувство смерти. Сон перестал быть просто сном, превратился в ступеньку на пути в неведомое, к некоему ужасу, без которого уже невозможно жить. Пол вонзил стилет в живот противнику, постаравшись, чтобы лезвие вошло как можно глубже, ощутил, как лезвие пронзаает внутренние органы, потом выдернул и вонзил снова (или только почудилось, что вонзил?), и смертельно раненный убийца рухнул на пол. Второго Пол забил до смерти тяжелой черной статуэткой. Третий, громко визжа (Пол тогда походил на бешеное животное — зубы оскалены, точно клыки), выпал из окна. Помнится, ему отчаянно хотелось быть жертвой до конца, почувствовать, как она ударится оземь... Четвертый явился с каким-то древним оружием, и пришлось воспользоваться колесной цепью: накинуть на шею, затянуть, а затем измолотить безжизненное тело...

Один за другим, тринадцать человек, уже двое за сегодняшнюю ночь, и вот четырнадцатый, симпатичный, похожий на студента парень с кочергой в руке. Похоже, бандиты никогда не оставят его в покое. Пол убегал, прятался, пытался стать недосягаемым, чтобы не убивать, но они приходили снова и снова. Он двинулся на «студента», отобрал у того кочергу, ударил. Железный стержень вонзился в плоть — и тут, одновременно, зазвонил телефон и раздался звонок в дверь.

На какое-то мгновение нахлынул всепоглощающий страх. Пол лежал, не в силах шевельнуться, на своей половине кровати, другая пустовала, если не считать бессильно упавшей на нее руки; впрочем, другую половину занимали воспоминания.

Звонки повторились, почти в унисон, этаким несогласованным дуэтом.

Они избавили Поля от необходимости заглядывать в лицо убитому. Спасительные звуки. Дар всевидящего Господа, который строго дозирует страх и грех, поскольку прекрасно знает, что в следующий раз сон начнется именно с этого места. Правда, если не спать год или два, возможно, удастся избежать встречи с мертвым «студентом»... Звонки трезвонили один требовательнее другого, выполняя свое предназначение — разбудить Поля. Что ж, разбудили и вселили в душу новый страх.

Пол перевернулся на живот, нашарил в темноте телефонную трубку, буркнул: «Подождите минуточку», затем отбросил мокрое от пота одеяло, встал и прошлепал к двери. Открыл под трель звонка и увидел перед собой лишь тень, расплывчатый силуэт, услышал голос, но слов не разобрал.

— Проходите и, ради всего святого, закрывайте дверь, — проговорил он, вернулся к кровати, взял с подушки телефонную трубку, откашлялся и произнес: — Алло? Я слушаю.

— Пол, Клер у тебя? Или еще не приехала?

Глаза слипались. Пол потер их пальцами, пытаясь определить, чей это голос. Явно кого-то из знакомых...

— Гарри, это ты?

— Конечно, я, Пол. — Гарри Докстейдер, затерянный где-то в ночи, выругался и спросил опять: — Клер у тебя?

В глаза Полу неожиданно ударили яркий свет. Он зажмурился, несколько раз моргнул — и разглядел Клер Докстейдер, стоящую у двери, рядом с выключателем.

— Да, Гарри, она здесь. — Внезапно до него дошла вся необычность ситуации, и он воскликнул: — Черт побери, что происходит? Почему Клер у меня, почему она не с тобой? — Безумие, чистой воды безумие, лепет сумасшедшего. — Гарри?

Голос на том конце провода прорычал что-то неразборчивое.

Клер пересекла комнату, выхватила у Пола трубку.

— Дай сюда! — Она была вне себя от ярости. — Слушай, ты, ублюдок! — Старательно выговаривая каждое слово, каждую букву, чисто по-женски поджимая губы. — Сукин сын, да пошел ты в задницу! В гробу я тебя видела, понял?!

И швырнула трубку на аппарат.

Пол, голый до пояса, сидел на краю кровати, опустив на пол босые ноги. Чтобы женщина так выражалась, да еще в столь ранний час...

— Клер, что стряслось?

Похожая в своей ярости на валькирию, она ответила не сразу. Вздрогнула, словно ее вырвали из размышлений, пошатнулась, села в кресло — и разразилась слезами.

— Мерзавец! — произнесла она, глядя прямо перед собой. — Юбочник поганый! Этот потаскун смеет приводить шлюх домой! Господи, и зачем я только вышла за него замуж!

Пол в связи с событиями, произошедшими недавно в его собственной жизни, не мог не отнести эту тираду на свой счет. Особенно задело слово «юбочник». Так высказалась сестра, узнав о том, что он разводится с Жоржеттой. До чего же гнусное словечко. До сих пор звенит в ушах.

Пол встал. Маленькая квартирка, в которой он теперь жил в гордом одиночестве, с появлением Клер стала вдруг совсем крохотной.

— Кофе хочешь?

Клер кивнула. Чувствовалось, что ее по-прежнему занимают собственные мысли, которые она перебирает как четки. Пол прошел в кухню, вынул из буфета электро-кофеварку, потряс, проверяя, достаточно ли воды, затем воткнул в розетку штепсель.

Возвратившись в комнату, Пол наткнулся на пристальный взгляд Клер. Сел на кровать, подложил под спину подушку, протянул руку к пачке сигарет, что лежала на тумбочке рядом с телефоном.

— Ладно. С кем он спутался на сей раз, и каким образом ты их застукала?

— Только развратник вроде тебя мог задать такой вопрос! — Клер поджала губы и наморщила нос. — Вы с Гарри одного поля ягоды.

Пол пожал плечами — высокий, худощавый, с копной соломенных волос. Откинул прядь со лба, закурил, старательно отводя взгляд от Клер. Женщина в его квартире... так скоро после ухода Жоржетты, слишком скоро даже для жены приятеля. Затянулся и продолжал размышлять. Ни то ни другое не доставило удовольствия. Кровать чересчур короткая; а может, он чересчур длинный, нескладный, не представляющий ни малейшего интереса для противоположного пола? Да нет, вряд ли, вон как смотрит Клер... Атмосфера в комнате внезапно изменилась, словно Клер только что сообразила, что вломилась в чужую квартиру, ворвалась в спальню, то есть в помещение, где происходит всякое. Они неожиданно стали очень и очень близки, их разделяла лишь тонюсенькая преграда, готовая рухнуть в любой момент. Обоим стало слегка не по себе. Пол завернулся в простыню, Клер отвернулась.

Слава Богу, в этот миг закипел кофе.

— Интересно, который час? — проговорил Пол, обращаясь скорее к себе, чем к гостью. Взял с тумбочки будильник, уставился на идиотскую физиономию циферблата, словно гипнотизируя цифры. — Господи, три часа! Все нормальные люди еще спят! — Болтай, болтай. Сам-то почти не ложишься, толком не спишь, так что кого ты хочешь одурачить?

Клер слегка переменила позу, поправила юбку, задравшуюся выше колен. Пол заметил это движение, невольно скользнул взглядом по ее ногам, как поступил бы на его месте любой нормальный мужчина. Она перехватила взгляд, посмотрела в упор, пока еще не позволяя никаких вольностей.

Оба прекрасно понимали, что между ними происходит. Они заключили молчаливый союз, скрепленный чувством вины; собрались использовать возможность, не решаясь признаться в этом самим себе. Пол развелся недостаточно давно, чтобы стать пуританином, а Клер по-прежнему кипела от ярости. Никто ничего не предлагал вслух, однако каждый знал наверняка, что именно должно случиться.

Стоило только Полу признаться себе в своем одиночестве, чувство вины и нахлынувшее желание привели (не будем лукавить, назовем вещи своими именами!) к адюльтеру, к физической близости без любви. И в тот самый миг в дальнем углу комнаты возникло нечто черное и омерзительное.

Пол ничего не заметил.

— Почему ты пришла ко мне? — спросил он небрежным тоном.

— Я решила, что только ты в это время наверняка не спишь... Вдобавок я плохо соображала... Слишком сильно разозлилась...

Клер замолчала, поняв, что и так сказала чересчур много. Из всех мест, куда она могла пойти, из всех баров, где могла подцепить кавалера, из всех друзей семейства, из всех дешевых отелей, в которых можно провести ночь за восемь долларов, она выбрала квартиру Пола, точнее, его спальню — провал в мироздании, в котором из раздражения и боли родится вина.

— Кофе сварился? — поинтересовалась Клер.

Пол встал и отправился на кухню, ощущая обнаженной спиной пристальный взгляд женщины. У него засвербило там, где обычно свербит в подобных случаях; он знал — что суждено, того не избежать, пускай потом он станет презирать Клер и себя за то, что они убили что-то в отношениях между собой. Ну и ладно.

Он подал ей чашку, их пальцы соприкоснулись, взгляды скрестились по-новому, и в тысячный раз за ночь началось циклическое движение. А цикл, как известно, не остановить.

Тем временем в темном углу продолжало оформляться нечто, и безумная страсть Пола и Клер была ему вместо повитухи.

Развод, словно мельничный жернов, размолол Пола в муку. Бродить по квартире, в которой он и Жоржетта еще недавно то и дело сталкивались друг с другом, разговаривать с адвокатами, отвечать на бестолковые телефонные звонки, бросаться взаимными обвинениями и, что хуже всего, постоянно, мучительно сознавать — что-то очень и очень не так... Все происходило как будто не наяву, а в мыслях и снах, словно кто-то напустил наваждение. Подумать только, брак распался из-за мелочей, которые мнились не заслуживающими внимания, а на деле оказались чрезвычайно важными. Жоржетту буквально физически вырвало из его объятий, из мыслей и из жизни. Призрачные гангстеры, исчадия разума, стремившиеся к одной цели — разрушить, растоптать, уничтожить союз. Но вот он остался один в маленькой квартирке, а наваждение никуда не делось; между тем Жоржетта кидала руны, бормотала заклинания, мешала колдовское варево, в точном соответствии с тем, как написано в волшебной книге разводов. Постепенно они расходились все дальше, камень катился по склону все быстрее, сметая любые преграды на своем пути, жизнь пошла иначе — и все же поступки Пола определялись существованием Жоржетты и реальностью ее ухода.

Днем раздался телефонный звонок. Он снял трубку, и начался тот пустопорожний разговор, окрашенный эмоциями и заканчивавшийся всегда одинаково: Пол посыпал Жоржетту к черту и заявлял, что она не получит с него ни гроша, как бы тugo ей ни приходилось.

— В решении суда сказано — сто двадцать пять тысяч в месяц, и точка. Перестань тратиться на одежду, и у тебя сразу появится, на что жить.

Возбужденное чириканье на том конце провода.

— Сто двадцать пять тысяч, и ни цента больше, ясно?! Я тебя не выгонял, ты ушла сама, так что нечего жаловаться. Пойми наконец, между нами все кончено. Я сыт по горло твоими выходками, вечной горой посуды в раковине и страхом перед метро. Надоело постоянно слышать: «Не трогай мои волосы, мне их только что уложили!» Все, с меня хватит!

Снова чириканье, исполненное ненависти, усиленное электрическим сигналом, проникающее через ухо прямиком в мозг.

— Что?.. Сама иди туда, дура набитая, слышишь?! Пошла к черту! Ты не получишь с меня ни цента, и мне плевать, какие там у тебя обстоятельства!

Он бросил трубку на рычаг и продолжил одеваться. Ему предстояло свидание с симпатичной брюнеткой, секретаршой из страховой компании. Пол назначил ей встречу с таким видом, будто устраивался на работу. Впрочем, первое после знакомства свидание и впрямь похоже на прием на работу. Некоторое облегчение, ощущение того, что в жизни появилось какое-то занятие... Так сказать, пособие по безработице. Насущно необходимая поддержка.

Случайная встреча, мимолетное знакомство, непродолжительная связь и разлука навсегда. Каждый пойдет своей дорогой, забыв о том, что было между ними.

— Боюсь, собеседник из меня сегодня неудачный, — сказал он, когда девушка села в машину. — Женщина, с которой вы очень похожи, подложила мне днем изрядную свинью.

— Да? — настороженно поинтересовалась девушка. — И кто же она?

— Моя бывшая жена, — ответил Пол, солгав в первый раз. Не глядя на спутницу, захлопнул дверцу и повел непрезентабельный «форд», уставясь прямо перед собой.

Брюнетка внимательно посмотрела на него, должно быть, прикидывая, правильно ли поступила, согласившись провести вечер с клиентом своей компании. Да, он явно человек с юмором, однако лицо вблизи вовсе не такое молодое, каким показалось в офисе. Черты затвердели, утратили тот свет, которым лучились еще

совсем недавно. Он чем-то расстроен и не пытается этого скрыть; в его поведении проскальзывает что-то непонятное, пугающее, угрожающее, причем угрожает это нечто не ей, а именно ему.

— А почему вы позволили ей подложить вам свидание?

— Наверно, потому, что до сих пор ее люблю, — немедленно отозвался он, будто заранее отрепетировал ответ.

— А она?

— Полагаю, тоже. — Он помолчал, потом задумчиво прибавил: — Да, так оно скорее всего и есть. Иначе мы не старались бы столь настойчиво прикончить друг друга. Ее любовь доставляет нам обоим немало неприятностей.

Девушка разгладила юбку, попыталась найти иную тему для разговора, но в голове прочно засела однажды единственная мысль: «Надо было сказать, что сегодня вечером я занята».

— Я сильно на нее похожа?

Он по-прежнему смотрел прямо перед собой, небрежно поворачивая руль, будто получая некое неизъяснимое удовольствие от езды, от сознания того, что повелевает движением металлического монстра. Казалось, он здесь — и одновременно где-то далеко, слившись воедино с машиной.

— Да не то чтобы очень... Она блондинка, вы брюнетка. Правда, волосы у вас уложены почти одинаково, да морщинки в уголках глаз почти такие же. А еще оттенок кожи... Вы просто напоминаете ее, не более того.

— Вот почему вы назначили мне свидание?

Он поразмыслил.

— Нет. Честно говоря, когда я сообразил, что вы ее напоминаете, мне захотелось позвонить к вам в офис и отменить нашу встречу.

«Так почему же ты не позвонил?!» — мысленно воскликнула девушка, а вслух сказала:

— Нам не обязательно куда-то ехать.

Он повернулся к ней:

— Что? Простите, ради Бога, я вовсе не хотел вас обидеть. Понимаете, развод затянулся, и это действует мне на нервы. Надеюсь, вы не подумали, что я хочу лишить вас ужина?

— С чего вы взяли? — холодно ответила она. — Мне всего лишь показалось, что вам, пожалуй, было бы лучше провести этот вечер наедине с собой.

Он улыбнулся. Улыбка вышла кривой, неестественной. Потом покачал головой:

— Господи, все что угодно, только не это! Только не одиночество.

Девушка откинулась на спинку кресла, неожиданно вознамерившись смутить своего спутника.

Время словно растянулось до бесконечности. Он произнес, сменив тон, с напускной игривостью, прекрасно сознавая, что она чувствует фальшь:

— Куда бы вы хотели поехать? В китайский ресторан? Или в итальянский? Я знаю уютное заведеньице с армянской кухней...

Девушка молчала, и молчание привело к тому, чего она добивалась: он смущился, погрустнел, а потом вдруг преисполнился ненависти. Ему захотелось либо немедленно затащить ее в постель, либо вышвырнуть из машины, только не длить эту муку. Девушка защищалась, а он словно укрылся за неприступной каменной стеной. На смену мягкости, искренности явилось лукавство.

— Послушайте, — проговорил он, вновь изменив тон, почти вкрадчиво, — я не успел побриться и чувствую себя настоящей деревенщиной. Не возражаете, если мы заглянем ко мне домой и я быстренько соскоблю щетину?

Она легко разгадала уловку. Опыта ей было не занимать: была замужем, развелась, на свидания ходила с пятнадцати лет, а потому отлично поняла, что именно у него на уме. Он предлагал близость. Ее мозг медленно проанализировал предложение — в то бесконечное мгновение, когда обычно и принимаются решения, изучил каждую детальку. Идея неудачная, совершенно не заслуживающая внимания, глупо даже думать об этом, он отстанет, если продемонстрировать

неодобрительное отношение хотя бы жестом... Разумеется, идея никуда не годится, такие идеи следует отметать с порога.

— Хорошо, — сказала она.

Он резко крутанул руль, и машина свернула в переулок.

Пол взглянул ей в лицо и внезапно увидел воочию, как она будет выглядеть лет в шестьдесят пять. Увидел будто наяву. Бледно-розовое лицико на фоне подушки стало вдруг призрачно-серой маской. Губы потрескались, под глазами набрякли мешки, четко обозначились впадины на щеках, словно она продала часть своего лица, чтобы продлить жизнь. Повсюду морщины, кожа приобрела грязно-серый оттенок; такой цвет бывает у раздавленного, расплющенного мотылька. Лицо у него перед глазами двоилось, будущее наползало на настоящее, преображая девушки в безымянную куклу, склад запасных частей и никому не нужных эмоций. Тусклая паутина возможного в глазницах и на губах, которые он целовал, в ноздрях и в ямке между ключицами...

Видение исчезло, и он обнаружил, что смотрит на некое существо, которое только что использовал. В ее глазах мерцали огоньки безумия.

— Скажи, что любишь меня, даже если это не так, — пробормотала она.

В ее голосе прозвучала неутоленность, бездыханная жадность, а ему стало холодно, кто-то словно стиснул в руке его сердце; недавно возвратившееся ощущение реальности вновь куда-то пропало. Захотелось вырваться и бежать, спрятаться где-нибудь в темном уголке, свернувшись калачиком.

Но угол, в котором можно было бы спрятаться, уже заняли. Там ворочалось нечто огромное и зловещее. Оттуда доносилось тяжелое дыхание, несколько более равномерное, чем какое-то время тому назад; оно сделалось размереннее, стоило им только войти в квартиру, и с тех самых пор, пока они поочередно то нападали друг на друга, то отступали, становилось все спокойнее. Нечто явно обретало форму.

Пол ощутил его присутствие, но отмахнулся от ощущения.

Тяжелое, натруженное, зычное дыхание, с каждой секундой становящееся все тише и спокойнее.

— Скажи. Скажи, что любишь. Девятнадцать раз, и очень быстро.

— Люблю тебя. Люблю, люблю, люблю, люблю, — начал он, приподнявшись на локте и загибая пальцы. — Люблю, люблю, люблю...

— Зачем ты считаешь? — кокетливо спросила она (этакая гротескная пародия на наивность).

— Чтобы не запутаться, — резко ответил он. Откатился в сторону, на половину Жоржетты (как тут неудобно лежать, словно на кровати отпечатались все изгибы ее тела, но ничего, главное, не пустить сюда эту девицу). — Давай спи.

— Я не хочу спать.

— Тогда бейся головой об стену, — бросил он, закрыл глаза и велел себе заснуть. Сознавая, что девушка сердится, он приказал сну прийти, и тот подкрался, точно фавн к заплутавшей в лесу нимфе. Пол заснул — и увидел во сне то же самое...

Кочерга угодила парню в правый глаз, сделала свое черное дело. Пол отвернулся, а коротко стриженный «студент» рухнул на пол, еще живой, но теряющий жизнь буквально по капле. Над головой мерцали звезды и кружила темнота. Пол обнаружил вдруг, что очутился в другом месте, на какой-то площади.

К нему по сверкающей огнями улице — наверно, где-то в районе Беверли-Хиллз, не иначе, так тут все чисто и вычурно — приближалась разъяренная толпа. Существа в масках, будто собравшиеся на диковинный карнавал, не люди, а пародии на людей, ведьминский шабаш, где никто не открывает своего истинного лица, чтобы не обнажить душу. Чужаки, обезумевшие, исполненные гнева, надвигающиеся по залитой ярким светом улице. Картина кисти Босха, сделанный в попыхах набросок Даля, одно из чудовищных видений Хогарта; пантомима из последнего круга Дантова ада. Все ближе. Ближе.

Наконец, столько недель спустя, сон получил новое продолжение, страхи обрели телесное воплощение и устремились на Поля все вместе, желая утолить голод.

О череде приятных на вид, улыбчивых убийц можно было забыть.

«Если смогу понять, что это означает, я все узнаю», — подумалось вдруг Полу. В самый разгар многоцветного сна он внезапно сообразил, что если найдет смысл в событиях, разворачивающихся у него перед глазами (во сне, конечно же, во сне), то отыщет решение всех своих проблем, единственное правильное решение. Он сосредоточился. «Если смогу выяснить, кто они такие и что им нужно от меня, почему они за мной гонятся, что их заставляет, то пойму, кто я и что я, и освобожусь, вновь стану самим собой, и все кончится, кончится...»

Он побежал по улице, залитой ослепительно белым светом, лавируя между неизвестно откуда взявшимися автомобилями. Подбежал к перекрестку, набрался мужества и кинулся на другую сторону, разыскивая выход, путь к спасению, место, где можно отдохнуть, захлопнуть дверь и избавиться от погони. Ноги отчаянно болели.

— Эй! Давайте к нам! — крикнул какой-то мужчина, сидевший в машине со всем своим многочисленным семейством. Пол юркнул в распахнутую дверцу, прорвался на заднее сиденье, на мгновение прижав водителя к рулю. Багажник оказался забит всякой всячиной, одеждой и тому подобным, и Полу пришлось лечь на одежду, поскольку больше места не было.

Как такое может быть?

Взрослый человек ни за что не сумеет втиснуться в крохотное пространство между задним сиденьем и окном, это под силу только ребенку. Помнится, в детстве, отправляясь куда-нибудь с отцом и матерью, он частенько ложился туда, потому что на заднее сиденье укладывали вещи. Потом отец умер, а они с матерью переехали в другой дом...

Почему эти воспоминания пришли именно сейчас?

Он взрослый или ребенок?

Ответьте, пожалуйста, ответьте!

Лежа у окна, он смотрел на беснующуюся толпу, которая осталась на перекрестке, однако не чувствовал себя в безопасности. Странно, ведь он с людьми,

которые ему помогают, мужчина за рулем ведет автомобиль быстро и уверенно, спасая Пола от преследователей, так почему же он не чувствует себя в безопасности?

Пол проснулся в слезах. Девушка ушла.

Одна девица жевала в постели жвачку. Совсем еще молоденькая, с пышными бедрами, совершенно не представляющая, как пользоваться своим телом. Соитие происходило медленно, тупо, словно по обязанности. Впоследствии Пол решил, что она ему просто привиделась. Лицо в памяти не сохранилось, остался только смех. Этот смех напоминал звук, с каким лопаются горошины. Он встретил ее на вечеринке и соблазнился ею только потому, что выпил слишком много водки с томиком.

Другая была гораздо привлекательнее, однако из тех женщин, которые входят в твою спальню так, словно вышли из нее пару минут назад.

Третья, маленькая и худая, все время стонала — лишь потому, что прочла в бульварном романчике, что страстные женщины в постели обязательно стонут. Романчик был явно так себе, да и девица — не лучше.

Они приходили в его квартирку одна за другой, случайные знакомые, не преследуя никакой цели, и он развлекался с ними, пока не сообразил (благодаря тому, что обретало форму в темном углу): он вовсе не живет, а попросту существует.

В Книге Бытия говорится о том, что грех то ли таится, то ли ожидает у двери; это не новость, это прописная истина, древняя, как то, что ее породило, как безумие, которое ее выпестовало, как печаль — боль одиночества, — которая в конечном итоге заставит ее пожрать самое себя и все вокруг.

В ночь, когда Пол впервые заплатил за любовь, сунул руку в бумажник, достал двадцать долларов и протянул их своей подружке, существо в углу окончательно обрело форму.

Та девушка... Когда «порядочные» рассуждают об «уличных», они имеют в виду как раз таких, как она. На самом же деле никаких «уличных» нет и в помине, ведь даже преступники себя преступниками не называют. Рабочие лошадки, предприимчивые девушки, ублажительницы, подружки на вечерок... Другое дело, не правда ли? У девушки была семья, было прошлое и свое лицо, а не только тело.

Коммерция — выгребная яма любви; когда доходит до денег, по причине ли отчаяния или непонимания и жестокости, значит, все кончено. Возродить былое может лишь чудо, а среди обыкновенных людей чудес, как известно, не происходит.

Когда Пол протянул деньги, сам себя спрашивая: «Зачем?!», существо в углу обрело окончательную форму, субстанцию и реальность. Его вызвали к жизни современные заклинания, звуки страсти и аромат отчаяния. Девушка застегнула лифчик, натянула чулки и платье и ушла, оставив Поля взирать в одиночестве и страхе на новоявленного соседа.

Существо уставилось на него, а он, как ни старался (кричать было бесполезно), не смог отвести взгляда.

— Жоржетта, — проговорил он в трубку, — послушай... Вы... Выслушай меня, ладно? Ради всего святого, перестань тараторить! Да заткнись ты, черт побери!

Она наконец умолкла, и его слова, которым уже не требовалось пробиваться сквозь заслон ее фраз, оказались вдруг наедине с тишиной и застряли в горле, не в силах справиться со страхом.

— Чего замолчала? — спросил он.

Жоржетта сообщила, что ей нечего сказать; давай, мол, говори скорей, а то некогда.

— Жоржетта, я... В общем, у меня неприятности, мне нужно с кем-нибудь поговорить. Я подумал, что ты поймешь... Видишь ли...

— У меня нет знакомых, которые могли бы сделать аборт. Так что если ты залетел с очередной подружкой,

выкручивайся сам. Можешь воспользоваться крючком от вешалки, желательно ржавым.

— Дура! Стал бы я из-за этого звонить тебе! Не твое собачье дело, с кем я сплю, паскуда... Шлюха подзаборная... — Он замолчал. Снова то же самое, обычный разговор. Перескакиваем с предмета на предмет, точно горные козы, забывая, с чего начали, скалим зубы по всяkim пустякам... — Жоржетта, пожалуйста! Выслушай меня. В моей квартире появилось существо...

— Ты что, спятил? Что ты несешь?

— Я не знаю, что оно такое.

— Паук? Кошка?

— Похоже на медведя, но не медведь. Ничего не говорит, просто смотрит на меня...

— Ты явно спятил. Медведи разговаривают только по телевизору. Хочешь прикинуться чокнутым, чтобы не платить алименты? Чего ты вообще мне звонишь? Пол, по-моему, ты и впрямь рехнулся. Я всегда подозревала, что ты ненормальный.

Клик. Пол остался в одиночестве.

Наедине с неведомым существом.

Искоса поглядев в угол, он закурил сигарету. Мокнатое существо притаилось в углу рядом с платяным шкафом и, сложив на груди массивные лапы, молча смотрело на него. Ни дать ни взять бурый медведь, но разве бывают треугольные медведи? Безумные глаза с золотым отливом, взгляд, от которого никак не отделаться — ни наяву, ни в мыслях...

Описание никуда не годится. К черту. Это существо просто невозможно описать.

Даже закрывшись в ванной, Пол ощущал его присутствие. Он сел на край ванны, пустил горячую воду. Зеркало над раковиной запотело, он уже не мог видеть собственного отражения, не видел своего полубезумного взора, столь похожего на взгляд существа за стенкой. Мысли путались, текли лавовым потоком, застывали...

Тут он сообразил, что не помнит лиц тех женщин, которых приводил к себе домой. Ни единого лица. Все безликие, даже Жоржетта. Не вспомнить, сколько

ни пытайся. Одни сплошные обезображеные трупы. К горлу подкатила тошнота, и он понял, что пора уносить ноги, бежать из квартиры, от существа в темном углу.

Пол выскочил из ванной, в два прыжка, отталкиваясь от стен, очутился у входной двери, прижался к ней спиной, жадно глотая воздух. Нет, не получится. Когда он вернется — если вернется, — существо будет ждать.

Ну и ладно. Он направился в бар, где крутили исключительно Фрэнка Синатру, выпил столько, сколько в него влезло, а когда вышел, покачиваясь, на улицу, ему вслед понеслась очередная песенка:

Хотел бы я забыть
Счастливые года.
Но нет, мне не избыть
Их горечь никогда.

Потом он очутился на песчаном пляже. Буря в душе улеглась, над головой в черном небе кружили с криками чайки. Их голоса вновь пробудили задремавшее было безумие, и Пол принял швырять в птиц песком, прогоняя гнусных насмешниц.

Дальше — место, где были говорящие огни, невразумительно о чем-то толковавшие; неоновые огни, грязные ругательства; он ничего не мог понять. Где-то Пол заметил людей в масках, которых видел во сне, и бежал с пеной у рта.

Вернувшись в свою квартиру, он привел с собой девушку, которая заявила, что она не телескоп, но готова взглянуть на то, что он собирается ей показать, и описать то, что увидит. Поверив ей на слово, Пол вставил ключ, открыл дверь и включил свет. Существо по-прежнему сидело в углу. Надо же, никуда не делось.

— Ну? — спросил он чуть ли не с гордостью, тыча пальцем.

— Что «ну»?

— Как насчет него?

— Кого?

— Его, тупая сука! Его!

— Знаешь, Сид, у тебя, по-моему, что-то с головой.

— Я не Сид и не смей мне врать! Лживая шлюха!

— Слушай, ты сказал, что тебя зовут Сид, значит, будешь Сидом. Никого я в этом углу не вижу. Хочешь трахаться, так давай, а нет — так налей мне стаканчик, и разойдемся подобру-поздорову.

Он замахал руками, вытолкал девушку из квартиры.

— Убирайся, вали отсюда!

Она ушла, и Пол снова остался наедине с существом, которое равнодушно взирало на происходящее, ожидая назначенного срока, чтобы вылезти из угла и уничтожить последние обрывки реальности.

Они словно слились в симбиозе, дружно задрожали, заимствуя что-то один у другого. Пол испытывал ужас и отчаяние, покрылся с головы до ног холодным потом; ощущал мучительную боль одиночества, которая извивалась, как дымок от костра, густой и черный. Существо источало любовь, а он пожинал муку и одиночество.

Один наедине с неведомым, с неподвижной угрозой, олицетворением его страданий.

Внезапно он понял, что означал тот сон. Понял и сохранил понимание при себе, ибо это осознание — только для тех, кто видит подобные сны, им нельзя ни с кем делиться. Понял, кто были те люди, понял, почему убивал их именно так и никак иначе. Встал, подошел к шкафу, разыскал вешмешок с армейской формой, достал со дна стальную вещицу. Понял, кто он, понял и обрадовался, догадался, что это за существо, кто такая Жоржетта, увидел лица всех на нашем поганом свете женщин, лица всех мужчин из своих снов; сообразил, кем был человек, который вел машину и спас его от толпы (вот оно!). В руках Пола неожиданно очутился ключ, которым надлежало воспользоваться.

Он прошел в ванную, поскольку не хотел, чтобы тварь в углу сообразила, что добилась своего. Как говорится, фиг тебе. В зеркале Пол увидел собственное отражение — симпатичное лицо, совершенно спокойное, улыбнулся и тихо сказал:

— Зачем ты уходил?

Поднес к голове стальную вещицу.

— Никому, никому не хватает мужества выстрелить себе в глаз. — Дуло пистолета сорок пятого калибра нацелилось точно в веко. — В голову стреляли, было дело. Те, что посмелее, — в рот. А в глаз никто, ни одна сволочь.

Пол надавил на курок, как его учили — мягко, решительно, недрогнувшей рукой.

Из-за стенки донесся протяжный, хриплый вздох.

МОЛИТВА ЗА ТОГО, КТО НЕ ВРАГ

— Ну как, ты ее трахнул? — Он включил приемник — «Сьюпримз» пели «Любовь-малышка».

— Не твое собачье дело, приятель. Джентльмены о таких вещах не говорят. — Второй сунул в рот очередную пластинку жвачки и на какое-то мгновение стал похож на хомяка с запасом зерен за щекой.

— Джентльмены? Черт побери, парень, по-твоему, ты похож на джентльмена?

— Скажи лучше, прерыватель посмотрел?

— Я заглянул к Крэнстону. — Первый покрутил ручку настройки — на другой волне «Роллинг Стоунз» пели «Никак не могу получить удовлетворения». — Там сказали, что вся загвоздка в моменте зажигания, и содрали с меня двадцать семь зеленых.

— Не в моменте зажигания, а в прерывателе.

— Слушай, раз ты такой умный, сделал бы все сам! Если хочешь, иди объясняйся с Крэнстоном, а ко мне не приставай.

— Дай расческу.

— Свою надо иметь. Или хочешь, чтобы у меня тоже завелись вши?

— Пошел в задницу. Давай сюда расческу.

Первый достал из кармана брюк алюминиевую шведскую расческу, по форме напоминавшую те, какими пользуются парикмахеры. Второй на миг перестал жевать, несколько раз провел расческой по своим длинным темно-русым волосам, затем пригладил кудри пятерней и вернул расческу хозяину.

— Как насчет того, чтобы поехать в «Верзилу» перекусить?

— А бак заправишь?

— Держи карман шире.

— Не, в «Верзилу» ехать не хочу, мотать там кругами, словно краснокожие в «Маленьком большом роге». Оно того не стоит, твоей подружки может и не оказаться.

— Ну а что ты предлагаешь?

— Не знаю, только в «Верзилу» ехать не хочу, мотать там кругами, словно генерал Кастер, это уж точно.

— Понятно. Очень остроумно. Вали в Голливуд, скоро станешь знаменитостью.

— Слушай, ты давно не был в «Короне»?

— Давно, а что?

— Там идет фильм про евреев в Палестине.

— С кем?

— Не помню. Кажется, с Полом Ньюменом.

— Не в Палестине, а в Израиле.

— Какая разница? Видел?

— Нет. Хочешь посмотреть?

— В принципе можно, все равно делать нечего.

— Когда твоя мамаша вернется домой?

— Они с отцом встречаются в семь.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Приблизительно в полвосьмого.

— Тогда пошли. Деньги у тебя есть...

— Есть, но только на себя.

— Приятель, не мелочись. Неужели тебе жалко бабок для лучшего друга?

— Ты не друг, а настоящая пиявка.

— Выключай свою пиликалку и пошли.

— Я возьму ее с собой.

— Значит, не скажешь, трахнул ты Донну или нет?

— Не твое собачье дело. Ты же не рассказывал, что у тебя было с Патти.

— Ладно, забудем. Двинули?

— Поторопись, не то опоздаем.

И они отправились смотреть фильм про евреев. Тот фильм, который, по замыслу его создателей, должен был поведать зрителю очень и очень многое. Оба парня

были гоями, а потому не могли и предположить, что в фильме про евреев — в Палестине ли, в Израиле или где еще — про евреев ничего толком не говорится.

Фильм, в сущности, был так себе, однако многие клюнули на рекламу, поэтому первые три дня зал отнюдь не пустовал.

Итак, Детройт. Город, в котором делают автомобили. Где процветает в мире и покое Церковь Маленьких Цветов во главе с преподобным Кафлином. Население около двух миллионов, все люди приличные, добро-порядочные и сильные, как крестьяне. В Детройте начинало немало известных джазменов — выступали в крохотных клубах. Лучшие свиные ребрышки в мире в ресторане «Дом голубых огней». Замечательный город Детройт.

Посмотреть фильм пришло большинство представителей еврейской общины. Те, кто бывал в Израиле или хотя бы имел представление о том, что такое киббуц, после фильма, как правило, обменивались кривыми усмешками, однако даже они не отрицали эмоционального воздействия. Сделанный в типичной голливудской манере, фильм пробуждал в душах патриотизм, словно говоря: «Видите, у евреев хватает мужества. Когда необходимо, они тоже могут сражаться». В общем, традиционная мелодраматическая штамповка «фабрики грех», рекомендованная для просмотра журналом «Для родителей» и завоевавшая золотую медаль в качестве лучшего фильма, который можно смотреть всей семьей.

Очередь за билетами тянулась от кассы мимо здания кинотеатра к кондитерской, в витрине которой были выставлены различные сорта попкорна, оттуда к прачечной самообслуживания, заворачивала за угол и заканчивалась чуть ли не в квартале от «Короны».

В очереди, как то обычно бывает в очередях, царила тишина. Арч и Фрэнк тоже помалкивали и ждали. Арч слушал транзистор, а Фрэнк Амато курил и переминался с ноги на ногу.

Никто не обратил особого внимания на приближающийся рокот автомобильных движков. Перед кино-

театром резко затормозили три «фольксвагена». Захлопали дверцы, выпуская молодых людей в черных футболках, черных же брюках и черных армейских башмаках. На рукаве у каждого имелась оранжевая повязка с изображением свастики.

Юнцами руководил стройный белокурый паренек с пронзительным взглядом светло-серых глаз. Неонацисты выстроились перед кинотеатром и подняли лозунги, которые гласили: «Этот фильм сделали коммунисты! Не смотрите его! Евреи, убирайтесь прочь! Хватит издеваться над Америкой! Настоящие американцы видят вас насквозь! Фильм развратит ваших детей! Не смотрите его!» А затем принялись распевать: «Грязные евреи, христопрода́вцы, грязные евреи...»

В очереди за билетами стояла шестидесятилетняя женщина по имени Лилиан Гольдбош.

Ее муж Мартин, старший сын Шимон и младший Аврам сгорели в печах Белзена. В Америку Лилиан приплыла вместе с восемью сотнями таких же, как она, беженцев на переоборудованном на скорую руку судне для перевозки скота, а до того пять лет скиталась по выжженной Европе. Здесь приняла гражданство и зажила более-менее в достатке, однако при виде свастики до сих пор мгновенно превращалась в насмерть перепуганную еврейку, которая избежала самого страшного только для того, чтобы очутиться в полном одиночестве. Лилиан Гольдбош изумленно, будто не веря собственным глазам, воззрилась на чернорубашечников, столь высокомерных в своем фанатизме, и в тот же миг к ней вернулись давно, казалось бы, забытые чувства — страх, ненависть, слепая ярость. В сознании женщины (которое, подобно сломавшимся часам, начало отсчитывать время вспять) словно вспыхнула искра, глаза заволокло кровавой пеленой.

Громко вскрикнув, она метнулась к белокурому юнцу, который командовал демонстрантами.

Это был сигнал к действию.

Тихая очередь превратилась в бурлящую толпу. Раздался звериный рык. Мужчины схватились с неонацистами. Женщины, увлеченные общим порывом,

последовали их примеру. Пикетчики начали отступать — слишком медленно, чтобы успеть отойти на безопасное расстояние.

Коренастый мужчина в коричневом плаще выхватил у одного из пикетчиков плакат и, скрежеща зубами, похожий в эту секунду на обезумевшее животное, швырнулся в сточную канаву. Другой пробился в самый центр группы и ударил кого-то по лицу. Получивший удар отшатнулся, замахал руками, упал на колени. Чья-то нога, облаченная в серую брючину и действующая словно по собственной воле, вонзилась пареньку в пах. Он повалился навзничь, прижимая руки к животу, а толпа принялась его топтать, будто исполняя на теле поверженного противника победный танец. Если паренек и закричал, крик затерялся в реве толпы.

Арч и Фрэнк не отставали от остальных.

Стоя в очереди, они чувствовали себя чужими, но, когда разгорелась стычка, стали членами сообщества. Поначалу они слегка задержались, их опередили те, чьи синапсы быстрее отреагировали на происходящее; но не прошло и минуты, как Арч и Фрэнк заразились общим безумием. Правда, они никак не могли понять, что же, собственно, происходит, откуда взялась эта звериная ярость. Приблизившись к толпе, ребята неожиданно натолкнулись на Лилиан Гольдбош, которая сцепилась с белокурым вожаком демонстрантов и уже до крови расцарапала ему щеку.

Юноша стоял, широко расставив ноги, и не шевелился. В его неподвижности было что-то трагическое, едва ли не мессианское.

— Наци! Наци! Убийца! — кричала Лилиан, брызгая слюной. Внезапно она перешла на польский, ее тело сотрясала дрожь. Женщина походила на некую смертоносную машину: руки двигались в едином ритме, чего она, похоже, не замечала, ногти снова и снова вонзались в лицо белокурому пареньку.

В этот миг к женщине подступили двое ребят, взяли ее за руки, защищая вовсе не паренька, а саму Лилиан. Она забилась, пытаясь вырваться. «Пустите меня, пустите...» Бросила на ребят взгляд, выполненный такой

ненависти, словно они принадлежали к числу пикетчиков, а затем вдруг закатила глаза и потеряла сознание.

— Спасибо, кем бы вы ни были, — проговорил белокурый паренек и двинулся прочь. Похоже, он намеренно отдал себя на растерзание старой женщины; похоже, ему хотелось стать мучеником, впитать всю ярость и злобу, как громоотвод впитывает молнию. А теперь, когда все кончилось, он решил уйти.

— Эй, погоди-ка! — воскликнул Арч, хватая паренька за локоть.

Блондин явно собирался послать Арча куда подальше, но передумал, лишь сбросил резким движением его руку.

— Мне тут больше делать нечего.

Повернулся, вложил в рот пальцы и пронзительно свистнул. Пикетчики словно дождались этого сигнала: от былой пассивности не осталось и следа. Один ударили мыском армейского башмака по ноге пожилого мужчины, и тот с воплем рухнул наземь; другой стукнул противника под дых. Демонстранты вновь принялись скандировать свои речевки, одновременно отступая к машинам. То был идеально просчитанный, идеально выполненный тактический маневр, шедевр военного искусства.

Оказавшись рядом с машинами, они дружно вскинули руки в легко узнаваемом жесте и выкрикнули почти в унисон: «Америка навсегда! Христопрода́вцы, убирайтесь прочь! Смерть евреям!» Потом — все происходило как бы одновременно, ритмично — забрались в «фольксвагены», покатили по улице и скрылись за углом задолго до того, как вдалеке послышались сирены вызванных каким-то доброхотом полицейских машин.

Люди на тротуаре у кинотеатра разразились кто проклятиями, кто слезами; иной разрядки обстоятельства не позволяли.

Они сражались — и потерпели поражение.

У входа в кинотеатр виднелась нарисованная мелом свастика. Судя по всему, ее изобразил кто-то из

стоявших в очереди: у пикетчиков на это просто не было времени.

Инфекция, как известно, распространяется быстро.

Ее квартира представляла собой попытку убедить саму себя, что имущество означает безопасность, безопасность — постоянство, а постоянство исключает страх, печаль и темноту. В результате крохотная квартирка с одной спальней оказалась битком набита всякой всячиной, какая только в нее уместилась. Телевизор с диагональю 23 дюйма и антенной, напоминающей кроличьи уши; тихо бормочущий кондиционер; глиняные кружки — пикникоподобные фигуры улыбаются, точно херувимы, безмерно довольные собой; портрет Вашингтона на белом жеребце; желтая стеклянная ваза с палочками для коктейлей из экзотических ресторанов; кипы журналов — «Лайф», «Тайм», «Лук», «Холидей»; шезлонг, начинающий выбиривать, когда в него садишься; стереопроигрыватель с пластинками, в основном Оффенбах и Рихард Штраус; софа с оранжевыми подушками; механическая птица с длинным клювом — если налить в клюв воды, птица опустит голову в стакан, потом выпрямится и опустит снова, и так без конца...

Судорожные движения механической птицы, этакий дрянной мультфильм, должны были убеждать, что жизнь продолжается; однако то была не жизнь, а лишь бледная копия. Вместо того чтобы очаровать ребят, которые привели Лилиан Гольдбош домой, птица подействовала им на нервы, заставила ощутить витающий в воздухе запах упадка и жертвенности. Мир в мире, преконтинуум, в котором эмоции улавливаются практически мгновенно, который как бы насквозь прозрачен...

Ребята усадили дрожащую от возбуждения женщины на софу. На ее лице, которое выглядело вовсе не таким уж старым, застыли боль и опустошенность. Морщинки напоминали паутину трещин на мраморе. Волосы, за которыми Лилиан тщательно следила и которые раз в неделю обязательно укладывал профессионал, растрепались, поникли, словно намокли от пота. Одна прядь прилипла к щеке. Светло-голубые

глаза, обычно живые и все замечающие, подернулись легкой дымкой, будто в них стояли слезы. Плотно сжатые губы не давали вырваться наружу теснившимся в груди крикам.

Для Лилиан Гольдбош время повернуло вспять. Она вновь услышала гул двигателя и противное пиликанье гудка, разносящееся над вымершими улицами. Фургон, выхлопная труба которого выведена в кузов, куда сажают заключенных... Страшно шевельнуться («если я притаюсь, они меня не найдут и проедут мимо»). Фургон приближается, за окном возникает зловещий силуэт, замирает перед крыльцом, с шипением едет дальше — громадный пылесос, проглатывающий целые семьи... Глаза как плошки на бледных лицах... Выхлопная труба убаюкивает, шепчет что-то ласковое и плюется, плюется отработанными газами. Давние воспоминания сливались с воспоминаниями о том, что случилось каких-нибудь полчаса назад. Молодые люди с оранжевыми повязками. Страх. Бурлящая толпа. Ярость, безумие. Стыд. Страх.

Страх. Внезапно возвратившийся, жуткий, непереносимый. Страх.

Блондин, корчивший из себя истинного арийца, сверхчеловека, — что он может об этом знать? Американский мальчишка, выросший в тепле и уюте, пуще всего на свете боявшийся получить плохую отметку, что он может знать о том, что означает свастика для нее, для целого поколения, носившего желтые звезды Давида, ходившего в куртках с надписью «Juden», для тех, чьи души исковерканы, сердца сломлены, кто пережил бомбежки на чужих дорогах и путь к братской могиле, кто замирал на ничейной полосе, когда взрывалась осветительная бомба? Откуда ему знать? Или здесь что-то другое, всего лишь похожее на то, что порождало страх?

Впервые за много-много лет — двадцать или даже больше — Лилиан Гольдбош ощутила нечто вроде любопытства. К черту заполонившие квартиру безделушки, к черту аккуратно, по последней моде уложенные волосы, к черту телевизор и прочие суррогаты жизни! Любопытство. Желание узнать. Стремление докопаться до истины.

Стремление, вызванное страхом.

Что это? То же самое — или что-то новое?

Необходимо, просто необходимо выяснить.

Лилиан ощущала отчаяние, вместе с которым пришло шокирующее осознание того, что она может что-то предпринять. Что именно, сказать трудно. Но если ей удастся разыскать этого блондина, поговорить с ним, с этим гоем, чужаком, появятся ответы и станет ясно, вправду ли возвращается в мир погребенное зло, или тот блондин — всего-навсего очередной одиночка, угодивший в западню собственных эмоций.

— Окажите мне услугу, ребята, — проговорила Лилиан. — Пожалуйста.

Сперва Арч и Фрэнк слегка смущались, однако когда Лилиан объяснила, что ей нужно узнать и почему это так важно, они поразмыслили и согласились, достаточно неохотно, причем тот из них, что повыше, сказал:

— Не знаю, не знаю... Но мы попробуем его найти.

И они ушли, спустились по лестнице. А она пошла в ванную — смывать со старого и одновременно молодого лица следы слез и остатки макияжа.

Родители Фрэнка Амато были итальянцами. Сам он ничем не выделялся среди сверстников — любитель громкой музыки сфер, слонявшийся по улицам с неизменным транзистором в руке или разъезжавший в «бьюике» с чехлами из мешковины на креслах, типичный представитель субкультуры тинейджеров.

Вьетнам? Чего-чего?

Голосование в Алабаме? Чего-чего?

Этическая структура мироздания? Чего?!

Арч Леннон был протестантом. WASP*. Термин был ему знаком, однако к себе он его никогда не относил. Точная копия Фрэнка Амато. Жил сегодняшним днем, мотался из забегаловки в забегаловку, от приятеля к приятелю; если среди ночи раздавался звучный шлепок, скорее всего это означало, что папаша Арча снова учит сынка уму-разуму.

* White Anglo-Saxon Protestant — белый человек из семьи с протестантскими корнями и убеждениями. (Здесь и далее примеч. пер.)

Военная хунта? Чего-чего?

Ограниченнное применение ядерного оружия? Чего-чего?

Бесконечное распространение хомо сапиенс по равнодушной Вселенной? Чего?!

Выйдя на улицу, они остановились и уставились друг на друга.

— Ну ты молодец.

— А что оставалось делать? Она мне чуть руку не оторвала. Чокнутая какая-то, ей-Богу.

— Кто тебя тянул за язык? Где ты собираешься искать этого придурка?

— Хрен его знает.

— А я, между прочим, обещал.

— Подумаешь.

— Для кого как. Я обещаниями не разбрасываюсь.

— Значит, будем искать.

— Наверно.

— Слушай, приятель, пошевели хоть разок мозгами.

Мне надоело постоянно думать за тебя.

— Ты, случайно, не запомнил номера?

— Не говори ерунды. Конечно, нет. Даже если бы и запомнил, чем бы это нам помогло?

— Можно было обратиться в полицию, узнать, на кого зарегистрирована машина...

— Ну да, так тебе и сказали! Тоже мне, Джеймс Бонд выискался. Посмотри на себя. Вот ты входишь в участок и говоришь: «Эй, парни, вы, часом, не знаете, чей это «фольксваген»?» Догадываешься, что они ответят?

— Догадываюсь.

— Слава Богу.

— Что же делать?

— У меня появилась идеяка. На одном из «фольксвагенов» была эмблема Пуласки-колледжа.

— Значит, кто-то из тех парней учится в Пуласки. И что с того? Как нам его найти?

— Попытка не пытка.

— Ты что, серьезно?

— Вполне.

— Чего ради?

- Не знаю. Старуха попросила, я пообещал. Стальным надо помогать.
- Слушай, Фрэнк...
- Что?
- Из-за чего они сцепились?
- Понятия не имею. Но раз обещал, значит, сделаю.
- Ладно, я с тобой. Только сейчас мне пора домой, родители наверняка уже вернулись. Так что до завтра.
- Бывай.
- Пока. Да, постараитесь ни во что не вляпаться.
- Пошел ты...

Они не знали, кого именно ищут и узнают ли, если даже найдут. Просто на лобовом стекле одного из «фольксвагенов» была эмблема Пуласки-колледжа, учебного заведения с круглогодичным обучением. Зимой и летом, днем и ночью в нем занимались те, кто знал, что такое карбюраторы, динамометры, фрезерные станки и печатные платы, но слыхом не слыхивал о «Кентерберийских рассказах», шлаке, пемзе, векторах и негре по имени Криспус Эттакс, первой жертве Гражданской войны. Колледж представлял собой громадное серое здание, внутри которого штамповали винтики для Системы, выпускавшиеся с запрограммированными окладами и датами смерти.

Практически все говорило за то, что парень, которого они разыскивают, еще продолжает учиться, несмотря на то что на дворе лето. Поэтому Арч с Фрэнком терпеливо ждали. В конце концов удача им улыбнулась.

В лице прыщавого толстяка в мешковатом оранжевом свитере.

Арч узнал его, едва тот вышел из дверей.

— Ба! Видишь вон ту оранжевую грушу?

Они проводили толстяка до стоянки. Жертва уселилась в «Монцу» последней модели. Да, если бы зациклились на «фольксвагене», они бы его прозевали.

— Эй! — окликнул Фрэнк.

Толстяк обернулся. Глаза-бусинки, как у мартышки. Одутловатое лицо, на коже во многих местах раздражение от бритвы. В общем и целом толстяк производил

впечатление выброшенной на помойку игрушки, а что касается сообразительности, тут он явно уступал даже Фрэнку с Арчем.

— Вы кто такие, ребята?

— Приятели твоего дружка, — отозвался Арч, которому толстяк почему-то откровенно не понравился.

Толстяк затравленно огляделся по сторонам, бросил книги на заднее сиденье, явно готовясь прыгнуть в машину, захлопнуть дверцу и удрать. Струсили.

— Я не знаю, о ком вы говорите.

Фрэнк переместился поближе к машине, причем как-то очень плавно, словно в бальном танце. Толстяк ухватился за спинку водительского сиденья. Арч шагнул к двери. Фрэнк стукнул кулаком по крыше машины. Толстяк струсили сильнее прежнего — задергался, засуетился.

— О высоком блондине. — В голосе Фрэнка явственно прозвучала угроза. — О том, кто был вчера вечером вместе с тобой у кинотеатра.

Толстяк вздрогнул. До него наконец-то дошло. Евреи! Он прыгнул.

Арч толкнул дверцу, та ударила толстяка по руке. Не давая взвывшему от боли противнику опомниться, Арч схватил его за ухо, а Фрэнк двинул ему под дых. Толстяк шумно выдохнул и вдруг словно сделался плоским, этакая карта, которую они совместными усилиями затолкали в салон. Завели двигатель, выехали со стоянки. Что ж, все получилось. Толстяк наверняка знает, где найти высокого блондина, как того зовут и что это вообще за птица.

Но сначала пускай очухается, а то молчит как рыба.

Виктор. Рорер. Виктор Рорер. Светловолосый, высокий, спортивного сложения, крепкие мышцы, будто изготовленные из пласти массы. Виктор Рорер. Лицо, словно вырубленное из бакаута или вытесанное из мрамора. Льдисто-серые глаза, вылепленные из расплавленной ляпис-лазури, затвердевшей и помутневшей. Стройное тело, покрытое светлым пушком, каждый волосок — сенсор, температурный датчик, ресничка, улавливающая малейшие изменения окружающей среды.

Даже отдаленно не похожий на человека, одухотворенный лед, вызов Менделью и теории наследственности, существа из иной вселенной. Наливные силой мышцы, серые глаза, ни разу не вспыхивавшие голубизной жизни. Губы, истончившиеся в ожидании тишины. Виктор. Рорер. Возникший по собственной воле, порожденный собственным разумом и желанием быть.

Виктор Рорер, организатор.

Виктор Рорер, не знавший детства.

Виктор Рорер, хранилище сокровенных истин.

Виктор Рорер, неонацист.

Повелитель ночей и дней, поющий песни без слов; аватара магии и невысказанных убеждений; визионер, грезящий о великом Ничто; наслаждающийся страхом в ночи массовых убийств; зодчий упорядоченного разрушения. Виктор Рорер.

— Кто вы такие? Отстаньте от меня.

— С тобой хотят потолковать.

— Отвали!

— Слушай, умник, придержи язык.

— Учи, я не люблю делать больно.

— Хватит выпендриваться.

— Давай, Рорер, шевелись. Тебя ждут.

— Я сказал, отстаньте.

— Рорер, не заставляй нас прибегать к силе.

— Двое на одного?

— Почему бы и нет.

— Это не слишком красиво.

— Приятель, а с чего ты взял, что нам какое-то дело до красоты? А ну, пошел!

— Вы из уличной банды?

— Сколько можно болтать? Двигай, кому говорят!

— Вы... Вы евреи! Правильно!

— Двигай, недоумок!

Вот так Арч и Фрэнк доставили его к Лилиан Гольдбош.

Женщина разглядывала паренька. В ее глазах плясали огоньки: танец мертвецов на разбомбленном кладбище, сорняки, выросшие на болоте... Рорер стоял у двери, опустив руки, лицо его было невыразительным,

как тундра. Живыми были только глаза, перебегавшие с предмета на предмет.

Лилиан Гольдбош встала и подошла к Виктору. Тот не пошевелился. Арч с Фрэнком закрыли дверь и встали на пороге, точно часовые. Они внимательно наблюдали за происходящим в комнате, самый воздух которой, казалось, дрожал от напряжения. Время будто замерло.

Ребята мало что понимали, ясно было лишь, что высокий блондин и старая женщина настолько поглощены друг другом, что они, те, кто устроил эту встречу, словно исчезли, растворились без следа, заодно с механической птицей, которая продолжала с безумной настойчивостью окунать клюв в стакан с водой.

Лилиан подошла вплотную к Рореру, взгляделась в царапины на его лице, протянула руку, будто собираясь прикоснуться к ним. Юноша отпрянул, и Лилиан отдернула руку.

— Ты очень молод, — проговорила она с легким изумлением в голосе, оценивая, классифицируя, расставляя по ранжиру.

Рорер промолчал, лишь скривил губы, как если бы хотел усмехнуться.

— Ты помнишь меня? Кто я такая?

— Вы та женщина, которая на меня напала, — ответил он вежливо, будто отвечая преподавателю на уроке.

Лилиан поджала губы. Вновь нахлынули воспоминания, накатили, словно пущенный с горы камень.

— Мне очень жаль, что так вышло.

— Я не ожидал от вас ничего другого.

— От нас?

— От евреев.

— Ах да. Конечно.

— Я знаю, что вы еврейка. — Рорер улыбнулся. — Это объясняет все, не так ли?

— Почему? Почему ты хочешь, чтобы люди ненавидели друг друга?

— Я вас вовсе не ненавижу.

Лилиан настороженно поглядела на юношу, ожидая продолжения.

— Разве можно ненавидеть саранчу или крысу? Я не ненавижу, я просто истребляю.

— Откуда ты этого набрался? Откуда у мальчика твоего возраста такие глупые мысли? Тебе известно, что происходило двадцать пять лет назад, известно, сколько горя принесли людям те, кто рассуждал подобным образом?

— Тот, кого вы имеете в виду, был безумен, но к евреям относился так, как нужно. Если бы не ошибки, он добился бы своего. — Лицо Рорера оставалось совершенно спокойным. Юноша не произносил заученный текст — излагал теорию, построенную и выверенную самостоятельно.

— Откуда в тебе столько заразы?

— Еще не известно, в ком из нас ее больше. Лично я считаю, что зараза — такие, как вы.

— А что думают твои родители?

На щеках Рорера заалел румянец.

— Что бы они ни думали, меня это не касается.

— Но им известно, чем ты занимаешься?

— Все, хватит. Скажите своим бандюгам, чтобы они пропустили меня. Или вы приготовили мне новую порцию унижений? — Похоже, юноша начал нервничать. — Вы удивляетесь, почему мы стремимся избавить страну от евреев, а сами каждую секунду подкидываете нам все новые поводы.

— Вы знаете, где он живет? — спросила Лилиан Гольдбош у своих добровольных помощников. Арч утвердительно кивнул. — Отвезите меня туда. Я хочу поговорить с его родителями. — Арч снова кивнул. — Он просто-напросто ничего не понимает. Посмотрим, что скажут отец с матерью.

— Я запрещаю вам приближаться к моему дому! — выкрикнул Виктор Рорер.

— Подождите, я только возьму сумочку...

Рорер бросился к Лилиан. Пихнул женщину, та споткнулась и повалилась на пол, отчаянно размахивая руками, а Рорер уселся сверху и принял ее душить.

Арч с Фрэнком кинулись на выручку.

Фрэнк схватил Рорера за горло, Арч же, без всякого предупреждения, ударил его по голове медной пепельницей. Раздался глухой стук, и Рорер рухнул на пол рядом с Лилиан.

Сознания он не потерял, поскольку Арч ударил не слишком сильно, но ориентацию на какой-то момент явно утратил. Просто сидел и вертел головой из стороны в сторону, словно прикидывая, держится ли та на плечах. Между тем ребята помогли женщине подняться.

— С вами все в порядке? — справился Фрэнк.

Лилиан оперлась на Арча и инстинктивно поправила волосы. Впрочем, движение получилось каким-то скомканым, словно она внезапно лишилась сил. На горле простили красные пятна — следы пальцев Рорера, дыхание было хриплым и натужным.

— Он законченный фашист, — прошептала Лилиан. — Самый настоящий. Ко мне вернулись прежние страхи... Господи, неужели все начинается снова?

Она заплакала. Давным-давно высохшие слезы вырвались наружу из комнатки в глубине ее души, где томились все эти годы. Лилиан рыдала без слез, потом судорожно сглотнула, закусила нижнюю губу и малопомалу взяла себя в руки.

— Нужно отвезти его домой. Я хочу поговорить с родителями.

Ребята подхватили Рорера под руки, стащили вниз по лестнице (он спотыкался на каждой ступеньке) и запихнули в машину, на заднее сиденье. Арч устроился рядом, а Лилиан Гольдбош села вперед и глядела всю дорогу в пространство.

— Приехали, — сообщил Фрэнк, когда машина затормозила у дома Рореров в Беркли.

Лилиан вздрогнула, огляделась по сторонам. Аккуратный, ничем не примечательный дом, выделявшийся среди других разве что карликами деревцами на лужайке, ровно подстриженной живой изгородью да плющом, что добрался по водосточной трубе до конца второго этажа. В общем, обычный дом в обычном городке.

— Вылезай, Рорер.

Неожиданно Виктор Рорер словно обезумел. Его лицо перекосилось от злобы. Куда подевалось равнодушие, куда исчез хладнокровный, уверенный в себе расист? Он, не разжимая губ, зашипел, как змея; казалось, будто он кричит — такой у него был тон:

— Мерзавцы! Ничего, недолго вам осталось! Скоро с вами посчитаются за все, будьте уверены! Вас нужно прикончить, всех до единого, вырезать всех евреев, до последнего младенца! Если бы я мог, я сделал бы это своими руками! День расплаты близится...

Лилиан Гольдбош застыла в неподвижности, не в силах шевельнуться, парализованная этим голосом из прошлого. Мгновение спустя она задрожала. Старый страх, погребенный, как мнилось совсем недавно, в глубокой могиле, вырвался на свободу. Могила оказалась вовсе не глубокой. Оживший мертвец прогрыз себе путь на волю и явился в мир живых.

Арч протянул руку, распахнул дверцу и вытолкнул Рорера на тротуар. К ним присоединились Фрэнк и Лилиан Гольдбош, которые вышли из машины с другой стороны.

— Я нашла ответ, — проговорила женщина. — Стальный страх, тот, который погубил целые народы... Он первый, а будут еще... и еще...

Ее глаза остекленели от ужаса, однако она направилась к дому.

— Я запрещаю! — крикнул Рорер, подбегая к ней. — Вы не имеете права! Я позвоню в полицию! Вас арестуют за похищение, за нарушение права частной собственности...

Лилиан смотрела мимо него. На перемычку над дверью. Ее лицо вдруг просветлело.

Рорер обернулся. Арч и Фрэнк тоже попытались проплыть взгляд Лилиан. Перемычку украшала сверкающая медная доска, у самого верха которой виднелось маленько отверстие, а в нем — диковинные буквы.

— Шаддай, — проговорила Лилиан Гольдбош, осторожно прикоснувшись к отверстию, затем поцеловала кончики своих пальцев. Лицо женщины чудесным образом преобразилось.

Виктор Рорер застыл как вкопанный.

— Замечательная мезуза*, Виктор, — сказала Лилиан, поворачиваясь к юноше. — Пойдемте, ребята. Те-

* В иудаизме — шкатулка с пергаментом, на котором записаны цитаты из Торы. Мезуза крепится над входной дверью дома.

перь встречаться с родителями Виктора нет никакой необходимости.

Арч и Фрэнк уставились на Рорера. Тот вдруг стал похож на загнанное животное, от прежнего напускного равнодушия не осталось и следа. Он стоял на нижней ступеньке крыльца, одинокий и напуганный.

— Виктор, — произнесла Лилиан, — такой вещи, как счастливое детство, попросту не существует. Но надо как-то жить. Попытайся, Виктор. И пойми, мы с тобой вовсе не враги. — Помолчав, она прибавила: — Я помолюсь за тебя.

Фрэнк с Арчем целую минуту озадаченно разглядывали Рорера. Они увидели пустышку. Пугало. Ничтожество, возникшее на месте цельного человека. Пожилая женщина, внезапно обретшая уверенность, с помощью невразумительных слов превратила Виктора Рорера в ничто, опустошила, точно мусорное ведро.

Рорер тихонько взывил, сбежал с крыльца, пересек лужайку и скрылся за домом.

— Что вы ему сказали? — спросил Арч. — Что это значит?

Лилиан подошла к машине величавой королевской поступью. Ребята распахнули перед ней дверцу.

— Шаддай, — ответила она с улыбкой. — Таково, по Второзаконию, одно из имен Господа.

Лилиан села в машину, дверца захлопнулась. Арч и Фрэнк переглянулись. Ерунда какая-то. На их глазах явно произошло что-то значительное, но что именно — никак не понять.

Они отвезли женщину домой. Лилиан поблагодарила, просила заходить. Ребята так и не рискнули поинтересоваться, что же все-таки произошло, ибо чувствовали, что о таких вещах не спрашивают — до них доходят своим умом.

Неожиданно им почудилось, что все, случавшееся в жизни до сих пор, — сущие пустяки. Танцульки, девочки, машины, школа, которая ничему не научила, бесцельная трата времени в кино и на пикниках, на улицах и на спортплощадках — все показалось ерундой по сравнению с тайнодействием, совершившимся у них на глазах.

— Шаддай, — повторил Арч.

— И мезуза... Кажется, так, — откликнулся Фрэнк.

Они отправились к однокласснику, с которым никогда прежде не разговаривали. Его звали Арии Шугармен, и он объяснил им три вещи.

Вернувшись в квартиру Лилиан Гольдбош, они сразу поняли — что-то случилось. Входная дверь была приоткрыта, изнутри доносились звуки классической музыки. Ребята распахнули дверь настежь и заглянули в квартиру.

Лилиан Гольдбош лежала на залитом кровью полу, голова и руки женщины покоились на софе. Похоже, ее убили паровым утюгом. Ребята вошли в квартиру, избегая смотреть на лицо убитой, превратившееся в громадный сгусток крови. Убийца был и был, поддавшись злобе, что не имеет ни начала, ни конца. Фрэнк снял телефонную трубку, набрал номер.

— П-полицию, пожалуйста... Я хотел бы сообщить... об убийстве...

Лилиан Гольдбош погибла, пораженная тем самым страхом, что преследовал ее на протяжении многих лет, а потом наконец нашел и внес в список своих жертв. Она нашла ответ — на двадцать пять лет позже, чем следовало.

Механическая птица опустила клюв в стакан с водой, выпрямилась, снова уронила голову, потом еще раз, еще и еще...

Виктор Рорер сидел на тротуаре, дожидалась, пока его найдут, и взирал на мир безумным взглядом. Его глаза, огромные золотистые шары, в глубине которых плясали огоньки, уже ничего не видели.

Прошлое. Детство, когда его как только не обзывали... Родители, такие смешные, говорящие по-английски с диковинным акцентом... И никаких друзей, по этой самой причине...

Из-за мезузы над дверью. Из-за священного предмета, из-за орнамента, в котором — прямоугольный ку-

сочек пергамента с текстом на древнееврейском, цитатой из Второзакония.

Виктор Рорер сидел за громадными мусорными ящиками, от которых пахло противно и в то же время приятно; сидел, подтянув колени к подбородку, в позе эмбриона, уставясь невидящим взором на свои руки. На душе у него было пусто и тихо. Впервые за все годы, наполненные криками, воплями и воем сирены — звуками, от которых ничто не могло защитить.

Виктор Рорер и Лилиан Гольдбош, оба евреи, обоих загнали в угол...

Однажды в Детройте и тот, и другая ответили своими жизнями на вопрос, который двое школьников даже не думали задавать и о котором начали догадываться только теперь...

Никому не суждено избежать наступления ночи.

НА ЖИВОПИСНОЙ ТРАССЕ

Джордж менял полосу движения, когда его подрезал кроваво-красный «меркурий» со спаренными пулеметами калибра 7,6 миллиметра. Вылетел неизвестно откуда — между ним и Джорджем было по крайней мере три машины — и обошел их все. Рев турбин пробил систему шумоподавления и ударил по ушам, как кулак. Обдав «шевроле-пиранью» Джорджа фонтаном воды и грязи, «меркурий» ушел вперед.

Джордж треснул по приборной доске. На табло заглохло: «АХ ТЫ, ПОДОНОК!» и «ЧТОБ ТЫ ВРЕЗАЛСЯ И СГОРЕЛ, СУКИН СЫН!»

Джессика тихо застонала от страха, но Джордж ничего не слышал, изрыгая проклятия. Он пинком перевел машину в режим форсажа и выпустил вращающиеся пилы. Далласские лезвия — так они назывались в мастерских по ремонту. Однако пунцовый «меркурий» легко уходил вперед на ста пятнадцати милях в час.

— Ну, ты получишь, недоносок! — прорычал Джордж. «Пиранья» рванулась вперед, хотя до обидчика было уже добрых полдюжины корпусов. Адреналин гейзером ударил в кровь Джорджа.

Джессика прикоснулась к его руке:

— Ради Бога, Джордж, оставь его, это какой-то мальчишка.

Она всегда избегала конфликтов.

— Он затронул мое мужское начало, — процедил Джордж, припав к рулю.

Джессика возвела глаза к небу. Ну почему молния не поразила доктора Яшмира прямо в его Фрейда, задолго до того, как Джордж нахватался психиатрических премудростей, которыми оправдывает теперь свой дурной характер?!

— Соедини с Аварийным Контролем! — рявкнул Джордж.

Джессика пожала плечами, словно желая сказать «ну, началось», и набрала вызов АК. Улыбающееся лицо дежурной Аварийного Контроля расплылось в желто-зеленом тумане, потом изображение стало четким.

— Ваш запрос, сэр?

— Возможности дуэли на шоссе № 101, направление «север».

— Ваш номер, сэр?

— XUPD-88321, — проворчал Джордж, пытаясь разглядеть в потоке машин кроваво-красный «меркурий».

— Ваш противник?

— Красный «меркурий-GT», 88 года.

— Номерной знак, сэр?

— Секунду...

Джордж ткнул кнопку немедленного повтора, и на дисплее разыгралась ситуация десятимильной давности. Он прокрутил немного вперед и остановил кадр обгона.

— MFCS-90909.

— Одну минуту, сэр.

Джордж нетерпеливо ерзal.

— Куда запропастилась эта чертова дура? Как только тебе нужна услуга, начинаются проблемы. Но когда приходит время платить налоги...

На экране снова возникла улыбающаяся дежурная:

— Я проверила сектор движения, сэр. Полагаю, мы можем получить «добро», но по закону я обязана вас предупредить, что соперник лучше вооружен.

Джордж облизнул губы.

— Что у него?

— По нашим данным, пулеметы калибра 7,6 миллиметра, пуленепробиваемые стекла и закодированные опции.

Джордж молчал. Скорость снизилась. Тахометр пришел в норму.

— Ну его, Джордж, — сказала Джессика, — представляешь, что он с тобой сделает?

— Да? — взревел Джордж. Щеки его пошли пятнами. — Дайте подтверждение на красный «меркурий», оператор!

Дежурная исчезла.

Джордж дал газ на полную, «пиранья» буквально летела. Джессика возмущенно вздохнула и вытащила из-под сиденья выдвижной ящик с противоверегрузочным жилетом. Потом так же молча стала в него втискиваться.

— Посмотрим!.. — повторял Джордж.

— О Боже, когда-нибудь ты повзрослеешь?

Он не ответил, но ноздри его покраснели от ярости. На дисплее появилась дежурная:

— Получено согласие вашего противника, сэр. В дорожных ведомостях вы уже стоите как взаимные соперники. Прошу вас соблюдать установленные правила и желаю удачи.

Девушка исчезла. Джордж перевел машину в режим автопилота и полез за своим противоверегрузочным жилетом. Спустя несколько секунд он снова перешел на ручное управление.

— Ну, держись, недоносок, сейчас я тебе покажу!

100 миль в час... 110 миль в час... 120 миль в час...

Теперь он стремительно настигал «меркурий». На скорости 120 миль в час мастеркомп «шевроле» замигал и предложил смену режима. Джордж нажал на селектор, лезвия остановились, и телескопические руки-пилы втянулись в корпус, превратившись в декоративные наплывы на крыльях. Колеса ушли под корпус, и включилась воздушная подушка. Теперь машина скользила на высоте двух дюймов над покрытием шоссе.

Идущий впереди «меркурий» тоже перешел на воздушную подушку. 120 миль в час... 135 миль в час... 150 миль в час...

— Джордж, это безумие! — просипела Джессика. В такие минуты она всегда походила на сорокопута. —

Ты не рокер, Джордж. Ты — семейный человек, и это — семейный автомобиль.

Джордж зловеще рассмеялся:

— Я знаю, как себя вести с этими сволочами. В прошлом году... Ты помнишь, как в прошлом году... Помнишь, один скот едва не столкнул нас с моста? Я тогда поклялся, что никогда не допущу подобного. Зачем, по-твоему, я установил на машине все эти опции?

Джессика вытащила аварийный поднос. Достав баллон с антиожоговой мазью, она принялась распылять ее на лицо и руки.

— Как я жалею, что позволила тебе поставить в машину эту лазерную штуку!

Джордж снова нехорошо рассмеялся. Сволочи, дермо, погань!

Он чувствовал, как уверенно несется вперед «пиранья», мощный мотор типа «стерлинг» всасывал горячий воздух, и тяга нарастила. В отличие от устаревшего бензинового двигателя «меркурия», ядерный реактор не давал выхлопа, и машина шла почти беззвучно. Огромный стабилизатор на хвостовом радиаторе рассекал раскаленные газы, что позволяло ровно идти по трассе на высоте двух дюймов над дорогой.

Джордж знал, что догонит кроваво-красного врага. И тогда паршивый выскочка поймет, что нельзя нарушать закон и подрезать на шоссе порядочных людей.

— Подай пистолет! — велел Джордж.

Джессика покачала головой и вытащила из «бардачка» здоровенный пистолет сорок пятого калибра в сбрасывающейся наплечной кобуре. Джордж перешел на автопилот, всунул руки в ремни, ощупал маслянистую кожу кобуры и, удовлетворенный, вернулся к ручному управлению.

— О Господи, — простонала Джессика, — снова на трассе Джон Диллинджер.

— Слушай! — заорал Джордж, распаляясь с каждой произнесенной ею глупостью. — Если не помогаешь, то хотя бы заткнись! Я бы тебя с удовольствием высадил, но я на дуэли, понимаешь? Я на дуэли!

Она согласно кивнула, и Джордж замолк.

Из приемника послышался лиск вызова. Изображения не было. Только голос. Очевидно, водитель «меркурия». Стандартный трюк рокеров, — передавая с антенны на antennу узконаправленные сигналы, они изводили свои жертвы.

— Эй, старый, решил со мной потягаться, а? Совсем спятил? Ладно, сейчас малыш притормозит и отвесит тебе пару горячих, пора тебя немного поучить.

Голос у водителя был жесткий, безжалостный, мерзкий голос человека, поднаторевшего в дорожных разборках.

— Слушай, щенок, — Джордж старался, чтобы его слова тоже звучали угрожающе, — это я тебя немного поучу!

В ответ раздался резкий хохот:

— Старый, а ты шутник!

— И прекрати называть меня старым, молокосос! Вшивый дегенерат!

— Уууууу-иииии! На этот раз попался крутой старишка!.. Ладно, давай поиграем в догонялки! Смотри не перевернись, сморчок!

Пискнул сигнал конца передачи, и Джордж вцепился в руль побелевшими пальцами. «Меркурий» резко пошел вперед. Скорость и без того нарастала, но сейчас казалось, что врага толкает вперед гигантская пружина. Он поднимал стену воды и грязи с обеих сторон сорокафутовой полосы, которую они заняли.

— Попал в его выхлоп, — процедил Джордж.

Водитель «меркурия» добавил в выхлопную смесь воды, что увеличивало толчковую мощь турбин. Все потонуло в реве мощного противника. Джордж включил хвостовые пропеллеры. 175 миль в час... 185 миль в час... 195 миль в час...

Он медленно подбирался к «меркурию». Ближе, ближе... Джессика вытащила из ящика и развернула аварийный комбинезон, что надевался поверх противо-перегрузочного жилета. При этом она бубнила себе под нос: что-то о том, как она относится к его решению превратить воскресную поездку в дуэль камикадзе.

Джордж прохрипел, чтобы она заткнулась, поставил машину на автопилот и надел собственный аварийный

комбинезон, потом распылил на лицо и руки противоожоговую смесь и надвинул на брови противоударный шлем.

Снова перейдя на ручное управление, он медленно подбирался к «меркурию», пока до кроваво-красной машины не осталось пятьдесят ярдов.

— Надень очки. Сейчас я покажу этой мрази, кто здесь сморчок...

Джордж нажал на панель, и крышка лазерной пушки на капоте «шевроле» сдвинулась в сторону. Из паза выдвинулась острыя, как игла, стеклянная трубка. Джордж глянул на показания датчика энергии. МГД-генератор заряжал лазер. Он вспомнил, с какой гордостью расхваливал ему лазерную пушку продавец из «Чик Уильямс Шевроле».

— Потрясающе эффективна, мистер Джонсон. Просто сенсация! Работает от магнитогидродинамического генератора. Последнее слово в защитной технологии. Вы знаете, для того чтобы добиться достаточной мощности от углекислотного лазера, требуется стеклянная трубка длиною в милю. Это по меньшей мере не практично, сэр. Так вот группа инженеров Бомбейского филиала компании «Шевроле» разработала компакт-технологию. Эффект такой же, как от стеклянных трубок с зеркалами длиною в триста шестьдесят футов, целое футбольное поле, сэр! Рекомендую три способа. На скорости до ста двадцати прожигает дыру в любойшине. Если у него бензиновый или дизельный двигатель, цельтесь прямо в бак и сметайте его с дороги! А если «стерлинг», нагревайте радиатор. Как только радиатор станет горячее двигателя, двигатель глухнет. Сенсация!

— Беру, — пробормотал Джордж.

— Что ты сказал? — переспросила Джессика.

— Ничего.

— Джордж, ты семейный человек, а не рокер...

— Заткнись!

Он тут же пожалел, что нагрубил. В конце концов, она права. Просто иногда трудно сдержаться. Он искоса посмотрел на Джессику. В аварийном костюме с накладывающимися друг на друга керамическими

дисками она походила одновременно на броненосца и пилота военно-транспортной авиации. Противоударный шлем закрывал ее лицо. Джордж хотел извиниться, но настал нужный момент. Он навел пушку на «меркурий» и вдавил гашетку огня. Из капота «пираньи» ударили ослепительный луч. Джордж целился прямо в бензобак несущегося на воздушной подушке врага.

Но впереди уже никого не было. За мгновение до залпа водитель «меркурия» ушел на соседнюю полосу движения и резко сбросил скорость. «Пиранья» пронеслась мимо.

— Он сзади! — крикнул Джордж.

В ту же секунду спаренные стволы пулемета ударили по «шевроле». Джордж хлопнул по панели, и пуленепробиваемые экраны закрыли корпус автомобиля. Но не раньше, чем очередь успела изрешетить борту машины.

— Сволочь!.. — простонал Джордж. Находясь сзади, противник мог легко его уничтожить.

Джордж опустил крылья и начал вилять, выписывая дуги через обе полосы движения. «Меркурий» висел на хвосте. Пулемет бил из обоих стволов. Защитные экраны выдержат, но что у него еще? Что означают «закодированные опции», о которых упомянула дежурная?

— Ну, убедился, к чему это привело?

— Джесс, заткнись, ради Бога!

Пискнул приемник. Не переставая вилять, Джордж включил связь. На этот раз водитель «меркурия» передавал через микроволны видеосигнал. На экране возникло лицо.

Еще мальчишка. Подросток. С прыщами.

— Мразь! Вонючая мразь! — заорал Джордж, продолжая маневрировать. Он сбрасывал скорость, уходил в стороны и снова разгонялся. Ничто не помогало. «Меркурий» висел на хвосте и молотил из пулемета. Если хоть одна пуля попадет в хвостовой стабилизатор, срикошетит в двигатель и пробьет свинцовый кожух реактора...

Джессика плакала, сжавшись в комок внутри своего панциря. Джордж молча радовался, что надел противоперегрузочный жилет. Сейчас он предпримет кое-что запрещенное.

— Эй, старый! А как выглядит твоя телка? Если она беленькая и хорошенькая, я позволю тебе ее высадить, а потом подберу. С твоей страховкой и моей копалкой она долго будет беленькой и хорошенькой.

— Мразь, сволочь! Вначале ты подохнешь!

— Да ты настоящий боец, папаша. Не хотел тебя расстраивать, но дело идет к концу. Попрощайся с хорошим рокером, старик!

Джордж вопил нечто нечленораздельное.

Мальчишка дико расхохотался. Он явно что-то задумал. Может, ферроколу. Или Д4. А может быть, что-то еще. Юные голубые глаза блестели смертоносным змеиным отливом.

— Просто хотел, чтобы ты узнал имя своего соперника, папаша. Можешь называть меня Билли.

Экран погас. «Меркурий» вырвался вперед, приблизился, и Джордж вдруг сообразил, что у Билли скорее всего не могло быть столько денег, чтобы установить лазер, и это подарок судьбы. Но пулемет упорно долбил пуленепробиваемые экраны, не приспособленные для столь долгой экзекуции. Черт бы побрал это дэтройтское железо!

Запрещенный прием надо применять сейчас.

Крутой поворот через полосу движения был грубым нарушением правил. При крутом повороте без противоперегрузочных жилетов на скорости... Джордж посмотрел на спидометр и тахометр... 250 миль в час, да при такой скорости кровь разорвет все сосуды. А жилеты сдавят ту часть тела, в которую ударит кровь, и они останутся живы. Если...

Он резко крутанул руль и выдавил акселератор. После запрещенного разворота позиции машин остались прежними, но «меркурий» отстал на несколько корпусов.

Приемник запищал, и, прежде чем Джордж успел включить связь, из полицейского коптера над головой раздался властный голос:

— ХУПД-88321. Предупреждаю! Вы лишитесь подтверждения на дуэль, если еще раз позволите подобный маневр! Вам надлежит держаться своей полосы и соблюдать установленные правила дорожного движения!

«Надо катапультироваться. Сиденья спасут и меня и Джессику». Он хотел сказать ей, но она потеряла сознание. «Как я влез в это дермо? — казнил себя Джордж. — Боже милосердный, если ты позволишь мне уйти живым, клянусь, я никогда, никогда, никогда не потеряю над собой контроля. Господи, умоляю!»

Затем он увидел идущий параллельно «меркурий»!

Окно с пассажирской стороны было открыто, Джордж успел разглядеть Билли: губы мальчишки были завернуты ветром и ускорением, и он целился в него из пистолета сорок пятого калибра. Джордж машинально включил бамперы.

Сверхпроводимый материал бамперов породил мощное магнитное поле, которое мгновенно притянуло к себе «меркурий». Машины ударились друг о друга со страшным треском, пистолет вылетел из руки Билли. Джордж сообразил, что это его шанс, и резко затормозил. Теперь он снова ехал сзади.

Его охватила первобытная жажда убийства. Не остановить, не ранить — убить!

Он напрочь забыл, о чем молил Господа, и приник к прицелу лазера и навел пушку на кабину. В пузыре стекла угадывалось очертание головы Билли. Джордж открыл огонь.

В месте попадания лазерной молнии в стекло образовалось черное пятно, но, как только луч погас, пятно исчезло. Джордж ругался, вопил, проклинал, плакал от страха и беспомощности.

«Меркурий» был оснащен частотно-чувствительным защитным экраном. Химические элементы в стекле мгновенно «чернели», теряли прозрачность при попадании на них лазерного луча. Это следовало предусмотреть. Забияка вроде Билли, поднаторевший в дорожных схватках, наверняка обеспечил себя всем, что могло пригодиться в поединках на трассе. Вот тебе и закодированная опция!..

Шлем сбился на глаза, но Джордж этого не замечал. Он плакал от обиды и бессилия.

Враг предпринял очередной маневр, смысл которого Джордж разобрал не сразу. Затем «меркурий» резко сбросил скорость, и «шевроле» едва не влетел в турбину кроваво-красной машины. Джордж ударил по тормозам, его развернуло, и Билли снова оказался сзади, готовый к смертельной атаке. Джордж в очередной раз включил хвостовые пропеллеры и устремился в вечность.

270 миль в час... 280 миль в час... 290 миль в час...

Неожиданно раздалось шипение. Джордж дернулся и успел увидеть, как коробится черный потолок машины. «О Боже, — в ужасе подумал он, — Билли не может позволить себе лазера, но у него стоит индукторный луч!»

Луч вызывал сильные вихревые потоки в бериллиевом корпусе «пираньи». Если корпус разгерметизируется, машина выйдет из-под контроля.

Джордж понял, что погиб.

И все из-за этого панка, дорожной мрази.

«Меркурий» неумолимо приближался.

Джордж лихорадочно соображал. Времени ни на что не оставалось, кроме как на отчаянные, спонтанные решения. Спидометр и тахометр это подтверждали. Соперники неслись со скоростью 300 миль в час. На воздушной подушке.

Сквозь панику пробилась мысль.

Другого не оставалось. Джордж сорвал с себя противоударный шлем и снянул шлем с Джессики. Удерживая их на коленях, он открыл окно со своей стороны. Ворвавшийся ветер едва не разорвал ему щеки и губы, превратил лицо Джессики в маску смерти. Он едва удерживал «шевроле» на трассе.

Затем с трудом высунул шлемы в окно, несколько секунд удерживал их за застежки и наконец отпустил, после чего резко затормозил и закрыл окно.

Огромные шлемы улетели назад и исчезли под кроваво-красным «меркурием». В ту же секунду машина ударила о дорожное покрытие. Джордж ушел с полосы, продолжая гасить скорость.

«Меркурий» еще раз с треском ударился о бетон, подлетел и ударился снова. Джордж видел, как болтается водитель в промелькнувшем мимо автомобиле. Он видел, как машина пронеслась еще с четверть мили, без колес, потом зацепилась за разделяющий полосы движения бетонный забор, подлетела в воздух и перевернулась. На трассу она упала кабиной вниз, мгновенно превратившись в облако пламени и дыма. Взрыв потряс и «шевроле»

На скорости в триста миль в час, при езде на воздушной подушке, любой предмет, попавший под воздушный пузырь, становился смертельным оружием.

Он выиграл дуэль. Билли был мертв.

На ближайшей заправке Джордж остановился и упал на руль. Его тряслось. Говорить он не мог. Джессика пришла в себя, протянула руку и прикоснулась к его плечу. От едва ощутимого через аварийный комбинезон и противовесогрузочный жилет прикосновения Джордж чуть не подпрыгнул. Она хотела что-то сказать, но запищал приемник.

— Аварийный Контроль, сэр, — улыбнулась дежурная. — За исключением небольшого нарушения, ваша дуэль признана законной. Думаю, вам будет приятно узнать, что ваш противник числился первым номером среди дуэлянтов на всех трассах Центрального и Восточного секторов. С уходом мистера Бонни мы вносим вас в список дуэлянтов. Ведомости просили вас известить, что чек поступит на ваше имя в течение двадцати четырех часов. Еще раз поздравляю, сэр.

Приемник затих, и Джордж попытался сосредоточиться на неоновых огнях стоянки. Это было страшное испытание. Он больше не хотел таким образом использовать машину. Это был не он, какой-то другой Джордж.

— Я — семейный человек, — повторил он слова Джессики. — А это семейный автомобиль... Я...

Она нежно ему улыбнулась, и в следующую секунду они бросились обнимать друг друга, он плакал, а она его успокаивала и убеждала, что по-другому он поступить не мог.

Снова запищал приемник. На экране появилось улыбающееся лицо дежурной:

— Поздравляю вас, сэр. Думаю, вам приятно будет узнать, что в Аварийный Контроль уже поступило пятнадцать вызовов на ваше имя. Первый вызов от мистера Рони Ли Гауптмана из Далласа. В настоящее время он движется вам навстречу. Ожидаемое время прибытия 18.15. В случае, если мистер Гауптман не выживет, вы встретитесь с мистером Фредом Булом из Чэтсфорса, Калифорния... мистером Лео Фаулером из Филадельфии... мистером Эмилем Заленко из...

Джордж не слышал всего списка. Окаменевшими пальцами он отчаянно пытался сорвать с себя аварийный комбинезон и противовесперегрузочный жилет. Хотя и знал, что это бесполезно. Драться все равно придется.

В мире дорог нет места идущему пешком.

МОЛЧАНИЙ В ГЕЕННЕ

У Джо Боба Хики не было астрологического знака. Вернее сказать, у него их было двенадцать. Каждый год он отмечал свой день рождения под всякими Рыбами, Девами и Скорпионами. Джо Боб Хики был сиротой. Более того, он был незаконнорожденным. Его нашли на ступеньках детского дома в Седжвике, что в штате Канзас. Кто-то завернул младенца в грязное армейское одеяло и оставил на коврике у двери. Это случилось в 1992 году.

Несколько лет спустя медсестра, та самая, что нашла его на пороге, заглянула ему в глаза, и ей показалось, что она смотрит в зал, полный пустых зеркал.

Джо Боб рос неуправляемым ребенком. В приюте он постоянно искал неприятностей, независимо от того, в каком бы темном чулане они его не поджидали. До тринадцати лет мальчика переводили из одного приюта в другой, потом он огрызнулся в последний раз и ушел. Это произошло в 2005 году. Никто даже не предложил ему взять в дорогу бутербродов с ореховым маслом.

Спустя некоторое время ему стало четырнадцать, потом шестнадцать, восемнадцать... К тому времени он уже понял, что в этом мире главное, нарастил мускулы, прочел книги, изведал вкус дождя и на одной из дорог нашел цель жизни. Все правильно. Назад пути нет, и не о чем жалеть. А бутербродами своими подавитесь.

Джо Боб набросил на проволоку замыкающий кабель, оставив сзади большой кусок, чтобы можно было

свободно ползти. Он вытащил из рюкзака тяжелые клещи и вырезал в колючей проволоке отверстие в форме церковного окна. Потом забросил клещи в рюкзак, перебросил его через плечо и еще раз напомнил себе, что надо продумать систему ремней, чтобы громкоговоритель и рюкзак не путались.

Затем, опустившись на живот, он пролез через проволоку под током и оказался на территории Университета Южной Калифорнии. В этом углу прожектора никогда не перекрещивались. Непредусмотренное слепое пятно. Он же прекрасно мог видеть часового на вышке слева. Тот просматривал территорию при помощи переносного радара. Джо Боб улыбнулся. Его смеситель передавал на дисплей очертания кошки.

Он зарывался в землю, по-лягушачьи отталкивался ногами, червем переползая слепое пятно на ничейной земле. На какой-то момент он попал в зону радара, но на экране возникло лишь мутное пятно. Полицейский не стал разбираться и перевел прибор на другой участок. Джо Боб бесшумно полз дальше. (Бакаут, железное дерево невозможно расколоть. Причина — в диагональном расположении тесных волокон. Бакаут — невероятно твердое дерево с исключительной плотностью в 1,333, благодаря чему оно тонет в воде. В его порах содержится до двадцати шести процентов резины, тягучей и маслянистой. Поэтому из него делали подшипники для двигателей первых океанских пароходов.) Джо Боб был железным деревом. Он мягко и бесшумно скользил в темноте.

Здание факультета естественных наук. На мраморных перемычках дверей выгравировано: «Эссо Холл», надпись светилась в тумане, плотно укутывающем землю. Джо Боб полз к цели, рассеянно посасывая дупло зуба, где застрял кусочек украденной и с удовольствием съеденной курицы. Вокруг здания были вразброс вмонтированы пружины-ловушки. Прижимаясь к земле брюхом, Джо Боб деликатно выписывал вокруг них замысловатые узоры. Добрившись до здания, он сел, откинулся на стену и с треском расстегнул клапан рюкзака.

Пластик.

Устаревшая взрывчатка в век звуковых и туманных мин. И все равно эффективная. Он заложил заряды.

Затем Джо Боб подобрался к Зданию Тактики, Бактериологическим лабораториям, Центральному компьютерному корпусу и Оружейной. Заминировал все.

Потом отполз назад к забору, отстегнул мегафон и устроился так, чтобы силуэт его не был заметен на фоне едва посветлевшего на востоке неба. И взорвал заряды.

Первыми рванули лаборатории. Потолки и стены полетели в воздух, пламя всех оттенков ударило в небо. Затем содрогнулся и рухнул Компьютерный корпус, из-под обломков слышалось шипение и летели искры, словно в ускорителях продолжали уничтожаться отрицательные частицы. Затем почти одновременно со страшным грохотом осели Факультет естественных наук и Здание Тактики, во все стороны неслись штукатурка, пыль, перекрытия и куски оплавленного металла. Наконец серией мощных, неравномерных, но ритмичных взрывов взлетела на воздух Оружейная. Финалом явился мощный олимпийский взрыв, расцветивший ночь фейерверком звездных молний.

Все пыпало, время от времени раздавался треск лопающегося стекла, в огне с криками метались студенты и охрана. Джо Боб поднес к губам мегафон, выставил громкость на максимум и прокричал свои требования:

— Вы называете это академическими свободами, вы, куча земляных червей! Вы считаете колючую проволоку и вооруженную охрану в классных комнатах дорогой к знаниям? Поднимайтесь, поганки! Нанесите удар за свободу!

Смеситель гудел, реагируя на радарные пробы, и посыпал на экраны помехи, плохо различимые пятна, бугры — все подряд. Джо Боб продолжал кричать.

— Отбирайте у них оружие! — Голос его гремел как в судный день, перекрывая вопли людей, пытающихся спасти свое имущество, и поднимаясь над занимающимся рассветом. — Гоните войска с кампуса! Вспомните Джейфтерсона, он сказал: «Люди имеют то правительство, которое заслуживают!» Разве этого заслуживаете вы?

Гудение становилось громче, радары прощупывали участок со многих сторон. Поиск сужался. Скоро они его запеленгуют, во всяком случае приблизительно. Тогда за дело примутся спецкоманды.

— Гоните войска! Время еще есть! Если хоть один из вас до конца не одурачен, значит, есть шанс! Вы не одиноки! Мы представляем разветвленное, хорошо организованное движение сопротивления... присоединяйтесь... сносите казармы, взрывайте оружейные склады! Гоните фашистов! Свобода рядом! Бейтесь за нее, пока они растеряны! Бейте варков!

Спецкоманды были размещены по наиболее опасным для нападения секторам. Они ждали, пока с впадут показания радаров и обозначится сомнительный участок; тогда наступит их время. Смеситель перешел на непрерывное громкое гудение, и Джо Боб понял, что его накрыли. Он бросил громкоговоритель в рюкзак, с треском рванул застежку чехла на липучке и выхватил распылитель.

«Пора сматываться», — сказал он сам себе.

«Заткнись, — ответил он. — Бей варков!»

«Эй, завязывай! Я не хочу, чтобы меня пришили!»

«Испугался, маменькина курица?»

«Да, мне страшно. Если хочешь, чтобы тебе отстрелили задницу, на здоровье, только меня не втягивай!»

Внутренний диалог неожиданно оборвался. Справа сквозь выноны пробирались, расстреливая все подряд, трое с распылителями. Но Джо Боб хорошо знал свое дело.

Заряды распылителей разнесли забор из колючей проволоки и выкосили все вокруг, не затронув лишь выкопанного Джо Бобом окопа. Он сдернул с проволоки замыкающий кабель и быстро запихал его в рюкзак. Потом стал отползать, паля поверх голов.

«А я думал, ты неплохой стрелок».

«Заткнись, черт бы тебя взял. Я промахнулся, вот и все».

«Промахнулся? Ну надо же! А мне показалось, ты испугался крови».

Скользить, скользить, скользить назад, грести руками и ногами, в любой момент может накрыть струя распылителя.

«Мы представляем разветвленное, хорошо организованное движение сопротивления...» — так он кричал в громкоговоритель. Он лгал. Он был один. Он был последним. И после него еще лет сто никого не будет.

Распылители в клочья рвали землю.

«Боюсь! Я не хочу, чтобы меня убили».

Вдруг наверху завис вертолет. Откуда-то послышался тихий, хнычущий звук, и в голове снова пронеслось слово: «боюсь!»

Овраг. Скорее в овраг!

Он упал на спину. Поросший травой склон скрывал его от вертушки, зато перед варками он стал беспомощен. Джо Боб глубоко вздохнул, облизал пересохшие губы. Он ждал. Вертолет тяжело дрожал, разворачиваясь для атаки. Джо Боб установил приклад распылителя на край оврага и дал в небо длинную очередь, стараясь предугадать направление полета. Машина влетала в струю огня. Первые заряды пришли на нос, мгновенно исковеркав поверхность. По всей вертушке заметались молнии и вихри электрической энергии. Они закрыли вид в иллюминаторах, ослепили пилота и стрелка. Снаряды распылителя замкнули на себя электрическое поле вертолета, протекли внутрь и ударили в боекомплект. Внутри вертолета прогремел взрыв. Обломки исковерканного металла, до сих пор мерцающие энергией распылителя, дождем посыпались на кампус. Варки бросились на землю, спасаясь от смертоносной шрапNELи.

В воздухе еще стоял грохот смерти, а Джо Боб Хики уже несся по оврагу, дальше в лес, пока не стал недосыгаем.

Это говорилось раньше, об этом будут говорить в дальнейшем, но никто не выразит эту мысль так человечно и просто, как Торо: «Тот лучше всего служит государству, кто больше других ему противостоит».

(Ацетат алюминия, сложное химическое вещество, в виде природной соли $\text{Al}(\text{C}_2\text{H}_3\text{O}_2)_3$ — белый, раствори-

мый в воде порошок, применяющийся в медицине в качестве антисептика и вяжущего средства. В форме основной соли — белый кристаллический нерастворимый в воде порошок, использующийся в текстильной промышленности как водонепроницаемый и огнеупорный компонент, а также как проправа. Проправа может применяться по-разному, чаще всего с ее помощью приклеивают к поверхности золотые или серебряные листья либо вытравливают узор при гравировке.)

Джо Боб Хики как ацетат алюминия. Проправа. Кислота, выедающая ржавчину.

Ночью ему стало невыносимо больно. Догорающие руины университета остались далеко позади... Он спотыкаясь брел под гигантскими опорами континентальной воздушной железной дороги. Падал, поднимался и падал снова. Брел глубже в ущелье, в густые заросли, к запаху гнилого ручья. Чьи-то руки нашли его в темноте и перевернули лицом вверх. Блеснул свет, и голос произнес:

— Он весь в крови.

Другой, хриплый и грубый, ответил:

— У него распылитель.

— Не трогайте его, идем, — сказал третий голос, но первый снова произнес:

— Он весь в крови.

Ярко полыхнул огонек сигары, потом ее затушили, и все погрузилось во тьму.

Джо Боб испытывал невыносимую боль. Как долго это длилось, он не помнил, но понимал, что давно. Потом он открыл глаза и увидел пляшущие огоньки костра. Его прислонили к стволу сумаха. Откуда-то, ему показалось прямо из костра, протянулась рука, и голос, который он уже слышал, сказал:

— На, попей.

Губ его коснулась пластиковая бутылка с чем-то горячим; другая рука, которой он не видел, мягко приподняла его голову, и он попил. Больше всего варево походило на травяной суп.

Но ему стало лучше.

— Я тебя уколол из шприца в твоем рюкзаке. Тебя здорово зацепили, приятель. Аккурат в спину. И кровь

из тебя хлестала. Но заживает вроде хорошо. Классный шприц.

Джо Боб снова уснул. На этот раз легче.

Позже, когда стало прохладнее и мягче, он проснулся снова. Костер погас. Светало. Неужели... это другой рассвет? Неужели он бежал от варков целый день? Наверное, так. Рассвет... Когда он лежал под колючей проволокой, готовясь взорвать университет, тоже светало. Это он помнил. И взрывы. И спецкоманду. И вертолет. И... О падающих с неба обугленных кусках вспоминать не хотелось. Он помнил, что многие обломки продолжали искриться энергией распылителя.

Бег. Целый день и еще ночь. Потом пришла боль. Страшная боль... Он попробовал пошевелиться и почувствовал кровоточащий рубец в спине — не иначе, зацепило обломком вертолета.... Но он все равно бежал. И вот он здесь, в другом месте. Где? Сквозь деревья пробивается слабый свет.

Он оглядел поляну. Под одеялами очертания людей. Полдюжины, нет, семеро. Костер превратился в уголья. У него не было сил пошевелиться. Джо Боб ждал дня.

Первым проснулся старик с грязной трехдневной щетиной и вареным яйцом вместо глаза. Он подошел к Джо Бобу и уставился ему в лицо. Джо Боб притворился спящим. Старик поправил на нем одеяло и занялся затухающим костром.

Когда костер разгорелся, из одеял выкатились еще двое. Один из проснувшихся был высоким, с крюком вместо руки, второй тоже оказался стариком. Он спал совершенно голым. Тело его не имело волос, кожа была розового цвета и на вид очень нежная. Выглядел он нелепо: голова старика на теле младенца.

Из оставшихся четверых нормальным Джо Бобу показался один; позже выяснилось, что этот человек не может говорить. Потом он увидел горбuna с пластиковым наплывом на спине. Наплыв мигал и изменял цвет в зависимости от настроения хозяина. Среди бродяг был чернокожий, с лицом, наполовину сожженным распылителем, от чего казалось, что он постоянно прячется в тень. Была женщина лет сорока или се-

десяти. Кисти рук и щиколотки она замотала широкими повязками, суставы противоестественно вывернулись.

Джо Боб незаметно наблюдал, как, максимально экономя воду, они умывались из грелки. К покрытой слизью воде из ручья, белым картофельным червем пересекавшего поляну, старались не прикасаться. Старик с яйцом на глазу подошел к Джо Бобу и прикоснулся ладонью к его щеке. Джо Боб открыл глаза.

— Температуры нет. Доброе утро.

— Спасибо, — выговорил Джо Боб. Во рту все пересохло.

— Как насчет чашечки кофе? — Старик улыбнулся. Некоторых зубов не хватало.

Джо Боб с трудом кивнул:

— Вы сможете меня приподнять?

— Уолтер, Марти! — крикнул старик.

К нему подошли не умеющий говорить и черный, с лицом, наполовину высеченным из слоновой кости. Они осторожно посадили Джо Боба. Спина болела невыносимо, кроме того, от сна на холодной земле ломило все тело. Старик протянул Джо Бобу пластиковую молочную бутылку, наполовину наполненную кофе.

— Сливок и сахара нет, извини.

Джо Боб благодарно улыбнулся и выпил. Кофе был горячий и вкусный. Он почувствовал, как тепло вливается в капилляры.

— Где я? Как называется это место?

— Невада, — пробурчала подошедшая женщина. На ней был обрезанный на икрах сельскохозяйственный комбинезон, прихваченный на плечах скрепками.

— Где именно в Неваде? — спросил Джо Боб.

— Милях в десяти от Тонопа.

— Вы мне помогли, спасибо.

— Ничего особого мы не сделали. Проходили мимо, вот и все. И вообще меня нервирует близость железной дороги.

— Почему? — Джо Боб поднял голову. Вверху проходила воздушная железная дорога, наименее впечатляющее детище Паоло Солери. Но и от него захватывало дух. Гигантские пилоны высотой в одну восьмую

мили на распластанных лапах уносили к горизонту железнодорожное полотно.

— Кампания не унимается. Прочесывают всю округу. Ищут саботажников. Нам совсем не светит, если «быки» решат, что это мы.

Джо Боб заволновался. Смертные приговоры вынесли исключительно патриотам. Можно было изнасиловать ребенка, убить нескольких женщин, выбить мозги у старика в лавке, и это сходило с рук. Но за антигосударственную деятельность карали беспощадно. Вспомнился Грэг, убитый в камере приговоренных к смерти. Его забил тюремным стулом на трех ножках подонок, который обстрелял из распылителя толпу людей, пытаясь скрыться с места неудавшегося ограбления...

— Быки? — переспросил Джо Боб.

— Сколько ты в бегах, приятель? — поинтересовался неправдоподобно высокий человек с крюком вместо руки.

— Быки. Войска. Самого.

Старик засмеялся и похлопал высокого по плечу.

— Откуда ему знать эти слова? Он слишком молод. Это наши слова. Теперь их называют...

— Варки? — неуверенно предположил Джо Боб.

— Да, варки. Кстати, знаешь, откуда пошло это слово?

Джо Боб покачал головой.

Старик присел и заговорил, словно обращаясь к детям. Остальные устроились поудобнее и принялись слушать.

— Слово пришло из датского языка африкаанс, оно произносилось как аардвак. Так называли земляных свиней. А потом стали говорить просто варк.

Старик рассказывал о своей молодости, о событиях далеких лет, когда страна была свежее. Джо Боб слушал. Про то, как старик получил вместо глаза вареное яйцо в государственной поликлинике, там же, где Полу достался его крюк, Уолтер оставил язык, а Марти обработали кислотой, и половина его лица стала белой. Затем речь зашла о подавленном восстании, после которого всем стало легче, даже таким бродягам, как они.

Старик называл повстанцев слепцами, но Джо Боб знал, что к нему это не относится. Он знал и другое: лучше не стало.

— Ты умеешь играть в «Монополию»? — спросил старик.

Пластиковый купол горбuna заискрил мягкими тонами, из свертка появилось на свет потрепанное картонное поле. Затем Джо Бобу объяснили правила игры. Он быстро продулся. Накапливание собственности казалось ему пустой тратаой времени. Он пробовал завести разговор о происходящем в Америке: о закрытии треста «Пентагон», о роспуске Верховного Суда, о том, что коллежи стали готовить специалистов исключительно для корпораций, о создании в Денвере Центрального компьютерного банка, где на случай внезапного ареста собрана информация обо всех и каждом... Они все это знали, но не считали неправильным, были уверены, что таким образом государство защищается от саботажников, то есть сохраняет страну в прежнем, добром виде.

— Мне надо идти, — произнес наконец Джо Боб. — Спасибо за помощь.

Он испытывал смешанные чувства: благодарность и ненависть.

Они не предложили ему остаться. Он и не ожидал.

Джо Боб побрел по булыжному откосу, остановился в тени воздушной железной дороги, протянувшейся от побережья до побережья, и поднял голову. Конструкция казалась легкой и невесомой, будто парящей в воздухе. Но он знал, что она прочно вмонтирована в землю, глубоко в землю, через каждую десятую часть мили. Она только казалась свободной, потому что такой хотел ее видеть Солери. Искусство — это не реальность. Это *кажущаяся* реальность.

Джо Боб повернул на восток. Не имея перед собой конкретной цели, он решил идти наугад. Пока не прогремит гром в очередном темном чулане.

Вручение дипломов в государственном университете штата Нью-Йорк в Буффало считалось делом серьезным. Безопасность обеспечивали варки, полиция, войска и, как добавил про себя с крыши Джо Боб, «быки».

Выпускников разделили на группы по четыре человека и развели по кабинкам с пластиковыми стенами. Они могли беспрепятственно наслаждаться транслируемой по телевидению приветственной речью Президента-Учетчика, но воспрепятствовать самой церемонии было невозможно. (Ходили слухи о возможных беспорядках, на доске объявлений в кампусе даже вывесили отксерокопированную листовку.)

Джо Боб осматривал местность в театральный бинокль, стараясь выявить переодетых охранников.

Статус и учёные степени преподавателей легко определялись по размеру, вооружению и модели роботов-охранников, тихонько гудящих чуть справа и сверху от каждого администратора и профессора. Джо Боба интересовала модель «Диктограф-2013», с распылителем и соплами-разбрзгивателями. Последняя модель... Президент-Учетчик.

Самая совершенная модель внизу была 2007. Это означало, что присутствовали лишь помощники преподавателей и ассистенты. А это, в свою очередь, означало, что церемония транслируется из здания Рекламы.

Он перебежал по крыше в оружейную башню. Охранник по-прежнему спал, укутанный в спинекс. Джо Боб взглянул на покрытую серебряной паутиной мумию. Когда охранника обнаружат, его обольют растворителем. Джо Боб оставил свободным нос. Дышать человек мог.

«Великий убийца!»

«Заткнись!»

«Тоже мне, коммандос!»

«Сказал тебе, заткнись!»

Он влез в комбинезон охранника, разгладил и вытянул рукава так, чтобы скрыть широкие плечи. Затем, волоча за собой рюкзак, спустился по винтовой лестнице в здание Рекламы. Варков внутри не было видно. Все дежурили по периметру, на день вручения дипломов всегда объявлялась повышенная готовность.

Джо Боб спускался на нижние уровни отопительной системы. Июнь, на улице стояла жара. Отопление было отключено, кондиционеры поддерживали приятную про-

хладу. Он нашел схему трубопровода и пальцем проледил путь к нужному помещению. Предстоял длинный вертикальный спуск. Очень длинный...

Двадцать... помнишь правило, ставшее законом, согласно которому запрещено обсуждать в классной комнате что-либо не относящееся к изучаемому в данный момент материалу... Девятнадцать... помнишь занятие по современному искусству, на котором кто-то задал вопрос об использовании высокого искусства в целях революционной пропаганды... восемнадцать... и как ты начал спрашивать профессора о «Гернике» Пикассо, которое потребовалось мужество, чтобы изобразить ужасы войны... Семнадцать... и как профессор забыл об упомянутом правиле и рассказал о фреске Диего Ривьера в Рокфеллер-центре, приобретенной семьей Рокфеллеров... Шестнадцать... и как, после того как фреска была завершена, Ривьера вписал в нее портрет Ленина, а Нельсон Рокфеллер потребовал, чтобы поверх было написано другое лицо, а Ривьера отказался... Пятнадцать... и Рокфеллер уничтожил всю фреску... Четырнадцать... и спустя десять минут после начала дискуссии Учетчик приказал арестовать профессора... Тринадцать... помнишь день, когда трест «Пентагон» предоставил средства для постройки нового стадиона взамен Факультета Теории Игр, который переоборудовали в Здание Тактики и переименовали в Ньюмэнхолл... Двенадцать... и день, когда ты записывался в класс, и тебя пропустили через Центральный компьютер, и выяснили все детали, и заставили подписать Клятву верности студента... Одиннадцать... а потом провели рейд по подвалу... Десять... и нашли тебя, Грэга, Терри и Кэтрин... Девять... Они не дали вам шанса выбраться наружу и заполнили подвал газом... Восемь... Терри застрелили в рот, а Кэтрин... Семь... а Кэтрин... Шесть... а Кэтрин... Пять... умерла, свернувшись калачиком, как ребенок на диване... Четыре... а они вошли и прострелили дверь изнутри, чтобы можно было подумать, что ты отстреливался... Три... и арестовали тебя и Грэга, надели наручники и выбивали признания, а ты сбежал... Один.

Он выглядывал через решетку. Студия. Ничего особенного. Телекамеры, приборы, и они — жирные, напудренные и самодовольные. Роботы крутятся за их спинами, крутятся, крутятся, крутятся.

«Вот теперь мы узнаем, на самом ли деле ты крутый».

«Не зли меня».

«Теперь-то точно придется кого-нибудь убить».

«Я сам знаю, что мне придется делать».

«Посмотрим, как твои разглагольствования о мире уживаются с бойней».

«Пошел ты!»

«Хладнокровной, так, кажется, принято говорить?»

«Я сумею».

«Еще бы!.. Меня просто тошнит от тебя».

«Я смогу. Я это сделаю. Надо».

«Ну так делай».

Студия была переполнена представителями администрации, техниками и вооруженной до зубов полицией, следящей за тем, чтобы со стороны выпускников не было провокаций. На студенческой гауптвахте, в семидесяти футах под оружейной, томились одиннадцать студентов. Их содержали в режиме наибольшей безопасности: крошечные камеры, где нельзя даже нормально сесть, а можно лишь скрочиться, как бушмен.

Роботы внимательно следили за обстановкой, в любую минуту готовые открыть огонь. В этих условиях о нападении на Президента-Учетчика нечего было и думать. Но существовал способ отключить роботов. Его придумал в Дартмаусе Вендель. Впоследствии он поплатился за это жизнью. Но способ остался.

«Если погибнет человек».

«Варк. Если погибнет варк».

«Они умирают точно так же».

Джо Боб перестал обращать внимание на диалог — толку не было. И никогда не было, все время одно и то же. Он лег на живот, сжимая в руках распылитель, расставил ноги, вывернул ступни и упер приклад в плечо. Сосредоточившись, ясно увидел, что должно произойти в следующие секунды. Он выстрелит в охранника, стоявшего рядом с оператором. Тот упадет,

а роботы засуетятся, и в этот момент он завалит одного из них. Произойдет замыкание, робот выстрелит, остальные тоже начнут палить, и тогда в общей суматохе он выбьет ногой решетку, прыгнет вниз и захватит Президента-Учетчика. Если повезет. А потом постарается обменять его на тех одиннадцать.

«Повезет? Да ты подохнешь!»

«Значит, подохну. Все погибают. И я погибну. Все равно. Я устал».

«Слова, слова... Любишь ты красиво говорить».

Он вдруг вспомнил все, что кричал в громкоговоритель. Как это устарело! Пришло время решительных действий. Палец на курке напрягся.

Момент света не кончался.

Свет становился ярче.

Вся студия была залита золотым, ослепительным сиянием. Он моргнул, отбросил распылитель и понял, что золотой свет рядом, в трубе, свет обволакивал его, согревал и становился все ярче и ярче. Джо Боб захотел вдохнуть и не смог. Голова задрожала, заломило виски. Промелькнула мысль: а не роботы ли это? Может быть, его вычислили и напустили в трубу тумана, тепловых лучей, применили неизвестное ему оружие. Наконец все потонуло в ослепительном золотом блеске, подобного которому Джо Бобу видеть не приходилось. Даже ребенком, в зимнем пшеничном поле, когда он лежал на спине и смотрел на солнце, прикидывая, сколько он еще выдержит. Почему он всегда старался перетерпеть боль? Кому он все время доказывал? А сейчас было еще ярче.

Кто я и куда иду?

Кто он: бесчисленное скопление атомов, вырванных и закрученных в страшном вихре, что несся по золотому туннелю, проложенному в шафрановом пространстве и охровом времени.

Куда он шел?

Джо Боб Хики проснулся и среди множества обрушившихся на него ощущений выделил покачивание. На бесконечной волне воздуха или воды, туда-сюда, как маятник, отчего даже мутило. Сквозь сомкнутые веки

просачивался золотой свет. И звуки: высокие музикальные ноты, обрывающиеся прежде, чем он успевал их расслышать. Джо Боб открыл глаза. Он лежал на спине, на мягкой подстилке. Повернув голову, он увидел лежащие рядом рупор и рюкзак. Распылителя не было. Он посмотрел вверх и увидел решетку. Золотые прутья сходились в купол. Эффект собора над головой.

Он медленно поднялся на колени. Тошнота не отпускала. Да, решетка.

Встав, он ощутил покачивание сильнее. Сделав три шага, оказался на краю мягкой подстилки. Она была встроена в пол — огромный, круглый пласт мягкого вещества серого цвета. Он шагнул на твердый пол... клетки.

Это и была клетка.

Он подошел к решеткам и выглянул наружу.

В пятидесяти футах внизу находилась улица. По ней в запряженных крошечными человечками повозках ездили огромные существа в форме лампочек. Время от времени они хлестали кнутом маленьких синих людей, и те тащили повозки быстрее. Он долго стоял и смотрел.

Затем Джо Боб Хики вернулся на подстилку, лег и постарался уснуть.

За последующие дни он узнал, что здесь хорошо кормят и умеют контролировать погоду. Если начинался дождь из энергетических пузырьков, происхождение которых оставалось неведомым, клетку его накрывал купол. Жарко никогда не было, ночами он не испытывал холода. Одежду у него забрали и тут же принесли новую. После этого она всегда оставалась чистой и свежей.

Он находился в ином мире. Это ему сообщили. Золотые люди-лампочки были правящим классом, маленькие синие человечки их обслуживали. Другой мир.

Джо Боб Хики наблюдал за жизнью улицы из качающейся клетки с высоты пятидесяти футов. Отсюда он мог видеть все. Он хорошо рассмотрел похожих на лампочки золотых правителей, но ему ни разу не удавалось взглянуть в глаза жалким крошечным слугам, поскольку те постоянно смотрели себе под ноги.

До сих пор было не ясно, как он здесь очутился. Зато ясно, что отсюда ему не выбраться.

Какую бы цель они ни преследовали, выхватив его из родного пространства и времени, они не собирались причинять ему вреда. Он был существом в раскачивающейся клетке, в заточении, высоко над золотой улицей.

Вскоре после того как он осознал, что здесь придется провести остаток жизни, его искупали в густом желтом свете. Свет омыл его и согрел. Джо Боб уснул. А проснувшись, понял, что так хорошо он не чувствовал себя никогда. Мучительные боли от шрапнели исчезли. Рана полностью затянулась. Несмотря на странную, простую еду, которая появлялась в клетке, он ни разу не почувствовал необходимости помочиться или опорожнить кишечник. Он просто жил, ничего не желая, потому что ему ничего не хотелось.

«Да очнись же ты, ради Бога! Посмотри на себя!»

«Отстань. Мне хорошо».

Джо Боб Хики встал и подошел к решетке. Внизу на улице повозка золотой лампочки остановилась прямо под его клеткой. Синие люди кинулись надевать на себя упряжь, а существо-лампочка хлестало их плетью. Впервые с того момента как он попал сюда, Джо Боб увидел эту сцену так, как смотрел на вещи раньше. Несправедливость обожгла его, кровь застучала в висках, и он закричал. Золотое существо не унималось. Джо Боб огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого. Потом схватил рупор, включил его и что было сил заорал, проклиная и угрожая чудовищу с кнутом. Существо подняло голову и уставилось на Джо Боба множеством серебряных глазок.

Джо Боб не мог остановиться. Он выкрикивал слова, которые говорил всегда. И тогда существо перестало стегать синих людей, они медленно потащили повозку, а оно пошло следом. Отойдя на значительное расстояние, чудовище снова забралось на платформу и подняло хлыст.

— Поднимайтесь, поганки! Боритесь за свободу!

Джо Боб кричал весь день, рупор разносил его голос по городу, среди золотых зданий с окнами без стекол.

— Отбирайте хлысты! Разве этого вы заслуживаете? Еще не поздно! Пока хоть один из вас не покорился, есть шанс. Вы не одиноки! Мы представляем крупное, организованное движение...

«Они не слушают».

«Услышат».

«Никогда. Им все равно».

«Нет! Нет! Смотри! Видишь, они остановились?»

Джо Боб был прав. Внизу скапливались повозки, золотые существа-лампочки верещали противными голосами и вовсю хлестали себя кнутами... Вскоре затор рассосался, повозки скрылись из виду, и существа-лампочки принялись снова стегать синих.

У него на глазах они стенали и били себя. Вне поля его зрения они принимались за прежнее.

Джо Боб быстро это понял.

«Я — их совесть».

«Ты был последним, кого им удалось найти, вот и висишь здесь, взывая к их совести, а они бьют себя в грудь и стенают: “Я виноват, о, как я виноват” — и истязают свою плоть, а потом все идет как и раньше».

«Бессмысленно».

«Ты — тотем».

«Я — паяц».

Но выбор их был удачен. Лучшего не придумать.

... Он всегда был молчаливым голосом, кричал о том, что надо прокричать, но не надо слышать, и сейчас он продолжал быть молчаливым голосом. День за днем они собирались внизу и вопили о своих грехах, после чего довольные расходились.

«Ты понимаешь, что с тобой сделал густой желтый свет?»

«Да».

«Знаешь, сколько ты проживешь, сколько времени будешь втолковывать, какие они мрази, сколько тебе еще качаться в этой клетке?»

«Да».

«И ты все равно это делаешь?»

«Да».

«Почему? Тебе что, нравится заниматься ерундой?»

«Это не ерунда».

«Ты же сам сказал, что так. Почему?»

«Потому что если я буду делать это вечно, то, может быть, в конце вечности мне позволят умереть».

(Черноголовый гонолек — самый хищный из африканских сорокопутов. По данным орнитологов, сорокопуты занимают среди воробьиных то же место, что ястры и совы среди других отрядов. За повадку нанизывать добычу на шипы они снискали безжалостное прозвище «птицы-убийцы». Как и многие хищники, сорокопут часто убивает больше, чем может съесть, а когда есть возможность, убивает просто из радости убийства.)

Кругом золотой свет и осознание.

(Нередко можно встретить дерево с шипами или колючую проволоку, всю унизанную кузнециками, саранчой, мышами или маленькими птицами. Подобным образом сорокопут готовится в период изобилия к трудным временам. Очень часто он забывает вернуться к своим припасам, и они медленно сохнут или загнивают.)

Джо Боб Хики, добыча мира, нанизанный сорокопутом на шип золотого света, и он же — брат сорокопуту.

(Большинство воробьиных обладают громкими мелодичными голосами и обнаруживают свое присутствие призывными трелями.)

Он снова повернулся к улице, поднял громкоговоритель и, как всегда одинокий, закричал:

— Джейферсон говорил...

С золотой улицы донесся вопль насекомых.

СТРАХ ПЕРЕД К

*Тот, кто спит в постоянном шуме,
просыпается от наступления тишины.*

Вильям Дин Хауэллс.
Парденон, акт IV

Демоны, живущие внутри нас, хуже всех прочих. Время от времени, когда я пишу о безумии мужчин и женщин, которые жестоко обходятся друг с другом, меня пригвождают к позорному столбу те читатели, что не смогли уловить моего сожаления по поводу того, как мало мы думаем о себе. Они пишут и обвиняют меня в том, что я якобы выставляю себя более святым по сравнению с ними, отрицая наличие демонов внутри них самих. «Только не я!» — восклицают они и перечисляют свои добрые деяния. «И ты не лучше нас», — добавляют они. Как они правы. Те же фурии обитают и внутри меня. Но эти читатели, кажется, не могут понять, что мои отношения с человечеством основаны на любви-ненависти. Что я уважаю в людях благородство, храбрость и дружбу, а презираю насилие, трусость и жадность, которые большую часть времени управляют нашими поступками.

Я посмеиваюсь, наблюдая за бумажным тигром насилия на телевидении, тем самым, о котором кричат церковники-фундаменталисты и обслуживающие себя политики. Мы порицаем насилие, и все же наибольшее количество зрителей собирают фильмы и телесериалы, наиболее полно удовлетво-

In Fear of K

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

ряющую нашу жажду крови. Какие же мы все-таки двуличные и лицемерные существа.

*Единственный страх — это демоны внутри нас.
А жизнь в страхе — жалкий способ существования.*

В «Кто боится Вирджинии Вулф?» страха больше, чем в целом сезоне телевизионной жестокости.

А в одной супружеской夜里 двух моих ближайших друзей физического насилия больше, чем проходит за ту же ночь на улицах Сан-Франциско. Этот рассказ — открытое письмо им. И в нем сказано: живите, не опасаясь К.

«Люди наиболее интересны именно тогда, когда ведут себя наиболее гадко».

Г. Л. Менкен, 12 января 1943 года.

Мужчина и женщина сидели в этой яме столько, сколько себя помнили; они множество раз это обсуждали, но ни один из них не мог припомнить времени, когда не находился в яме. Быть может, они были здесь всегда. Впрочем, это не имело значения.

Выбраться отсюда они все равно не могли.

Там, где они жили, гладкие стены зеленого стекла давали тусклый бледно-изумрудный свет; слишком слабый и нечеткий, чтобы можно было хоть что-нибудь разглядеть, и в то же время слишком яркий, чтобы спокойно спать. Это единственное доступное им помещение было идеально круглым, скользкие стены уходили куда-то вверх и исчезали в темноте. Если эти стены где-нибудь и кончались, добраться туда мужчина и женщина не могли. Они были пленниками, осужденными жить на дне колодца.

Помещение имело всего один выход — полукруглый туннель, на две головы выше Ноа, из него можно было попасть в лабиринт. Если Клаудия делала два шага по туннелю и смотрела налево, она видела темный проход между скалами, следовавший вдоль внешней стены их жилища. Вправо отходил другой коридор, исчезавший в темноте. Прямо перед ней находились черные, таинственные входы в еще семь туннелей. Своды над головой

были из темно-голубого камня с редкими яркими вкраплениями.

Однажды Клаудия отважилась сделать несколько шагов по четвертому из семи туннелей и убедилась, что он довольно быстро разветвляется в трех направлениях. Очевидно, дальше лежал большой лабиринт. Бесконечная череда туннелей внутри туннелей внутри туннелей... Однако вовсе не уверенность в том, что из этого лабиринта невозможно выбраться, удерживала ее — или Ноа — от того, чтобы рискнуть туда войти. Заблудиться или даже умереть, пытаясь найти выход, было бы гораздо лучше, чем жить рядом с ненавистным соседом. Ни Клаудия, ни Ноа не осмеливались сделать в сторону лабиринта больше двух шагов по куда более серьезной причине. В туннелях жило существо. К жил в туннелях.

Женщина и мужчина боялись К гораздо больше, чем презирали друг друга. Страх перед К был главным фактором их жизни. Они всегда знали этот страх. Ничто другое не занимало их мысли днем или ночью больше, чем страх перед К. К — невидимый мучитель, который свободно бродил по бесконечным туннелям, дожидаясь подходящего момента, чтобы убить их, пожрать, который постоянно присутствовал в мыслях. В страхах.

Клаудия вытащила из отверстия-туннеля лист черного блестящего материала. На листе стояли металлические контейнеры с едой. Она вошла спиной вперед, упираясь босыми ступнями в пол и с трудом справляясь с тяжелым грузом.

— Мог бы и помочь, — бросила Клаудия через плечо.

Ноа оторвался от своего занятия. Посмотрел на женщину, а потом снова принялся наматывать пропитанные маслом тряпки на очередной факел.

— Перестань меня игнорировать, сукин ты сын. Помоги!

Ноа крепко натянул тряпку — так, что материал слегка порвался, — завязал конец, но взгляда больше поднимать не стал. Клаудия подождала несколько долгих мгновений в надежде, что он отложит работу и

поможет ей, но Ноа взялся за другой факел, выбрал новую тряпку и вернулся к прежнему занятию.

Лицо Клаудии напряглось, потом расслабилось, и она негромко произнесла:

— Я попросила тебя помочь только потому, что услышала К в правом туннеле.

Ноа резко повернул голову, моментально вскочил на ноги и схватился за конец листа. Одним резким рывком втащил уставленный контейнерами лист в самый центр убежища. Не говоря ни слова, склонился над оружейным складом и вытащил длинный металлический прут, с конца которого свисало нечто, напоминающее пропеллер с шестью заточенными лопастями. С легкостью, которая приобретается долгими часами тренировок, Ноа вставил прут в замысловатый механизм на треноге, стоящий у стены. В результате шест с пропеллером на конце высунулся из выхода в пещеру.

— Помоги с насосом, — попросил Ноа, вытаскивая генератор из груды оборудования — тяжелый, с ручным приводом. Ноа подсоединил генератор к концу металлического прута и принял отчаянно крутить ручки, пока генератор не ожила. Ноа все быстрее и быстрее крутил ручки, пропеллер начал вращаться, и вскоре перед входом в пещеру возник круг сверкающей стали. С лопастей слетали искры. Всякий, кто попытался бы ступить в этот вращающийся круг, был бы в одно мгновение рассечен на части.

— Я же сказал, черт возьми, помоги мне!

Женщина не обращала на него ни малейшего внимания.

Ноа продолжал яростно вращать ручки; затем нахмурил лоб и замедлил движения. Через некоторое время лопасти пропеллера стали вращаться не так быстро. Наконец Ноа остановился, искры погасли, и пропеллер опустился. Мужчина повернулся к женщине, которая злобно ухмылялась.

— Спасибо за помощь, ублюдок, — с довольным видом сказала Клаудия и еще раз улыбнулась.

Он начал было подниматься, левая рука сжалась в кулак; она заметила его движение, быстро отступила к складу оружия и схватила дубинку, сделанную из

восьмигранного обломка зеленого стекла и усыпанную острыми шипами.

— Я думаю, тебе не хочется попробовать этой штуки, — негромко проговорила женщина.

Ноа отступил за треногу генератора.

— Мог бы и сообразить, — пробормотал он. — Ведь я не слышал песни.

— Ты многое мог бы сообразить: например, как выбраться отсюда. Но ты ни на что не годен!

Клаудия бросила дубинку на груду оружия и вернулась к контейнерам с провизией. Взяв по одному в руку, она сделала два шага в сторону заметно уменьшившейся пирамиды с запасами продовольствия, построенной в задней части комнаты, когда Ноа выскочил из-за генератора и преградил ей дорогу. В следующее мгновение он выбросил вперед левый кулак, который угодил Клаудии прямо в живот. Женщина отступила назад и выронила контейнеры. Затем попыталась отскочить в сторону, но удар получился таким сильным, что ей пришлось согнуться. Ноа преследовал ее, злобно сощурив глаза; Клаудия старалась держаться от него подальше, однако он оттеснял ее к плетеным матрасам с грубыми одеялами, где располагалась их спальня. Боль в животе не давала ей выпрямиться и занять боевую стойку. Неожиданно Ноа бросился на нее, она резко повернулась, пытаясь избежать столкновения; ее ноги запутались в одеялах, и Клаудия упала. Когда же Ноа попытался лягнуть ее, она швырнула в него несколько одеял; выпутываясь, ему пришлось потерять несколько секунд.

С неожиданной ловкостью Клаудия откатилась в сторону и вскочила на ноги. В тот момент когда Ноа наконец отбросил одеяла, она сделала короткий прыжок и ногой нанесла точно рассчитанный удар ему в лицо.

Широко раскинув руки, Ноа отлетел назад, ударился о стену и соскользнул вниз. Он был оглушен, медленно опустился на пол и бессмысленно уставился на Клаудию.

— Вздремни немного, — предложила она. — Я разбужу тебя, когда будет готов обед.

С этими словами женщина отвернулась и направилась к контейнеру с продуктами.

Оно оставило пищу. А потом принялось ждать. Ему хотелось напиться. Однако стены зеленого стекла встали между ними. Его жажду было невозможно утолить. Оно подобралось поближе. И стало пить, но не могло напиться. Оно даже начало постанывать, так сильна была жажда.

— Интересно, откуда берется еда? — сказала Клаудия.

— Тебя это всегда интересовало. Еда просто появляется, и все. Перестань говорить об одном и том же. — Ноа вытащил теплый кусочек какой-то пищи из маленького контейнера и засунул в рот. — На сей раз что-то резиновое.

— Ну о чём же еще мне с тобой разговаривать, если не об этом?.. Как твой рот?

Ноа коснулся рассеченной губы:

— Болит.

Клаудия рассмеялась:

— Однако не видно, чтобы это мешало тебе набивать брюхо.

— Мне нужно быть сильным. К скоро снова появится; я чувствую.

Клаудия встала и принялась кружить по комнате против часовой стрелки. Она всегда так ходила. Он же неизменно двигался по часовой стрелке.

— Ты действуешь мне на нервы, — заявил Ноа, не поднимая головы. — Не можешь посидеть хотя бы до тех пор, пока я не закончу есть?

— Твоя сила, — бросила Клаудия, не останавливаясь. — Это просто потрясающе!.. Что помогло тебе спасти шкуру в прошлый раз? Твоя сила. Ты прав, Ноа, продолжай в том же духе, тогда у тебя будет достаточно сил, чтобы взвыть, умоляя о помощи, а потом как следует поплакать. — Она так и не остановилась. — Сила, — еще раз пробормотала она тихонько.

— Послушай, черт возьми, если тебе здесь не нравится, почему бы тебе не взять и не уйти отсюда? Там целый мир туннелей. Выбери любой и шагай.

Клаудия остановилась прямо перед ним, положив сжатые в кулаки руки на бедра, ее лицо раскраснелось. Ноа продолжал есть.

— Нет, ты уходи отсюда! Ты ведь у нас «сильный»! Возьми факелы, свои дурацкие факелы — ты возишься с ними с тех самых пор, как я себя помню, — возьми свои проклятые штуки и отправляйся в туннели, может, найдешь из них выход! — Ее тряслось от ярости.

И тут они услышали песнь.

Звук доносился откуда-то из темноты. Он то усиливался, то ослабевал — сначала вдалеке, потом ближе, усиливался и ослабевал в определенном ритме, всякий раз становясь все громче, отчего по коже пленников побежали мураски, а волосы встали дыбом. Они не могли пошевелиться; мощь, сдерживающие узы, невидимая паутина звука заставляли их оставаться на месте. У звуков не было названия. Ноа и Клаудия постоянно находились в этом убежище, им не с чем было их связать. Они были прикованы к зеленым стенам одной только угрозой, звучавшей в песни, песни... песни, которой они никак не могли дать имя — разве что пронзительный вопль рассекающих воздух рептилий.

К приближался.

Резко, словно высвобождаясь из зыбучих песков, мужчина и женщина заметались по своему убежищу, а песнь, стремительно приближаясь, становилась все громче.

Оно питалось их взаимной ненавистью и страхом. Темный водоем густой кипящей жидкости. Бездонный, никогда не пересыхающий. Оно припадало к нему, пыталось утолить жажду, но никак не могло насытиться.

Лабиринт не всегда был его пристанищем. Оно пришло издалека, из иного лабиринта; оно не понимало, как ему удалось попасть сюда. Существовало множество вещей, недоступных его пониманию; до

него доходили лишь смутные оттенки смысла, но постоянно мучила всепоглощающая жажда. Как оно попало из одного места в другое, существо не понимало, однако знало, что никогда не сможет вернуться, поэтому существо было печальным, ощущало себя одиноким и потерянным... И начало голодать. Потом, совершенно случайно, существо натолкнулось на них, и тогда, спрятавшись в тень, принялось наблюдать, утоляя жажду. Оно поработило их, потом построило для них дом, и с тех пор они существовали вместе, в странном симбиозе. Существо не желало им вреда, но как раз об этом они никогда не должны были узнать. Потому что, если бы это произошло, они перестали бы кормить его, и существо погибло бы. Плача от нестерпимой жажды, оно периодически приходило к ним, и тогда их ужас и взаимное отвращение приносили сытость. Временами существо насыпало на них сновидения; постепенно они начали называть его К — такова была их интерпретация его сути. А потом существо и само начало называть себя К. Но время шло, и его нужда в них росла; ему требовалось ощущать то, что чувствовали они; и оно шло к ним, томимое страшной жаждой.

— Там, во втором туннеле. Свет.

— Ради Бога, Ноа, твои ножи его не остановят, нужно разложить липучки.

Ноа вращал рукоятки все быстрее и быстрее, на конце стального прута вертелись ножи, в разные стороны летели искры, круг сверкающей стали закрывал вход в убежище. Ноа даже решил, что ножи сделаны не из жести; ему казалось, он вспомнил: жесть не проводит электричество, однако уверен не был.

— Он переступит через липучки, — сказал, тяжело дыша, Ноа. — А сквозь это не пройдет.

— А что, если у него нет плоти? Если он из газа, или света, или воздуха?

— Невозможно. В противном случае нам бы уже давно пришел конец. Помоги! У меня устали руки.

Он в последний раз отчаянно налег на рукоятки, а потом отскочил в сторону. Клаудия быстро заняла его место, и устройство продолжало вращаться с прежней скоростью.

Ноа подошел к огромной горе палок, обмотанных тряпками, и зажег одну при помощи пламени, постоянно горевшего в старом контейнере. Тряпки были пропитаны какой-то горючей жидкостью — через равные промежутки времени они находили новые контейнеры с этой жидкостью, которые кто-то оставлял вместе с другими припасами возле их жилища. Факел запыпал желто-голубым пламенем, и Ноа встал сразу возле входа, за сверкающим кругом вращающихся лезвий. К был где-то поблизости.

В глубине туннеля мерцал свет, постепенно приближаясь к ним, наподобие огненного шара.

— Вот он! — крикнул Ноа.

Теперь песнь заглушала все, чудовищным громом звучала в ушах. В ней смешивались боль, голод и что-то еще: невыразимая мелодия безымянного языка, словно нечто невиданное, пыталось научиться говорить при помощи голосовых связок, вовсе не предназначенных для того, чтобы произносить слова.

К бросился к ним.

Они взвыли, потому что не могли удержаться. Что-то огромное, пылающее и бесформенное мчалось к ним из туннеля, обжигая глаза, так что мужчине и женщине пришлось зажмуриться. Им не удалось увидеть К — они никогда его не видели. Ножи вращались, Клаудия крутила рукоятки все быстрее и быстрее — страх удвоил ее силы, в горле, не давая дышать, стоял соленый ком. В этот миг не было ничего, кроме страха, беспредельного ужаса... вот сейчас, сейчас отвратительное существо из второго туннеля набросится на них!

К врезался во вращающиеся ножи, и в одно бесконечное мгновение, когда вертеть рукоятки стало труднее, словно что-то и в самом деле попало между лопастями клинков, раздался вопль безысходной ярости и боли, Ноа метнул пылающий факел через ножи, в самый центр пульсирующего светового пятна, окру-

жавшего К. Свет вспыхнул, точно занялось сухое дерево, воющий стон стал стихать, мерцающее сияние; окружавшее существо, быстро исчезло во втором туннеле.

К ушел.

Наверное, в миллионный раз с тех пор, как они оказались в своем зеленом убежище, им удалось спастись.

Ноги больше не держали Клаудию, и она опустилась на зеленое стекло пола. На спину — темные волосы, длинные и густые, образовали подушку у нее под головой. Страх удалялся; сухие рыдания женщины вскоре перешли в тихий плач. В бессильном молчании она из стороны в сторону мотала головой: этому нет конца; ужас продолжается и продолжается, без всякой надежды на облегчение.

Она тихо плакала от отчаяния и пережитого страха. Ноа сидел, прислонившись спиной к стене, и тупо смотрел в пустоту. Его руки мелко дрожали. Он снова и снова облизывал губы. Во рту так пересохло, что трудно было даже слглотнуть. Ему вдруг показалось, будто убежище становится меньше. Когда последние отголоски песни стихли во мраке, Ноа захотелось бежать. Но отсюда некуда бежать. Он здесь пленник... всегда здесь. И останется пленником. Ему не дано познать мир, освобождение, надежду.

Он слышал, что Клаудия плачет. И на четвереньках подполз к ней. Она почувствовала прикосновение его тела и слепо потянулась навстречу. Они обнялись и продолжали лежать на теплом полу зеленого стекла, пытаясь найти друг в друге защиту от окружающего мрака.

Некоторое время спустя, как обычно, они занялись любовью, и это помогло им успокоиться.

Смутно, еще не до конца все осмыслив, существо поняло, что сделало ошибку, когда подарило им ножи и штуку, которую они называли генератор. Оно лишилось больших кусков своего тела, которые, истекая темной жидкостью, остались лежать у входа в убежище. Существо просто реагировало на мысли,

желания, и, хотя не понимало, зачем мужчине и женщине нужен этот механизм, оно тем не менее принесло им его. Они были связаны друг с другом. Нерасторжимо. Вечно. Ему следовало давать им все, в чем они нуждались, все, кроме свободы. Поэтому что их свобода принесла бы существу смерть, а ненависть и страх дарили ему жизнь. Теперь оно лежало, пульсируя, в темном туннеле, окружавший его ореол света заметно потускнел. Ему было невыносимо больно. Оно даже не могло скучить от голода, издавая вопль рассекающих воздух рептилий. Просто лежало скорчившись и думало о том далеком, навеки утраченном месте с иными цветами и ласкающим тело теплом. И оно по-прежнему хотело есть. Очень. Гораздо больше, чем когда-либо раньше.

— Я намерен найти отсюда выход, — заявил Ноа. — Потому что больше не могу это терпеть.

— Ты говоришь так всякий раз, когда приходит К. Потом бесконечно долго возишься со своими факелами, делаешь один шаг из нашего убежища, темнота наводит на тебя ужас, и ты возвращаешься назад. С дурацкими оправданиями — мол, время сейчас не подходящее.

— На этот раз я действительно уйду.

— Ты умрешь.

— А тебе-то, черт возьми, какое дело?

— Меня это беспокоит только потому, что мне будет трудно отбиваться от него, если ты погибнешь — никакой другой причины нет. Я презираю тебя, твою слабость, злобу, бесчувственность и глупость... Но без тебя мне не выжить.

Он бросил на нее тот обиженный взгляд, который она ненавидела всеми силами души — уж лучше бы он скалил зубы от ярости.

— Я должен найти выход, — очень тихо проговорил Ноа.

Они долго молчали. Если бы они могли видеть луну, или солнце, или звезды, или сумерки, или зарю, или свет, или отсутствие света, можно было бы предпо-

ложить, что прошли дни. Им нечего было сказать друг другу. Им всегда было нечего сказать друг другу. Они знали все, что дано знать о другом человеке, и не было ничего в каждом из них, что не вызывало бы у другого отвращения.

Они нашли большие куски плоти К на полу и стенах возле убежища. Увидели светящийся след, словно его оставил слизняк, уползший в темноту второго туннеля. И тогда они поняли, что ранили К. Впервые с тех самых пор как они начали защищаться, им удалось причинить боль ему.

А потом, много времени спустя, они снова услышали песнь.

Гораздо раньше, чем ожидали. Время между нападениями стало короче. Кроме того, уже довольно долго перед входом в убежище перестали появляться продукты; они поняли, что ситуация начала меняться.

Вопль рассекающих воздух рептилий.

Ноа и Клаудия привели в действие оборонительные приспособления, но свет теперь приближался гораздо медленнее, тусклый и неверный; они впервые смогли смотреть на него, не отводя глаз. А песнь перестала наводить ужас.

Прошло очень много времени, прежде чем К сумел добраться до их убежища.

Он подошел почти к самому входу. Теперь они разглядели его неясные очертания, окруженные нимбом света, когда он улегся на грубый каменный пол второго туннеля. Они больше его не боялись. И долго, молча, не говоря ни слова, не нападая, бывшие враги смотрели друг на друга.

К умер. Прямо там, во втором туннеле. Немного погодя свет вспыхнул в последний раз и потух, осталась лишь темная серая масса, лишенная какой бы то ни было формы и не представляющая ни малейшей угрозы.

Мужчина и женщина стояли и смотрели на него. И молчали; они знали все, что можно было узнать; все, что они когда-либо могли узнать о К. Потом они вернулись в свое убежище и отдыхали, не произнося ни единого слова. Много позже подогрели еду и поели.

Прошло очень много времени, прежде чем они наконец поняли, что свободны.

И еще больше, прежде чем сумели что-нибудь предпринять.

Они пошли по светящемуся следу, оставленному К. Словно по тропе из хлебных крошек, ведущей через лес, нить волшебного клубка разматывалась перед ними.

Они поднимались вверх, пока не вышли на свет. Настоящий свет. На небе сияло солнце. Ярко-красное. А потом Ноа и Клаудиа увидели еще одно солнце, меньшее размером, ярко-желтое, в первый момент оно было скрыто своим огромным красным братом. Мужчина и женщина вышли на плоскую равнину. Далеко слева раскинулся океан, вечно несущий свои зеленые волны на золотой пляж; справа, до самого горизонта тянулся величественный лес.

Они ничего не сказали друг другу. Все, о чем они мечтали, стало им доступно — будущее. Будущее, в котором они будут свободны друг от друга.

Ноа, не оглядываясь, двинулся в сторону океана. Клаудиа стояла, некоторое время смотрела ему вслед, а потом повернулась и зашагала в сторону леса.

Равнина была плоской, как лист стекла.

Они остановились. Не одновременно, но один вскоре после другого. Они остановились: Ноа смотрел на океан, Клаудиа — на огромные деревья. Затем, стараясь не глядеть друг на друга, каждый изменил направление своего движения.

Они встретились на открытом пространстве между океаном и лесом, там, где кончалась плоская часть равнины, и, не приближаясь друг к другу, зашагали к далекому горизонту.

И куда бы они ни шли, под красным солнцем, под желтым солнцем, им так никогда и не понять значения слова «карма».

И не услышать никогда — хотя он здесь, он здесь! — вопль рассекающих воздух рептилий.

НОКС

В Германии сперва расправились с коммунистами, и я промолчал, потому что не был коммунистом. Потом расправились с евреями, и я промолчал, потому что не был евреем. Затем расправились с профсоюзами, и я промолчал, потому что не был членом профсоюза. Потом расправились с католиками, и я промолчал, потому что был протестантом. Потом пришли за мной... К тому времени уже не осталось никого, кто бы мог поднять голос.

Пастор Мартин Нимюллер

Они выкуривали черномазых из подземных бункеров, вдоль периметра, и Чарли Нокс убил одного, потому что ему почудилось, что скотина полез за пистолетом. Оказалось, что это не так, но в тот момент Нокс этого не знал.

С утра он получил выговор от капитана в клубе боевой подготовки за то, что торопился при стрельбе.

— Задача не в том, чтобы выпалить как можно быстрее, Нокс. Смысл в том, чтобы поднять оружие на нужную высоту и направить его в нужную сторону. А так ты отстрелишь собственную ногу!.. Придется повторить. Дополнительный час огневой подготовки в субботу.

Перед этим Нокс пообедал с женой. Готовил он сам, за едой говорили о том, как трудно стало после введения новых чрезвычайных мер достать свежих овощей, особенно моркови.

Клох

© М. Гутов, перевод, 1997

— Но это необходимо, — сказала Бренда, — по крайней мере до тех пор, пока президент не возьмет все снова под контроль.

Нокс пробормотал что-то о радикалах, а Бренда заметила, что это святая правда.

Утром, перед началом работы Нокс обнаружил у себя на столе запечатанные инструкции Партии патриотов. Распечатав красный, белый и синий пакеты, он выяснил, что сегодня участвует в операции.

Теперь они лезли из-под земли, как колорадские жуки, черные и разжиревшие от крахмала, а за ними клубились облака инфильтрационного газа. Команда Нокса дождалась, когда из люков показались первые двое. Фильтраторы оглушили их отработанными ударами, и те обмякли. Пришлось выволакивать их из люков, чтобы они не блокировали путь остальным.

Фильтраторы не рассчитывали более чем на пару дыр. И когда совершенно неожиданно люди полезли на поверхность со всех сторон, они отбросили дубинки и применили более эффективное оружие. Нокс видел, как Эрни Бушер рванул с пояса свой распылитель и размолотил в куски двух черномазых. Мясо полетело как из шланга.

Именно в тот момент справа на дереве ухнула филин, и Нокс невольно повернулся.

— Сзади, Чарли! — крикнул Тед Бэкуиз.

Прямо перед ним из развороченной кучи земли, как червь, выбирался черномазый. В свете луны его было почти не видно. Нокс рубанул дубинкой и промахнулся.

— Стоять! — заорал он, когда негр поднялся на ноги и попытался бежать. — Я кому говорю стоять, черная харя!

Черномазый обернулся и, как показалось Ноксу, полез в карман куртки за пистолетом. Нокс отреагировал раза в два быстрее, чем на учебных стрельбах. Снежок не успел вытащить руку из кармана, а голова его уже развалилась, будто переспелый плод. Увидев, как блеснуло в темноте ее содержимое, Нокс содрогнулся. В следующую секунду мозги разлетелись по всей поляне.

— О Боже, — прошептал Нокс.

Со всех сторон доносились пальбы. Яркие золотистые вспышки распылителей и автоматов молниями перечеркивали сцену очистки. Затем неожиданно раздался резкий свисток капитана: три коротких, один длинный, и стрельба затихла.

— Вот что я скажу, парни. Довольно! Этого никто не позволял! Прекратить сию же минуту. Взятых увести!

Нокс сообразил, что он уже долго стоит на одном месте. Тед Бэкуиз хлопнул его по плечу:

— Все в порядке, Чарли?

Спустя несколько секунд он повернулся, посмотрел на красивое лицо Теда Бэкуиза и услышал тот же далекий голос:

— Мой Бог, он раскололся на части...

Чарли Нокс. Человек.

Который.

Рост метр девяносто, вес сто сто девяносто один фунт, волосы волнистые, стрижка короткая, брюнет, носит темные густые усы, держит себя в форме, но не перерабатывает, качается пятидесятифунтовыми гантелями два раза в день по десять минут, пьет молоко, когда может достать, когда не может — пьет только воду, переболел корью, свинкой, краснухой и дважды ломал левое предплечье. В целом здоров.

Ему тридцать лет, он не любит кольца и прочих украшений, женат на Бренде девять лет, имеет двух детей (Ребекка, восемь лет, и Бен — семь), никогда не носит шляпу, любит холодную погоду, на прогулке шуршит опавшими листьями, отлично поет, любит на свистывать, не прочел ни одной книги, в партию вступил в последний, допустимый по возрасту момент, на правом бедре родимое пятно в форме ромба. Никогда не умел плавать.

Очень многоего из прошлого Нокс не помнит. Если. Когда-либо и знал.

— Чарли?

— Да?

— Ты меня любишь так же сильно, как в день нашей свадьбы?

— Конечно.

— Так же или больше?

— Так же.

— Ни капельки ни больше и ни меньше?

— Не-а. Точно так же.

— Разве так бывает?

— Я не люблю менять хорошее.

— О, ты...

Несколько минут молчания.

Потом:

— Тебе снятся страшные сны.

— С чего ты взяла?

— Ты разговариваешь во сне.

— Что я говорю?

— Не могу разобрать. И ты хнычешь.

— Я не хнычу.

— Но по-другому эти звуки не назовешь, Чарли.

Молчание.

— Бренда, ты когда-нибудь задумывалась, откуда приходит материал?

— Какой?

— Ну, материал. Который мы обрабатываем на конвейере.

— Не знаю, Чарли, это твоя работа.

Молчание.

— Ты сегодня идешь на дежурство?

— Не надолго.

— Что ты читаешь?

— Прозвища. Стараюсь запомнить.

Молчание — Нокс старается запомнить. Он зубрил всю неделю. Ниггер, черномазый, черножопый, чурка, чернозадый, вакса, грязь, тупорылый, ублюдок, чумазый, вонючка, грязеед, свинья, краснокожий, черномордый, жаба, угрошице, помойник, боб, чурбан, обезьяна, чмо, черная тварь, паскуда, снежок, уродина, толстогубый, христоубийца.

— Что ты все время учишь?

— Так, кое-что.

Молчание.

— Мне кажется, ты меня не любишь.

— Люблю.

— Тогда почему ты не обращаешь на меня внимания?

— Я хочу продвинуться в Партии.

Молчание.

— Я люблю тебя. Очень. А ты иногда меня не замечаешь.

— Я хочу продвинуться в Партии.

Молчание.

— А что я говорю?

— Когда?

— Во сне.

— Не знаю. Я просыпаюсь, гляжу тебя, и ты успокаиваешься.

— Говорил ли я что-нибудь конкретное?

— Про то, как убил человека.

— Такого не может быть.

— Я не стала бы тебя обманывать, Чарли. Ты о нем говорил.

— Нет.

Молчание.

— Интересно, откуда это берется?

Молчание.

— Тебе плохо, Чарли?

— Нет, все в порядке.

— Тогда почему ты уходишь по вечерам?

— Я должен. Я хочу продвинуться в Партии.

Молчание.

— Но я люблю тебя, Бренда. Клянусь Господом.

— Мне иногда кажется, что ты за чем-то гонишься.

— Ладно, пора идти.

Спустя две недели, когда Нокс вставлял на сборочном конвейере прямоугольные зеленые заглушки в соответствующие отверстия на желтом шасси, его поздравил Старший линии.

— Слышал, пару недель назад ты прикончил своего первого, Нокс? — Он махнул соседнему рабочему, чтобы тот подменил Нокса на время беседы. — Говорят, ты вел себя молодцом. Так держать, Нокс!

Нокс застенчиво улыбнулся. Он так и не научился принимать комплименты.

— Спасибо, мистер Хэйл.

Приглушенно звучала музыка. Передавали «Марш «Вашингтон Пост»» Сузы в исполнении струнной группы Овального кабинета. Мелодия мягко струилась над конвейерными линиями, и Нокс успевал продумать ответ.

— Пойдем, надо поговорить.

Нокс отстегнул ремни и выбрался из фиксатора. Он проследовал за Старшим линии в дальний угол, где штабелями хранились готовые к разборке и последующему запуску на конвейер только что собранные блоки.

— Ты знаешь парня, который работает от тебя вторым снизу? — спросил Хэйл. Он пристально смотрел на Нокса. Слишком пристально. Нокс понял, что важно ответить без ошибки.

— Квинта?

— Куинтану.

Хэйл перебил его так быстро, что Нокс не успел ответить: да, мол, знаю, пару раз перекинулись нескользкими фразами, вроде нормальный парень. Хэйл явно ждал продолжения.

— Он что, поменял имя?

Старший многозначительно кивнул.

— О! — Нокс огляделся, словно желая сориентироваться.

— Ты слышал, чтобы он, э-э-э... говорил что-нибудь?.. — Хэйл не закончил фразу, но интонация стрелочкой показывала в нужную сторону.

— Что-нибудь... о чем?

— Ну, что-нибудь... необычное. Вредное. Понимаешь, о чем я говорю?

Неожиданно до Нокса действительно дошло, о чем идет речь.

— Я с ним много не разговариваю. Я человек молчаливый.

— Но ты же с ним говорил, так? Ты же слышал его высказывания?

Нокс лихорадочно соображал.

— Не помню, разве...

— Что?

— Ну, как-то раз он говорил про скорость конвейера...

— Когда это было?

— О черт, мистер Хэйл, я не пом...

— Могло это быть месяц назад, когда у нас скопилась продукция и на час застопорилась линия?

— Не помню точно, может быть.

— Припомни, Нокс. Мы не хотим, чтобы ты показал на человека наугад. — Старший буравил Нокса взглядом.

Показал. Слово молотом отдавалось в голове Нокса. Но если Хэйл спрашивает, а Хэйл был командиром взвода в партии, значит, это важно. Нокс быстро сообщал. Квинт. Правильнее: Куинтана. Человеку незачем менять имя, если ему нечего скрывать. А имя иностранное. Может быть, латинос. Да, действительно, Квинт... говорил, что линия движется слишком быстро и во всем этом нет смысла — собирать блоки только для того, чтобы их разобрали, и тут же собирать снова... да, это было как раз на той неделе, когда случился затор. Теперь Нокс не сомневался. И чем больше он об этом думал, тем яснее становилось, что Куинтана не тот человек, за которого себя выдавал. Крошечные глазки... А как он считает ручонками, когда собирает блоки...

— Я уверен.

— Нокс, — сказал Хэйл с напряженной улыбкой, — теперь ты не просто активист Партии, сегодня ты выявил врага. После работы зайди во взводную канцелярию.

С этими словами Старший удалился.

Нокс вернулся к конвейеру, сел в фиксатор, пристегнулся и подхватил ритм. Но с этой минуты он принялся вполглаза следить за Куинтаной.

И когда лента конвейера дернулась и застопорилась, он немедленно посмотрел на Куинтану: тот пытался забить ладонью заглушку в неправильное отверстие. Так и есть. Куинтана — саботажник.

Кто-то крикнул:

— Хватай его!

В одну секунду Нокс отстегнул ремни и выскочил из фиксатора. После разговора с Хэйлом он был наготове. Другие тоже выбирались, толпились возле транспортера и оглядывались по сторонам, пытаясь сообразить, кого надо хватать. Но Нокс знал!

Рядом с его местом стояла грузовая тележка. Оставлять тележки было запрещено, но кто-то нарушил правила, и Нокс вывернул из тележки стальной прут. Всего три прыжка, три длинных прыжка, и вот он стоит над Куинтаной, отчаянно пытавшимся разобрать завал.

Нокс ударил от бедра. Прут угодил Куинтане по плечам, и тот повалился головой на ленту, отчаянно выгнулся и выставил руки, стараясь защитить голову. Нокс размахнулся и ударил из-за спины.

На этот раз прут угодил по горлу, голова дернулась, и Нокс услышал, как хрустнули позвонки. Тут подоспели и остальные.

Они выдернули Куинтану из фиксатора и принялись его избивать. Задние напирали, стараясь хоть разок приложитьсь, но главным все равно был Нокс, Нокс со стальным прутом. Он стоял над саботажником, расставив ноги, прогнувшись, с напряженными, как барабан, мышцами живота, прут захвачен по всем правилам науки — двумя руками, большой палец правой руки зафиксирован в левой ладони. Он был изо всех сил, размахивался и бил снова, по черепу; звук был такой, словно в пластмассовый лоток швыряли дохлую рыбу.

Потом Нокс отшвырнул прут в угол, переступил через мертвого чурку, огляделся и произнес:

— Больше не будет нам вредить. За работу!

Пристегиваясь, он еще раз огляделся. Мистер Хэйл смотрел на него и улыбался. Гордый, он улыбнулся в ответ.

Мистер Хэйл подмигнул и показал ему пальцами знак победы.

Чарли Нокс. Это человек. Который.

Лежит и видит сны.

Ему снится, что люди в черном пришли за ним.

Нет, подождите.

Это не люди. Нет, люди.

Нет.

Чарли Нокс не может сказать, люди ли они.

Он думает во сне, что это люди, но походка у них не такая, как у людей. У них чужие повадки, так передвигается ящерица: засеменит, потом остановится, потом снова метнется. Чужие. Так бежит курица: впринழку. Чужие. И конечности у них закреплены неправильно. Но это люди. Нет, это должны быть люди.

Нет. Определенно.

— Чарли!

Молчание.

— Чарли, проснись, ты кричишь! Чарли!

— Я не кричу, все в порядке, что, что это, а?..

— Ты кричал во сне.

— Это от кофе.

— Кто такой Куинтана, Чарли?

— Никто. Так, парень. Никто.

— Чарли, с тобой происходит что-то страшное.

— Закрой рот, Бренда. Ты не даешь мне спать.

Молчание.

— О Боже.

— Иди сюда, Чарли. Вот так.

— Обними меня.

— Не плачь.

Молчание.

Они стояли у входа в лавку черномазого и ждали, пока посетительница не пересмотрит все жаровни и не уйдет. Только после этого Нокс и Эрни Бушер вошли внутрь.

— Мистер Кэп, — сказал Эрни, — я пришел за моим диваном и набором летних кресел. Мы с другом уже подогнали грузовик.

Кэпу шел шестой десяток. Когда он удивлялся, лицу его мог позавидовать любой картограф.

— Набор, вы сказали? Простите, как ваша фамилия?

— Бушер, — сказал Эрни, после чего повторил по буквам. — Вы говорили, что сегодня он будет готов.

— Сегодня? Сегодня же суббота, мы никогда не отпускаем по субботам. Вы не ошиблись?

— Послушай, Кэп, — голос Эрни изменился. — Бросай свои жидовские штучки. Когда я отдавал деньги, ты сказал, что товар будет сегодня. Быстро гони мебель!

Глаза Эрни сузились, он сжал кулак, потом разжал, потом сжал снова. На Эрни полагаться нельзя. Слишком торопится.

Чернозадый занервничал.

— Позвольте, я проверю по книге заказов. Это займет не больше минуты. Когда, говорите, вы оплатили заказ?

— Хватит прикидываться, боб, выставляй мебель, пока я не выбил тебе мозги!

Кэп забормотал что-то о недопустимости таких слов, но Эрни уже не нуждался в дальнейших провокациях. Да и для партийного расследования было достаточно. Микрофон лежал в нагрудном кармане. Кэп хотел укоризненно покачать пальцем, но Эрни перехватил его руку и сломал ее. Для Нокса все происходило слишком быстро, но раз уж началось, так началось.

— Только попробуй выстрелить в моего друга, ты, чурка недоделанная, — произнес он отчетливо, чтобы микрофон принял. — А как тебе это?

Он сорвал с пояса цепь и с треском хлестнул Кэпа по плечам. Заточенные звеня разорвали одежду и кожу. Кэп завопил, и Эрни отошел в сторону, предоставив Ноксу закончить дело.

Нокс неожиданно ощутил огромную радость от возложенной на него миссии, цепь показалась ему слишком обезличенной и неуместной. Он набросился на чурку с кулаками.

Эрни Бушер швырнул стулом в витрину. Нокс левой рукой ухватил Кэпа за горло и придавил к стене. Тот уже не доставал ногами до пола. Методично и неторопливо, как боксерскую грушу в спортзале, Нокс обрабатывал лицо Кэпа. Правая скула, нос, левая скула, нос, челюсть, нос... и пошли переломы... левая скула, правая скула, нос, нос, нос. Когда стул со звоном разбил витрину, люди на улице кинулись бежать.

Они облили керосином столики и кушетки, оттоманки и кресла-качалки. Побросав все стулья в кучу посреди магазина, позвали Ватсона с бомбой.

— Давай, Нокс! — торопил Эрни.

Нокс нанес два последних удара по изувеченному лицу Кэпа, после чего взвалил чурку через плечо, отнес к куче сломанной мебели и швырнул его на край сломанного стола. Позвоночник Кэпа треснул, как высохший диван.

На улице Ватсон вручил Ноксу бомбу (это было дело Нокса), и Нокс, выдернув запал, закинул бомбу в разбитое окно. Они стояли на противоположной стороне улицы и, когда ударила тепловая волна, закрыли лица, чтобы не выжгло глаза. Жар накатил как сирокко, вслед за ним шла ударная волна, из разбитого окна вылетели обломки мебели и куски человеческого мяса. Наконец из окна вырвались языки пламени, и здание взлетело на воздух.

— Проклятье, — ругнулся Нокс — кусок стекла поранил ему руку. — Проклятье!

Чарли Нокс — это человек, который.

Отказывается задавать необходимые вопросы. Даже если есть такая возможность. Но ее никогда нет. Он даже не знает. Что они существуют.

Эти вопросы. И прочее.

Для Чарли Нокса очень важна тренировка. Тренировка очень важна для Нокса. Поддерживать форму. Оставаться крепким. Потому что.

Это означает.

Выжить.

А чтобы выжить, иногда приходится быть немного жестоким. Слабость убивает.

И тогда приходят люди в черном, и...

Нет.

Такого не бывает. Это сны. Это обман. Это вина. Это фантазии. Такое никогда не случится. Чтобы небо разверзлось и вошли люди в черном.

Нет.

Даже не думать. Нет.

- Почему ты на меня так смотришь?
- Как?
- Ты знаешь как!
- Не выдумывай.
- Последнее время ты всегда на меня так смотришь!
- Я вообще стараюсь на тебя не смотреть. Заткнись!
- Ты никогда раньше так не разговаривал.
- Я всегда говорю одинаково.
- Нет. Ты меняешься. Ты другой. Ты изменился и продолжаешь меняться.
- Заткнись.
- Ты стал как животное, Чарли. Я тебя боюсь.
- Может, тебе этого и надо. Бояться. Может, хоть это приведет тебя в форму.
- Что ты несешь?
- Не ори на меня. Я ведь могу и врезать.
- Чарли, дорогой, что с тобой? Ты пугаешь меня, Чарли.
- Перестань плакать... извини... Извини, ради Бога, слышишь? Просто... я не знаю. В подразделении намечается очередная чистка.
- Но я-то тут при чем?
- Молчание.
- Чарли?
- Ничего. Перестань плакать.
- Ты меня любишь?

Тед Бэкуиз был лучшим другом Нокса. Они одновременно пришли в партию, их жены регулярно обменивались женскими секретами, а дети вместе ходили в походы по периметру. Бэкуиз ненавидел бессмысленную работу на конвейере, отупляющие спортивные репортажи по головидению, доморощенный патриотизм с нашивками на рукавах и провинциальные страсти. Тед Бэкуиз был членом подпольной группировки. Бэкуиз старался не показывать, как он презирает все то, чем стал Нокс. Однажды он решил, что Нокс мог бы стать

его соратником. Ему захотелось пригласить его на прогулку по периметру и кое-что показать.

Он даже представлял, как скажет ему в тот день:

— В жизни должно быть что-то большее, чем митинги, тренировки и молебны о здоровье Президента. Обязательно. Мир не ограничивается тем, что мы здесь видим, Чарли.

Вот что он скажет Ноксу, когда придет день. Только вот Нокс начал меняться — еще до того, как прикончил несчастного черного бедолагу. Задолго до того. Но после рейда процесс стал очевиден. А потом этот случай с Квинтом. Бедолага, как выяснилось, был совсем одинок. И в силу природной нерасторопности не мог угнаться за конвойером. Нокс никак с этим не соглашался. И продолжал меняться.

Теперь Тед Бэкуиз знал, что Нокс стал одним из этих героев с нашивкой на рукаве. Теперь он уже ничего ему не скажет. Теду Бэкуизу оставалось лишь продолжать считаться лучшим другом Нокса и при этом глубоко его презирать.

Тед Бэкуиз был уверен, что Нокс ничего не знает о его подпольной деятельности.

Бэкуиз ошибался.

Тед Бэкуиз пришел домой. Нокс наблюдал за ним из укрытия. Подойдя к крыльцу своего маленького дома, Бэкуиз увидел нечто настолько ужасное, что не поверил своим глазам. У него была собака, прелестнейшее создание, золотая охотничья. На крыльце своего дома Тед замер, потому что не мог поверить своим глазам. Слезы душили его, он опустился на ступеньку и заплакал. Кто-то поднял за горло его прекрасную собаку и прибил длинным гвоздем к деревянной стене дома. Гвоздь был вбит в горло и загнут в сторону головы. Он ярко блестел в свете фонаря на крыльце, и Нокс хорошо его видел с другой стороны улицы. Все четыре лапы были тоже прибиты к стене. Перед смертью собаку стошило, стена была перемазана.

Бэкуиз не мог заставить себя еще раз взглянуть на страшную картину.

Потом он медленно приподнялся и вошел в дом. Внутри было темно. Нокс видел, как зажегся свет, и

через широкое окно наблюдал, как Бэкуиз уставился на стену гостиной, представлявшую собой зрелище куда более страшное, нежели крыльцо.

Взору Бэкуиза предстал ряд прибитых к стене вешей: лучшее платье жены, костюмчик дочери, футболька и джинсы сына. На уровне глаз, так же как и собака. Смысл предостережения был ясен. Нокс и старался сделать его ясным. Бэкуиз понял.

Семья Бэкуизов как раз обедала в доме Нокса. Тед должен был присоединиться к ним, как только переоденется после работы. Он знал, чьих рук это дело.

Нокс.

Партия его просто убила бы. Но Нокс, очевидно, сказал:

— Отдайте его мне. Тед Бэкуиз — мой лучший друг, и я сам его деактивирую.

Своими гвоздями Нокс говорил:

— Прекрати делать то, что ты делаешь. Остановись немедленно. Прямо сейчас. Или я выполню свой долг перед Партией. Я даю тебе шанс одуматься, потому что я — твой лучший друг. А теперь умывайся и приходи ко мне на обед. И выключи свет на крыльце.

Нокс принимал участие в рейде в средней школе — командир взвода с тремя нашивками. Он затащил шестнадцатилетнюю девочку, руководителя восстания, на колокольню школы, там трижды ее изнасиловал и сбросил вниз.

Нокс получил в Партии звание лейтенанта и собрал доказательства ревизионизма Хэйла, после чего последнего сместили с должности командира взвода. Нокс же выступил с речью на разоблачительном собрании.

Он возглавил штурмовой отряд Западного сектора. Ему приходилось носить защитный костюм, бегать в клубах газа, без меры пользоваться распылителем. Он испытывал радость от методичного прочесывания сектора за сектором, улицы за улицей, дома за домом, комнаты за комнатой, уничтожая все, что движется, стонет, просит о пощаде или просто шевелится. Вскоре ему присвоили капитанское звание.

Свободное время Нокс проводил во взводной канцелярии, где непрерывно шли допросы недовольных. Он начал коллекционировать пальцы. Они сохраняли вид значительно дольше, чем уши или члены.

Три года Нокс строил свою карьеру, но времени он не замечал — так быстро оно летело.

Чарли Нокс. Это. Человек, который.
Получил подготовку.

— Только не меня, Чарли... пожалуйста, Чарли, что ты делаешь, это же я!

— Не пяться.

В спальне. Она схватила розового осленка с помпончиком на ноге. Он шел за ней. С ножом. Она замахнулась на него домашней тапочкой.

— Это ошибка, Чарли!

— Ошибок не бывает.

— Там в списке стояло не мое имя, дорогой, умоляю тебя!

— Они никогда не ошибаются.

Тапочкой не защитишься.

— Чарли, это не я, я люблю тебя, родной...

Он. Останавливается.

Он. Видит. Краем глаза. Движение.

— Это не я, Чарли!

Он сломлен.

Люди в черном. Они здесь.

Они всегда были здесь. Только раньше он их не замечал.

Они стоят и смотрят, как он загоняет свою жену ножом в угол.

— О мой Бог, Бренда, ты их видишь?

— Чарли, умоляю!

— Все в порядке. Я ничего тебе не сделаю. Ты видишь их?

— Кого, Чарли?

Они молчат. Нокс смотрит на них открыто, не скрываясь. Он понимает, что они часто, очень часто наблюдали за ним. На рейдах, на фабрике, в мебельном

магазине, как он забивал гвозди, на колокольне, как он продвигался в Партии. Они всегда были рядом.

— Я начинаю припоминать... многое становится ясным...

— Чарли, о чём ты говоришь, не бей меня, Чарли!

— Бренда, послушай, вон там, они стоят вон там, неужели ты их не видишь?

— Я ничего не вижу. С тобой все в порядке, Чарли? Тебе надо прилечь. Слышишь, Чарли? Дети придут только через пару часов.

— Я не знаю, откуда они явились, возможно, из другого мира, это неважно. Они нас тренируют, чтобы мы работали на них, делая то, что им нужно. Но мы оказались слишком мягкими. Они вынуждены доделывать работу за нас.

Она опустила тапочку. Он забормотал. Что-то невнятное. Люди в черном стояли и смотрели на него, лица их были печальны, словно они так долго мастерили что-то сложное, запутанное и замысловатое, а теперь оно вдруг сломалось. Судя по лицам, ремонтировать они не собирались.

— Они дают нам работу на конвейере, слова, задания и здоровье Президента. Когда они явились? Сколько прошло времени? Что они хотят от...

Он остановился.

От него.

Он понял.

Чарли Нокс — это Человек, который.

Был человеком.

Получил подготовку.

Чтобы отправиться туда, где без их подготовки он бы не выжил.

Чарли Нокс — это человек, который понял, чем он был.

И чем он стал.

Чем ему придется стать.

— О Боже...

Боль. И безмолвие.

Нокс посмотрел на жену — такие глаза были у золотой охотничьей в ее последние минуты.

— Я не стану этого делать.

— Не станешь делать что, Чарли? Умоляю тебя, Чарли, говори нормально. Приляг.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, клянусь Богом, это так.

Он перехватил нож двумя руками и глубоко вонзил его себе в живот.

Для Нокса свет на крыльце погас.

Она сидит на кровати и не может отвести глаз от памяти о человеке, с которым прожила девять лет. Память остается, тело на полу смутно знакомо, но в целом это чужой человек.

Наконец она поднимается и начинает протирать пыль. Она наводит порядок тщательно, механически, не обращая внимания на смутные черные тени, мелькающие на периферии зрения. Она думает, что это пыль. И протирает. Тщательно. Механически.

Бренды Нокс. Это. Женщина, которая.

На этой планете нужно бояться только человека.

Карл Густав Юнг

ДОКТОР Д'АРК-АНГЕЛ СТАВИТ ДИАГНОЗ

Сказать про нее «красивая» было бы просто несправедливо. Она была в миллионы раз прекраснее общепринятого представления о красоте. Изысканная... может быть — беспредельно. Она сидела за своим столом, а Ром боялся только одного — что она встанет; он совсем не был уверен, что сможет вынести это великолепное зрелище: ее всю, целиком, потрясающую, царственную... Ему еще ни разу в жизни не доводилось видеть столь совершенной, захватывающей дух красоты. Наверное, в каком-нибудь музее она смотрелась бы просто исключительно.

— Вы ведете себя неприлично, мистер Ром, — сказала она. Мягко. Немножко насмешливо.

Он почувствовал, как запылали щеки. Молодой человек, лет примерно тридцати, стройный, с ловкими, уверенными движениями... Он никогда не смущался в присутствии женщин; как правило, происходило как раз наоборот.

— О, простите, доктор, я обдумывал ваши слова. Значит, это возможно?

— Конечно. Естественно, вам придется заплатить достаточно высокую цену.

— Естественно, — проговорил Ром.

У него возникло легкое предчувствие опасности: договоры, подписанные кровью, потеря бессмертной души, менее красочные неприятности. Он ходил в темных очках, такие обычно носят летчики, а стриг его парикмахер итальянец. Костюм был явно куплен в одном из дорогих магазинов.

— Вопрос заключается в том, насколько высокой будет ваша цена.

— Десять процентов от того, что вы получите.

— Я не имею ни малейшего представления, чему это может равняться.

— Платежи могут быть отложены. Нет никакой срочности. Мои пациенты обычно испытывают ко мне не передаваемую благодарность. Мне еще ни разу не пришлось подавать в суд за неоплаченные счета.

— Пациенты? Вы и раньше применяли ваш метод?

— Да, время от времени. Когда возникают, ну, скажем, экстраординарные обстоятельства. Надеюсь, вы понимаете, что наш договор должен оставаться строго конфиденциальным?

Ром немного подумал над ее словами. Слово «строго» так же точно не подходило к данной ситуации, как и слово «красивая». Он обратился к доктору Д'Арк-Ангел от отчаяния. До него доходили разные слухи... Кое-кто из его знакомых занимался всячими колдовскими штучками — несерьезная, конечно, компания, но иногда он находил их забавными. Однажды вечером, во время мероприятия, которое они называли «шабаш» и которое скорее напоминало вечеринку для перезрелых холостяков, заговорили о ней. Какие-то неясные намеки, странные и пугающие; но если все, что говорили о докторе Д'Арк-Ангел, правда, возможно, она поможет ему справиться с кошмарным наваждением, преследующим его день и ночь.

На самом деле звучало это все не так уж и ужасно: Чарльз Ром хотел убить свою жену.

Только вот в реальности ситуация была беспредельно отчаянной. Ее даже нельзя было назвать кошмарной. Если по-простому: что-то вроде ада при жизни.

— Мистер Ром?

Он понял, что снова неприлично уставился на потрясающей красоты женщину, сидевшую за столом перед ним. Последнее время он все чаще и чаще впадал в состояние тупой задумчивости. Смотрел куда-то вдаль, думал о Сандре, о том, что его приход сюда — это же чудовищно!.. Но тем не менее он пришел и сидит

напротив незнакомки, которой несколько мгновений назад поведал о своем страстном желании.

Изысканная, потрясающая, волнующая незнакомка, о ней говорили только шепотом.

— Простите, мне по-прежнему трудно поверить в то, что я вам все рассказал. Эта идея кажется мне абсолютно безумной... но я невыносимо несчастен.

— Я прекрасно вас понимаю, мистер Ром. Вы можете мне полностью доверять. — Она не произнесла следующих слов, но они словно повисли в воздухе: — Вы можете мне доверять. Я же доктор.

— И у вас это получается? — Ром чувствовал себя полнейшим кретином, потому что уже задавал этот вопрос, а она несколько раз объяснила ему, что ее метод дает положительные результаты.

— О да, все получается. Великолепно. Точно так же, как змеиный яд. Принцип действия такой же.

Она переплела пальцы, а Ром не сводил с ее рук восхищенного взгляда.

— Что-то я не понимаю.

— Послушайте, — начала доктор Д'Арк-Ангел, — представьте такую ситуацию: вам станут вводить совсем маленькие дозы яда, ну, скажем, черной мамбы — *Dendroaspis polylepsis*, — через день в течение года или двух, постоянно немного увеличивая дозу, а к концу второго года вы отправитесь, к примеру, в Заир, и вас укусит черная мамба... Так вот, вместо мгновенного паралича и смерти через несколько секунд вы серьезно заболеете... но не умрете. Ваш организм научится бороться с ядом. Усматриваете аналогию?

Он понимал. Только вот поверить никак не мог.

— Значит, именно таким образом вы помешаете мне умереть? Будете делать мне впрыскивание змеиного яда?

Она таинственно и завораживающе улынулась:

— Нет, мистер Ром. Я буду делать вам регулярные инъекции смерти.

— В это невозможно поверить. Этого просто не может быть. Послушайте: я согласен пройти курс вашего лечения — несмотря ни на что; мне грозит безумие, поэтому я должен согласиться. Несмотря ни на что. Но скажите мне правду. Если это какое-то мошенничество

или сумасшествие, скажите мне! Я знаю, что похож сейчас на самого настоящего психа, но, даже если вы скажете мне, что все это выдумки, я заключу с вами сделку и заплачу все, что положено.

Он слышал свой голос и понимал, что выглядит глупо и похож на старую истеричку, но ничего не мог с собой поделать. Ром знал, что не может остановиться; знал, что на лбу, между бровями, у него появилась вертикальная складочка. Но остановиться не мог.

— Мистер Ром, — произнесла доктор, вставая и обходя вокруг письменного стола, — мое лечение абсолютно реально, оно работает, я не рассказываю вам сказки — в моих силах сделать то, что вам нужно. Вы можете мне верить.

А потом она наклонилась к нему, взяла его лицо в свои изумительные руки, приблизилась к нему и страстно поцеловала в губы.

Он почувствовал, как в животе у него что-то оборвалось. Закружилась голова и стало нечем дышать. Ром почувствовал, что в тех частях его тела, о существовании которых даже не догадывался, начала пульсировать кровь. Прикосновение ее рта к его губам восхитило и ошеломило Рома.

И в то же самое мгновение на него накатили воспоминания о поцелуях Сандры.

Он попытался заговорить, спросить, зачем она это сделала и как ей удалось при помоши всего одного поцелуя заполучить его душу — этой сказочно прекрасной женщине, обладающей властью, властью, властью отодвинуть смерть! Но он не смог произнести ни одного внятного слова. Руки принялись бессмысленно метаться в разные стороны. Беспомощный лепет — больше он ни на что не был способен.

— Оно работает, — повторила она шепотом, не убирая своего лица. Ее теплая кожа пахла чем-то утонченным и странным.

— Но...

Он хотел спросить, как такое возможно, как она сумела заманить смерть на кончик иглы, чтобы потом послать ее в кровеносную систему.

Казалось, она почувствовала, что его интересует. Однако не стала отвечать на незаданный вслух вопрос.

Долго держала его лицо в своих ладонях и пристально смотрела на него.

— Не имеет значения, как именно я это делаю. Неужели вы не можете понять? Если вы пришли ко мне и сказали о том, о чем не осмеливались сказать никому другому, значит, вам незачем понимать, как я этого добиваюсь. Важно, что мне это доступно, и никто другой не в состоянии сделать того же. Я нашла секрет. Способ разложить на составляющие саму квинтэссенцию смерти и создать противоядие.

Прикосновение ее рук было прохладным, и ему показалось, что его тело начинает наполняться бьющая через край энергия.

— Кто вы? — прошептал он, не в силах унять дрожь.

— Я ваш доктор. Начнем лечение прямо сейчас?

И она еще раз — Рому показалось, что на целую вечность, — прижалась губами к его губам.

Когда Ром свернулся на дорогу, ведущую к дому, и ворота за «бентли» закрылись, он увидел Сандру, которая поджидала его на крыльце. На него накатила волна привычного отвращения. Она всегда поджидала его. Именно в такие моменты, когда ее руки были готовы обнять его, он презирал себя больше всего.

Ром знал: сам виноват в том, что попал в такое кошмарное положение. Всю жизнь он верил, что быть симпатичным и приятным вполне достаточно для того, чтобы получить от жизни по максимуму. Славный и обаятельный, он познакомился с Сандрой и увлек ее. Славный и обаятельный, он знал все «па», все фигуры и тонкости в бесконечном танце желания и легко ее поймал. Славный и обаятельный, он без проблем проник в ее семью и всех там очаровал, а потом занял положенное ему место в корпорации отца Сандры. Славно и обаятельно, он пробирался на все более высокие должности в суперструктурах международного конгломерата и терпеливо — для чего потребовалось вовсю использовать оба качества — дожидался смерти старика. Теперь же он оказался в самом центре непрекращающегося кошмара. Будучи при этом не менее славным и

обаятельным, чем раньше. И горел, бесконечно поджаривался в адском пламени.

Он получил все, что могло принести терпение и другие его достоинства. Богатство, высокое положение, безопасность, недвижимость... и Сандру.

Сандру, которая любила его. Больше, чем саму жизнь, Сандра любила его. Каждую ночь разгорающаяся страсть туманила ее любящие глаза. Бесконечные прикосновения, ласки, пылкий шепот; и постоянная, преследующая его всюду уверенность, что завтра она будет любить еще сильнее, чем вчера. Безысходное, парализующее знание; как с ядом черной мамбы — мгновенный паралич и неизбежная смерть через несколько секунд.

Мысль о смерти стала путеводной звездой в этом адском, непрекращающемся кошмаре.

О смерти Сандры.

От яда. От пули. От быстрой, сладостной стали. От огня, уничтожающего, превращающего в пепел, который можно будет развеять над их собственным озером, обозначающим восточную границу семейных владений.

Эти мысли уже в который раз промелькнули в голове Рома, пока он сквозь ветровое стекло «бентли» смотрел на приближающуюся фигуру своей любящей жены.

И еще. Прикосновение губ доктора Д'Арк-Ангел — оно все еще оставалось с ним, как и то вещество, которое она впрыснула ему в руку. Это вещество станет причиной маленькой смерти. Ему не следует беспокоиться.

Прежде чем Ром успел вылезти из машины, Сандра открыла дверцу и наклонилась к нему, чтобы поцеловать. На сей раз у него ничего не оборвалось в животе — он просто почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Не закружилась голова и не участилось дыхание. Однако началась одуряющая головная боль; что же до дыхания Сандры... Прикосновение ее губ... чудовищно.

Самое ужасное заключалось в том, что с Сандрай все было в порядке, и он прекрасно знал: она нормальная, хорошенская женщина. Во всей этой мерзости был виноват он сам. И страстно желал ее смерти. На меньшее он не мог согласиться. Она должна исчезнуть из его жизни. Умереть. Уйти из этого мира. Умереть.

— Где ты был, дорогой? Я так давно тебя жду. Позвонила Эллиотам, извинилась и сказала, что мы не приедем. Да, там все равно было бы ужасно скучно. Правда, ведь будет лучше, если мы проведем этот вечер вдвоем, в нашем уютном доме?..

Смерть! Только эта мысль, как крошечная льдинка, помогала ему выжить в раскаленном кошмаре ада. Ее смерть!

В постели той же ночью, когда Сандра двигалась под ним, требуя ежедневную дозу его жизненных соков, она услышала бормотание, доносившееся словно издалека:

— Кто ты?

Тогда она приблизила свои влажные губы к его странно теплому уху и сказала:

— Я твоя жена.

А потом у него случился небольшой сердечный приступ; крошечный, едва заметный, остренький толчок. Однако он не умер. Это была всего лишь маленькая смерть.

Приглушенное розовое сияние, которое, казалось, испускали сами стены, освещало кабинет доктора Д'Арк-Ангел. Ром лежал на широкой кушетке и водил левой рукой по ее бледному, изысканному телу, познавая на короткие мгновения мистические контуры, наслаждаясь ощущением шелковистой кожи под своей ладонью.

За прошедшие семь месяцев лечения он совершенно опьянял от нее и от ее прикосновений. Конечно, всякий раз она делала ему инъекцию, а потом — всегда — наступал час холодной страсти. Время шло, он становился все сильнее. Ему все легче было переносить жизнь с Сандрай — ведь он знал, что очень скоро она умрет. Он чувствовал себя увереннее в своих отношениях с доктором. Она говорила мало, но Ром видел, что она нуждается в его теле, — никакие слова тут были не нужны. Он снова стал самим собой: доминирующим в отношениях с женщинами, уверенным в себе. Славным. И невероятно обаятельным.

Доктор Д'Арк-Ангел высвободилась из его рук и встала. Ром не сводил с нее глаз: вот она грациозно потянулась в полумраке, и его захлестнула волна возбуждения. Но уже в следующую секунду, хотя на ней

и не было никакой одежды, он понял, что наступило время для профессионального разговора.

— У тебя удивительный организм, Чарльз.

— Да? И в чем это заключается?

— Ты развиваешься почти в два раза быстрее, чем другие мои пациенты. За прошедший месяц ты вышел на уровень, которого другие достигали только через тринадцать.

— А кто они такие, эти другие?

— Ну-ну, Чарльз. Давай не будем начинать все сначала. Ты же прекрасно знаешь, что профессиональная этика не позволяет мне обсуждать пациентов. Расскажи-ка лучше о своих последних смертях.

За семь месяцев он не умер в результате падения с третьего этажа; от бандитского удара ножом, который получил, выходя из машины на подземной стоянке возле своего офиса; избежал гибели, вдохнув ядовитого пестицида, который по халатности оставил открытым садовник; не утонул в клубном бассейне, когда, нырнув слишком глубоко, ударился головой о дно; пережил несколько тромбозов коронарных сосудов и грипп, перешедший в воспаление легких.

— Я проснулся посреди ночи неделю назад и обнаружил, что не могу сделать вдох. Казалось, легкие окончательно отказали.

— Да, это очень распространенный вариант. Что еще?

— Какие-то юные хулиганы играли возле скоростной дороги, швыряя камни в машины. Здоровенный булыжник влетел в «бентли» сквозь ветровое стекло и попал мне в голову. Глубоко рассек правый висок. Вся машина была в крови.

— Через сколько времени рана затянулась?

— Примерно через час.

— Удивительно. Совершенно потрясающе. Да, тринадцать месяцев — именно так. Думаю, через несколько недель твоё лечение будет закончено.

Ужас вошел в сердце Рома. Словно рука великана сжала грудь.

— А я смогу с тобой встречаться... после того, как...

— Посмотрим, — вот и все, что она сказала.

Так мать говорит ребенку, который не хочет вовремя ложиться спать. «Посмотрим».

— Три недели, Чарльз. Я уверена, речь идет именно о таком сроке.

— И тогда ты получишь десять процентов от всего, что я унаследую.

— Я об этом не думаю.

— Надеюсь, нет, — заметил он и уверенно потянулся к ней.

Она снова пришла к нему, но в ее покорности не было смирения.

А потом доктор Д'Арк-Ангел ввела иглу в вену и надавила на поршень шприца, чтобы послать в его тело серую, клубящуюся жидкость, которую она называла эссенцией смерти.

Он выбрал наиболее надежный способ. Чтобы ни у кого не возникло никаких вопросов. И не поползли слухи о том, что Чарльз Ром убил свою жену, дабы завладеть состоянием ее отца. (И уж чтобы никому не пришло в голову, что на самом деле Чарльзом Ромом прежде всего руководило желание стереть с лица земли существо, любившее его слишком беззаботно.)

Он дождался вечера, когда шел сильный дождь, и объявил, что хочет поехать в кино. Сандра рассчитывала остаться дома и сделать ему массаж. Однако он добился своего, и на узкой дороге, извивающейся в каньоне, неожиданно рванул руль в сторону, направив «бентли» на заградительные столбики. Машина лениво перевернулась в воздухе, ударилась о молодые, недавно посаженные елочки, вывернула парочку с корнем и упала с обрыва. «Бентли» пролетел около сотни футов, стукнулся о землю бампером, перевернулся на крышу, по инерции проскользил еще футов пятьдесят и остановился на теннисном корте богатого поставщика продуктов для отелей, который переехал жить в каньон, чтобы избежать постоянных столкновений с грабителями и ворами, которых было полным-полно в центральной части города.

Ром позаботился о том, чтобы зажигание после того, как машина перелетела через заграждение, осталось

включенным. Он знал, что в результате удара о землю бензобак обязательно даст солидную течь, и, как и следовало ожидать, «бентли» моментально загорелся.

Сандра, несомненно, умерла в тот самый момент, когда машина первый раз ударилась о землю. Двадцатилетний сын поставщика, который летом работал спасателем на озере, схватил асбестовый мостик, лежавший возле семейного бассейна, и, используя его в качестве щита, бросился на помощь. Ему удалось вытащить мертвое тело Чарльза Рома из пылающих обломков машины. Ром получил ужасающие ожоги третьей и четвертой степени на плечи, превосходящей одну пятую всей поверхности тела.

Врач зафиксировал смерть Сандры, когда тела доставили в больницу. Чарльз Ром также был признан мертвым. Можно представить себе удивление дежурного врача, когда всего через несколько мгновений после того, как он объявил, что Чарльз Ром мертв, тот застонал, пошевелился и стал звать своего врача. Однако ни в одном телефонном справочнике американской медицинской ассоциации не удалось найти телефона доктора Д'Арк-Ангел.

— У тебя отлично все зажило, Чарльз, — сказала она.

Он собрался обнять ее, но она решительно показала ему на кресло, стоявшее напротив стола.

— Это было ужасно, — пожаловался он.

Говорить было тяжело. Повязки все еще скрывали половину лица, но под ними уже появилась молодая нежная кожа.

— Да, я знаю. Так оно обычно и бывает. Уже через несколько месяцев с тобой все будет в полном порядке. Ты поступил очень разумно, когда решил перебраться в частный госпиталь. В противном случае твоё удивительное возвращение к жизни могло бы вызвать нежелательные разговоры.

Ром смотрел на нее и ждал. Он знал, доктор Д'Арк-Ангел что-то скрывает.

— Ждешь, когда я поведу разговор о наших расчетах, да? — Двигаясь легко и непринужденно, она обошла

стол и уселась в кресло. Снова предложила ему сесть. — Не стой, Чарльз. Нам нужно кое-что обсудить.

С некоторым трудом, морщась от боли, Ром снял пальто, бросил его на кушетку и сел. Да, им есть что обсудить. Теперь, когда он избавился от Сандры, а его состояние оценивалось приблизительно в тридцать миллионов, он чувствовал, что больше не испытывает того всепоглощающего благоговения перед доктором Д'Арк-Ангел. Пора ей узнать, в чьих руках будут находиться вожжи теперь — он рассчитывал на долгие и весьма приятные отношения.

— Послушай, — сказал он, скрестив ноги и убедившись в том, что стрелки его брюк абсолютно безузкоризненны, — я решил перевести генеральный офис моей корпорации на Бермуды; уж очень там климат приятный. Конечно, я бы хотел, чтобы ты отправилась туда вместе со мной.

Она даже не улыбнулась.

— Зачем ограничиваться десятью процентами, когда ты можешь получить все, чем я владею? Мы все поделим поровну. Я дам тебе возможность жить так, как ты всегда мечтала.

И снова она не улыбнулась.

— Мы в этом деле вместе, — заметил он с легкой угрозой в голосе. — Я не знаю, что скажет закон относительно твоего лечения, но не думаю, что нас с тобой порадует, если кто-нибудь начнет интересоваться подобной деятельностью.

Она не улыбалась.

— Ну? Скажи что-нибудь.

Она так и не улыбнулась. Засунула руку в ящик стола и что-то повернула — наверное, рукоять реостата, поскольку свет в комнате потускнел, как и всегда в тех случаях, когда они занимались любовью.

В полумраке Ром уже не различал ее лица, лишь глаза светились внутренним светом... только теперь они, впервые, показались ему невероятно старыми и всезнающими.

— Не будь смешным, Чарльз. Я не могу бросить своих пациентов.

— Тебе придется с ними расстаться.

— Не думаю.

— Я не намерен отдавать тебе десять процентов своей собственности.

— А в этом нет никакой необходимости. И никогда не было. Я назвала эту сумму, посчитав, что она покажется тебе разумной платой за услуги. Мои счета оплачиваются совсем по-другому.

Какая-то тень, что-то нечеловеческое коснулось сознания Чарльза Рома.

— Мне кажется, в конце концов ты решишь оставить все свои офисы в этом городе, Чарльз; а еще мне кажется, ты посчитаешь разумным находиться здесь, у меня под рукой, чтобы я могла вызвать тебя в любой момент.

— Хотелось бы знать, почему ты так думаешь?

— Посмотри-ка вот на это. — Она снова засунула руку в ящик, и он услышал щелчок. Часть стены за спиной доктора Д'Арк-Ангел свернулась наподобие аккордеона, и Чарльз понял, что смотрит на экран. Она некоторое время нажимала разные рычажки и переключатели, находящиеся внутри ящика, и на экране появились очень четкие снимки, похожие на слайды. — Тебя интересовали другие мои пациенты. Вот один из них. Мой близкий друг, его зовут Филипп. — Чарльз узнал на экране знаменитого писателя, у которого в последние несколько лет не вышло ни одной книги.

Снимки быстро сменяли друг друга. На первом писатель был изображен цветущим молодым человеком, лет около тридцати. На следующем он, казалось, стал старше на два года, немного сгорбился. На третьем было видно, что его роскошные волосы начали седеть, правую руку, сжатую в кулак, он засунул в карман брюк. Теперь картинки стали сменять друг друга все быстрее, и было видно, как этот человек становится старше и немощнее. Вскоре снимки слились в единое целое, потому что доктор Д'Арк-Ангел увеличила скорость, — теперь они мелькали, словно в калейдоскопе, молодой человек стал пожилым, потом старым и высохшим; а дальше — самой настоящей карикатурой на саму жизнь, согбенным, измученным какими-то постоянными страданиями. Когда исчез последний снимок и экран превратился в пустой, ярко освещенный прямоугольник, доктор Д'Арк-Ангел

пощелкала выключателями, и он погас, стена вернулась на место, а сама доктор просто сидела и молча смотрела на Чарльза Рома.

Она улыбалась.

— Ну, и что все это значит? — спросил Ром, ему было страшно, потому что он прекрасно понял, зачем она показала ему снимки.

— Это фотографии моего приятеля Филиппа, снятые через определенные промежутки времени.

Ром дрожал, с трудом выговаривая слова, спросил:

— Через какой промежуток они были сделаны? Два года? Три? Пять?

— Каждые двадцать минут, — ответила она.

Чарльз Ром услышал совершенно отчетливо, как где-то во Вселенной с громким щелчком захлопнулся капкан, из которого никому не дано выбраться.

— Видишь ли, Чарльз, все нуждаются в любви. Не сомневаюсь, что тебе это известно даже лучше, чем большинству людей. Кто-то нуждается в любви больше, чем другие; такой, например, была Сандрा. Иным нужно совсем мало; вот как тебе. Мне же любви требуется очень, очень много. Потому что я ненасытна, Чарльз. Мне приходится быть такой. И не только потому, что такова моя натура; знай, когда ты становишься все старше и старше и старше, оказывается, что привлекательные любовники хотят иметь таких же привлекательных партнеров. Жизнь может быть очень одинокой для тех, кто стар и безобразен.

Он хотел было возразить: «Но тебя не должно беспокоить ни то ни другое, тысячи желающих будут готовы платить деньги за то, чтобы заняться с тобой любовью!» — однако, не успев вымолвить и слово, снова обратил внимание на ее глаза. Казалось, они принадлежат не этому изумительному лицу, а скорее какому-то ужасному, древнему и сморщенному существу.

— Я хочу познакомить тебя с Филиппом, — заявила доктор Д'Арк-Ангел, продолжая улыбаться.

Она нажала кнопку на своем столе, и дверь, о существовании которой Ром до сих пор и не подозревал, бесшумно ушла в стену. Что-то, отдаленно напоминающее человека, с трудом вошло в комнату. В полумраке

Чарльз Ром едва различал контуры тела и лица, но не вызывало сомнений, что перед ним популярный писатель, ужасно состарившийся и несчастный. Бедняга сумел сделать два неверных шага, после чего полусгнившие ноги подломились. Он упал и пополз к женщине.

Добравшись до нее, положил голову ей на колени, и она начала гладить его, словно это был не человек, а старый, верный пес.

— Инъекции должны продолжаться, Чарльз. В противном случае менее чем через год начнется ремиссия. После этого процесс распада идет очень быстро.

Ром молчал. Вид романтика, воспринимающего ее ласки как счастье, производил отвратительное впечатление — и одновременно завораживал.

— Я занимаюсь превентивной медициной, Чарльз. Ради себя. Должна же откуда-то появляться эссенция смерти. Ну, меня больше интересует антитоксин. Малая толика эссенции, специальным образом обработанная, прекрасно помогает сохранить красоту и молодость. — Она сделала небрежный жест, словно то, что собиралась сказать, не имело особого значения. — А раз никто в нем не нуждается, я им пользуюсь сама.

Ром хрюкнул:

— И сколько же нас всего?

Она назвала известного индустриального магната, талантливую актрису, владельца цепи автомобильных стоянок, телевизионного репортера, ведущего свою собственную программу, в этом году он возглавил рекламную кампанию одного из кандидатов в президенты, известных дипломатов, мужа и жену, которые занимали важный пост в ООН, знаменитого адвоката по уголовным делам, прославившегося своими громоподобными речами в судах, и ведущего комика страны.

— Мои пациенты образуют маленькое, но тесное содружество доноров. Один поддерживает другого. Тщательно откалиброванные частички жизни, чтобы отодвинуть смерть, Чарльз. Не очень много и не очень мало — и так каждый раз; равновесие достигается с таким трудом. Периодически мне приходится находить новые сильные источники — такие, как ты, например. Однако, когда один из моих... э-э... друзей становится

неуправляемым, угрожает нарушить баланс, ну... ради соблюдения общих интересов мне приходится его наказывать. Я прекращаю инъекции.

Она многозначительно погладила романиста по голове.

— После этого, к моему глубокому сожалению, пациент может находиться только на том уровне распада, на котором он был в тот момент, когда я возобновляла инъекции.

И тут Ром понял, что в целом свете нет достаточной обаятельности.

— Забудь о Бермудах, Чарльз. Думаю, скоро ты обнаружишь, что климат там совсем не такой уж и приятный... очень скоро. И забудь о том, чтобы направлять свою любовь куда-нибудь еще, — понимаешь, нам нужно все, что ты можешь дать. Оставайся в городе вместе с нами. Мы будем хорошо с тобой обращаться, лишь одно маленькое неудобство — ежедневный визит сюда для того, чтобы получить инъекцию и отдать нам то, что есть у тебя, — и тогда ты доживешь до двухсот, а то и трехсот лет.

Романист застонал от боли.

— Мне нужна любовь, Чарльз. Очень много любви. Любовь, как ты наверняка слышал, делает человека молодым и счастливым.

Чарльз Ром сидел, сжавшись в полумраке, и размышлял о предстоящих двухстах или трехстах годах — когда каждый день его будет поджидать маленькая смерть. Он смотрел в древние глаза доктора Д'Арк-Ангел и с ужасом ждал мгновения, когда ее таинственная плоть коснется его собственной. Теперь его жизнь будет наполнена безответной любовью. Так долго. Бесконечно. Он слышал хриплое, чувственное дыхание женщины из другого мира и жалобные стоны несчастного существа, устроившегося у ее ног. И больше ничего.

Находясь у входа в огнедышащий ад, Чарльз Ром закричал. «Сандра!» — беззвучно вопила его душа. Но из страшного мрака не доносилось ни единого звука.



МИРЫ ЛЮБВИ

ДАЖЕ НЕЧЕМ ПОДКРЕПИТЬСЯ

Человек одинокий. Человек, угодивший в капкан собственного характера и ограничений окружающего его мира. Человек против Человека. Человек против Природы. Все это с неизбежностью подводит к ключевому вопросу: насколько храбрым окажется человек во времена массовой гибели. Все сводится к тому, как человек может выжить при помощи крепости рук и проворства ног, а самое важное — за счет своего ума, изобретательности или интеллекта. Все эти проблемы стали темой многих моих произведений. Наверное, потому, что я увидел свои Времена и свою культуру в наиболее «подвешенном» состоянии за всю их историю. Впервые в истории расы каждый человек, каждый мыслящий индивидуум полностью — или настолько полностью, насколько ему позволяет пронизанная предрассудками масс-медиа — сознает наличие сил, швыряющих его в будущее. Террористов, готовых действовать, едва уровень фанатизма окажется достаточно высок, едва палец метнется к нужной кнопке; медленно, но верно расплывающуюся этику; упавшую до самого низкого уровня мораль; и каждый человек, каждый мыслящий индивидуум, буквально беспомощный против водоворотов и потоков механизации и стадного инстинкта. И все же, действительно ли он одинок? И был ли когда-нибудь? И являются ли сила воображения и яростное

Nothing to My Noon Meal
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

стремление выжить прочной связью между нами? А если да, то разве не братья ли мы человеку, которому нечем, абсолютно нечем подкрепиться?

За холмами росли флюхи. Я попытался их разводить, пересадить поближе, но чего-то им не хватало, и они умирали, не успев расцвести. Мне тоже нужен был воздух. Мой резервуар уже наполовину опустел. И голова снова начала болеть. Ночь продолжается вот уже три месяца.

У меня очень маленький мир. Он недостаточно велик, чтобы накопить атмосферу, которой мог бы дышать нормальный землянин, но и недостаточно мал, чтобы не иметь воздуха совсем. Мой мир — это одинокая планета с красным солнцем и двумя лунами, каждая из которых затмевает мое солнце на шесть из восемнадцати месяцев. Шесть месяцев у меня светло и двенадцать — темно. Я называю мой мир Преисподняя.

Сначала у меня было имя, лицо и даже жена. Жена умерла в тот момент, когда взорвался корабль, имя умирало целых десять лет — годы, что я прожил здесь, а лицо... ну, чем меньше я о нем думаю, тем мне легче.

О нет, я не жалуюсь. Мне здесь пришлось совсем нелегко, но ведь удалось выжить, чего еще хотеть? Я здесь, и я жив, насколько это возможно, а что случилось, то случилось, и ничего другого тут не скажешь. То, что я потерял, не вернешь обычными жалобами на судьбу.

Когда я увидел мой мир в первый раз, на карте звездного неба из маленького корабля, в котором мы путешествовали вместе с женой, он показался мне крошечным пятнышком света, похожим на яйцо.

— Как ты думаешь, мы найдем там что-нибудь подходящее? — спросил я.

Сначала мне нравилось вспоминать жену; в такие моменты мою душу наполняла нежность, которая высушивала слезы и убивала ненависть.

— Не знаю, Том, может быть, — ответила она.

Она так и сказала «может быть». Милые, ласковые слова — она просто замечательно их произносила.

У нее была такая славная, светлая манера говорить «может быть», что целые тучи вопросов сами просились мне на язык.

— Может быть, найдем руду и сможем подзаработать, — сказал я.

Она улыбнулась в ответ; у нее были полные губы, и она любила покусывать зубами нижнюю губу.

— За медовый месяц приходится платить.

Я игриво ее поцеловал; мы были счастливы просто потому, что были вместе. Вместе. Что это для меня значило, я тогда не понимал, просто был счастлив, и все. Радость, которую мы дарили друг другу, была такой простой, что мне ни разу не пришло в голову, как я стану себя чувствовать, когда ее не будет.

А потом мы пролетали через облако субатомных частиц, плавающих возле орбиты Первой Луны, и хотя их изображение так и не появилось ни на каких экранах, они у нас побывали, навестили наш корабль и отправились восвояси. Оставив после себя миллионы крошечных, незаметных отверстий в корпусе. Конечно, отверстия были такими малюсенькими, что ни я, ни моя жена в течение долгих месяцев не замечали бы, что через них выходит воздух, но вредные частицы испортили еще и отсек, где помещался двигатель. Какого-то неизвестного нам, землянам, происхождения, что они там сотворили с двигателем, мне так никогда и не узнать. Корабль стал терять скорость, его вынесло к этому, теперь моему, миру, и в нескольких милях над поверхностью он взорвался.

Моя жена умерла, я видел ее тело, когда меня самого выбросило из кабины в спасательной капсуле. Я был в безопасности, имел большой запас кислорода, а моя жена так и осталась в коридоре с металлическими стенами. Она шла на кухню, чтобы приготовить мне кофе.

Моя жена там так и осталась, она тянула ко мне руки, ее кожа стала синей — простите, мне... мне все еще... больно об этом вспоминать — а меня выбросило на поверхность планеты. Я видел ее всего одно мгновение.

Мой мир — суровый мир. Веселые, пухлые облака никогда не появляются на его небе, где двенадцать месяцев царит ночь. На поверхности нет воды. Впрочем, вода не проблема. У меня есть циркулятор, который перерабатывает мои отходы, превращая их в питьевую воду. У нее довольно сильный привкус аммиака, но меня это не беспокоит.

Главной проблемой является воздух. По крайней мере, так было, пока я не обнаружил флюхи и не получил то, в чем нуждался.

Я вам расскажу про это, а еще про то, что случилось с моим лицом; мне страшно.

Конечно, надо было жить дальше.

Вовсе не потому, что я очень этого хотел; представьте себе: вы всю свою жизнь болтаетесь по космосу, ну, вроде меня, и нет ничего, абсолютно ничего, что привязывает вас к какому-то одному, определенному месту... И вдруг появляется женщина, которая заполняет вашу душу, целиком — а потом ее у вас отнимают, так скоро...

Надо было жить. Хотя бы потому, что в моей капсуле был воздух, еда, циркулятор и скафандр. На таком запасе можно продержаться достаточно долго.

Вот я и стал жить в Преисподней.

Я просыпался, проходило множество часов, наполненных пустотой, я уставал от нее, снова проваливался в сон, и просыпался, когда мои сны становились слишком громкими и алыми — и так каждый «день». Вскоре мне осточертела жизнь в капсуле, в одиночестве и тесноте, и я надумал прогуляться по планете.

Надел кислородный костюм и решил не связываться с оболочкой, регулирующей давление. Силы тяжести на планете едва хватает, чтобы я чувствовал себя сносно, порой у меня теснит в груди. Но в ткань моего костюма была встроена обогревательная система, так что мне не угрожало ничего особенно страшного. Я прикрепил кислородный баллон к спине, надел на голову шлем, затем соединил шланг с баллоном и надежно закрепил его гаечным ключом, чтобы не произошло утечки.

И вышел наружу.

Небо над Преисподней начало темнеть, наступили сумерки. С тех пор как я приземлился на поверхности планеты, прошло три светлых месяца, по моим подсчетам еще два — до моего появления. Следовательно, мне оставался всего один месяц примерно... а потом Вторая Луна полностью скроет крошечное красное солнце, которому я так и не дал имени. Даже сейчас Вторая начинает наползать на его диск, и я знаю, что в следующие шесть месяцев здесь воцарится мрак, еще шесть месяцев солнце будет скрыто Первой Луной, только после этого меня ждет шесть коротких светлых месяцев.

Вычислить орбиты и периоды вращения за прошедшее время оказалось совсем нетрудно. Да и чем еще мне было заниматься?

Я начал гулять. Сначала у меня плохо получалось, потом я обнаружил, что, если делать длинные прыжки, можно преодолевать большие расстояния.

Планета была практически голой. Ни огромных лесов, ни рек, ни океанов, ни равнин с волнующейся листвой, ни птиц, ни другой жизни, кроме моей, и...

Увидев их впервые, я подумал, что это колокольчики, потому что у них были околоцветники такой характерной формы, а изящные пестики слегка высывались наружу. Однако, подойдя поближе, я понял, что здесь никак не может быть ничего похожего на земные цветы — даже внешне. Конечно, они не были цветами; и тогда, прямо на месте, тяжело дыша в своем прозрачном шлеме, я назвал их флюхами.

Снаружи они были ярко-оранжевого цвета, который постепенно переходил в оранжево-голубой, а затем в синий — возле самого стебля. Внутри же казались скорее золотыми, и голубые тычинки заканчивались оранжевыми рожками. Очень красивые, яркие флюхи радовали глаз.

Их росло около сотни у основания скал явно неестественного происхождения: высокие, торчащие в разные стороны под причудливыми углами, гладкие, с острыми, похожими на шипы, краями и плоской вершиной. Они скорее напоминали кристаллы соли, какими

их можно увидеть сквозь окуляр микроскопа. В этом районе было множество таких скал, и, потеряв на мгновение связь с реальностью, я представил себя крошечной мошкой, оказавшейся среди огромных кристаллов, которые на самом деле всего лишь пыль или какие-нибудь микрочастицы.

А потом все вернулось на свои места, я подошел поближе к флюхам, чтобы получше их рассмотреть, поскольку они были единственными представителями органической жизни, сумевшей выжить в Преисподней. Очевидно, они существовали благодаря каким-то веществам, находящимся в перенасыщенной азотом атмосфере.

Я наклонился, чтобы заглянуть в напоминающие колокольчики цветы, прижавшиеся к склону одной из псевдоскал. Это была первая ошибка, почти фатальная, она повлияла на всю мою дальнейшую жизнь в этом мире.

От скалы отвалился кусок — оказалось, что она вулканического происхождения с пористой, губчатой структурой, — посыпались и другие обломки. Я упал, прямо на флюхи, последнее, что почувствовал, — мой шлем разбился. А потом меня окутал мрак, который, впрочем, был не таким всепоглощающим, как космос.

Я должен был умереть. Не было ни единой причины, по которой мне следовало остаться в живых. Однако я жил... дышал! Вы в состоянии это понять? Мне надлежало присоединиться к любимой жене, но я был жив.

Мое лицо было прижато к флюхам.

Они давали мне кислород.

Я споткнулся, упал, мой шлем разгерметизировался, я должен был умереть, но благодаря чудесным цветам, поглощавшим из атмосферы азот и перерабатывавшим его в кислород, я все еще был жив. Я проклинал флюхи за то, что они лишили меня быстрой возможности познать забвение. Ведь я был так близок к тому, чтобы присоединиться к ней, а они не дали мне этого сделать. Мне хотелось отползти от флюх подальше, на открытое пространство, туда, где они не смогут обеспечивать меня

воздухом — и выдохнуть в атмосферу Преисподней свою украденную жизнь. Только что-то мне помешало. Я никогда не был религиозным человеком и не стал им сейчас. Но в том, что произошло, было что-то чудесное. Мне трудно объяснить это. Я просто знал — Судьба посыпает Надежду, швырнув меня в заросли флюх.

Я лежал и глубоко дышал.

У основания пестиков находилась мягкая мембрана, которая, вероятно, и придерживала кислород, давая ему постепенно выходить наружу. Удивительно сложные растения.

...А еще пахло полуночью.

Я не могу объяснить это яснее. Нельзя сказать, что запах приятный, но и отвратительным он не был. Нежный, хрупкий аромат, напомнивший мне о нашей первой брачной ночи, мы жили тогда в Миннесоте. Та ночь была чистой, прозрачной и возвышенной, наша любовь переступила даже границы супружества, мы поняли, что влюблены друг в друга больше, чем в саму любовь. Вам кажется это глупым, или я плохо объясняю? А вот мне все было абсолютно ясно. Вот каков запах флюх, запах, напомнивший мне о полуночи.

Может быть, именно благодаря этому я и продолжал жить.

А еще мое лицо начало изменяться.

Пока я там лежал, у меня было время подумать о том, что все это значит: когда возникает нехватка кислорода, страдает мозг. Пять минут — и ущерб становится невосполнимым. Но имея флюхи, я мог разгуливать по своей планете без шлема — если бы только мне удалось обнаружить их заросли в разных углах моего мира.

Я лежал, обдумывая происшедшее и собираясь с силами, чтобы добежать до корабля, и тут почувствовал, как высыхает мое лицо. Как будто огромный нарыв или фурункул появился на щеке и высасывал кровь. Попытал щеку рукой... Да, даже через ткань перчатки чувствовалось, что она распухла. Мне стало ужасно страшно. Вырвав несколько флюх — у самого корня, — я засунул в них лицо и помчался к капсуле.

Оказавшись внутри, флюхи завяли и, повесив головки над моим кулаком, сморщились. Великолепные цвета исчезли, стали серыми, как мозговое вещество. Я отбросил их в сторону, и всего через несколько мгновений они превратились в тончайшую пыль.

Тогда я снял комбинезон и перчатки и подбежал к рециркулятору, который был сделан из полированного пластила; мое лицо отражалось в нем вполне ясно. Правая щека была ужасно воспалена. Громко взывая от ужаса, я принял ощущать лицо, но не почувствовал никакой боли — настоящего нарява там не было. Только непрекращающееся неприятное ощущение.

Что я мог сделать? Ждать.

Через неделю уплотнение на щеке приняло определенную форму. Теперь мое лицо ничем не напоминало человеческое, оно вытянулось вниз, и вся его правая часть распухла так, что глаз превратился в узкую щелочку, через которую едва пробивался свет. Словно у меня выросла огромная опухоль на щитовидной железе, оказавшейся почему-то не на шее, а на лице. Все это безобразие заканчивалось в районе челюсти и совершенно не мешало мне дышать, но вот мой рот опустился, и, когда я его открывал, вместо губ моим глазам представляла огромная, отвратительная пасть. В остальном все было совершенно нормально. Я стал чудовищем лишь наполовину. Левая часть лица совсем не изменилась, а правая превратилась в издевательскую, резиновую, распухшую маску, пародию на человека. Я не мог выносить собственного вида более нескольких мгновений в течение каждого «дня». Красное воспаление прошло вместе с неприятными ощущениями, но я еще долго не понимал, что происходит.

Пока не рискнул снова выйти на поверхность Присподней.

Шлем, естественно, исправить было уже невозможно, поэтому я взял тот, которым пользовалась моя жена, пока была жива. Это, конечно же, вызвало к жизни воспоминания; потом, немного успокоившись, я вытер слезы и вышел наружу.

Было ясно, что необходимо вернуться к тому месту, где со мной произошел несчастный случай. Мне удалось добраться до шипов — так я назвал скопление скал — без каких бы то ни было происшествий, и я уселся среди флюх. Если я и воспользовался их кислородом, хуже им от этого явно не стало, они продолжали пышно цветти и, как мне показалось, стали даже еще красивее.

Я долго смотрел на них, пытаясь воспользоваться своими скромными познаниями в физике, химии и ботанике и понять, что же все-таки со мной случилось. Не вызывало сомнения одно: я стал жертвой поразительной мутации.

Такой вид мутации совершенно невозможен с точки зрения человека на жизнь и ее законы. То, что способно возникнуть при определенных экстремальных условиях, в течение многих и многих поколений, произошло за один вечер.

Даже на молекулярном уровне строение нерасторжимо связано с функциями. Я размышлял о структуре протеина, потому что, как мне казалось, именно в этом направлении следовало искать ответ.

Наконец я снял шлем и снова склонился над флюхами. Сделал несколько глубоких вдохов и на этот раз почувствовал, как закружилась голова. Я продолжал собирать из них кислород до тех пор, пока не наполнил всю сумку-опухоль. И тут до меня дошло.

Запах полуночи. Это был не просто запах. В мой организм проникли бактерии флюх; бактерии, которые атаковали стабилизирующие белки в дыхательной системе. Возможно, вирус, или даже риккетсия*, они — тут я, конечно, упрощаю для ясности — ослабили структуру моих протеиновых связей, чтобы те приспособились к использованию флюх.

Чтобы дать мне возможность дышать, как я это делал в насыщенной кислородом атмосфере, бессмысленно пытаться увеличить мою грудь и объем легких. Однако орган, напоминающий баллон, в котором можно

* Семейство бактерий, размножающихся, подобно вирусам, только в клетках хозяина. Аэробы. Возбудители инфекционных заболеваний типа сыпного тифа.

запасать кислород под давлением... совсем другое дело. Когда я вдыхал воздух от растений, кислород собирался в специальную сумку у меня на щеке до тех пор, пока она не наполнялась до краев.

Отсюда следовало, что я могу короткие промежутки времени обходиться без кислорода — так верблюд достаточно долго способен жить без воды. Конечно, периодически мне нужно будет возобновлять запас; в случае острой необходимости я смогу продержаться довольно долго, но потом потребуется много времени, чтобы полностью восстановить мой резерв кислорода.

Как именно это происходило на внутриклеточном уровне, мне не дано было понять: я слишком плохо знал биохимию. Много лет назад я прошел гипнотический курс биохимии в университете на Деймосе. Кое-что я, конечно, знал, но мне никогда не приходилось применять свои знания на практике. Если бы у меня было время, соответствующая аппаратура и справочники, я сумел бы разгадать тайну; в отличие от земных ученых, которые даже мысль о мгновенной мутации отбрасывали как совершенно фантастическую, я не мог в нее не верить... ведь это произошло со мной. Мне достаточно было просто пощупать лицо, чтобы убедиться в том, что это правда. Так что у меня было гораздо больше оснований для того, чтобы сделать великое открытие.

В этот момент я сообразил, что уже несколько минут стою выпрямившись, а мое лицо находится далеко от флюх. Однако дышал я совершенно свободно.

Да, тут было над чем поразмыслить, поскольку, в отличие от земных ученых, я стал участником фантастического кошмарного опыта — который, по их представлениям, и ставить-то не имеет смысла.

Это произошло шесть месяцев назад. Уже давно наступила ночь, и, судя по тому, как флюхи умирают, к тому времени когда снова вернется свет, их не останется совсем. А мне станет нечем дышать. Нечем подкрепиться.

Здесь ужасно темно. Звезды сияют где-то далеко, они давно забыли о Преисподней и о тех, кто на ней живет.

Конечно, мне следовало догадаться. Нескончаемая ночь, которая тянулась двенадцать месяцев, убила флюх. Они не превратились в серый пепел, как те, первые, что сорвал я. Нет, вместо этого мои флюхи спрятались под землю. Они становились все меньше и меньше, словно кто-то прокручивал пленку в обратном направлении. Сделались совсем крошечными, а потом окончательно исчезли. Я так и не сумел узнать, погибли они или отложили споры — земля была слишком твердой, чтобы копать, а то, что мне удалось соскести, не давало возможности сделать какие бы то ни было выводы. Я сумел обнаружить лишь крошечные отверстия, в которые опустились цветы.

Голова у меня снова начала болеть, а сумка с кислородом опустошалась все быстрее, потому что мое дыхание — а я приучил себя делать короткие вздохи — становилось более глубоким, когда я предпринимал какие-то физические усилия. Я двинулся обратно в сторону капсулы.

До нее было много миль, потому что последние три «дня» я жил в пещерах и питался захваченными с собой консервами. Я пытался проследить путь уходящих флюх не только для того, чтобы возобновлять запас кислорода в пустеющей сумке, но и с тем, чтобы изучить их странный метаболизм. Мой запас кислорода в капсule быстро уменьшался; что-то сломалось в системе циркуляции воздуха, когда я приземлился... а может быть, те же частицы, что вызвали взрыв реакторов корабля, нанесли невидимый ущерб очистителям воздуха. Я не знал. Зато мне было прекрасно известно, что необходимо научиться жить, пользуясь тем, что Прेисподняя может мне дать. Или умереть.

Это было трудное решение. Я очень хотел умереть.

Я стоял на открытой местности, капюшон с подогревом причудливо облегал мою голову и сумку-опухоль, когда я увидел необычное свечение в черной глубине космоса. Несколько мгновений огонь ярко горел, а потом начал мерцать, медленно опускаясь на поверхность планеты.

Космический корабль — это я понял почти сразу. Невероятно, совершенно невозможно... По непонятным

причинам Господь послал корабль, чтобы забрать меня отсюда. Я бросился к своей капсуле — единственному, что оставалось от моего корабля.

Я так торопился, что один раз споткнулся и упал и даже сделал несколько шагов на четвереньках, прежде чем снова подняться на ноги. Снова побежал, и, к тому времени когда добрался до капсулы, моя сумка почти опустела, а голова начала раскалываться от боли. Я влетел внутрь, закрыл замок и, в изнеможении прислонившись к стенке, попытался отдохнуться. Потом, еще до того как перестала болеть голова, повернулся к радиоаппарату и уселся перед ручками настройки. Я уже успел забыть, что передатчик — прибор невероятно важный; оказавшись здесь в одиночестве, так далеко от обитаемых миров, я уже давно перестал всерьез рассчитывать на то, что меня когда-нибудь найдут. В действительности появление спасателей не было таким уж чудом — мой корабль взорвался совсем недалеко от торговых маршрутов. Конечно, меня отнесло в сторону, но при определенных обстоятельствах какой-нибудь космический корабль мог случайно сделать здесь посадку.

Так оно и вышло.

Они прилетели.

И теперь находятся совсем рядом.

Я включил сигнал маяка и начал передавать его на всех частотах. Мне казалось, я слышу, как сигнал покидает капсулу и летит в сторону корабля, находящегося на орбите моей планеты. Сделав это, я медленно повернулся на врачающемся стуле, устало положив руки на колени, — и увидел свое отражение на полированной стенке рециркулятора. Я смотрел на свою чудовищную, невероятную, отвратительную сумку-опухоль, покрытую недельной щетиной, на свой рот, превратившийся в мерзкую щель. Ведь я уже почти перестал быть человеком.

Когда они придут, не открою им дверь.

В конце концов я все-таки впустил гостей внутрь. Их было трое — молодые, с чистыми красивыми лицами, они пытались скрыть ужас, который появлялся у

них в глазах, когда они на меня смотрели. Они вошли и сняли свои громоздкие скафандры. В капсule сразу стало тесно, но девушка и один из молодых людей уселись на полу, скрестив ноги, а другой устроился на крышке резервуара с запасом воды.

— Мое имя, — я не знал, как правильно сказать: «есть» или «было», поэтому не сказал ничего, — Том Ван Хорн. Я нахожусь здесь около четырех или пяти месяцев, точно мне и самому неизвестно.

Один из парней — он открыто разглядывал меня, видимо, просто не мог оторвать взгляда — ответил:

— Мы представляем Фонд исследований человека. Наша экспедиция изучает миры, находящиеся за границей колонизации. Мы... мы... видели другую часть вашего корабля... там была женщ...

Я прервал его:

— Знаю. Моя жена.

Они принялись изучать входной люк, передатчик, пол. Некоторое время мы разговаривали, и я заметил, что молодые люди заинтересовались моими теориями о почти мгновенной мутации. Это как раз и было полем их деятельности, так что довольно скоро девушка заявила:

— Мистер Ван Хорн, вы натолкнулись на нечто необычайно важное для всех нас. Вы должны отправиться с нами и помочь докопаться до причин вашего... вашего изменения. — Она покраснела и немного напомнила мне мою жену.

Затем в разговор вступили мужчины. Они задавали бесконечные вопросы и сами на них отвечали, так что я с каждой минутой все больше и больше хотел полететь с ними. Меня захлестнула волна их энтузиазма. На некоторое время я стал одним из них и забыл — забыл, как мой корабль вспыхнул, словно спичка; забыл, как она стояла в коридоре, чужая, посиневшая; забыл годы, проведенные в скитаниях по бескрайним равнинам космоса; забыл долгие месяцы, прожитые здесь; и самое главное — я забыл о том, что изменился.

Они уговаривали меня, предлагали немедленно улететь. Я на мгновение заколебался... но сам не знаю, почему что-то заставляло меня не слушать их. Потом я

сдался и надел свой скафандр. Когда я накинул на голову капюшон, молодые люди уставились на меня, так что девушке пришлось ткнуть одного из своих приятелей под ребра, а другой нервно хихикнул.

Они пытались убедить меня в важности моего открытия для всего человечества. Я слушал. Я был кому-то нужен — это хорошо, так хорошо после бесконечных месяцев, проведенных в Преисподней!

Мы покинули капсулу и быстро прошли расстояние, отделявшее корабль от моего жилища. Мне было приятно посмотреть на их сверкающий корабль; они явно им гордились и хорошо о нем заботились. Новое поколение — сильные, умные ученые, полные юношеского энтузиазма, стремящиеся к замечательным открытиям. Совсем не похожие на старых, измученных людей, вроде меня.

Корабль был залит ярким светом прожекторов и сиял в ночи Преисподней, как огромный горящий факел. Будет здорово снова оказаться в космосе. Мы подошли к кораблю, один из мужчин нажал на панель, и внутри что-то загудело. Открылся люк, опустился посадочный трап; я сразу заметил, что модель современная. Раньше это меня совсем не волновало; я был бедным космическим скитальцем до того, как встретил свою будущую жену. Она значила для меня гораздо больше, чем все корабли на свете.

Я сделал первый шаг вверх по трапу, и в этот момент, почти одновременно, произошли два события.

Я увидел свое отражение на гладкой поверхности корабля. Малопривлекательное зрелище. Отвратительный рот, перекосившийся набок, зиял, словно открытая рана. Глаз, сверкающая щелка, — и чудовищная, покрытая венами опухоль. Я остановился на мостике, молодые ученые на миг замерли у меня за спиной.

И тут случилось второе событие.

Я услышал ее голос.

Где-то... очень далеко... в ярко освещенной янтарной пещере, с потолка которой свисали разноцветные стеклакиты... окруженная мерцающей аурой доброты, чистоты и надежды... юная... необыкновенно прекрасная, она меня звала... сладкоголосая музыка среди сверка-

ющих солнц и мерцающих звезд, на зеленой траве Земли, где счастливо живут маленькие существа... это была она!

Я стоял и слушал, и это мгновение показалось мне вечностью.

Склонив голову, я слушал и знал, что она говорит правду — такую простую, такую чистую и реальную, что я повернулся, прошел мимо молодых людей и вернулся в Преисподнюю.

Ее голос смолк в тот момент, когда моя нога коснулась земли.

Они посмотрели на меня, и некоторое время все молчали. Потом один из них — невысокий блондин с живыми голубыми глазами и короткой шеей — спросил:

— В чем дело?

— Я не полечу, — ответил я.

Девушка сбежала ко мне вниз по трапу.

— Но почему? — В ее голосе слышались слезы.

Конечно, я не мог сказать. Но она была такой маленькой, такой милой и так напоминала мою жену, когда мы только познакомились, что я должен был ей ответить.

— Я слишком долго пробыл здесь; на меня неприятно смотреть...

— О!.. — Вырвавшееся у нее восклицание не могло меня остановить, и я продолжал:

— ...вы вряд ли сможете меня понять, но я... мне здесь было спокойно. Это жестокий мир, здесь темно, но там она, — и я показал в черное небо Преисподней, — я не могу улететь и оставить ее. Вы в состоянии понять это?

Они медленно кивнули, и один из парней сказал:

— Дело не только в вас, Ван Хорн. Это открытие имеет огромное значение для всех на Земле. Жизнь там с каждым днем становится все хуже и хуже. После того как были изобретены препараты, замедляющие старение, люди просто перестали умирать, а католики и пресвитерианцы мешают принятию законов, контролирующих рождаемость. Перенаселение стало очень серьезной проблемой; в цели нашей экспедиции входит

выяснить, насколько человек в состоянии адаптироваться к новым мирам. Ваше открытие может оказать нам огромную помощь.

— Кроме того, вы же сказали, что флюхи исчезли, — заговорил другой ученый. — Без них вы умрете.

Я улыбнулся им; она сообщила мне кое-что очень важное про флюхи.

— Я смогу принести вам пользу, — быстро проговорил я. — Пришлите сюда нескольких молодых людей. Мы станем вместе изучать это явление. Я покажу им все, что мне удалось найти, а они смогут ставить здесь эксперименты. В лабораторных условиях никогда не воссоздать ситуацию в Преисподней.

Так я их и поймал. Они грустно на меня посмотрели, девушка согласилась... а через несколько мгновений к ней присоединились и ее коллеги.

— И... и... я не могу оставить ее здесь одну, — повторил я.

— До свидания, Том Ван Хорн, — сказала девушка и сжала мою руку своими пальчиками в перчатках.

Это было что-то вроде поцелуя в щеку, только шлем мешал, поэтому она пожала мне руку.

А потом они стали подниматься по трапу на корабль.

— Откуда вы возьмете воздух, если флюхи ушли? — спросил один из молодых людей, остановившись на полпути.

— Со мной все будет в порядке, я вам обещаю. Когда вы вернетесь, я буду вас поджидать.

Они с сомнением посмотрели на меня, но я улыбнулся и погладил свою сумку-опухоль, у всех троих сделался смущенный вид, и они пошли дальше по трапу.

— Мы вернемся. И привезем с собой других.

Девушка посмотрела на меня сверху. Я помахал рукой, и они вошли внутрь. А я быстро добрался до своей капсулы и стал наблюдать за их кораблем, который прочертил ночь яростным, пламенным хвостом. Когда они улетели, я зашел внутрь и стал смотреть на тусклые, такие далекие точечки мертвых звезд.

Где-то там, наверху, кружила она.

Я знал, что мне будет чем подкрепиться сегодня, и потом. Она мне сказала; я думаю, что всегда это знал,

только не понимал, что знаю, поэтому она мне и сказала: флюхи не умерли. Они просто отправились пополнить свой запас кислорода, взять его из тела планеты, из пещер и пористых полостей, хранящих воздух. Они вернутся задолго до того, как у меня возникнет в них нужда.

Флюхи вернутся.

И наступит день, когда я снова ее найду, и это уже будет навсегда.

Я ошибся, когда давал имя этому миру. Не Преисподня.

Это вовсе не Преисподня.

В ЗЕМЛЯХ ОПУСТЕЛЬХ

*Стоит, объяв скалу всем телом,
Близ солнца в землях опустелых,
Лазурным миром взят в кольцо*.*

Лорд Альфред Теннисон

На Большой Сырт опустилась ночь, и Петерсон это знал. Он был слеп — и все же знал, что спустилась марсианская ночь. Стихи скрипки сверчков. Сияние солнечного тепла, что весь день его согревало, рассыпалось; становилось зябко. И вопреки слепоте он чуял приход теней, живших здесь с незапамятных времен.

— Претри, — позвал он шепотом, и эхо из лунных долин отозвалось: «Претри, Претри, Претри...», перека-тываясь и затихая почти у подножия небольшой горы.

— Я здесь, старик Петерсон. Чего ты хочешь от меня?

Петерсон в пневмораке расслабил мышцы. Он вдруг почувствовал, как напряженно ждал. И дождался.

— Ты в храме был?

— Был. Молился много оборотов через три цвета.

Много лет прошло с тех пор, как Петерсон последний раз видел цвета. Но он знал, что в религии Марса цвета были основой.

— И что предсказал тебе Благословенный Джилка?

— Завтрашний день заключен в чаше памяти дня сегодняшнего. И многое другое.

In Lonely Lands

© М. Левин, перевод, 1997

* Перевод В. Генкина.

Шелковые обертоны чуждого голоса несли покой. Петерсон никогда не лицезрел воочию высокого и невообразимо древнего джилкита, но его скрюченные пальцы не раз ощупывали безволосую каплевидную голову марсианина и «видели» глубокие круглые впадины, где горели углами глаза, вздернутый нос и узкую щель безгубого рта. Петерсон знал это лицо как свое собственное, со всеми морщинами, мешками и шишками. И еще он знал, как стар джилкит. Так стар, что его земные годы человеку не счесть.

— Ты слышишь приближение Серого?

Претри набрал полную грудь воздуха и хрустнул костями, опускаясь на ступеньку рядом со старым человеком в пневмопраке.

— Он идет, старик, но идет медленно. Будь терпелив.

— Терпелив! — задумчиво хмыкнул Петерсон. — Терпения-то у меня хватает. Полно терпения, а больше, пожалуй, ничего и нет. Когда-то еще и время было, да все почти вышло. Идет, говоришь?

— Идет, старик. Время. Надо просто ждать.

— Как там голубые тени, Претри?

— В лунных долинах густы как мех, старик. Ночь идет.

— А луны вышли?

Широкие ноздри шумно выдохнули, и голос ответил:

— Еще нет. Тайсеф и Тиэй обе за горизонтом. Быстро темнеет. Быть может, этой ночью, старик.

— Быть может.

— Наберись терпения.

Когда-то Петерсон не был терпелив. Когда играла в нем молодая горячая кровь, он подрался со своим отцом — баптистом секты Пресби — и сбежал в космос. Ни в Бога, ни в черта не верил тогда Петерсон, ни в прочие окаменелости Всецеркви. Потом поверил, но тогда — нет.

Он сбежал в космос, и время щадило его. Он старел постепенно, не болея, как стареют люди в темных пропастях между шариками грязи. Он видел смерть: умирали те, кто верил, и те, кто не верил. И со временем

он понял, что одинок и что наступит однажды день, когда придет за ним Серый.

Он был одинок всегда; и когда не мог больше водить через космос большие корабли, он ушел.

Ушел искать себе дом, и круги скитаний вынесли его к началу пути. Петерсон вернулся на Марс, где был молод, где родились его мечты, на Марс, потому что дом человека там, где он был молод и счастлив. Он пришел домой, где теплы дни и нежны ночи. Домой, где люди каким-то чудом не пустили свои корни из бетона и стали. Вернулся в дом, который не изменился со временем его счастливой молодости.

И вовремя. Ибо его нашла слепота, движения стали медленны, и он понял, что Серый идет за ним. Слепота пришла от лишних стаканчиков джина и скотча, от лишней дозы радиации, от лишних часов разглядывания прищуренными глазами пустоты. Слепой, который не может заработать себе на жизнь.

И он на ощупь нашел свой дом, как птица находит родное дерево, как находит последний кусок коры оголодавший зимний олень, как река находит море. Он пришел домой дожидаться Серого, и здесь нашел его джилкит Претри.

Они сидели рядом на террасе, и мало было ими сказано, но многое понято.

— Претри.

— Да, старик.

— Я ни разу не спросил, зачем тебе это надо. Я думал...

Претри подался вперед, и Петерсон услышал, как клацнула его клешня по крышке стола. А потом марсианин вставил ему в руку стаканчик виски с водой.

— Я знаю, о чем ты говоришь, старик. Но я уже две жатвы с тобой пробыл. И я остаюсь. Тебе мало этого?

Две жатвы. Четыре земных года. Когда-то на расвете джилкит пришел и остался служить старому человеку. Петерсон как раз воевал с кофейником (почему-то он любил старомодный настоящий кофе и презирал кофейные брикеты) и водонагревателем, и тут появился этот нетребовательный, самоотверженный слуга и

стал о нем заботиться без угодливости, но угадывая каждое его желание. Они сразу сжились друг с другом: Петерсону не много было надо, а Претри ничего не просил взамен.

Петерсону было не до удивления или любопытства.

В пору жатвы он слыхал звуки жаток собратьев Претри на высоких шелковистых посевах, но сам джилкит никогда не отходил далеко от хижины.

Теперь уже конец был близок.

— С тобой было легче. Ты... ну, в общем, спасибо, Претри. — Старик хотел высказаться ясно, без обињаков.

Признательное хмыканье в ответ.

— Спасибо, старик Петерсон, что позволил мне остаться с тобой, — мягко произнес джилкит.

Щеки Петерсона коснулось что-то холодное. Капля дождя? Впрочем, больше не капало, и он спросил:

— Что это?

Джилкит замялся — Петерсон принял это за смущение — и ответил:

— Обычай моего народа.

— Какой обычай?

— Слеза, старик. Слеза моих глаз на твое тело.

— Послушай... — Петерсона переполняли чувства, давно, как он думал, умершие. Он неуверенно запнулся, пытаясь найти слово: — Не надо... это... печалиться не надо, Претри. Я прожил хорошую жизнь. И Серого я не боюсь.

Он хотел придать голосу смелость, но старые голосовые связки дребезжали.

— Мой народ не знает печали, Петерсон. Мы знаем благодарность, знаем дружбу, знаем красоту. А печали у нас нет. Это серьезное лишение, ты мне говорил, но мы не тоскуем из-за тьмы и потери. Моя слеза — благодарность за твою доброту.

— Доброту?

— Ты мне позволил остаться с тобой.

Старик уже успокоился и ждал, что будет дальше. Он не понимал. Но этот марсианин его нашел и облегчил ему жизнь в эти последние годы. Он был благодарен, и у него хватило мудрости промолчать.

Так они сидели, погруженные каждый в свои думы, и память Петерсона выбирала зерна событий из ма-кины прожитой жизни.

Он вспомнил дни одиночества на большом корабле, и как он сначала смеялся над религией своего отца и над словами отца: «Уилл, никто не сможет пройти этот путь один».

А он рассмеялся и сказал, что он — одиночка. Но теперь, в безымянной теплоте от присутствия марсианина, он постиг истину.

Отец был прав.

Хорошо иметь друга. Особенно когда приближается Серый.

Петерсон сам удивлялся своей спокойной уверенности. Он безмятежно ждал.

Прохлада спустилась с холмов, и Претри вынес плед. Укутал исхудалые плечи старика и снова сел, подогнув все три ноги.

Они сидели в молчании, а равнину заливала темнота.

Прошло время, и Петерсон заговорил. Из тени про-звучал его голос, задумчивый и мягкий:

— Не знаю, Претри.

Ответа не было. Это был не вопрос.

— Просто не знаю... Стоило ли того все это? Годы в космосе, встреченные люди. Одиночки, которые умирали, и умирающие, которые не имели возможности остаться наедине с собой...

— Эту боль знают все народы, старик, — сказал Претри с глубоким вздохом.

— Я никогда не думал, что мне кто-нибудь нужен. Теперь знаю, Претри. Каждому кто-нибудь нужен.

— Многие понимают это слишком поздно, когда уже нет прока в этом знании. — Петерсону почти не пришлось учить марсианина — тот умел говорить по-английски, когда пришел. Еще одна загадка джилкита, но Петерсон над ней не думал. Много космонавтов и миссионеров успели побывать на Марсе.

Чужак напрягся, и его клешня тронула человека за плечо.

— Он приближается.

Дрожь ожидания охватила старика, мурашки близкого старта прошли по коже. Поднялась седая голова Петерсона, и через теплую мягкость пледа он ощутил холод. Значит, уже рядом.

— Он идет?

— Он пришел.

Они оба чуяли его, и Петерсон ощущал знание стоящего рядом джилкита. Он научился разбирать настроения чужака, как и тот привык понимать чувства землянина.

— Серый, — негромко позвал Петерсон, и голос мягко угас в вечернем воздухе, а лунные долины не ответили.

— Я готов, — произнес старик и протянул левую руку навстречу пожатию. Другой рукой он поставил на стол стакан с виски.

Окостенение проползло по телу, как будто кто-то взял его руку в свою. И, думая, что пора уходить, снова одинокий, он сказал:

— Прощай, друг Претри.

Но чужак не стал прощаться. Как сквозь туман, дошел до Петерсона голос джилкита:

— Мы идем вместе, друг Петерсон. Ко всем народам приходит Серый. Почему ты думал, что я уйду один? Друг нужен каждому.

— Серый, я здесь. Здесь. Я не один, Серый!

Странно, но Петерсон каким-то образом знал, что джилкит протянул клешню и что ее приняли.

Слепые глаза закрылись.

Тишина длилась долго, а потом осмелели сверчки и запели еще громче, а на веранде перед хижиной воцарились молчание и мир.

Ночь спустилась на опустелые земли. Ночь, но не тьма.

ВРЕМЯ ГЛАЗА

На третьем году смерти я повстречал Пиретту. Совершенно случайно — она жила в комнате на втором этаже, а мне разрешали выходить на первый этаж и в солнечный садик. И таким странным это казалось, что мы встретились вообще, в ту первую, самую важную встречу — она была там с того времени, как ослепла, с 1958 года, а я был один из тех стариков с молодыми лицами, кого пережевал и выплюнул Вьетнам.

В Доме было не так уж неприятно, если, конечно, не замечать высокую стенку вокруг и материнскую заботу миссис Гонди, тем более я знал: когда туман пройдет и мне снова захочется говорить с людьми, меня выпустят.

Но то было делом будущего.

Я не ждал этого дня и не искал убежища от него в надежной размеренности жизни Дома. Я жил призрачной жизнью среди медицинской заботы; мне сказали, что я болен, но я-то знал, что мертв. Какой смысл меня лечить?

А с Пиреттой было по-другому.

Пиретта — фарфоровое личико с голубыми, как мелководье, глазами и постоянно чем-то занятые шевелящиеся руки.

Я уже сказал, что встретил ее случайно. В те времена, которые она называла «Время Глаза», она становилась беспокойной, и однажды смогла ускользнуть от своей мисс Хэзлет.

The Time of the Eye
© М. Левин, перевод, 1997

А я гулял по нижнему коридору, сцепив за спиной руки и глядя под ноги, когда она быстро сбежала по винтовой лестнице.

У этой лестницы я много раз останавливался и глядел, как скребут каждую ее площадку и каждую ступеньку женщины с болезненными лицами. Казалось, что они по этим ступенькам спускаются в ад, заметая за собой следы. Вечно с белыми прямыми волосами, похожими на старое сено, они скребли лестницу с методической жестокостью, ибо это было их последнее занятие вплоть до самой могилы, и терли ее мылом и поливали водой. А я смотрел, как они ступенька за ступенькой сходят в ад.

Но в этот раз там не было поломоек на коленях.

Я слышал, как она идет вдоль стенки, как ее беспокойные пальцы бегут по деревянным панелям, и немедленно почувствовал: слепа.

И эта слепота — не просто потеря зрения.

Что-то в ней было такое, что-то эфемерное, что тут же отзывалось в моем мертвом сердце. Я смотрел, как она плавно спускается, как бы в ритме безмолвной музыки, и моя душа потянулась к ней.

— Могу я вам помочь? — спросил я вежливо издали. Она остановилась и повела головой, как прислушивающаяся полевая мышь.

— Нет, спасибо, — ответила она самым благорасположенным тоном. — Я вполне сама могу о себе позаботиться, благодарю вас. Вон до той особы, — она мотнула головой вверх, откуда пришла, — никак это, похоже, не дойдет.

Она прошла оставшиеся ступеньки и ступила на безворсовую дорожку пола. Там она остановилась и тяжело перевела дыхание, будто только что успешно завершила какое-то трудное и дерзкое предприятие.

— Меня зовут... — начал было я, но она прервала меня, коротко фыркнув, и я закончил: — Меня зовут: «Эй, ты!»

Она очаровательно усмехнулась:

— В именах мало смысла, вы согласны?

В ее голосе звучала такая убежденность, что не согласиться было бы трудно. И я сказал:

— Полагаю, вы правы.

Она еще раз хихикнула и пригладила волосы.

— Несомненно, они куда как бессмысленны.

Очень странная получилась беседа — по нескользким причинам. Во-первых, в ее разговоре была какая-то сложная разорванность, которая все же показалась мне очень рационалистичной; во-вторых, она была первой, с кем я заговорил за все те два года и три месяца, что прожил в Доме.

Я почувствовал родство наших с ней душ и поторопился эту связь закрепить.

— И все-таки, — зашел я с другой стороны, — человеку приходится как-то называть другого человека. — Я набрался храбрости и продолжал: — Особенno... — я сглотнул, — если этот другой ему нравится.

Она раздумывала долгую секунду — одна рука по-прежнему на стенке, другая на белом пятне горла.

— Если вы настаиваете, — ответила она, подумав, — меня зовут Пиретта.

— Это ваше имя? — спросил я.

— Нет, — ответила она, и я уже знал, что мы будем друзьями.

— Тогда зовите меня Сидни Картон, — высказал я давно подавляемое желание.

— Хорошее имя, если вообще бывают хорошие имена. — Я кивнул. Потом, сообразив, что она не слышит кивка, я каким-то односложным звуком выразил, как я доволен тем, что ей оно понравилось.

— Не хотите ли посмотреть сад? — галантно спросил я.

— С вашей стороны это очень мило, — ответила она слегка иронично, — но я, как видите... совсем слепа.

Я подхватил ее игру:

— В самом деле? Я, честное слово, не заметил.

Пиретта взяла меня под руку, и мы пошли по коридору к створчатой двери в сад. Я услышал, что кто-то идет по лестнице, и тут же ее пальцы сжались на моей руке.

— Мисс Хэзлет, — выдохнула она. — Выручайте!

Я понял, что она хочет сказать. Ее сторож. Очевидно, ей не разрешается сходить вниз и сиделка сейчас

ее разыскивает. Но я не мог допустить расставания — теперь, когда я только что ее нашел.

— Доверьтесь мне, — шепнул я, уводя ее в боковой коридор.

Там я заметил чулан для веников и мягко подтолкнул Пиретту в прохладную и влажную темноту. Тихо закрыв за нами дверцу, я стоял так близко к ней, что слышал ее частое поверхностное дыхание. Мне это напомнило Вьетнам, часы перед рассветом, когда даже спящие с дрожью и ужасом ждали того, что должно было произойти. Она была испугана. Я держался близко к ней, хотя и не намеренно, и ее рука обвилась вокруг моего пояса. Мы стояли совсем рядом, и впервые за два года во мне заговорили какие-то чувства; но здесь думать о любви... как это глупо. Я ждал вместе с ней, запутавшись в саргассах противоречивых чувств, а тем временем мисс Хэзлет прошла мимо.

И потом, мне показалось, через секунду, те же шаги прошлепали обратно — назойливые, размеренные, возбужденные.

— Ушла. Можем теперь пойти посмотреть сад, — сказал я и тут же захотел откусить себе язык. Смотреть Пиретта не могла ни на что, но я не стал исправлять ошибку. Пусть думает, что я не заметил, как задел больное место. Так будет лучше.

Я осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Только старый Бауэр шаркающей походкой шел через холл спиной к нам. Я вывел ее наружу, и она, как ни в чем не бывало, снова взяла меня под руку.

— Как мило с вашей стороны, — сказала Пиретта, сжимая мой бицепс.

Мы прошли через створки двери и вышли в сад.

В воздухе держался мускусный запах осени, и хруст листьев под ногами казался очень уместным. Холодно не было, но она лынула ко мне с какой-то безнадежностью, как будто по необходимости, а не по склонности. Я не думал, что это из-за слепоты; я был уверен, что при желании она прошла бы по этому саду без всякой помощи.

Мы шагали по аллее, и Дом на мгновение скрылся из виду, заслоненный аккуратно выровненной живой

изгородью. Довольно странно: не было ни служителей, скользящих между изгородями, ни других «гостей», любующихся пустыми глазами на дерн дорожек.

Скосив глаза на профиль Пиретты, я восхитился его точеными чертами. Может быть, слишком острый подбородок чуть сильнее, чем нужно, выдавался вперед, зато высокие скулы и длинные ресницы придавали ее лицу слегка азиатский вид. Полные губы и классический, чуть коротковатый нос.

У меня возникло странное чувство, что где-то я ее видел, хотя это было никак невозможно. Но ощущение не удавалось подавить.

Я вспомнил другую девушку... Это было давно, гораздо раньше Вьетнама... когда еще не летел с неба визг металла... кто-то возле моей кровати в Речных Камышах. Другая жизнь, до того как я умер и попал в Дом.

— А небо темное? — спросила она, когда я подвел ее к скамейке, укрытой в изгибе изгороди.

— Не очень, — ответил я. — На севере облака, но на дождевые не похожи. День обещает быть хорошим.

— Не имеет значения, — сказала она тихим голосом. — Погода роли не играет. Вы знаете, как давно я последний раз видела солнце сквозь кроны деревьев? — Пиретта вздохнула, прислонившись головой к спинке скамейки. — Нет, погода роли не играет. По крайней мере в это Время.

Я не понял, но и не обратил внимания. Новый всплеск жизни бушевал во мне. Я с удивлением слышал его биение у себя в ушах. Никто из тех, кто лишен моего опыта, не знает, что значит быть мертвым, не иметь будущего — и вдруг найти что-то, ради чего стоит жить. Не надежду, не просто обрести надежду, а вот быть мертвым — и ожить. Со мной это случилось через несколько минут после встречи с Пиреттой. Я эти два года и три месяца не думал даже о следующей секунде, а сейчас... я вдруг стал смотреть в будущее. Сначала не очень напряженно, потому что эта способность у меня атрофировалась, но с каждой минутой она росла, и жизнь снова возвращалась ко мне. Да, я начал смотреть вперед — а не это ли первый шаг к возвращению потерянной жизни?

— Как вы сюда попали? — спросила она, кладя тонкие пальцы на мое предплечье.

Я накрыл руку Пиретты своей, и ее рука шевельнулась, а я застенчиво убрал руку. Она пошарила вокруг, нашла мою руку и снова положила ее на свою.

— Я был на войне, — объяснил я. — Нас накрыло минометом, меня контузило... и вот я здесь. Я не хотел, может быть, и не мог — не знаю, — я долго не хотел ни с кем говорить. А сейчас я здоров, — закончил я, ощущив вдруг душевный мир.

— Да, — согласилась Пиретта, как будто ее слова решали дело. Она продолжала говорить несколько странным голосом: — А вы чувствуете Время Глаза, или вы — один из них? — В ее голосе слышалась холодная жесткость. Я не знал, что ответить.

— А кто это — они?

У нее поднялась верхняя губа, как у собаки, собирающейся зарычать:

— А те бабы, которые меня держат в постели. Эти мерзкие, тусклые, стерильные твари!

— Если вы имеете в виду сестер и санитарок, — я уловил ее мысль, — то нет, я не из них. И мне они докучают не меньше, чем вам. Разве я вас не спрятал?

— Не найдете мне палочку? — попросила она.

Я посмотрел вокруг — никого не было. Тогда я отломил ветку от живой изгороди.

— Вот такую?

Она взяла ветку и сказала: «спасибо», и начала очищать ее от листьев и мелких веточек. Я смотрел, как порхают ее проворные руки, и думал: «Как страшно, что такая прекрасная, такая умная девушка брошена в сумасшедший дом с этими больными, с этими сумасшедшими».

— А вы, наверное, думаете, что здесь делаю я? — спросила она, снимая с ветки тонкую зеленую кору.

Я не ответил, потому что знать я не хотел. Я только-только нашел что-то, кого-то, вернувшего меня к жизни, и боялся все тут же разрушить.

— Нет, я об этом не думал.

— Так вот, я здесь потому, что я знаю о них, и им это известно.

Это было мне знакомо. Знал я когда-то такого человека — Хербмана, он жил на первом этаже Дома, когда я уже был там второй год. Хербман всегда говорил про большую шайку людей, что пытаются его тайно убить, и как они пойдут на любые крайности, чтоб до него добраться, заставить его замолчать, пока он не разоблачил их адские планы.

Я надеялся, что ее миновала такая болезнь. Жаль было бы такой красоты.

— Им?

— Да, им. Вы сказали, что вы не из них, а вдруг вы врете? Вдруг вы смеетесь надо мной, хотите меня оконфузить? — Она выдернула свою руку из-под моей.

Я поспешил найти почву под ногами.

— Нет-нет, конечно, нет, но разве вы не видите, что я не понимаю? Я просто не знаю. Я здесь уже очень давно.

Похоже, что логика ее убедила.

— Прошу вас меня простить. Я иногда забываю, что не все чувствуют Время Глаза, как я.

Она отщипывала от веточки, стягивая ленты коры и заостряя конец.

— Время Глаза? — спросил я. — Не понимаю.

Пиретта повернулась ко мне. Ее неживые глаза смотрели поверх моего правого плеча, ноги она подтянула поближе, а палку отложила в сторону, как откладывают игрушку, когда больше не до игры.

— Я расскажу вам, — сказала она.

Минуту она помолчала, а я ждал.

— Вы видали женщину с кроваво-красными волосами?

Я был удивлен. Ожидал рассказа, какого-то погружения в глубины души, чтобы полюбить ее еще больше, а получил бессмысленный вопрос.

— Да нет, как-то не приходилось...

— Думайте! — приказала она.

Я стал думать и — странно — вспомнил. Женщину с кроваво-красными волосами За несколько лет еще до того, как меня призвали, на разворотах всех женских журналов была женщина по имени... Господи мой Боже! Разбуженная память заработала — Пиретта!

Фотомодель с утонченными чертами, ослепительными голубыми глазами и прической цвета киновари. Она была так знаменита, что ее очарование выплескивалось с журнальных страниц, она была из тех, чьи имена всегда на слуху и на устах у всех.

— Я помню вас, — сказал я, пытаясь найти слова с большим смыслом.

— Нет! — оборвала она меня. — Нет. Вы не меня помните. Вы помните женщину по имени Пиретта. Красавицу, набрасывавшуюся на жизнь так жадно, как будто это ее последний любовник, и любившую ее с остервенением. Это была другая. А я — несчастная слепая. Меня вы не знаете.

— Нет, — согласился я. — Не знаю. Простите, я на минуту...

Она продолжала, как будто я ничего не говорил:

— Пиретту знали все. Ни один фешенебельный салон мод не был фешенебельным, если ее там не было. Любой вечер с коктейлями ничего без нее не значил. Но она не была нежным фиалковым созданием. Она любила риск, новые ощущения, она была нигилисткой и более того. Она делала все. Поднималась на горы, обошла с двумя парнями вокруг мыса Доброй Надежды на паруснике с аутригером. Изучала в Индии культ Кали, и хотя она пришла как неверная, в конце концов Союз Убийц принял ее в свои послушницы.

Такая жизнь разворачивает. И она ей наскутила. Благотворительность, показы мод, короткие эпизоды со съемками и с мужчинами. Мужчинами богатыми, мужчинами талантливыми, которых влекло к ней и которых поражала ее красота. Она искала новых ощущений... И в конце концов — нашла.

Я недоумевал, зачем она мне это рассказывает. Я уже решил, что жизнь, которую мне теперь хочется прожить, — здесь, в ней. Я снова был жив, и это случилось так быстро и так незаметно — из-за нее.

Она все еще оставалась — пусть и слегка исхудавшей — голубоглазой красавицей неопределенного возраста. В белом больничном наряде не видна была ее фигура, но чувствовалась магнетическая аура, и я был жив.

Я был влюблен.

А она говорила:

— Она попробовала кататься на небесных лыжах и жила в колонии художников на Огненном Острове, а потом вернулась в город и искала все нового и нового.

Наконец она набрела на них — на Людей Ока. Это была религиозная секта, почитавшая созерцание и опыт. А она для этого и родилась на свет. Она ушла по их путям, служа в рассветные часы их идолу и до дна осушая чашу жизни.

Темны были их пути, и дела их не всегда были чисты. Но она оставалась с ними. И однажды ночью, в то время, которое сектанты называли Временем Глаза, они потребовали жертвы, и она была избрана.

И они взяли ее глаза.

Я сидел неподвижно. Я не до конца верил, что слышу то, что слышу. Странная секта, почти что поклонники дьявола, в сердце Нью-Йорка? Выкалывают на церемонии глаза самой знаменитой модели всех времен? Слишком уж фантастично. На удивление мне самому, давно забытые чувства нахлынули на меня. Я ощутил недоверие, ужас, печаль. Девушка, назвавшая себя Пиреттой — а она и была Пиреттой, — вернула меня к жизни только для того, чтобы рассказать мне столь нелепую историю, что ее ничем и не сочтешь, кроме как кошмаром или бредом преследования.

Но ведь были же у нее эти глаза цвета мелководья? Их не видно, но они здесь. Как же их могли украсть? Я был в унынии и смущении.

И вдруг я повернулся к ней и обнял. Не знаю, что на меня нашло, я всегда смущался перед женщинами, даже до войны, а сейчас вдруг сердце у меня подпрыгнуло к горлу, и я прильнул к ее губам.

Они раскрылись мне навстречу, как лепестки, и моя любовь вернулась. Моя рука нашла ее грудь.

Мы несколько минут сидели так. Наконец, когда, насладившись моментом, мы разъединились, я начал что-то молоть насчет выздоровления, женитьбы, жизни за городом, где я буду заботиться о ней.

И я провел рукой по ее лицу, осязая красоту на ощупь, проводя кончиками пальцев по изгибам. Случайно мизинцем я задел ее глаз. Он был сух.

Я остановился, и блик улыбки мелькнул в углу ее восхитительных губ.

— Да, это правда, — сказала она и вытолкнула глаза в подставленную ладонь.

Я вцепился зубами в собственный кулак и испустил писк маленького зверька, попавшего под сапог.

И тут я заметил, что она держит в руке заостренную палку, направив ее вверх, как копье.

— Что это? — спросил я, вдруг похолодев без всякой причины.

— Ты не спросил, — мягко сказала она, как будто разъясняя непонятливому ребенку, — ты не спросил, не приняла ли Пиретта их веру.

— То есть?.. — промямлил я.

— Это и есть Время Глаза, ты разве не знаешь?

И она бросилась ко мне с палкой. Мы вместе упали на землю, и ее слепота не мешала ей.

— Не надо! — вззвизгнул я, когда палка взлетела вверх. — Я ведь люблю тебя. Я хочу, чтобы ты была моей, вышла бы за меня замуж!

— Что за глупости, — мягко упрекнула меня Пиретта. — Я не могу за тебя выйти: ты ведь душевнобольной.

Палка взлетела, и с тех пор со слепой верностьюю меня вечно сопровождает Время Глаза.

ХОЛОДНЫЙ ДРУГ

Иногда, садясь писать, я говорю себе: «Ладно, это будет ужасничек, так что напугай их до полусмерти»; иногда я думаю: «Может, рассказ о любви, нечто теплое, эмоциональное и очень доброе»; но время от времени я побуждаю себя начать замечательным и проверенным временем способом: «А ну-ка, Эллисон... что, если?..»

И чаще всего я просто сажусь и даю волю воображению. Так получается лучше всего. Потому что я никогда не знаю, куда оно меня заведет. Подсознание хватает за развевающуюся гриву дикое и необузданное существо, то есть мою дорогую Музу, и мне остается только держаться покрепче, стараясь не свалиться на полном скаку. После таких скачек и появляются мои любимые рассказы. Как правило, они наиболее известны и чаще других включаются в антологии. Иногда же получается рассказ, который мне очень нравится, но после первой публикации о нем словно забывают.

«Холодный друг» как раз из последней группы.

Я написал его, участвуя в одном из «Милфордских писательских семинаров» Деймона Найта. Кажется, то было последнее из милфордских сборищ, в котором я принимал участие. Оно проводилось в 1973 году в буколическом и окруженному лесами конференц-центре Хикори-Корнерс, штат Мичиган,

Cold Friend

© М. Гутов, перевод, 1997

на берегу озера Галл. Если не считать написания этого рассказа, это была весьма скучная неделя. Я скрывался там от ничтожеств из Торонто, взявшись стать продюсерами моего (к счастью) недолго прожившего телесериала «Затерянный среди звезд»; пытался закончить рассказ «Catman»; и в пятницу восьмого июня, в последний день 16-го Милфордского НФ-семинара, Эйлер Якобсон устраивал прощальную вечеринку.

Джейк в те годы был редактором «Galaxy», и я несколько лет его не видел. Он заметил меня, подошел, мы пожали друг другу руки, и он с ходу выложил: «Я собираю материал для "звездного" 23-го юбилейного номера "Galaxy". Без тебя он будет неполным».

Я мило покраснел и ответил, что мне сейчас нечего ему предложить. («Catman» был уже обещан.) И я знал, что новый рассказ мне писать будет уже некогда, потому что на следующий день я улетал в Торонто, чтобы нырнуть там в кошмарную, несомненно, ситуацию, сложившуюся вокруг «Затерянного среди звезд». Но Джейк продолжал настаивать, и я, поскольку мне так и так было скучно, спросил:

— Какой объем тебя устроит, Джейк?

Он ответил, что объема от трех до пяти тысяч слов хватит, потому что у него уже есть рассказы Артура Кларка, Теда Старджона, Урсулы Ле Гuin и Джеймса Уайта, и даже новая поэма Рэя Брэдбери. Я кивнул, услышав о восхитительной компании, в которой могу оказаться, если напишу что-нибудь, и сказал:

— Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

А сам вернулся в комнату, где работал всю неделю, сел за стол и через три часа закончил «Холодного друга».

Джейк общался с писателями и издателями, собравшимися на прощальную вечеринку, и тут я подошел к нему, помахал перед его лицом рукописью и сказал:

— Если захочешь ее купить, Джейк, то у меня два условия.

Он спросил какие.

— Первое, никакой редактуры. Ты берешь текст, каков он есть. Не меняешь ни единого слова. Второе, авторские права остаются за мной.

Он согласился и отправился читать рассказ. Через пятнадцать минут он, улыбаясь, вернулся и сказал:

— Теперь и ты включен в двадцать третий юбилейный номер.

Я был рад. Прошло уже несколько лет, как я продал некоторые из моих лучших вещей Фреду Полу в «Galaxy» и «If». Мне всегда нравились журналы, и это напомнило мне возобновление старой дружбы.

Увы, но...

Джейк был выпускником редакторской школы дядюшки Фреда и, подобно ему, просто не мог оставить рукопись в покое, ему обязательно нужно было в ней поковыряться. Но поскольку я вырвал из него обещание не делать в рассказе никаких изменений, Джейку пришлось зайти за Амбар Робин Гуда и справляться со своим редакторским зудом там.

В июле или августе в одном из НФ-журналов мне попалось объявление о том, что в октябре 1973 года выйдет «звездный номер» «Galaxy». И там же, черным по белому сообщалось, что в номер войдет нечто под названием «Знай своего почтальона», написанное Харланом Эллисоном. Поскольку я не мог припомнить, что писал когда-либо рассказ с таким названием, то решил, что виноват закусивший удила Джейк. Я ему позвонил и вежливо намекнул, что он нарушает свое обещание. (Фред без конца пишет о таких моих звонках. В его пересказе я всегда выгляжу психом и неизвлекаемой занозой в заднице, у которого хватает наглости требовать, чтобы его рассказы были опубликованы в том виде, в каком написаны, — явно из несогласия признать превосходящую мудрость редактора.)

Джейк в конце концов согласился перехватить макет журнала в типографии и восстановить исходное название рассказа. (Но в тексте все же остались мелкие поправочки. Увы мне...)

Тем не менее «Холодный друг» остается одним из моих любимых рассказов. И хотя у меня, когда я был совсем еще маленьким мальчиком, действительно была знакомая по имени Опал Селлерс, и хотя инцидент во время школьного выпуска произошел именно так, как он описан в рассказе, он произошел с другой женщиной, а не с Опал, о которой я ничего не знаю вот уже лет сорок пять. И именно из-за этих кусочков личной истории «Холодному другу» всегда будет отведено особое место в моем сердце.

Скончавшись от рака лимфатических узлов, я оказался единственным оставшимся в живых после исчезновения мира. Это называется «спонтанная ремиссия» — понятие, насколько я понимаю, в медицине довольно частое. Ему нет приемлемого объяснения, двое врачей обязательно придут к разным формулировкам, и тем не менее оно имеет место. На ваш естественный вопрос: «Для чего вы это пишете, если никого больше не осталось?» я отвечу: «На случай и моего исчезновения, а равно прочих перемен должны остаться хоть какие-нибудь записи, кому бы ни пришлось их прощать».

Это лицемерие. Я пишу эти строки, потому что я — мыслящее существо с огромным эго и не могу смириться с тем, что, побывав здесь и умерев, я не оставил после себя ничего. Поскольку у меня не будет детей, продолживших бы мой род и сохранивших в себе частичку моего существования... поскольку мне уже не оставить следа в этом мире, потому, что и мира-то уже нет... поскольку мне никогда не написать романа, не создать картины и не выбить свой профиль на горе Рашмор... я пишу. Помимо всего прочего, это занимает время. Я основательно изучил три оставшихся от мира квартала, и, признаться честно, особо заняться тут нечем. Вот я и пишу.

Я всегда страдал отвратительной привычкой оправдываться. Услышав какой-либо слух или отголосок сплетни обо мне, я готов был потратить недели, чтобы оправдаться и пристыдить сплетника. Вот и сейчас я ищу себе оправдания. Перед вами мои записки — хотите читайте, хотите нет. Вот и все.

Я лежал в больнице.

Я был безнадежен. Мне делали искусственное дыхание, утыкали всего трубками; я находился под постоянным наркозом, ибо чудовищная боль не прекращалась ни на минуту. Потом... мне стало лучше. Вначале, правда, я умер. Только не спрашивайте, как я могу это утверждать, вы все равно не поймете, если еще не умирали. Даже под наркозом я сохранял какую-то связь с миром. Зато после смерти меня, будто распластанного орла, прикутили к подземной электричке, и она понеслась в черный туннель со скоростью миллиона миль в час. Я был совершенно беспомощен. Весь воздух из легких выдавило, а поезд несся и несся по туннелю к тусклому огоньку вдали. И еще я слышал затихающую звуковую волну, кто-то звал меня шепотом, обращаясь по имени снова и снова: «Юджин, Ю-джин, Юю-джин, Ю-джин...»

Я визжал и несся на крошечный квадратик света в конце туннеля, я закрывал глаза, но все равно его видел. Наконец поезд влетел в этот свет, все потонуло в ослепительном блеске, и я понял, что умер.

Много времени спустя — полагаю, прошло около двухсот лет... хотя, с другой стороны, это мог быть один или два дня — я открыл глаза на больничной койке с простыней на лице.

В таком состоянии я пролежал почти целый день. Сквозь простыню я различал отражаемый потолком свет. Никто не приходил мне помочь, я был слаб и голоден.

Под конец я рассердился, голод стал невыносим, я стянул простыню с лица, вытащил из вены на руке трубку — как мне показалось, обычную капельницу. Сама бутылка была пуста, но, очевидно, то, что в ней когда-то находилось, еще поддерживало мои угасающие

силы. Я выпростал ноги и нашупал тапочки. Пятки мои были сухие и красные, как у старух в богадельнях.

Укутавшись в нелепый больничный халат, я отправился на поиск пропитания. Столовую сразу найти не удалось, зато попался автомат со сладостями. Монет у меня не было, но я настолько разозлился от отсутствия ко мне хоть малейшего внимания, что бесцеремонно перерыл все ящики и кошелек в стоящей рядом тумбочке медсестры, пока не наскреб пригоршню мелочи.

Я съел четыре молочных батончика, две миндалевые шоколадки «Херши» и пакет розовых канадских леденцов. Затем, посасывая тропический сок, отправился на поиски персонала.

Я уже говорил, что больница была пуста?

Больница была пуста.

Разумеется, все погибли. Я, кажется, с этого начал. Но мне потребовалось несколько часов, чтобы в этом убедиться. Ничего не изменилось. Город назывался Ганновер, что в Нью-Хэмпшире, если вам интересно. Я не стану утруждать вас названиями улиц и прочих вещей в те времена, когда существовал мир. Я многое переименовал. Теперь это был мой город. Мой, и только мой, так что я имею право называть все так, как мне нравится. Но когда этот город являлся частью мира, здесь находился Дартмаус-колледж, здесь был отличный лыжный курорт, а зимой стоял чертовский холод. Сейчас гор уже нет, да и зима не наступала вот уже больше года. Дартмаус тоже пропал: он оказался за пределами трех кварталов, сохранившихся после исчезновения мира. Зато осталась пиццерия. Правда, пицца у меня не получается, сколько бы я ни пытался. Полагаю, этого мне не хватает больше всего. А как было бы здорово!

О Господи, погиб весь мир, а все, о чем я могу сожалеть, — это пицца! До чего же мы, люди, маленькие, беспомощные создания! Мы. Я.

Вот. Я снова жил. Полагаю, единственная причина, почему я не сгинул вместе с остальным миром, состояла в том, что все считали меня мертвым. Я полагаю, что это так. Я точно не знаю. Я лишь строю различные

предположения, и, поскольку все остальные еще более нелепы, остается одно. Вот это.

Пусть вам не покажется, что, рассказывая о вещах столь невероятных, я остаюсь спокоен и рационален. Поверьте, я пришел в настоящее отчаяние, когда выбежал из больницы на улицу. Она была пуста. Я скакивал то в один, то в другой магазинчик, надеясь хоть кого-нибудь увидеть. Время от времени я складывал руки рупором и вопил:

— Эй! Кто-нибудь! Я — Юджин Гаррисон. Эй! Есть тут люди?

Но нигде не было ни души.

Когда существовал мир, я работал на почте. Я не из Ганновера. Я жил в Уайт-Селфр-Спрингз. Меня привезли в Ганновер в больницу, умирать.

Добравшись до границы мира, который обрывался в конце больничной улицы, я сел, свесил ноги и уставился в никуда.

Затем я перевернулся, лег на живот и заглянул за край. Почва шла под откос, сразу за тротуаром начиналась грязь, из которой торчали корни; обрубок сохранившегося мира имел форму конуса, под которым не было ничего. Хотя что-то там должно было быть. Месяц назад я хотел спуститься вниз по альпинистской веревке, но ничего не вышло, веревка даже не упала, просто зависла в пустоте.

Думаю, тяготение тоже пропало.

Так. Я поднялся и решил основательно изучить оставшийся участок: квадрат из трех кварталов, кусочек прилегающего к больнице парка и еще несколько маленьких домиков. Здесь же находилось здание почтовой службы США. Как-то я провел целый день, сортируя почту, накопившуюся к моменту исчезновения мира. Потом я смазал колеса тележек, зашил суровой ниткой и чудовищных размеров иглой мешки, на каждое почтовое отделение — свой мешок. Это был скучнейший день в моей жизни.

Я не хочу перегружать вас информацией о себе... Впрочем, это снова лицемерие — самое необходимое я сообщу, чтобы не оказаться без лица или просто стереться из памяти. Я уже говорил, что меня зовут

Юджин Гаррисон, я из Уайт-Селфр-Спрингз, и раньше я работал на почте. Женат я не был ни разу, хотя имел отношения с четырьмя женщинами. Ни с одной из них долго не продолжалось; полагаю, женщины от меня уставали, хотя утверждать не берусь. Я достаточно образован, два года учился в Дартмаусе, пока не бросил и не устроился на почту. Учился я на филологическом факультете, то есть по окончании планировал заняться рекламой, пойти на телевидение или стать журналистом. Понятно, что это была пустая трата времени. Я способен достаточно ясно изложить мысль, но писателя из меня не выйдет. Не могу себя заставить писать очень долго, меня охватывает очень сильный зуд. Да и слово «очень» я употребляю слишком часто.

Я бы с радостью поведал о себе что-нибудь исключительное, может быть, героическое, но помимо факта своей смерти я мало чем отличаюсь от большинства известных мне людей. От тех, которые были мне известны. Людей больше нет. Но чтобы признать себя заурядной личностью, надо обладать известными достоинствами. Я всегда носил одинаковые носки. Пару раз я забывал залить бензин, пришлось тащиться с канистрой на заправку. Иногда я манкировал своими обязанностями. Изредка допускал галантные жесты. Ненавидел овощи. Интересовался путешествиями и историей. Но не преуспел ни в том, ни в другом. Один раз летом съездил на Юкатан и прочитал много книг по истории. И то и другое оказалось весьма скучным.

Хотелось бы написать, что я был особенным человеком, но это не так. Мне тридцать один год, и я средний человек, черт бы меня побрал. Слышите, средний, и нечего ко мне придираться. Я никто, ничтожество, вам и в голову не приходило посмотреть на мое лицо, когда я протягивал вам марки из окошка, вы, заносчивые свиньи! Вы никогда не обращали на меня внимания, ни разу не поинтересовались, как мои дела, и даже не замечали, что я всегда давал вам марки с аккуратно обрезанными краями, если это, конечно, не был блок — многие коллекционируют блоки. Но вы ни разу не обратили внимание на эту маленькую услугу!

Вот этим я был особенный: я заботился о мелочах. А вы не обращали внимания...

Мне больше не хочется рассказывать о себе. Я повествую о том, что произошло, а не о себе, тем более что я вам безразличен, так что нет смысла говорить обо мне подробнее.

Пожалуйста, простите. Накопилось. Я извиняюсь. И за то, что сквернословил. Я не хотел. Я лютеранин. Я прихожанин церкви Всеблагого Господа в Уайт-Селфр-Спрингз. Меня учили не сквернословить.

Продолжаю о том, что случилось.

Я обошел по периметру весь кусок мира. Он был довольно грубо оторван. Кто бы это ни сделал, кто бы ни уничтожил мир, сработано было топорно. Улицы обрывались, телефонные линии уходили в никуда, в ряде случаев провода свисали в пустоту, как рыболовные снасти.

Следует рассказать о том, что находилось за краем. Это походило на снегопад зимой, мутный, с падающими, как снежинки, огоньками, разве что было очень темно. Это и пугало, сквозь такую темноту ничего не должно было быть видно. Но я видел. Там царил ветер, хотя не дуло. Я не могу описать это лучше. Постарайтесь представить. Не было ни жарко ни холодно, просто приятно.

Так я проводил свои дни в бывшем Ганновере, совершенно один. И в моем существовании не было ничего героического. За исключением первой недели, когда я спас город от вторжения почти пятьдесят раз.

Это звучит внушительно, но уверяю вас, ничего особенного не произошло. Первый раз это случилось, когда я возвращался по Майн-стрит из магазина, прихватив с собой несколько книжек для чтения. Неожиданно навстречу выскочил орущий викинг. Он был огромен, выше шести футов роста, с топором на длинной рукоятке, в двурогом шлеме и с огненно-рыжей бородой. Одет он был в перепоясанные ремнями меха, поверх которых была наброшена медвежья шкура. Выкрикивая угрозы на варварском языке, викинг бросился на меня, безумно сверкая глазами. Было ясно как день, что он намерен изрубить меня на куски.

Я пришел в ужас. Швырнув в него книжки, я хотел было кинуться бежать, но сообразил, что он неминуемо меня настигнет.

Между тем произошло следующее: выставив для защиты от книжек свободную руку, викинг кинулся наутек. Не в силах сообразить, что происходит, я поднял книги и побежал за ним. Бежал я как только мог быстро и вскоре стал его нагонять. Он обернулся через плечо, увидел меня и дико заорал.

Я преследовал его до границы мира.

Он продолжал бежать, влетел в снежную тьму и вскоре исчез из виду. Я не решился его преследовать.

Несколько позже в тот же день мне пришлось отразить атаку немецкого боевого пловца, воина-самурая, моро — мусульманского воина с Южных Филиппин, вооруженного гигантским ножом-батангас, рыцаря с копьем на черном коне... Нападали на меня также гунн, вестгот, вьетконговец с автоматом, пуэрто-риканский уличный забияка, беспризорник времен Эдуарда Седьмого с дубинкой, одуревший от наркотиков последователь религии Кали с шелковой веревкой с узелками, венецианский воин с кинжалом в левой руке... всех не упомнишь.

Подобным образом продолжалось всю неделю. Мне достаточно было только швырять книжки.

Потом все прекратилось, и я смог заняться своими делами. Но ничего героического я не совершил. Просто так был устроен новый мир. Поначалу мне показалось, что меня проверяют, потом я понял, что это не так. Я раздражался, выходил на крыльцо больницы и что есть сил кричал:

— Слушайте, мне все это надоело! Это бессмысленно, хватит!

Неожиданно все прекратилось. Я почувствовал облегчение.

У меня не было ни телевизора, ни радио (кинотеатр исчез), зато электричество работало исправно, и я мог наслаждаться музыкой и художественным чтением. Я прослушал «Под молочными деревьями» в исполнении Дилана Томаса, потом Эролла Флина, читающего историю Робин Гуда, и Бэзила Ратбоуна,

рассказывающего «Трех мушкетеров». Я получил огромное удовольствие.

Вода шла постоянно, газ тоже. Телефон не работал. Мне было комфортно. Солнце на небе не показывалось, равно как и Луна ночью, но видно было как днем, да и ночью света хватало.

Я увидел ее на ступеньках почты. Прошел примерно год с моей смерти. С тех пор как сумасшедшие завоеватели исчезли с улиц, я не видел ни единой души. Она сидела на ступеньках, подперев ладонью щеку. Я приблизился и остановился напротив почты. Я ожидал, что она вскочит, запрыгает и завопит: «Амок!», «Амок!» или что-нибудь в этом роде, но ничего подобного не произошло. Она просто смотрела на меня.

...Безумно хороша. Я не великий мастер описывать внешность людей, но можете мне поверить, она была великолепна. Я мог видеть, как она прекрасна, сквозь ее тонкий прозрачный белый халатик. Только волосы длинные и седые, но не как от старости, а как если бы ей просто нравились седые волосы, ну вроде модной седины. Не знаю, понятно ли вам.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась она.

— Спасибо, хорошо.

— Вы поправились?

— Все отлично. Кто вы? И откуда?

Она махнула рукой в сторону конца мира и пожала плечами:

— Не знаю. Вроде я здесь проснулась. Все умерли, так?

— Да. Никого нет почти целый год.

— А... где вы проснулись?

— Прямо здесь. Я уже около часа здесь сижу. Начинаю понемногу ориентироваться. Думала, я здесь одна.

— Вы помните ваше имя?

Вопрос, похоже, ее рассердил.

— Ну конечно же, я помню свое имя! Опал Селлерс. Я из Бостона.

— Здесь был Ганновер, Нью-Хэмпшир.

— Кто вы?

— Оджин Гаррисон, из Уайт-Селф-Спрингз.

Она казалась очень бледной. Я не говорил, но это первое, на что я обратил внимание. Не на прозрачный халатик, честное слово, а на бледность. Просто белая, словно ее надолго оставили в снегу. Мне показалось, что видно, как течет кровь под ее кожей, но потом я понял: это скорее всего мое воображение.

Теперь, как я догадываюсь, кое-кто решит, что она привидение, или вампир, или пришелец, принявший человеческий облик, но, как говорит детектив Ниро Вульф, это все болтовня. Она была человек, ни больше ни меньше, так что можете успокоиться, даже с учетом того, что произошло дальше. Она была так же реальна, как и я.

— Как вы узнали, что я болел? — спросил я.

Она снова пожала плечами:

— Никак. Я просто это знала, вот и все. К тому же вы вышли из больницы.

— Я там живу. И все-таки как вы могли знать, что я был болен? Я ведь едва не умер. Собственно говоря, я умер, но сейчас здоров.

— Что мы будем делать?

— Не волнуйтесь. Ничего особого. Остальной мир пропал, я не знаю куда, но волноваться из-за этого не стоит. Год назад было много безумных вторжений, однако потом все успокоилось.

— Мне надо где-то жить, — сказала она. — Как на счет больницы?

— Прекрасно, — ответил я, — хотя я сам планирую перебраться в один из этих домиков. Если хотите, поселяйтесь по соседству.

Так и получилось, и в течение нескольких недель все было отлично. Я никогда не тороплюсь с женщинами. А может, это они со мной не торопятся. Я убежден, что от женщины исходит некое излучение, которое не позволяет мужчине приблизиться, если она этого не хочет. Толком я в этом не разобрался.

У нас с Опал установились сердечные отношения. Она ухаживала за своим двориком, а я — за своим. Мы часто обедали вместе и вообще часто виделись в течение дня. Однажды, когда она сообразила, что я пропадаю на почте, она подошла к моему окошку и

попросила марку для письма. Деньги у нее были. Я продал ей марку. Она взяла ее и сказала:

— Спасибо, что так аккуратно обрезали края. У меня всегда с этим проблема — или оставлю лишнее, или испорчу марку. Очень любезно с вашей стороны, сэр.

С этими словами она ушла.

Мне было настолько приятно, что я даже не подумал, куда она собирается посыпать письмо.

И кому.

Как-то раз Опал приготовила к обеду жареных цыплят. В магазине оставался приличный запас продуктов, достаточно, чтобы мы долго ни в чем не нуждались. Я, конечно, удивлялся, как получается, что молоко всегда свежее, а мясо парное. Почему есть свет и вода, кто убирает улицы и вывозит мусор? Я ни разу не видел, как это делается, но, очевидно, новый порядок вещей это предусматривал, и я перестал волноваться.

Послушайте: до смерти, когда мир был еще здесь, я водил почтовый грузовик и свою «хонду». Я понятия не имел, как устроены эти машины. Все, что мне приходилось делать, — это время от времени протирать свечи и заправлять бензобак. Я ни о чем не волновался, потому что все работало и так. Вот и вся премудрость. Когда что-нибудь начинало ломаться, тогда и надо было задумываться о том, что и как устроено. Но ничего не ломалось. Вот и все, что можно по этому поводу сказать. Вы бы вели себя точно так же.

В общем, мы поели жареных цыплят, которые мне весьма понравились, ибо были приготовлены именно так, как я люблю: с темной золотистой корочкой, сухие, без жирной пленки, после которой зубы кажутся грязными. И выпили немного вина.

Я вообще-то пью мало, не люблю. Но вина мы выпили.

Ну и я вроде как немного опьянел. Чуть-чуть. И попытался к ней прикоснуться. А она была холодной. Очень холодной. Очень, очень холодной. И закричала на меня:

— Никогда не смей ко мне прикасаться!

Это произошло за две недели до того, как она призналась, что любит меня и хочет стать моей. Я спросил

ее, что она имеет в виду — «стать мою», потому что никогда не стремился никем владеть. Да и она, насколько я понимал, не хотела быть ничьей собственностью — и вот, на тебе!

— Я люблю тебя и хочу остаться с тобой.

— Идти все равно некуда.

— Я не об этом. Мы можем жить рядом и не видеть друг друга. А я хочу делить с тобой этот мир.

— Даже не знаю, что сказать, — пробормотал я.

Мне хотелось того же, но я боялся, что она скоро от меня устанет, и что тогда? Наша ситуация несколько отличалась от привычной модели, если вы следите за моим рассказом.

Вот. Она рассердилась и ушла, хлопнув дверью. Я подождал несколько минут, дал ей остыть и пошел следом. Она дошла до границы мира и продолжала идти дальше. Полагаю, она не знала, что я за ней следил.

Я вернулся домой и лег.

Когда она вернулась спустя часа два, я спросил:

— Кто, черт побери, ты такая?

Она еще злилась, ох как злилась.

— А ты кто такой, черт побери?

— Я знаю, кто я, — огрызнулся я, тоже теряя терпение, — а вот ты кто такая? Я видел, как ты вышла за край. Я так не умею.

— Это уже зависит от способностей. Кому-то дано, кому-то нет. Придется тебе с этим мириться!

Довольно нахальный ответ, надо сказать.

— Я первый здесь оказался!

— Индейцы тоже этим хвастались, посмотри, что с ними стало!

— Так что, ты, что ли, все это сделала, будь оно проклято!

Тут она пошла вразнос и заорала что есть силы:

— Да, бестолковый, ничтожный клоун, это я все сделала! Я уничтожила мир. Что, интересно, ты теперь скажешь?

Я был настолько ошеломлен, что не сказал ничего. Я не думал, что это все она, но после ее признания растерялся. Подойдя к ней, я схватил ее за плечи. От нее веяло холодом.

— Ты не человек.

— Да пошел ты к черту, идиот! Я такой же человек, как и ты. Еще человечнее.

— Ты лучше мне все объясни, — произнес я с нотками угрозы. — А то...

— А то что, ничтожество? Я могу стереть этот последний огрызок вместе с тобой и всем бараком и снова останусь одна, как раньше, до того как я все это сделала.

— Ты это сделала?

— Да, сделала. Сдула. Просто так села, сунула в рот большой палец и сказала: «Пусть все исчезнет, кроме Юджина Гаррисона, где бы он ни находился, меня и крошечного городишко, где мы могли бы быть вместе». А потом вытащила палец изо рта, и все исчезло. Исчез Бостон, небо, земля и все прочее, а мне пришлось долго брести через туман, прежде чем я тебя нашла.

— Зачем?

— А ты меня даже не узнал, идиот. Ты даже не помнишь Опал Селлерс, да?

Я уставился на нее.

— Придурок!

Я продолжал смотреть.

— Я была в твоем классе, мы вместе заканчивали школу. Ты шел следом за мной, когда нам выдавали дипломы. На мне был белый хитон, во время приветственной речи ты стоял сзади, а у меня были месячные, и белый хитон запачкался, ты наклонился и сказал мне об этом. Я смущалась до смерти, но ты предложил мне свою академическую шапочку, я взяла ее и держала за спиной, и мне казалось, что ты совершил самый милый, самый красивый поступок! И я полюбила тебя, ты, бесчувственная тупая скотина!

С этими словами она сбросила маску, экран, вуаль или чем там она прикрывалась — вот почему она была такой холодной, — и внутри оказалась Опал Селлерс, которая всегда была страшной уродиной и знала, что именно так я и думаю. Она сунула в рот большой палец, что-то забормотала... Ничего не произошло.

Тогда она окончательно обезумела, принялась кричать, что потратила на меня все силы и теперь ничего не может сделать, опять хлопнула дверью и ушла.

Я кинулся следом. Она добежала до края, а потом дальше, как викинг, боевой пловец, гунн и вся компания, которую, как я понимаю, она прислала специально, чтобы я почувствовал себя героем.

Вот и все.

Исчезла. Взяла и ушла. Куда — не имею понятия. Я продолжаю сидеть на месте, но что делать дальше, тоже не знаю. Кто-то должен за меня перед ней извиниться — мол, она хорошая девушка и все такое.

А я буду жить здесь, мне удобно, о большем и мечтать не надо. Она постоянно говорила о любви. Ну, это была не любовь, черт.

Не думаю.

Хотя откуда мне знать? Девушки всегда очень быстро от меня уставали.

А я собираюсь научиться готовить пиццу.

ОДИНОКИЕ ЖЕНЩИНЫ КАК ВМЕСТИЛИЩЕ ВРЕМЕНИ

После похорон Митч отправился в «Динамит», бар для одиноких людей. Вернон — бармен, работавший в дневную смену, — сберег для Митча его любимое место в кабинке.

— Я знал, что ты зайдешь, — сказал он, смешав любимый коктейль Митча «Мария» и передавая ему через стойку высокий бокал. — Прими мои соболезнования по поводу смерти Анни.

Митч кивнул и сделал глоток из бокала. Потом огляделся по сторонам — даже для пятницы еще слишком рано, народу совсем немного. Какие-то типы заняли лучшие места по углам выложенного плиткой и украшенного витражами бара, а несколько парочек в обитых плюшем кабинках наслаждались последними минутками перед тем, как вернуться домой к женам и мужьям. Было еще только три часа, а первые секретарши начинали появляться только после половины шестого. Позднее «Динамит» наполнится шумными разговорами, громким смехом и характерным запахом разгоряченных тел, кружащих в поисках добычи. Традиционный ритуал в баре для одиночек.

Он заметил девушку в крошечной кабинке для двоих в дальней части бара, возле застекленной будочки, где диск-жокей всю ночь напролет менял пластинки с записями рок-звезд. Девушку окутывала тень, а у Митча было неподходящее настроение для того, чтобы с кем-нибудь знакомиться. Но он запомнил ее — на будущее.

Lonely Women are the Vessels of Time
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

Он сидел, думал об Анни и потихоньку прихлебывал свой коктейль, когда на соседний табурет плюхнулся журналист из «Инквайрера». Митч знал только его имя, фамилия ему была неизвестна; журналист принялся многословно выражать свои соболезнования. Митчу захотелось повернуться к этому типу и просто сказать ему: «Послушай, черт бы тебя побрал, она была самой обычной девчонкой — с такими знакомятся в пятницу вечером, просто наши отношения продолжались несколько дольше, чем обычно; так что кончай трепать языком и проваливай». Но ничего подобного он не сделал. Митч слушал болтовню, пока у него не кончилось терпение, потом извинился, допил остатки коктейля и отправился в кабинку. Он сидел там, в полу-мраке, пытаясь сообразить, почему Анни покончила с собой, но не находил никакого вразумительного ответа.

Митч попытался вспомнить, как именно она выглядела, но перед глазами всплывали лишь волосы цвета меда да еще рост Анни. Особенная улыбка исчезла, характерный наклон головы и жест руки, когда она была раздражена... исчезли. Голос... исчез. Исчезло все, и Митч знал, что это должно его огорчать, но он ничего не чувствовал.

Он не любил ее, на самом деле был даже готов бросить ради стюардессы британской авиакомпании БОАК. Однако Анни оставила записку, в которой уверяла Митча в своей вечной любви, и он понимал, что должен испытывать ответственность за ее смерть.

Нет, не испытывал.

Задача заключалась в том, черт возьми, чтобы не остаться в одиночестве. Задача заключалась в том, чтобы получить от жизни по максимуму, везде, где только можно, чтобы не быть наедине с самим собой, не чувствовать себя несчастливым, не позволить им слишком глубоко вонзить клыки в твою душу.

Вот, черт возьми, в чем заключалась задача.

Он вспомнил о чепухе, которой забивала ему уши одна феминистка в этом самом баре всего неделю назад. Митч болтал с девушкой, которая работала на

страховую компанию, давая ей возможность рассказывать всякие глупости о ценных бумагах, акциях, завещаниях, временных ограничениях и прочей чепухе, не сводя при этом взгляда с ее потрясающих зеленых глаз, когда терпение Анни лопнуло, и она подошла, предложив немедленно вернуться домой.

Он довольно резко ответил ей. Грубо, если уж быть честным до конца, сказал, чтобы она села на свое место и ждала до тех пор, пока он не освободится. Феминистка на соседнем табурете продолжала морочить ему голову своими бесконечными шовинистическими измышлениями, убеждая его в том, что он самая настоящая свинья.

— Леди, если вам не нравится, как устроен наш мир, отыщите хорошую клинику, где вам сделают прививку от глупости, чтобы вы перестали беспокоить людей, которые заняты своими собственными делами.

Посетители бара устроили ему овацию.

У коктейля был вкус опилок; Митчу вдруг показалось, что в баре запахло плесенью. А тело никак не могло найти подходящего положения. Митч поворачивался то в одну, то в другую сторону, но не мог устроиться так, чтобы было удобно. Проклятье, почему у него так мерзко на душе? Из-за Анни, вот почему. Но ведь он здесь совершенно ни при чем! Она прекрасно знала, что их отношения чистейшее баловство, не более. Она знала об этом с того самого момента, как они познакомились. Анни и раньше бывала в подобных заведениях и сама могла при случае подцепить кого-нибудь — так что нечего устраивать трагедию из пустяка!.. Однако Митч чувствовал себя отвратительно, и все тут.

— Могу я предложить вам выпить? — спросила девушка.

Митч поднял голову. Похоже, это та самая девушка, которую он заметил в дальнем конце бара.

Она была просто великолепна. Тонкая, точеная линия скул, пухлая нижняя губа, волосы цвета меда...

Высокая, стройная, с красивой грудью и длинными ногами.

— Ясное дело. Присаживайтесь.

Девушка села и подтолкнула к нему бокал с двойной «Марией».

— Бармен сказал, что вы предпочитаете именно этот коктейль.

Четыре часа спустя — Митч так и не удосужился узнать, как зовут девушку — она, как бы между делом, пригласила его в гости. Митч вышел из бара вслед за ней, остановил такси. Они устроились на заднем сиденье, Митч бросил на свою новую подругу взгляд и заметил, что мерцающий свет уличных фонарей отражается в ее голубых глазах.

— Приятно встретить девушку, которая не любит терять время попусту.

— Я полагаю, вы уже не раз попадали в подобные ситуации, — ответила она. — В этом нет ничего удивительного, вы такой симпатичный мужчина.

— Ну, благодарю вас.

У нее дома они еще немного выпили; обычный ритуал. Митч уже начал чувствовать действие алкоголя. И отказался от второго бокала. Ему хотелось быть на высоте. Он хорошо знал правила: покажи товар лицом — или проваливай. Так что они отправились прямо в спальню.

Митч остановился на пороге и огляделся по сторонам. Стены задрапированы чем-то белым и прозрачным, может быть, тюлем в мелкую тонкую сеточку. Белые стены, белый потолок, белый ковер — такой толстый, что он утонул в нем по щиколотки. И огромная круглая кровать, покрытая белым мехом.

— Белый медведь, — сказал он и пьяно засмеялся.

— Цвет одиночества, — ответила она.

— Что?

— Ничего, забудь, — небрежно бросила девушка и начала раздевать Митча. Затем помогла ему лечь, и он, не отводя глаз, стал наблюдать за тем, как она медленно снимает одежду. Ее тело светилось бледным, лунным светом; ледяная девушка из далекой волшебной

страны. Митч почувствовал, что в нем просыпается желание.

И она пришла к нему.

Когда он проснулся, девушка стояла в дальнем конце комнаты и наблюдала за ним. Ее глаза больше не были небесно-голубого цвета. Они потемнели, в них клубился дымный туман. Митч чувствовал...

Он чувствовал... себя ужасно. Его переполнял какой-то неясный ужас и бездонное отчаяние. Он ощущал свое... одиночество.

— Ты продержался совсем не так долго, как я рассчитывала, — бросила девушка.

Митч сел, попытался выбраться из кровати, белого моря, и не смог. Снова лег на спину и посмотрел на девушку.

Наконец, после долгого молчания, она жестко сказала:

— Вставай, одевайся и проваливай отсюда.

С некоторым трудом Митч так и сделал, а пока он неловко одевался, в нем росло чувство одиночества, лишавшее способности думать и заставлявшее дрожать, а девушка говорила вещи, о которых ему совсем не хотелось знать.

Об одиноких людях, от отчаяния делающих то, за что они ненавидят и стыдятся себя на следующий день. О болезни, пожирающей души тех, кто по-настоящему никому не нужен. И о хищниках, которые чуют несчастных, используют их и, уходя, оставляют еще более опустошенными и жалкими, чем они были раньше. И о себе — сосуде, наполненном одиночеством, словно дымом, о том, что ищет пустые души, как у Митча, чтобы отлить в них часть яда, чтобы вернуть ту боль, которую они причиняли другим.

Кем она была, откуда появилась, в какой темной земле родилась, он не знал, да и не стал бы спрашивать. Но когда Митч, спотыкаясь, побрел к двери и девушка распахнула ее перед ним, улыбка у нее на губах напугала его так, как ничто другое в жизни.

— И не чувствуя себя брошенным, малыш, — сказала она. — Есть другие, вроде тебя. Ты их обяза-

тельно встретишь. Может быть, даже сумеешь организовать клуб.

Митч не знал, что ответить; ему хотелось броситься бежать, но незнакомка окутала туманом его душу, и он понимал, что стоит ему переступить этот порог, он уже никогда больше не испытает удовлетворения от себя самого. Нужно сделать еще одну, последнюю попытку...

— Помоги мне... пожалуйста, я чувствую себя таким... таким...

— Мне известно, как ты себя чувствуешь, малыш, — сказала она, подталкивая его к двери. — Теперь и ты знаешь, как они себя чувствуют.

И она закрыла за ним дверь. Очень тихо.

Очень твердо.

ГИТЛЕР РИСОВАЛ РОЗЫ

Двери в Ад открылись точно 13 августа, почти за десять дней до начала осеннего равноденствия. Однако это несоответствие не имело принципиального значения. Для тех, кому известно о переходе с юлианского календаря на григорианский в 1582 году, в том, что событие это произошло на десять дней раньше, не было ничего странного. Когда обжигающее солнце прошло небесный экватор, направляясь с севера на юг, возникло множество знамений: в Дорсете, недалеко от маленького городка Блэнфорд, родился теленок с двумя головами; недалеко от Марианских островов поднялись на поверхность затонувшие корабли; повсюду глаза детей превратились в мудрые глаза стариков; над индийским штатом Махараштра облака приняли форму воюющих армий; ядовитый мох мгновенно вырос на южной стороне кельтских мегалитов и тут же погиб — всего за несколько минут; в Греции лепестки левкоев стали истекать кровью, а земля вокруг хрупких стеблей начала издавать запах гниения. Иными словами, явились все шестнадцать предвестников несчастья, как раз в том виде, как их классифицировал в первом веке до Рождества Христова Юлий Цезарь, включая рассыпанную соль и пролитое вино — люди чихали, спотыкались, стулья скрипели... В общем, все эти признаки одновременно и несомненно предсказали грядущие ка-

Hitler Painted Roses

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

таклизмы. Над Маори возникло южное полярное сияние; баски видели, как по улице одного из городов пробежала рогатая лошадь. И так далее.

Врата в Преисподнюю отворились.

Всего на одно короткое мгновение. Они приоткрылись благодаря вселенскому туману макрокосмоса, и кое-кому удалось сбежать.

Бежал Джек Потрошитель. Ускользнул Калигула. Шарлотта Кордей, руки которой все еще были в крови Марата, тоже не упустила своего шанса. Эдвард Тич с торчащей в разные стороны бородой, на которой обгорели и потеряли цвет ленточки, отвратительно хихикая, сумел удрать из Преисподней. Берк и Хейр*, которые стали неразлучными друзьями в этом Гнусном Месте, удрали вместе. Было замечено бегство Каина. Цезарь и Лукреция Борджиа, отталкивая друг друга, старались побыстрее проплыть в приоткрывшиеся врата, и сестре удалось обрести свободу снова творить зло, оставив далеко позади своего слабохарактерного братца. Джордж Армстронг Кастер** стрелой промчался на полыхающем пламенем призрачном коне, длинные, светлые волосы окутывали его голову огненным сиянием, а следом неслись гончие псы. И еще многим другим удалось сбежать.

Гитлер оказался прямо возле врат и тоже мог улизнуть, но не сделал этого. Здесь ему удалось обрести дом; он тратил все свое время, рисуя розы на стенах Преисподней, и не мог расстаться со своими шедеврами. Врата закрылись; все стало, как прежде.

А когда они затворялись, в мегапотоке возник странный вихрь, который затянул все обреченные души назад. Лишь Маргарет Трашвуд сумела остаться незамеченной. Этого просто не могло быть (потому что в Преисподней ведется очень точный и своевременный учет),

* Уильям Берк и Уильям Хейр крали тела только что захороненных покойников для продажи их медицинским школам, а затем и сами стали убивать. (Здесь и далее примеч. пер.)

** Американский генерал, прославившийся своей жестокостью в обращении с индейцами.

однако никто не обратил внимания на ее отсутствие; и все вернулось на круги своя.

Маргарет Трашвуд, недавно попавшая в Преисподнюю, вернулась в мир.

В 1935 году в Даунивилле произошло массовое убийство.

В городке был особняк, который горожане прозвали Восьмиугольным Домом за его форму. Дом построила для себя семья Рэмсдейл. Они занимались разработкой полезных ископаемых, а когда жила в руднике истощилась, стали фермерами и начали разводить скот. Богатые, дружелюбные, интересующиеся делами своих соседей, которым они нередко помогали во времена Великой Депрессии, — их любили и уважали в Даунивилле.

Убийство в Восьмиугольном Доме потрясло и возмутило богобоязненных горожан.

Маргарет Трашвуд, экономка, тридцати одного года, была единственной, кому удалось остаться в живых во время этой бойни. Ее нашли полуоголой, измазанной в крови, всю в слезах — она сидела скорчившись в углу столовой, где находились тела шести Рэмсдейлов, трое из которых были детьми. Горожане выволокли ее из дома и утопили в ближайшем колодце. В 1935 году линчевание было самым обычным делом.

В пятницу, 13-го, в день, когда задули ледяные ветры, а реки потекли вспять, обожженная и опустошенная тень Маргарет Трашвуд вернулась в Даунивилл.

Генри «Док» Томас там больше не жил. Он умер в 1961 году.

Тлеющий пепел, бывший когда-то призраком Маргарет Трашвуд, не задержался в Даунивилле; как Мидгард*, она не заставила тень Генри «Дока» Томаса долго себя ждать. Она продолжала поиски; и, когда поняла, что его там нет, издала такой тосклиwyй стон, что все дети, во всем городе, одновременно заплакали.

* Мидгард (из скандинавской мифологии) — змей, который лежит обернувшись вокруг нашего мира, зажав в зубах свой хвост, обреченный убивать до того момента, пока его самого не убьет Тор в Рагнареке.

Маргарет решила искать дальше. Еgo не было в аду... Она обязательно встретила бы его там и свела счеты. Совершенно невозможно, чтобы вопреки всякой логике, бросая вызов всеобщей вере в то, что Вселенная балансирует между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, продолжая оставаться кристально чистой, не может быть, чтобы Генри Томас попал в Рай.

Сбежав из Гнусного Места, Маргарет Трашвуд заползла в Рай, чтобы отыскать там человека, лишившего ее невинности.

Когда она добралась до Рая, спускались сумерки. Благословенные души двигались медленно и торжественно. Рай — это большой город, раскрашенный в пастельные тона и страдающий от перенаселения. Лица жителей показались Маргарет напряженными, однако отовсюду доносился тихий смех. Здесь было гораздо холоднее, чем в Преисподней, и в небе не летали птицы. Только стрекотали сверчки.

Маргарет Трашвуд несколько раз спросила, как ей его найти, и в конце концов оказалась на большой площади, где бассейн с бледно-золотой водой тихонько перешептывался с надвигающейся ночью. На самом краю бассейна, опустив ноги в воду, сидел Генри Томас.

Она подошла к нему сзади, и ее руки сами собой сжались в кулаки. Ей было больно: руки страшно обгорели. Она испытывала невыносимое желание ударить его.

Маргарет попыталась что-то сказать и поняла, что не может. Она не знала, что явилось тому причиной: переполнившие ее чувства или то, что в Преисподней ей не приходилось ни с кем разговаривать (если, конечно, не считать крики разговорами). Ведь прошло столько времени...

Она сделала новую попытку и сумела произнести его имя:

— Док.

Он задрожал, но продолжал смотреть прямо перед собой. Маргарет снова позвала его. Тогда Док медленно повернул голову и взглянул на нее. А когда их глаза встретились, он заплакал.

Воспоминания о том вечере наполнили это мгновение.

Она опустилась на колени рядом с ним и заглянула ему в лицо. Оно было на двадцать шесть лет старше, чем лицо человека, которого Маргарет любила в 1935 году. Прекрасные черты, точно налет пыли, искажала мука. Он не брился. Может быть, здесь это и не требовалось, или он умер небритым. Интересно, подумала она, как он умер? Но мысль эта быстро исчезла, словно ее унес легкий ветерок. Ей так хотелось взять лицо Дока в свои обожженные руки и снова почувствовать тепло, которое излучало его тело... Невозможно. Слишком много времени прошло, а то, что она пережила в Аду, разделяло их так же точно, как и этот вечер.

Он плакал.

И с тоской смотрел на нее. Потому что находился в ее власти. Он прошептал ее имя, затем еще раз. Она услышала его, повторенное вот так, два раза, и сердце забыло о ненависти. Маргарет наклонилась и прижала свое покрытое пеплом лицо к плечу Дока, оставив на белой коже черные следы. Она тихонько что-то говорила — так мать успокаивает испуганного ребенка. Впрочем, и сама она дрожала. Она никогда не видела его таким. В последний раз они встречались тогда, ночью, когда он...

Границы Рая начали сдвигаться.

Маргарет заглянула за плечо Дока. Небо Рая потемнело, стало приобретать какие-то грязные оттенки. Однажды, в 1934 году, она видела, как дом потерял цвет. Солнечные лучи и сырость быстро разделялись с красками, сделанными на основе льняного масла. Дождь в конце концов добирался до них и, не жалея сил, чистил и мыл дома, пока не оставалось то, что рабочие называют «побелкой». Краски исчезали. Так часто случалось в 1934 и в 1935 годах.

Земля задрожала. Бледно-золотая вода в бассейне заволновалась, метнулась налево, потом направо, начала переливаться через края.

Воздух потеплел. Маргарет показалось, что она услышала птичий крик, но в небе по-прежнему не было видно ни одной птицы.— нигде. Только само райское

небо продолжало медленно, медленно истекать красками.

Маргарет вцепилась в Дока, она держалась за него изо всех сил.

Серебряный свет, который лился неизвестно откуда и освещал райские кущи, вдруг стал тускнуть; пустое пространство вокруг площади заполнили страшные черные тени.

Маргарет еще сильнее прижалась к телу Дока, совсем как тогда, той ночью. В своей комнатке, одной из тех, что были отведены слугам в задней части Восьмиугольного Дома.

Комната. Она видела ее так ясно, воспоминания были такими свежими, словно... когда? Бесчисленное множество лет прошло, или только вчера, в 1935 году... Маргарет вытащили из дома, веревкой связали ноги, возле щиколоток, а один из мужчин сильно ударил ее кулаком в висок; потом ее прижали лицом к кирпичной кладке колодца, а через некоторое время подняли, потрясенную, извивающуюся, отчаянно рыдающую, обнаженную, стыдящуюся своей наготы... И швырнули в колодец головой вперед, прямо в темноту, вниз, вниз, вниз... и так до самого Гнусного Места — когда это произошло? Всего день реального времени назад, или сорок, пятьдесят, сто лет... Когда тебя поджаривают, ты горишь, горишь... всегда горишь?

Маргарет прекрасно помнила ту комнату, уютную, маленькую — в доме Рэмсдейлов. Она поселилась там, когда приехала из Окснарда, где работала на доктора Пулни. Теперь Маргарет собиралась служить в этом доме. Чтобы попасть к ней, нужно было пройти большую кухню, где посередине стоял стол для разделки мяса, на стенах висели сковородки с медными донышками, пахло свежевымытой клеенкой на обеденном столе, в печи горел огонь — Рэмсдейлы так и не завели газовой плиты. Дальше вы оказывались в кладовой — большой, в человеческий рост, в углу которой винтовая лестница вела на второй и третий этажи, где располагались спальни всех членов семьи и комната мистера Рэмсдейла, так что он мог тихонько встать посреди ночи и спуститься вниз, чтобы чего-нибудь

перехватить. И тут вы замечали дверь в комнату Маргарет...

Когда она поступила в этот дом экономкой, ей исполнилось двадцать семь лет. Ей прекрасно платили. Под винтовой лестницей, уходящей наверх, в спальню хозяина дома, который иногда, глубокой ночью, спускался вниз, чтобы перекусить, и находилась ее уютная, аккуратная и совсем крошечная комната.

Небо продолжало истекать красками, земля дрожала, Рай начал погружаться во мрак, а благословенные души устремились в разные стороны, пытаясь спастись от невыносимого, нарастающего жара; Маргарет Трашвуд прижималась к телу рыдающего Дока Томаса совсем как тогда, в тот вечер.

— А ты разве не хочешь узнать, откуда берутся мои сны?

Он посмотрел на нее, и на его лице появилась улыбка, хотя он и старался изо всех сил ее сдержать.

— А зачем мне знать, откуда они берутся?

— Потому что необходимо быть уверенным, что сны живут где-то совсем близко. В том месте, что дорого тебе. Иначе какой от них толк, тогда они ничем не будут отличаться от желания получить побольше денег, или земли, или еще каких-нибудь других глупостей, вроде целой бочки икры, которую ты мог бы есть, пока не лопнешь.

— Ну хорошо, скажи мне, где же обитают твои мечты.

Маргарет села на кровати в своей маленькой комнатке, расположенной в задней части дома, под лестницей, ведущей из большой кладовой наверх, в комнаты хозяев. На ней была сорочка и шелковые чулки. Они с Доком только что занимались любовью, и на ее коже кое-где виднелись розовые пятна, там, где Док прижимался к ней слишком сильно; отметины на груди и руках говорили об их страсти; на теле даже красовалось несколько следов от укусов — Маргарет позволила Доку сделать это, хотя и понимала, что кто-нибудь может обратить внимание на следы преступной любви.

— Мне часто снится моя мать. Она была из Бирмингема, это в Англии. Я ведь тебе рассказывала, помнишь?

Он улыбнулся ей так же, как улыбался ребенку, который утром принес ему птичку колибри со сломанным крылом.

— Да, ты мне говорила.

— Я знаю. Иди сюда, обними меня, я расскажу тебе еще.

Док снова скользнул в постель и лег рядом с Маргарет. Прижал ее к себе; длинные каштановые волосы, которые она распустила, когда он пришел, прекрасные волосы, доходившие Маргарет до самых коленей, словно мягкое покрывало, окутали его обнаженное тело. Она положила голову ему на грудь, и ему стало казаться, что ее голос доносится откуда-то издалека.

— Моя мать всегда работала; я просто не могу припомнить времени, когда бы она не работала. Отец умер, когда я была совсем маленькой. Так мне сказала мать.

— Только ты ей не поверила, — тихо проговорил Док.

Маргарет резко села и удивленно на него посмотрела.

— О Господи, Док, как ты догадался?

Он жестом показал, чтобы она снова легла, а потом вдруг закашлялся. Он был болен — небольшая простуда; но кашель показался Маргарет ужасно громким. Она испугалась, упала на него и прижала ладонь к его рту.

— Тише! Они обедают. Считают, что я отдыхаю. Они не должны узнать, что ты здесь... Док, почему ты пришел так рано?

— Я не мог больше ждать. — Слова были едва различимы, Маргарет по-прежнему зажимала ему рот рукой. Он поцеловал прижатую к губам ладонь.

— Ты не должен. Больше никогда этого не делай. Приходи попозже. Очень, очень поздно, Док. — Затем она немного помолчала, словно над чем-то раздумывая, и добавила: — Только, пожалуйста, не слишком поздно ночью.

Он не успел спросить ее почему.

— На самом деле мой отец сбежал. И тогда мать сэкономила и отправилась за ним в Нью-Йорк. Ей надоело ждать денег, которые он обещал прислать ей на проезд. Он что-то там делал с мебелью. Ну так вот, она работала, собрала денег на билет и поехала к нему, не предупредив заранее о своем приезде — мне кажется, потому, что хотела поймать его с той девицей. И он, конечно же, с ней жил. А потом он сбежал, оставив их обеих. Мама с ней подружилась; это моя тетя Сэлли.

Док приподнял сорочку, рука мягко прикоснулась к ноге Маргарет. Она попыталась оттолкнуть его, но рука не сдавалась.

— О! — только и проговорила Маргарет, словно все происходило в первый раз, а когда Док навалился на нее своим телом, повторила: — О!..

Дверь открылась. Тихо.

Маргарет услышала тихий шорох пустой картонной коробки, которую она поставила возле самой двери. Она всегда так делала. Каждую ночь. Чтобы знать, что к ней пришли гости, ночью, когда все спят. Очень, очень поздно ночью мистер Рэмсдел спускался вниз, чтобы что-нибудь перехватить. Что-нибудь.

Она заглянула через плечо Дока — он стоял и смотрел.

И не стал им мешать.

Он наблюдал, пока Док не застонал, спрятав лицо в подушку; а потом, когда Док чуть приподнялся, чтобы посмотреть на нее и убедиться, что и ей тоже было хорошо, он заметил взгляд Маргарет, которая смотрела куда-то ему за спину. И повернулся. Только тогда мистер Рэмсдейл заговорил:

— Я не потерплю шлюху в моем доме. Вы должны собрать свои вещи и оставить нас еще прежде, чем мы закончим обедать.

Затем он резко развернулся, оставив дверь в комнату открытой, и ушел, чуть пригнув голову под лестницей, которая вела наверх. Он был высоким мужчиной.

Док, упираясь руками по обе стороны от полуобнаженного тела Маргарет, внимательно на нее посмотрел.

— Моя мать погибла во время пожара в 1911 году, — продолжала она так, словно их никто не перебивал, словно они не занимались только что любовью, словно их никто не поймал на месте преступления, словно мистер Рэмсдейл не смотрел на них горящими глазами разгневанного Бога, словно ей не было приказано немедленно покинуть эту комнату. — Она всегда работала. Вот откуда берутся мои сны. — И тут Маргарет заплакала.

Генри Томас оторвался от ее тела и встал с постели. Посмотрел сверху вниз. Затем бросил взгляд на открытую дверь и картонную коробку. Ему всегда было интересно, зачем она там стоит. Коробка была недостаточно тяжелой или прочной, чтобы помешать кому-нибудь войти в комнату. Его мучило любопытство, потому что он не понимал, зачем Маргарет ставит коробку у двери. Теперь он знал, почему она просила его не приходить слишком поздно ночью.

Маргарет показалось, что в одно-единственное мгновение Док вдруг как-то весь сжался. Стал меньше. На самом деле он тоже был высоким человеком — очень полезный, хороший рост для ветеринара, которому приходится утешать маленьких детей, приходящих к нему с птичкой колибри, у которой сломано крыло, или со щенком, или с котом, лишившимся в драке одного глаза. Но он сжался. Увял. Ушел в себя, издавая тоскливые, печальные звуки, разрывавшие ей сердце.

А потом он взбесился.

Вцепившись в ее длинные каштановые волосы, Док стащил Маргарет с кровати и швырнул сквозь открытую дверь с такой силой, что она покатилась по скользкому линолеуму кладовой. Затем он бросился за ней, неожиданно снова стал большим, словно распух от яда, и протащил ее за волосы в кухню. Маргарет попыталась перевернуться и увидела, как он схватил со стены нож для разделки мяса.

И вот они уже в столовой, Док что-то кричал о воровстве и ценностях, которые были украдены, о расстрелинии и еще какие-то безумные вещи, которые были лишены смысла, и пролилась кровь. Его рука поднималась и опускалась так быстро, что было невозможно за-

ней уследить — кровь заливало стены, скатерть, а на хрустальных призмах низко висевшей люстры появились густые пятна ужасного цвета. И еще были крики.

Потом она поняла, что осталась одна, что лежит в крови, полуобнаженная, ей тридцать один год, и она, единственная, осталась в живых в Восьмиугольном Доме.

А вскоре пришли соседи и сбросили ее в колодец.

Лава наполнила райский бассейн. Она сочилась сквозь дно, и золотистая вода превращалась в пар. Теперь она бурлила, зеленая и черная, и алая, гневно-алая, под грохочущей неспокойной поверхностью земли.

Маргарет Трашвуд прижалась к Генри Томасу и почувствовала, как одинаково дрожат их тела.

— Почему ты не убил меня? — спросила она так тихо, что он с трудом разобрал слова за грохотом беснующейся лавы.

А затем она заставила его встать и заметила, что, хотя его обнаженные ноги и были погружены в бассейн, в лаву, им ничего не делалось. В Преисподней ее не раз посыпали в бассейны, наполненные лавой. Они были совсем другими. Может, именно в этом и состояло главное различие между Раем и Адом.

Маргарет подвела Дока к одной из стен, выкрашенных в пастельные тона; впрочем, сейчас на ее гладкой поверхности начали появляться похожие на молнии разрывы. В тяжелом воздухе повисло напряжение.

А потом их посетил Бог, и какими бы грустными или забавными, или мудрыми ни были легенды о нем, Бог в Своем многообразии никогда не отличался веселым нравом. Господь подошел к Маргарет Трашвуд и к дрожащей тени, которая когда-то была Генри «Доком» Томасом, и сказал:

— Ты здесь чужая. Ты не можешь остаться.

— Я не вернусь, — заявила Маргарет Трашвуд, смело обращаясь к Нему, она никогда и ни с кем так не разговаривала, ни в жизни, ни в смерти — Маргарет вела себя с Ним, точно Он вовсе и не был Богом, она держалась очень отважно. — Это ошибка. Я не сделала ничего плохого. Это он виноват, он совершил преступление, а потом убежал, у меня даже не было шанса оправдаться.

Вам должно быть все известно! Вы же ведете учет, не так ли?

Но Бог настаивал на своем, величественно указывая Маргарет Трашвуд на тот путь, по которому она вползла в Рай.

— Отправьте его туда, — сказала она, а потом спохватилась: — Нет, нет, я не это хотела сказать. Пусть он остается. Он там не сможет.

Бог уже тянул ее за руку.

— Да ладно, ладно! Не тащите меня, я и сама умею ходить, благодарю вас.

Тогда Господь отпустил ее, и она попросила Его:

— Дайте мне одну минутку.

И Бог стал нетерпеливо ждать, потому что Рай с каждой минутой уменьшался.

Маргарет взяла лицо Генри Томаса в руки, заглянула ему в глаза и вдруг поняла, что он стал ниже, а она выше, совсем как в ту ночь. Она наклонилась к нему и прошептала:

— Они ведь неправильно сделали, Док, они ошиблись. И собираются оставить все как есть только потому, что остальные в это верят. Они не хотят знать правду, Док. Им так проще. Если достаточное количество людей станет верить фантазиям, тогда они превратятся в реальность. Но мы знаем, Док. Мы-то с тобой знаем, где чье место, не правда ли?

Она нежно поцеловала его, погладила по щеке и покачала головой, удивляясь всеобщей глупости; потом Маргарет бросила взгляд на Бога, и Он раздраженно и нетерпеливо посмотрел на нее.

— Некоторым людям просто нельзя играть с любовью, — сказала она Господу. — Он вел себя неразумно. Разве мистер Рэмсдейл имел какое-нибудь значение? Разве что-нибудь вообще имело значение?

И тогда Бог увел ее назад, в сторону Гнусного Места.

Когда они подошли к вратам, Бог постучал, и через некоторое время они открылись, выпустив наружу облако отвратительной вони.

— Дальше я и сама дойду, — сказала Маргарет Трашвуд и гордо выпрямилась. Она переступила порог, но в тот самый момент, когда дверь начала закрываться, она

повернулась к Богу и сказала: — Когда увидите мистера Рэмсдейла, передайте ему от меня привет.

И, царственno задрав подбородок, вошла внутрь. Врата снова закрылись.

Когда Маргарет Трашвуд заползала в малиновый мрак, Бог успел заметить невысокую тень, стоявшую возле самых врат. Она была обнажена и продолжала тлеть, держа в руках палитру и кисть.

Стены Преисподней, рядом с вратами, украшала фреска с изображением таких невыносимо прекрасных роз, что на них было больно смотреть, и Господь поспешил назад, чтобы отыскать Микеланджело и поведать ему о великолепном зрелище, представшем Его глазам в самом неподходящем месте.

ГРААЛЬ

Годы спустя, уже, что называется, на пороге зрелости, Кристофер Кейпертон сделал запись в дневнике, который начал вести, когда ему исполнился двадцать один. Запись эта имела непосредственное отношение к событию, о котором Кристофер давным-давно забыл.

Она гласила: «*Величайшая трагедия моей жизни состоит в том, что, разыскивая Священный Грааль, который все называют Истинной Любовью, я воображал себя Зорро, романтическим, загадочным разбойником с большой дороги; а женщины, которых я желал, видели во мне поросенка Порки.*

Вышеназванное не сохранившееся в памяти событие произошло четырнадцать лет назад, в 1953 году, когда Крису исполнилось тринадцать.

Дело было в День всех святых. На вечеринке, куда не допустили никого из взрослых, кто-то предложил сыграть «в фонарик». Суть игры состояла в следующем: в комнате гасили свет, все разбивались на пары, а паре водящих вручался фонарик. Те, кого луч фонарика заставлял за поцелуй, становились водящими, а все остальные продолжали резвиться в темноте.

Застенчивый Кристофер вызвался водить первым. В пары ему, как всегда, досталась Джин Кеттнер, которая им восхищалась; сам он ее терпеть не мог. А напротив, у дальней стены, сидела на коленях у Дэнни Шипли, кудрявого блондина, который играл в бейсбол, самая красивая девочка на свете, умопомрачение по имени Бриони Кэтлинг.

Крис Кейпертон желал Бриони Кэтлинг настолько сильно, что буквально исходил слюной.

Еще одно правило игры заключалось в том, что водящий, застав какую-нибудь пару «за этим», имеет право потребовать смены партнеров.

Застенчивый Крис, вынужденный водить вместе с Джин Кеттнер, точно знал, куда нужно светить, но на всякий случай выждал несколько минут, чтобы уже наверняка захватить жертву врасплох.

Естественно, Бриони и Дэнни попались, и Крис потребовал смены партнеров. Из всех четверых восторг ощущал только он. Что касается Бриони Кэтлинг, Кристофер Кейпертон ее совершенно не интересовал; она сходила с ума по Дэнни Шипли.

Но и правила есть правила. Едва погас свет, Кристофер жадно облапил Бриони и потянулся губами к ее губам. Поцелуй пришелся куда-то между губами и носом.

Бриони сдавленно пискнула, вытерла с верхней губы слюну и вырвалась из объятий Кристофера.

За минувшие четырнадцать лет стыд и боль никуда не делись; они прочно обосновались в подсознательном.

По правде говоря, первой любовью Криса была вовсе не Бриони Кэтлинг. В третьем классе он влюбился в мисс О'Хару, которая, когда Крису исполнилось восемь лет, осветила его жизнь, точно мощные прожектора — бейсбольное поле. Мальчик любил ее всем сердцем, а на подарок, который преподнес ей на Рождество, потратил все деньги, заработанные осенью на уборке палой листвы. Мисс О'Хара растрогалась и легонько чмокнула Криса в щеку; она и не подозревала, что этот поцелуй вызвал у него эрекцию.

Затем была актриса Хелен Гахаган, которую Кристофер увидел в старом фильме «Она» по роману Райтера Хаггарда. Впоследствии, посмотрев со значительным опозданием «Белоснежку и семь гномов», он убедился с первого взгляда, что Дисней срисовал злобную королеву Гримхильду с Хелен Гахаган в роли Той-кому-повинуются. Годы спустя, когда актриса стала Хелен

Дуглас и Ричард Никсон во время предвыборной кампании за место в сенате смешал ее имя с грязью, Крис поклялся отомстить и дважды голосовал за противников Никсона.

А за год до того, как Бриони Кэтлинг внушила ему отвращение к самому себе, он влюбился в шведскую актрису Марту Торен, которую видел в «Похождениях негодяя», где она играла вместе с Диком Паузеллом, и в «Парижском экспрессе» с Клодом Рейнсом. С Мартой Торен не шли ни в какое сравнение ни мисс О'Хара, ни Хелен Гахаган, ни даже Бриони Кэтлинг. В глазах Криса она была воплощением Истинной Любви. Четыре года спустя, через шесть месяцев после того, как Кристофера лишила невинности молодая женщина, лишь отдаленно напоминавшая Марту Торен, он прочел в газете, что актриса умерла от редкой болезни под наименованием «воспаление паутинной оболочки»; эта болезнь набрасывалась на жертву, точно Джек Потрошитель, и расправлялась с человеком за сорок восемь часов.

В тот день Крис заперся в комнате и разодрал свои одежды.

В феврале 1968 года, находясь в сайгонской штаб-квартире генерала Уильяма Уэстморленда, двадцативосьмилетний капитан Кристофер Кейпертон неожиданно обнаружил, что Истинная Любовь в физической форме существует на самом деле. Вьетконговцы как раз начали свою знаменитую операцию, Сайгон пылал; не будь у Криса личного джипа с личным водителем, он наверняка застрял бы в городе, поскольку общественного транспорта там не было и в помине, а на такси и на рикшах удирали из Сайгона богачи. Переполненные больницы, пациенты которых лежали в коридорах и даже на лестницах, принимали только тяжелораненых. Мертвцев никто не хоронил, тела валялись прямо на улицах. Однако, несмотря на все это, дела Криса шли неплохо.

Кристофер помогал «джи-ай» справиться со смятением чувств, вызванным войной, которую они дружно презирали. Вместе со своей партнершей и подругой, полукровкой тридцати девяти лет, он поставлял бравым

американским солдатам марихуану, биноктал и черный опиум с лаосских маковых плантаций.

Качество товара было отменным, поэтому Кристофер и Сирилабх Думек процветали. Они даже ухитрились поместить на некий счет в швейцарском банке свыше полутора миллионов долларов (в швейцарских франках), и это за вычетом тех денег, что ушли на подкуп всевозможных чиновников!

Крис любил, находясь, что называется, на линии огня, и, заодно с возлюбленной, хотел только одного — уцелеть и унести отсюда ноги подобру-поздорову, а потому не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, чем занимался. Он вовсе не пытался обманывать себя и отнюдь не считал, что действует на благо человечества; просто подпольная торговля придавала жизни некий смысл, позволяла отвлечься от происходящего. Вдобавок без наркотиков некоторые солдаты наверняка либо сошли бы с ума, либо перестреляли бы своих командиров.

Впрочем, главным для Криса оставалась любовь. Сири была маленькой и почти невесомой — он поднимал ее чуть ли не одной рукой. Тонкие черты лица обладали странной особенностью меняться в зависимости от того, под каким углом падает свет. Наверно, Клод Моне нарисовал бы восемнадцать портретов Сири, чтобы запечатлеть истинное выражение лица (помнится, художник сделал ровно столько набросков Руанского собора). Отцом Сири был французский атташе в Бангкоке, а матерью — храмовая танцовщица, которую Думек впервые увидел на празднике по случаю окончания буддийского великого поста. От отца она унаследовала хитрость, без которой не выжила бы на улице, а от матери — та была родом из Чумпона — мелодичный голос с ярко выраженным южным акцентом. О том, как очутилась в Сайгоне, Сири предпочитала не распространяться. На бедрах у нее были рубцы, и Крис невольно вздрагивал всякий раз, проводя по ним пальцами.

Тем вечером в феврале 1968 года они сидели за ужином в своей квартирке на улице Нгуен-Кон-Тру. Снаряд, выпущенный из стодвадцатидвухмиллиметро-

·вого орудия, угодил в здание напротив, которое рухнуло, точно срубленное дерево. Вокруг разлетелись осколки, один из которых вонзился в плечо Сири.

Крис даже не заикнулся насчет больницы. Он понимал, что Сири не выдержит спуска по лестнице; что уж говорить о дороге в американский военный госпиталь...

На бинты ушли простыня и все белые теннисные носки, какие нашлись в шкафу. Сири прожила около часа. Все это время они разговаривали, и напоследок она наделила Криса единственным даром, которого он и впрямь желал, но не мог добиться — поведала, как найти Истинную Любовь.

— Я знала об этом давным-давно, просто не говорила.

— В деловых отношениях вроде наших не должно быть секретов, — попытался пошутить Крис. — Я к тебе со всей душой, а ты...

— Любимый, времени в обрез, — прошептала Сири, стискивая его ладонь. — Очень скоро ты снова останешься один. В благодарность за твою любовь я могу дать тебе только одно... Учи, ты должен поверить мне на слово...

— Естественно.

Сири отправила его на кухню и велела принести пустой флакончик из-под специй. Крис принес бутылочку с этикеткой «Листья кориандра» (центральный рынок закрылся, поэтому пополнить запас приправ не было возможности).

— Наполни флакон моей кровью. И, пожалуйста, не спорь.

Разумеется, Крис согласился далеко не сразу и потянул несколько драгоценных минут, но в конце концов, презирая самого себя, уступил.

— Я всегда стремилась к совершенству, — проговорила Сири. — И всегда знала, что совершенство возможно лишь в смерти. — Кейпертон раскрыл было рот, но не успел сказать ни слова. — Молчи и слушай! — властно произнесла Сири. — Для каждой женщины существует свой совершенный мужчина, а для каждого мужчины — своя совершенная женщина. Ты — не мой

идеал, хотя очень к нему близок. Я никогда не переставала искать; правда, с тех пор как мы встретились, рвения у меня поубавилось. Пожалуй, надо было довольствоваться тем, что есть... Хорошо быть крепким задним умом, верно?

Я знала наверняка, что Истинная Любовь существует на самом деле, что ее можно подержать в руках, посмотреть на нее и понять... Признаться, я не могла, подобно тебе, отдалиться от чувства неудовлетворенности. Ты не обладал моими знаниями, однако каким-то образом догадывался о реальности Истинной Любви. Сейчас я расскажу, как ее найти. Так сказать, извиняюсь за то, что не переставала стремиться к совершенству и после нашей встречи...

Слабым голосом, часто перёволя дыхание, Сири поведала Крису о предмете, который никто и никогда не описывал, который обнаружили в 1900 году, когда Эванс начал раскопки Кносского дворца на Крите.

Предмет находился в нише за причудливой фреской на стене «коридора процессий». Как он попал туда, оставалось только предполагать.

Археолог, отыскавший этот предмет, сразу сообразил, что за находка у него в руках. Он бесследно исчез в ту же ночь — очевидно, вернулся в Англию; как бы то ни было, больше его никто не видел. О находке стало известно лишь в 1912 году, со слов Бесси Чапмен, одной из семисот одиннадцати спасенных «Карпатией» с затонувшего «Титаника».

Пассажирка, находясь на грани нервного истощения, по всей видимости, начала бредить. Ее рассказ услышали только те, кто был рядом: товарищи по несчастью и матросы «Карпатии». Судя по всему, Бесси была лондонской шлюхой, которой довелось как-то провести вечерок «с настоящим джентльменом, точно вам говорю»; этот джентльмен и показал ей таинственный предмет. Бесси рассказывала о нем с таким восторгом, что, когда умерла, почудилось, будто она отошла в мир иной лишь потому, что познала величайшую на белом свете радость.

Впоследствии было отмечено, что один из матросов, ирландец по фамилии Хаггерти, не отходил от уми-

рающей до самого конца и ловил буквально каждое слово.

Когда лайнер вернулся в Нью-Йорк, Хаггерти спился на берег.

Девятого сентября 1914 года сержант Майкл Джеймс Хаггерти погиб в сражении на Ипре. Его вещмешок, в котором рылся немецкий солдат (о чем стало известно со слов очевидца: тот, когда враги заняли позиции союзников, притворился мертвым и по счастливой случайности уцелел), — так вот, вещмешок исчез. Товарищи сержанта утверждали, что спал он всегда с мешком под подушкой, что в мешке, похоже, находилось что-то тяжелое и что однажды ирландец чуть было не сломал руку шутнику, который хотел развязать горловину вещмешка и заглянуть внутрь.

В промежутке с 1914 по 1932 год предмет — никем и никогда не описанный — возникал трижды: в Севастополе у белогвардейского офицера, у некоего голландского авиаконструктора и, наконец, у чикагского гангстера — по слухам, того самого, что застрелил Дайона О'Бэниона в цветочном магазине на Норт-Стейт-стрит.

В 1932 году человек, прибывший в Нью-Йорк сразу после Рождества на открытие мюзик-холла «Рэйдио-Сити», сообщил полицейским, которые наткнулись на него в переулке поблизости от Пятой авеню, что его избили и ограбили, причем украли «самую ценную и прекрасную вещь на свете». Человека доставили в клинику Белльвью, однако сколько ни допрашивали, он так и не описал украденный предмет.

В 1934 году предмет оказался в частной коллекции немецкого архитектора Вальтера Гропиуса, а после того, как Гропиус бежал из нацистской Германии, перекочевал к Герману Герингу. В 1941 году он будто бы находился у доктора Швейцера во Французской Экваториальной Африке, а в 1946-м очутился в числе тех немногих вещей, которые Генри Форд не оставил по завещанию своей корпорации.

До февраля 1968 года его местонахождение оставалось неизвестным. Однако Сири Думек сообщила

Крису Кейпертону, как найти загадочный предмет. У нее имелся свой способ; именно благодаря ему, кстати, она и сумела проследить все перемещения предмета.

Сири отпустила руку Криса, которую во время рассказа стиснула так сильно, что чуть было не раздавила, и попросила принести шкатулку, купленную ей Кейпертоном в Гонконге. Крис выполнил просьбу. Сири прижала шкатулку к груди. Судя по всему, женщине было нестерпимо больно.

— Помнишь блошиный рынок?

— Да, — отозвалась она, закрывая глаза. — Мы держались за руки, чтобы не потеряться в толпе; потом ты отпустил меня, и я страшно испугалась. Тебя не было целых пятнадцать минут...

— И ты запаниковала.

— А когда вернулась к машине, ты сидел за рулем.

— Жаль, что ты не видела своего лица. Какое на нем было написано облегчение!

— Любовь, — поправила Сири. — Именно тогда я почти забыла о поисках идеала. А ты улыбнулся и протянул мне вот это. — Она разжала ладонь и показала ему голубую с золотом шкатулку.

Крис опустился на колени рядом с кроватью, поправил подушку, на которой покоилась голова Сири. Он явно заинтересовался ее рассказом.

— Что такое Истинная Любовь? Как она выглядит?

— Не знаю. Я никогда ее не видела. Слишком дорого обходится... Нужно искать, — Сири помолчала, словно подыскивая нужное слово, такое, которое не напугает Кристофера, — без посторонней помощи.

— Откуда ты все это узнала?

— От своего осведомителя, которого тебе тоже придется отыскать. Будь осторожен, не торопись. Я однажды погорячилась и... — Сири сделала паузу, потом прибавила: — Тебе понадобится моя кровь.

— Осведомитель? Твоя кровь? Я не...

— Нужно возвзвать к Адраммелеху, Властелину Третьего Часа. — Бедняжка, подумалось Крису, к горлу которого подкатил комок. Уже бредит. — Крис, я разумею Ангела Ночи.

Затем она попросила кое о чем еще. Озадаченно покачав головой, Крис сходил в спальню и принес обитую медью шкатулку, которую Сири называла «бахут».

— Посмотри на нее, — сказала женщина. — Угадаешь, как она открывается? — Крис оглядел шкатулку со всех сторон, но не нашел ни замка, ни защелки. — Она сделана из древесины алоэ, а внутри отделана миндалем. Кажется, до тебя понемногу доходит?

— Сири...

— Чтобы открыть ее, нужен Шургат. Смотри. — Женщина указала на символ, изображенный на крышке шкатулки. — Он не причинит тебе вреда, поскольку его дело — открывать все на свете, и не более того. Возьми мой волос... Пожалуйста, Крис, не спорь... — Сири уже не говорила, а шептала. Кейпертон подчинился. — Шургат потребует волос с твоей головы, но ты заставь его взять мой. Вот что нужно произнести, чтобы призвать...

Ей пришлось повторить заклинание несколько раз, прежде чем Крис убедился, что она вовсе не шутит и не бредит, что он и впрямь должен записать ее слова.

— Когда бахут откроется, ты сам сообразишь, что делать дальше. Будь осторожен, Крис. Больше мне подарить тебе нечего... — Сири открыла глаза и взглянула на Кейпертона. — Сердишься?

Он отвернулся.

— Любимый, мне очень жаль, что все так случилось, но тут ничего не попишешь. Прости меня, ладно?

Сири вновь закрыла глаза, уронила шкатулку на ковер... Крис остался один.

— Я любил тебя недостаточно сильно, — проговорил он, обращаясь к мертвому телу. — Иначе ты была бы жива.

Легко быть крепким задним умом.

К двадцати пяти годам Крис прочел все, что смог найти относительно загадочной сути любви. Вергилий и Рабле, Овидий и Цяо Вей, «Пир» Платона и все сочинения неоплатоников, Монтень и Иоганн Секунд,

а также все стихотворения английских поэтов, от анонимной лирики XIII—XV веков до Ролла, Лидгейта, Уайетта, Сидни, Кэмпиона, Шекспира, Джонсона, Донна, Марвелла, Геррика, Саклинга, Лавлейса, Блейка, Бернса, Байрона, Перси Шелли, Китса, Теннисона, Браунинга и Эмили Бронте. Кроме того, он проштудировал каждый из существующих переводов «Кама сутры» и «Анангаранги», что побудило его взяться за арабских поэтов; он прочел «Душистый сад» шейха Нефзави, «Бехаристан» Джами и «Гулистан» Саади, равно как и анонимный «Тадиб уль-Ницван» и «Зенан-намэ» Фазильбая. Семь арабских трактатов о радостях плотской любви Кейпертон быстро забросил: секс ему был интересен лишь постольку поскольку.

Крис записал в дневнике: «*Мы с Конни Холбен занимались любовью, когда неожиданно вернулся домой из деловой поездки ее муж Пол. Увидев нас, он заплакал. Ничего более ужасного мне в своей жизни видеть не доводилось. Почему-то вспомнился Иксисон, привязанный в Гадесе к вечно вращающемуся колесу — так Зевс покарал его за то, что он посмел помогаться Геры. Больше никогда не прикоснусь к замужней женщине. Оно просто-напросто того не стоит.*

В дальнейшем он откровенно избегал текстов, в которых речь шла исключительно о плотских утехах во всем их многообразии. Нет, Крис никого не осуждал; он понимал, что каждый стремится к Истинной Любви по-своему, зачастую сам того не сознавая. Что же касается лично Кристофера Кейпертона, у него особый путь, и нечего тратить время и силы на то, что не слишком интересно.

Крис прочел «Цзинь, Пин, Мэй» в переводе Уэйли, изучил все, что хотя бы попахивало Фрейдом, разыскал «Роскошный цветок Востока» и даже редчайший английский перевод «Веселых рассказов о Константинополе и Малой Азии», перелопатил мемуары Карла Второго, Чарли Чаплина, Айседоры Дункан, Мари Дюплесси, Лолы Монтес и Жорж Санд, обратился к романистам — Моравии, Горькому, Мопассану, Роту,

Чиверу и Броссару, — но установил, что им известно даже меньше, чем ему.

Тогда он принял разыскивать афоризмы, причем верил каждому слову. Бальзак сказал: «Истинная Любовь вечна и всегда одна и та же. Она чиста и непорочна и не признает насилия; у нее седые волосы и по-юношески горячее сердце». «Разум не в силах управлять любовью», — заметил Мольер. Теренс считал, что «любовь может настолько изменить человека, что друзья с трудом его узнают». Вольтер: «Любовь — это холст, предоставленный нам Природой и расшитый воображением». Ларошфуко: «Когда мы не любим, то часто сомневаемся в том, во что обычно верим».

Но, даже соглашаясь со всеми авторами подряд (хотя каждый видел любовь по-своему — как Природу, Бога, парящую в небе птицу, плотскую радость или суэту), Крис сознавал, что зрит лишь проблески Истинной Любви. Кьеркегор, Бэкон, Гете, Ницше — все они, несмотря на свою мудрость и грандиозные прозрения, имели об Истинной Любви примерно то же представление, что и обыкновенный работяга.

Крис прочел «Песнь песней» и был ею очарован, но дороги к идеалу не указала и она.

Путь открылся в тот самый вечер в феврале 1968 года. Однако ступить на него было страшно.

Шургат, демон-прислужник Саргатанаса, одного из князей адской иерархии, откликнулся на призыв без малейшего промедления. Крис произнес заклинание с множеством ошибок, но Шургат и не подумал ослушаться — ведь он был всего-навсего мелкой сошкой. Правда, добиться от него сотрудничества оказалось нелегко.

Кровью Сири Крис начертил на полу пентаграмму. Он старался не думать о том, что делает — макает палец в кровь женщины, труп которой, накрытый простыней, лежит на диване, что макать придется не раз и не два, поскольку кровь густеет, что в линиях пентаграммы не должно быть ни единого разрыва... Просто рисовал, и все. Даже не плакал.

Потом расставил в пяти углах пентаграммы зажженные свечи (к слову, в те дни большинство квартир в Сайгоне освещались именно свечами).

Встав в центр пентаграммы, Крис принялся читать по бумажке заклинание. Сири говорила, что, если он не выйдет за пределы магического узора, все будет в порядке, что Шургат способен только открывать замки и неприятностей от него ждать не следует — если, конечно, Крис не совершил какой-нибудь глупости.

— Заклинаю тебя, Шургат, великим Богом, Творцом всего живого, явиться в пристойном, человеческом обличье, без шума и злобы, и правдиво ответить на все вопросы, которые я тебе задам. Заклинаю тебя этими священными именами! Шурми, Дельмузан, Атаслоим, Харусихоа, Мелани, Лиаминто, Колейон, Парон, Мадоин, Мерлой, Булератор, Донмео, Хоун, Пелоим, Ибазиль, Меон... — Перечислив еще восемнадцать имен, Кристофер прибавил: — Приди же! Во имя Адонаи, Элохим и Тетраграмматон! Приди!

Из-за реки Сайгон донесся грохот орудий, обстреливавших предполагаемые позиции вьетконговцев. Комнату заволокло мерцающей пеленой, в ней словно вспыхнуло северное сияние.

Крис обнаружил вдруг, что стоит на полированном деревянном полу, хотя и по-прежнему внутри пентаграммы. Неподалеку виднелись развалины какого-то храма — громадные серые валуны со следами когтей, что оторвали их в незапамятные времена от груди гор.

Из теней выступило нечто и направилось к Крису. Руки существа волочились по земле. Когда оно приблизилось и на него упал свет, Кейпертон ощутил приступ тошноты и стиснул в кулаке листок с заклинанием, словно надеясь, что тот спасет.

Шургат остановился у пентаграммы, одно козлиное копыто застыло в миллиметре от линии, начертанной кровью Сири. В ноздри Крису ударила омерзительная вонь: судя по всему, он оторвал демона от обеда.

Внезапно облик Шургата изменился. Голова жабы сменилась козлиной, затем, поочередно, змеиной, паучьей, собачьей, обезьяньей и человеческой; наконец демон

принял обличье существа, которое невозможно описать.

— Открой замок шкатулки, — приказал Крис, повысив голос, чтобы перекрыть вой неизвестно откуда взявшегося ветра.

Шургат пнул шкатулку, которую Крис, следуя указаниям Сири, оставил вне пентаграммы. На бахут его пинок никак не действовал, а в пыли, слой которой покрывал пол, появился отпечаток копыта, сразу же начавший дымиться.

— Открой замок!

Шургат подался вперед и выкрикнул что-то на своем языке. Крис ничего не понял. Если бы гиена умела разговаривать по-человечески, у нее наверняка получилось бы лучше.

Сири предупреждала, что демон может оказаться несговорчивым, но в конце концов уступит, поскольку выбора у него все равно нет. Вспомнив об этом, Крис перешел к решительным действиям.

— Открывай, сукин сын! — Он невольно содрогнулся, представив, как должны выглядеть демоны могущественнее Шургата. — Открывай, кому говорят!

Из пасти демона вырвался рой личинок, которые, упав на пол, наткнулись на невидимую преграду: пентаграмма и впрямь защищала Криса. Потом он вновь забормотал что-то невразумительное и протянул к Кейпертону клешню. Он явно чего-то хотел.

Крис вспомнил про волос подруги. Сири говорила, что ни в коем случае не следует отдавать демону свой волос, ибо адские твари способны покорить человека, завладев даже такой малостью.

Кейпертон достал волос Сири и ткнул им в демона.

Шургат завопил дурным голосом и отшатнулся. Крис и не подумал убрать руку. Демон указал на него, а затем принял царапать когтями свое тело, отрывать куски плоти и швырять на валуны. Крис продолжал стоять как стоял, не обращая внимания на выходки Шургата.

— Бери, чертов выродок! Бери и будь проклят! Она умерла ради того, чтобы я отдал его тебе, так что бери

и не выпендривайся. Она умерла, сlyшишь ты, куча дерма?! Бери или убирайся туда, откуда взялся!

Внезапно Шургат заговорил вполне понятным языком, да и голос у него вдруг сделался едва ли не мелодичным. Но слова, которые он произносил, принадлежали языку настолько древнему, что им не пользовались уже за тысячу лет до Рождества Христова. Шургат заговорил на халдейском.

Тем самым он признал свое поражение, признал, что должен подчиниться человеку. Должно быть, ему жутко не хотелось ощутить на своей шкуре гнев Асмодея или Вельзевула, а те наверняка бы разгневались, если бы он вернулся, не исполнив то, за чём его вызывали. Короче говоря, демон принял волос Сири, который мгновенно вспыхнул. Пламя взметнулось к потолку храма. Шургат направил огонь на шкатулку, и та открылась.

Крис торопливо прочел последние слова заклинания:

— Дух Шургат, поскольку ты откликнулся на мой призыв, я позволяю тебе удалиться, если ты обещаешь не причинить своим уходом вреда ни человеку, ни животному. Изыди, но будь готов возвратиться, если тебя призовут по всем правилам магического искусства. Да будет между нами мир Господень. Аминь.

Шургат бросил взгляд на пентаграмму и произнес на вполне сносном английском:

— С пустыми руками я не уйду.

Демон скрылся в тенях, храм заволокло мерцающей пеленой, а мгновение спустя Крис очутился в своей квартире. На всякий случай, чтобы не рисковать, он подождал без малого час и только потом вышел за пределы пентаграммы.

И обнаружил, что Сири была права: бесплатно ничего не делается. Шургат и впрямь не пожелал уйти с пустыми руками. Он унес тело возлюбленной Криса, а то, что осталось вместо него... Крис заплакал. Ему хотелось верить, что произошла подмена, что на диване под простыней лежит действительно не Сири.

Бахут оказался куда вмestительнее, чем можно было предположить по внешнему виду. В нем лежали кол-

довские книги и записные книжки, заполненные почерком Сири, а также талисманы, каменные, серебряные и деревянные руны; фиалы с порошками, волосами, птичьими когтями и тому подобным, причем на каждом фиале имелась своя этикетка; карты, амулеты — все необходимое, чтобы найти Истинную Любовь.

Кроме того, там находились воспоминания Сири о том, что случилось с ней, когда она призывала существо, которое характеризовала как «мерзейшего из злодеев, самого злобного из десяти сефиротов, гнусного Адраммелеха». Крис читал до тех пор, пока не заболели глаза и не задрожали руки. Да, это не Шургат; ему никогда не хватит мужества, чтобы вызвать такого духа.

Он запомнил каждое написанное Сири слово и поклялся себе, что продолжит ее дело, начнет оттуда, где остановилась она. Но с «осведомителем» связываться не будет, слишком уж высокая получается цена.

А пока следует заняться тем самым загадочным предметом. Крис взял баухут и вышел из квартиры на улице Нгуен-Кон-Тру, чтобы уже никогда в нее не возвращаться. Деньги у него были, а что касается помощи, он решил обойтись без содействия всяких разных тварей, что ходят, волоча руки по земле.

Оставалось только дождаться окончания войны.

В 1975 году следы Кристофера Кейпертона обнаружились в Новом Орлеане. Ему исполнилось тридцать пять, он успел жениться, поддавшись минутной слабости, и развестись, когда обнаружил, что жена не в состоянии заменить Истинной Любви.

«Суета сует, — записал он в дневнике. — Бесплодные поиски воплощений, инкарнаций, которые не могут удовлетворить настоящего ценителя, ибо никогда не утолят сокровенных желаний».

Однажды ему показалось, что он умирает от малярии, подхваченной в Парамарибо, и Крис услышал собственный голос, проклинающий Сири. Если бы она не заставила его поверить, что Истинная Любовь существует на самом деле, он мог бы удовольствоваться

чем-то меньшим. А теперь... Так будь же она проклята во веки веков!

Оправившись от болезни, он устыдился своего поведения. Если вспомнить, кем была Сири, куда отправилась и кто ныне повелевает ее духом, вполне можно предположить, что он произнес над ней приговор, какого она вовсе не заслуживала. В конце концов, кому дано познать чужую душу?..

Уволившись из армии в семидесятом, Крис несколько месяцев пытался восстановить прежние связи — с родственниками, друзьями, знакомыми и деловыми партнерами, после чего возобновил поиски, оборвавшиеся в 1946 году.

Ему удалось не только сохранить, но и приумножить свои капиталы. Хотя швейцарские банкиры покончили с тайными счетами, Крис сумел выкрутиться и стал зарабатывать деньги способами, которые не вызывали ни малейших претензий у налоговых инспекторов и прочей жадной до чужих накоплений публики. Завел десяток паспортов, перемещался из страны в страну под разными именами, даже начал воспринимать себя как безымянного космополита, словно со страниц какого-нибудь романа Грэма Грина.

Он искал следы Истинной Любви. Первую подсказку Крис получил от одного из тех, кто в свое время оценивал имущество Форда. Несмотря на почтенный возраст, оценщик, которого Кейпертон разыскал в Сан-Сити, на память отнюдь не жаловался. Самого предмета ему увидеть не удалось, поскольку тот заблаговременно упаковали в ящик со строгим наказом открывать только в крайнем случае. Что ж, если оценщик и врал, то с большим вдохновением, и Крис ничуть не пожалел о деньгах, которые ему заплатил. Правда, ничего полезного не выяснилось, кроме того, что ящик с таинственным предметом достался современнику Генри Форда, бывшему приятелю магната, с которым Форд разругался за пятьдесят лет до смерти.

Кейпертон установил, что ящик переправили в Мэдисон, штат Индиана, и что получатель мертв вот уже пятнадцать лет, а содержимое ящика продано с аукциона...

Так все и шло. С места на место, от подсказки к подсказке. И всякий раз выяснялось, что владелец предмета поисков мертв, но успел испытать перед смертью великую радость или великое горе. Святой Грааль постоянно маячил впереди, но казался недостижимым. Тем не менее Крис не сворачивал с пути и не поддавался соблазну призвать демона по имени Адраммелех. Он знал, что если в конечном итоге сломается, то, даже отыскав Истинную Любовь, уже не сможет ею насладиться.

В январе 1975 года след привел Кристофера Кейпертона в Новый Орлеан. Источник информации уверял, что искомый предмет находится в руках жреца культа вуду, одного из помощников знаменитого Доктора Кота.

В доме на Пердио-стрит, в комнате, освещенной свечами, Крис встретился с «князем Базилем Тибодо», которого при рождении окрестили просто Уильямом Линком Данбаром. Князь Базиль утверждал, что знал и любил саму Мари Лаво. На вид старому негру было лет шестьдесят, а по его словам — все девяносто два, что, впрочем, представлялось весьма сомнительным. Между тем давно доказано, что настоящая Мари Лаво, основательница современного культа вуду, умерла 24 июня 1881 года в возрасте приблизительно восьмидесяти пяти лет. То есть за два года до рождения Уильяма Линка, если ему и впрямь девяносто с хвостиком; и за тридцать четыре, если он врет...

Кристоферу было плевать, врет «князь Базиль» насчет своего возраста или говорит чистую правду; его интересовало только то, что тот может сказать насчет Истинной Любви.

Переступив порог комнаты, обагренной пламенем свечей, что отражалось в рубиновых и яшмовых подсвечниках, он был готов заплатить, сколько потребуется — или же, в зависимости от обстоятельств, поведать «князю Базилю», что у него есть пара знакомых, которые за гораздо меньшую плату пересчитывают девяносто двухлетнему (или шестидесятилетнему) старику все косточки.

Князь Базиль, очевидно, почувствовал настрой Кристофера, потому что при одном взгляде на гостя посерел от страха.

— Не трогайте меня, мистер, — взмолился он. — Я дам вам все, что вы хотите.

Кристофер покинул дом на Пердио-стрит с информацией, на которую вполне мог положиться, ибо на смерть перепуганный человек просто не способен лгать. Итак, Уилли Линк Данбар занимался контрабандой и в 1971 году видел загадочный предмет. Описать его он оказался не в состоянии, твердил только, что ничего прекраснее в жизни не видел. Когда он произносил эти слова, его лицо выражало одновременно страх перед Крисом и радость, навеянную воспоминаниями.

Князь сообщил Крису, как звали контрабандиста, который забрал предмет из лодки. А когда Крис спросил, чего он так испугался, Базиль ответил: «Вы общались с Древними. Стоит мне прикоснуться к вам, и я уже никогда не исцелю ничью душу. Я просто развлекаюсь, а вы... вы играете с огнем».

Крис невольно вздрогнул. А ведь он всего-навсего пообщался с мелкой сошкой, прислужником Адраммелях!

Свернув с Пердио-стрит в переулок, Кейпертон остановился и задумался. Что же такое Истинная Любовь? Он алкал ее давным-давно, пытался найти во многих женщинах, различал проблески, но только теперь подумал, что будет с ней делать, когда все-таки найдет. Достоин ли он Истинной Любви? Кажется, тот, кому суждено найти Святой Грааль, должен быть чист во всех отношениях, не ведать ни страха, ни сомнений, ни скверны. Рыцари на белоснежных скакунах, святые, защитники веры — вот кандидаты на подобную честь. Красавица всегда достается Прекрасному Принцу, а не поросенку Порки.

Скверна, скверна... Пожалуй, на пути к совершенству оншел слишком далеко и познал чересчур много.

Впрочем, он подступил к Истинной Любви ближе, чем кто-либо до сих пор. Кстати, даже те, кто обретал ее, не знали, как с ней быть. А Крис сознавал, что способен слиться с Истинной Любовью воедино, чего

пока не удавалось никому. Никому из тех, кто владел ею на протяжении тысячелетий, сколь бы они того не заслуживали.

Кристофер Кейпертон знал, что его судьба — взять в руки Истинную Любовь. Человек, спознавшийся с демонами и не отбрасывающий тени, оставил окрестности Пердидо-стрит и двинулся прочь.

Последняя подсказка лежала, что называется, на поверхности. Истинную Любовь продали на аукционе «Сотбис» в апреле 1979 года. Ныне она принадлежала человеку, который жил выше большинства людей — в небоскребе окнами на Нью-Йорк (а чуть ли не восемь миллионов горожан ежедневно задумывались над тем, где скрывается Истинная Любовь).

Имя этого человека Крис нашел в записных книжках Сири. В 1932 году он побывал в Нью-Йорке на открытии мюзик-холла «Рэйдио-Сити», и тогда у него украли таинственный предмет. На то, чтобы вернуть похищенное, у него ушло сорок семь лет. Вдобавок за минувшие годы он стал чудовищно богатым и могущественным и начал вести жизнь затворника.

Снова дома, снова дома, трата-та-татата.

Кристофер бросил взгляд на обложку журнала «Эсквайр» за декабрь 1980 года. С обложки улыбалась женщина в соблазнительном подвенечном платье. Фотография относилась к статье под названием «В поисках жены», подпись гласила: «Кругом столько красивых и умных женщин. Почему же так трудно найти хотя бы одну?»

Крис улыбнулся при мысли, что подобная фотография, только мужская и с соответствующей подписью, вполне могла бы появиться и на обложке женского журнала.

Фотомодель, которую выбрали для снимка, выглядела невинно-трепетно — и обольстительно. Ее запечаттели в миг бесконечного совершенства. Будь Кристофер не собой, а кем-нибудь другим, эта фотография наверняка стала бы для него воплощением Истинной Любви.

А так она оказалась всего-навсего последней в ряду других снимков, фильмов и зрительных впечатлений, полученных на городских улицах. И потом, зачем ему воплощение, если сегодня вечером он получит оригинал, возьмет в руки Истинную Любовь?

Кристофер рассовал по вместительным карманам плаща фиалы из бахута и покинул отель. На улице было прохладно, с реки задувал ветер. Завтра скорее всего пойдет снег. Что ж, приблизительно так он и представлял себе день, в который завершатся его поиски.

Кристоферу Кейпертону было сорок лет.

Взятки сделали свое дело. Дверь котельной оказалась не заперта. Дубликат ключа от лифта, как и договаривались, лежал на полочке. Криса никто не остановил. Он поднялся наверх и зашагал по темному коридору, сверяясь с планом, который держал в руке. Где-то в отдалении хлопнула дверь.

Вскоре Крис оказался в хозяйской спальне. Посреди комнаты, которую освещал ночник, стояла огромная кровать, на ней лежал умирающий.

Кейпертон затворил за собой дверь. Человек на кровати открыл ярко-голубые глаза и посмотрел на Криса.

— Мой мальчик, запомни: молчание нельзя купить ни за какие деньги. Все остальное можно, а молчание — нельзя. Всегда найдется тот, у кого рот шире, чем сумма, которую ты ему предлагаешь.

— Если бы я предполагал, что из этого что-то выйдет, то попробовал бы с вами договориться, — с улыбкой сказал Кристофер, подходя к кровати. — По профессии я вовсе не вор.

Старик возмущенно фыркнул:

— То, что тебе нужно, не продается.

— Я так и думал. Но подумайте вот о чем: с собой вы ее все равно не заберете, а я эту штуку ищу давным-давно.

— Мой мальчик, мне плевать, сколько ты ее ищешь! — Старик усмехнулся. Судя по всему, сил у него оставалось достаточно. — В любом случае не дольше моего.

— Вы разыскивали ее с Рождества 1932 года.

— Так, так. Вижу, ты выучил домашнее задание.

— Я заплатил не меньше вашего.

— Меня это не касается. Тебе никогда ее не найти.

— Она здесь, в этой комнате. В сейфе.

— А ты умнее, чем я думал. — Глаза старика удивленно расширились. — Между прочим, я нарочно не предпринимал никаких дополнительных мер безопасности — хотел посмотреть, на что ты способен. Но, должен признать, не догадывался, что ты узнаешь про сейф.

— А я узнал.

— Хотя, если вдуматься, какая разница? Тебе все равно его не обнаружить, а даже если и найдешь, то не откроешь. — Старик кашлянул, улыбнулся и продолжил, глядя в потолок: — Он спрятан так, что тебе никогда не найти. А если и найдешь, то упрешься в бетонную стену шести футов толщиной, усиленную молибденовым сплавом. Еще там две оболочки, толщиной каждая в фут; одна из углеродистой высокохромистой стали, другая — из кремниево-марганцевой стали, плюс шестидюймовая прокладка из вольфрамохромомолибденовой быстрорежущей инструментальной стали. Дверь сейфа покрыта нержавеющей, под ней полтора дюйма чугуна, тринадцать с половиной дюймов закаленной стали, а внутри этого пирога — шарниры. Вдобавок на двери двадцать задвижек — шестнадцать по бокам, две вверху и две внизу. Коробка сделана из вольфрамомолибденового сплава и залита бетоном, который укреплен расположенным крест-накрест стальными прутьями. — Старик снова кашлянул и добавил, безмерно довольный собой: — Дверь заделана заподлицо, так что в щель не просунуть и нитки.

— Полагаю, это еще не все? — осведомился Крис, состроив унылую физиономию. — Наверняка где-то стоит термостат, который сработает при повышении температуры... например, если я включу газовый резак.

— Молодец, хорошо соображаешь. — Старик широко усмехнулся, но его лицо понемногу утрачивало румянец, а веки так и норовили сомкнуться. — Кстати, через пол пропущен ток.

— Сдаюсь, — проговорил Крис. — Ваша взяла.

Однако старик услышал только первую фразу. Вторую Кристофер произнес, уже обращаясь к самому себе.

— С другой стороны, — продолжил Кейпертон, — нет такого замка, который нельзя было бы открыть.

Он немного постоял у кровати, разглядывая последнего владельца Истинной Любви, который, судя по виду, умер не слишком печальным и не слишком счастливым. Потом отошел на середину комнаты, опустился на колени, достал из кармана фиал с этикеткой «Кровь Хеломии», откупорил и принялся рисовать пентаграмму. Закончив, расставил по углам свечи, зажег, встал в центре магического узора и начал читать по бумажке полученное двенадцать лет назад заклинание.

Шургат явился без промедления.

На сей раз он не пожелал увести Криса в иное измерение — комната осталась такой же, как была.

— Зачем я тебе понадобился так скоро? — произнес демон тем же голосом, каким разговаривал перед тем, как забрать тело Сири.

К горлу Криса подкатила тошнота. В прошлый раз он оторвал Шургата от обеда, а сейчас — от того, что считалось у демонов, по-видимому, плотскими утехами. Шургат и не подумал, откликаясь на вызов, расстаться со своей подружкой, которая явно не принадлежала к человекоподобным существам. У Криса мелькнула шальная мысль: а что, если она была человеком и?.. Он не рискнул додумать мысль до конца.

— Что значит «скоро»? Прошло двенадцать лет.

— Как быстро летит время, — проговорил Шургат, на животе которого возникло ухмыляющееся человеческое лицо. Подружка демона застонала и задергалась в конвульсиях.

— Открой сейф, — велел Крис, стараясь не обращать внимания на подружку Шургата.

— Ты должен мне помочь, один я не справлюсь, — прошипел демон.

— Еще чего! Давай открывай.

— Ты должен... — начал было демон.

Крис сунул руку в карман, нашарил листок с заклинаниями и принялся читать:

— Именем Властелина адских глубин заклинаю тебя беспрекословно повиноваться моим словам и внимать им, как приговорам в день Страшного Суда, а иначе...

Из-под чешуек демона выступила кровь, на груди расплылось фиолетовое пятно.

— Я повинуюсь, повинуюсь! — перебил Шургат и протянул лапу за волосом.

Крис вручил ему волосок из лисьей шкуры, который немедля вспыхнул. Шургат направил пламя к потолку, в котором вдруг открылось отверстие, а центральная секция пола, на которой стоял Крис, пошла вверх. Когда Кейпертон, поднявшись на гидравлическом лифте, очутился в комнатке над спальней, демон направил пламя на стальную дверь сейфа, и та торжественно распахнулась, открывая доступ к содержимому хранилища.

Крис прочел заклинание, отсылавшее демона обратно в преисподнюю. Перед тем как исчезнуть, Шургат вкрадчиво произнес:

— О могущественный хозяин, позволь сделать тебе подарок.

— Нет! Больше мне от тебя ничего не нужно.

— Клянусь князем Адраммелехом, хозяин, мой подарок тебе просто необходим.

Крису стало страшно.

— И что же это за подарок?

— Значит, ты согласен его принять?

Кейпертону внезапно вспомнились слова Сири: «Он не причинит тебе вреда, поскольку его дело — открывать все на свете, и не более того. Но будь осторожен».

— Да, согласен.

У границы пентаграммы неожиданно возникла лужа с грязной водой, а демон превратился в насекомое с человеческим лицом, ослабился и кинул: «Смотри», после чего стал стремительно уменьшаться в размерах и наконец исчез. А в луже Крис увидел...

Увидел сцену из фильма под названием «Гражданин Кейн». 1940 год. Расположенный на одном из этажей небоскреба офис старика по фамилии Бернштейн. Перед стариком сидит репортер Томпсон, который хочет

узнать, что означало последнее произнесенное Чарлзом Фостером Кейном слово — «розанчик»?

— Может, он имел в виду какую-нибудь девушку? — говорит Бернштейн после непродолжительного раздумья. — В молодые годы...

— Вряд ли, мистер Бернштейн, — возражает явно удивленный Томпсон. — Едва ли мистер Кейн вспомнил бы на смертном одре девушку, с которой был лишь шапочно знаком...

— Вы слишком молоды, мистер... э-э... Томпсон, — перебивает Бернштейн. — Никогда не скажешь наперед, что человек помнит, а что забыл. Возьмите, к примеру, меня. В 1896 году я плыл на пароме на Джерси. Наш как раз выходил из гавани, а другой шел на встречу. — Эверетт Слоун в роли Бернштейна мечтательно смотрит в окно. — На нем я заметил девушку. Белое платье, в руке белый зонтик... Я видел ее одно мгновение, однако прошел целый месяц, прежде чем эта девушка перестала являться мне во сне. — Он победно улыбается. — Понимаете, к чему я клоню?

Вода помутнела, вновь стала грязной, и Кристофер очутился в комнатке над спальней наедине со страхом. Ему было страшно от того, что узнал он, пожалуй, слишком много.

Внезапно он вообразил себя марионеткой, движениями которой управляет некая безымянная сила, что повелевает всеми людьми на свете, заставляет их плясать под свою дудку, искать недостижимое, обещает Святой Грааль и не дает ни сна, ни покоя.

Даже если нитки почему-то рвутся и смертные во-лею случая оказываются на свободе, в конце концов они неизбежно возвращаются к своему хозяину, чтобы снова оказаться на привязи. Лучше плясать под напевы дудки, что лжет об Истинной Любви, чем признать, что люди одиноки, что им никогда не найти то, к чему они стремятся. Стоя в центре пентаграммы, Кристофер подумал о девушке, чья фотография украшала обложку «Эсквайра». Девушка, которой на самом деле нет. Истинная Любовь. Западня, галлюцинация. По щекам побежали слезы, и Крис раздраженно потряс головой. Ничего подобного, Истинная Любовь существует! Она

здесь, за порогом хранилища, в нескольких шагах. Ибо если ее не существует, за что тогда умерла Сири?

Он вышел из пентаграммы, приблизился, не поднимая головы, к двери хранилища, переступил порог. От спрятанных в стенных нишах ламп исходил неяркий свет.

Кристофер медленно поднял голову. Посмотрел на отделанную серебром и драгоценными камнями подставку и узрел Истинную Любовь.

То была громадная чаша, напоминавшая спортивный кубок. Полтора фута в высоту, на поверхности выгравировано изящными буквами с завитушками «Истинная Любовь». Чаша светилась собственным светом и слегка отливала медью.

Кристофер Кейпертон стоял опустив руки и боролся с желанием расхохотаться во весь голос. Он сознавал, что, если засмеется, остановиться уже не сможет, и те, кто придет утром за телом старика, обнаружат и его, смеющегося и плачущего одновременно.

Что ж, он преодолел множество препятствий, чтобы разыскать этот предмет, а потому заберет его. Кристофер приблизился, протянул руку к чаше — и только тут вспомнил о прощальном подарке демона.

Шургат не смог прикоснуться к Кристоферу Кейпертону, но все же добился, чего хотел.

Крис заглянул в чашу и увидел на поверхности бурлившей внутри серебристой жидкости лицо Истинной Любви. Сначала то было лицо его матери, потом, сменяя друг друга, промелькнули лица мисс О'Хары, бедной Джин Кеттнер, Бриони Кэтлинг, Хелен Гахаган, Марты Торен и той девушки, с которой он утратил невинность; дальше пошли все женщины, которых он когда-либо знал, и среди них Сири, затем появились лица жены и красотки с обложки «Эсквайра». Наконец возникло лицо непередаваемой красоты, возникло и осталось.

Это лицо было ему незнакомо.

Годы спустя, на пороге смерти, Кристофер Кейпертон записал в своем дневнике мысль, которая относилась к поискам Истинной Любви. Это была цитата из

японского поэта Танаки Кацуки: «Я знаю, что мой лучший друг появится после моей смерти и что моя возлюбленная умерла до того, как я родился».

В миг, когда Кристофер узрел лик Истинной Любви, он осознал все коварство демона, преподнесшего ему такой подарок. Достичь величайшей радости в жизни, понять, что вот оно, мгновение наивысшего блаженства, что ничего более радостного, более светлого уже не произойдет — и жить дальше, не стремясь больше к вершине, поскольку та покорена, а всего лишь потихоньку спускаясь по склону.

Благословение — и проклятие.

Кристофер постиг, что подобное с ним произошло отнюдь не случайно. До чего же мучительно, до чего же больно сознавать, что иной чести он попросту недостоин!

К сожалению, хорошо быть крепким задним умом.

Содержание

Харлан Эллисон.	
С добрым утром, Россия!	
<i>перевод Д. Смушковича</i>	5
Биография	14
Начало	
Светлячок,	
<i>перевод М. Звенигородской</i>	23
Спасблок,	
<i>перевод М. Звенигородской</i>	40
Только стоячие места,	
<i>перевод М. Гутова</i>	55
Солдат,	
<i>перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	68
Ночной дозор,	
<i>перевод Т. Гринько</i>	98
Бегство к звездам,	
<i>перевод И. Васильевой</i>	110
Мирры страха	
Пыльные глаза,	
<i>перевод В. Альтштейнера</i>	161
Боль одиночества,	
<i>перевод Н. Кормихина</i>	170
Молитва за того, кто не враг,	
<i>перевод Н. Кормихина</i>	190
На живописной трассе,	
<i>перевод М. Гутова</i>	210
Молчащий в Геенне,	
<i>перевод М. Гутова</i>	222

<i>Страх перед К, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	240
<i>Нокс, перевод М. Гутова</i>	253
<i>Доктор Д'Арк-Ангел ставит диагноз, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	270
Миря любви	
<i>Даже нечем подкрепиться, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	287
<i>В землях опустелых, перевод М. Левина</i>	304
<i>Время Глаза, перевод М. Левина</i>	310
<i>Холодный друг, перевод М. Гутова</i>	320
<i>Одинокие женщины как вместилище времени, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	336
<i>Гитлер рисовал розы, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	342
<i>Грааль, перевод Н. Кормихина</i>	355

МИРЫ ХАРЛАНА ЭЛЛИСОНА

Собрание фантастических произведений

Том первый

Составители *А. Новиков, Д. Смушкович*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфельде*

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Оформление шмидтитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 12.05.97. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 634.

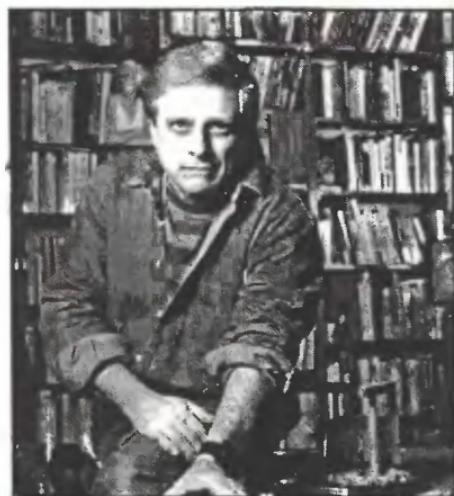
Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.



ХАРЛАН ЭЛЛИСОН



Его называют «Льюисом Кэрроллом двадцатого века». За сорок лет своей карьеры Харлан Эллисон собрал восемь с половиной «Хьюго», три «Небьюлы», пять премий имени Брэма Стокера (за лучшее произведение в жанре «хоррор»), включая награду «за вклад в развитие жанра», две премии имени Э. А. По (за лучший американский детектив), «Серебряное перо» журналистики от международного ПЕН-клуба и — единственный — четыре премии Гильдии писателей Америки за лучший сценарий года, не говоря уже о наградах помельче — больше, чем любой другой писатель.

Его имя стало синонимом не только грандиозного успеха, но и выдающегося литературного мастерства. А еще — сильной воли, твердого характера, необычайной требовательности к себе и другим, к слову и делу.

Невозможно перечислить все достижения писателя на его творческом пути. По мотивам его рассказов снимались такие фильмы, как знаменитый «Терминатор» и фантастический телесериал «Вавилон-5». Произведения Харлана Эллисона не раз включались в антологии лучших рассказов года. А по сборникам его эссе о телевидении обучаются студенты в сотнях университетов.

Теперь самый выдающийся из современных американских прозаиков, представляет свои произведения российскому читателю. Лучшие из 1700 рассказов, написанных им за долгие годы, включены в это собрание, одобренное автором лично. Специально для российских читателей Харлан Эллисон написал новые предисловия ко многим рассказам, вошедшим в золотой фонд мировой литературы.